

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Сборник научных статей

Выпуск 3

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2016

УДК 81'37:398.9=16

Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. статей. Вып. 3 / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 163 с.
ISBN 978-985-

В сборнике помещены статьи, посвященные анализу славянской фразеологии в сопоставительном, диахроническом, функциональном, этнолингвистическом и когнитивном аспектах. В ряде работ освещаются вопросы паремиологии, фразеологической сематики и отфразеологической деривации.

Адресуется специалистам в области славянской фразеологии, преподавателям и студентам-филологам.

Редколлегия:

В. И. Коваль (отв. ред.), И. Г. Гомонова, С. А. Егорова

Рецензенты:

доктор филологических наук В. С. Новак,
кандидат филологических наук П. Е. Ахраменко

ISBN 978-985-

© Учреждение образования «Гомельский
государственный университет
имени Франциска Скорины», 2016

Э. Н. Акимова, В. Л. Акимов

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ ГОВОРОВ МОРДОВИИ
(ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ)**

В статье изложен опыт работы по созданию электронного словаря диалектных фразеологизмов. Словарь является удобной системой хранения информации с широким спектром функциональных возможностей по обработке данных, формированию запросов на выборку и отчетов различного вида, реализации разнообразных статистических методов.

Диалектная фразеология в настоящее время исследуется в разных аспектах: изучаются особенности фразеологизации словосочетаний в говорах, вопросы фразеологической синонимии и вариантности, анализируются структурно-грамматические свойства фразеологизмов, определяется компонентный состав, рассматриваются вопросы фразеологической деривации и т. д. Опубликованные по диалектной фразеологии материалы показывают, что диалекты располагают значительными запасами фразеологических средств, обладающих характерными особенностями. Свидетельством этого является значительное количество публикаций, раскрывающих специфику диалектной фразеологии, созданы монографии, где в той или иной степени изучаются ее проблемы (А. И. Федоров, Л. Л. Ивашко, В. М. Мокиенко, И. Л. Подюков). Однако в данной отрасли языкознания еще много неразработанного и неисследованного. Теоретическому исследованию диалектной фразеологии препятствует недостаток фразеологического материала, его фрагментарность в областных словарях.

В 1970-е годы появилось несколько диалектных фразеологических словарей: «Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья» (1972), «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири» (1972), «Фразеологический словарь русских говоров Сибири» (1983). За последнее десятилетие к ним добавились «Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области» (1999–2004), «Словарь псковских пословиц и поговорок» (2001), «Фразеологический словарь пермских говоров» (2002), «Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов» (2004), «Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми» (2004), «Человек в русской диалектной фразеологии» (2004), «Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья» (2006), «Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры» (2008). В 2007 году вышел в свет «Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия», составленный Р. В. Семенковой.

Большинство вышедших в последние годы словарей демонстрирует новые подходы к лексикографической разработке фразеологического спектра русских народных говоров. Выражается это как в реализации идеи семантической подачи материала, так и в расширении объема словарной статьи и увеличении количества параметров, характеризующих диалектный фразеологизм.

В данной статье изложен опыт работы по созданию электронного словаря диалектных фразеологизмов.

На первом этапе картотека была пополнена новыми примерами, собранными в ходе научных экспедиций в различные населенные пункты Республики Мордовия с использованием метода непосредственного наблюдения, экспериментальных методик.

Расшифровка аудиоматериалов, содержащих записанные от носителей говоров оригинальные устные тексты, позволила осуществить достоверное описание диалектных фразеологических единиц и комплексно их проанализировать.

На современном этапе работы проводится идеографическая систематизация собранного материала; фразеологизмы, отражающие систему ценностей в представлении

диалектоносителей, распределяются по тематическим группам и описываются в лингвокультурологическом аспекте; прослеживаются закономерности мотивировки их внутренней формы; дается ареальная характеристика устойчивых сочетаний, сформировавшихся в условиях взаимодействия и взаимовлияния языков разных типов; анализируются фразеологические единицы, отражающие влияние лингвокультурных факторов иной языковой среды (финно-угорской, тюркской и др.).

Для удобства хранения и использования корпуса собранных фразеологизмов, создания различного рода выборок мы перевели созданную картотеку в электронный вид.

Следующим закономерным и логическим этапом является создание электронного словаря. Электронный словарь является одной из разновидностей автоматизированных информационно-справочных систем, созданной на основе какой-либо системы управления базой данных (СУБД). Использование современных СУБД позволяет создать удобную систему хранения информации с широким спектром функциональных возможностей по обработке информации, формированию запросов на выборку и отчетов различного вида, реализации разнообразных статистических методов.

Анализ предметной области, т. е. структуры и состава диалектного фразеологического словаря, показал, что базовой структурной единицей является словарная статья. При рассмотрении словарных статей было выявлено несколько вариантов их структуры, что объясняется различным статусом слов, составляющих фразеологизм. Только одно из них является основным или опорным, а остальные – второстепенными.

Статья, начинающаяся с опорного слова, имеет следующую структуру: опорное слово – фразеологизм – объяснение значения фразеологизма – пример с указанием географической пометы. Данная структура может иметь множество вариаций, так как фразеологизмов, относящихся к одному опорному слову, и примеров может быть несколько.

Статья, начинающаяся со второстепенного слова, имеет более простую структуру: слово – фразеологизм – ссылка на опорное слово. Кроме того, структура может быть смешанной, так как опорное слово одного фразеологизма может быть второстепенным для другого.

Такая структура данных относится к иерархическому типу и считается весьма неудобной для обработки. По этой причине была произведена декомпозиция полученной структуры словарных статей и построена схема данных, состоящая из пяти реляционных таблиц, связанных по ключевым полям с типом связей «один к одному» и «один ко многим».

Выделены следующие таблицы:

- таблица «Основа» содержит все опорные слова словаря;
- таблица «Фразеологизмы» содержит все фразеологизмы словаря с толкованием фразеологизма и ссылкой на опорное слово;
- таблица «Примеры фразеологизмов» содержит все примеры фразеологизмов по отдельности со ссылкой на фразеологизм и географическую помету;
- таблица «Географические пометы» содержит список всех географических помет словаря с указанием краткого и полного названия населенного пункта и района республики;
- таблица «Ссылки» содержит ссылки на опорные и второстепенные слова каждого фразеологизма.

Предлагаемая схема данных позволяет реализовать различные варианты структуры словарных статей, а также облегчить выборку информации по запросам и формирование различных отчетов.

Электронный словарь реализован на базе СУБД Microsoft Access. Для удобства работы со словарем создан набор форм, составляющий интуитивно понятный пользовательский интерфейс. Ввод информации может осуществляться вручную или через буфер обмена, если текст новой словарной статьи имеется в электронном виде. Часто повторяющаяся информация вводится через систему справочников.

Функциональные возможности электронного словаря могут быть расширены. Таблица «Географические пометы» может быть дополнена полем с указанием географических

координат населенного пункта. В этом случае для каждого примера или запроса будет выводиться не только текст, но и карта с указанием местоположения одного или нескольких населенных пунктов.

При наличии электронной картотеки возможно автоматическое формирование словарных статей и добавление их в уже существующий электронный словарь. Структура созданной базы данных позволяет создать электронную картотеку уже обработанных карточек в автоматическом режиме с помощью системы специальных запросов, реализуемых внутренними средствами СУБД Microsoft Access, что исключает повторный ввод информации. Таким образом, пополнение электронного словаря новыми словарными статьями может осуществляться после каждой диалектологической экспедиции, что существенно повышает его научную актуальность.

Тиражирование словаря может быть реализовано на любом электронном носителе или по электронной почте, что значительно уменьшает его стоимость, но при этом увеличивает его доступность в научном мире. При необходимости можно реализовать рассылку новых версий всем заинтересованным пользователям.

Итак, применение информационных технологий в гуманитарных науках открывает новые возможности создания полнофункциональных электронных словарей различной направленности, а развитие сети Интернет позволяет оперативно распространять их в научном сообществе.

Список использованных источников

1 Акимов, Э. Н. Электронный словарь диалектных фразеологизмов / Э. Н. Акимов, В. Л. Акимов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 6. Часть 2. – Н. Новгород : Изд-во НГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. – С. 29–32.

2 Акимов, Э. Н. Электронный словарь диалектных фразеологизмов как источник изучения картины мира в русских говорах Мордовии / Э. Н. Акимов, В. Л. Акимов, Т. И. Мочалова, А. Ю. Маслова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). – Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2014. – С. 272–274.

3 Акимов, Э. Н. Из опыта создания электронного словаря диалектных фразеологизмов / Э. Н. Акимов, В. Л. Акимов // Устойчивые фразы в парадигмах науки : Мат-лы Междунар. науч. конф. – Тула, 2015. – С. 465–469.

УДК 811.161.1'42:821.161.1-31*С.Т.Аксаков:398.92:811.111'25

Г. Т. Безкоровая

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПОВЕСТИ С. Т. АКСАКОВА «СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА» И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена особенностям перевода фразеологических единиц (ФЕ) в художественном тексте. В качестве материала исследования использована повесть С. Т. Аксакова «Семейная хроника», переведенная на английский язык Джеймсом Даффом. В тексте повести встречаются различные по происхождению, структуре, спаянности компонентов ФЕ, которые в английском переводе передаются эквивалентами, аналогами или описательно. Особую сложность представляют устаревшие, национально-специфические и индивидуально-авторские варианты ФЕ. Сложности передачи ФЕ в языке перевода связаны как с лингвокультурными, так и со стилистическими особенностями повести великого русского писателя.

Проблема функционирования фразеологических средств языка является одним из актуальных вопросов современной лингвистики. «Проблематика изучения фразеологии языка писателя включает выявление фразеологических особенностей текстов, рассмотрение функционального потенциала отдельных ФЕ, анализ фразеологических особенностей текстов с учетом жанрово-стилистической дифференциации, периода творчества» [1, с. 58]. Как объект перевода на иностранный язык фразеологизмы исследованы гораздо меньше, хотя такой анализ помогает лучше представить не только особенности идиостиля писателя, но и богатство, самобытность фразеологии русского языка. Особый интерес представляет определение способов передачи ФЕ, а также соотношение оригинального и привнесенного переводчиком в языке оригинала и перевода.

В данной работе исследованы примеры перевода ФЕ из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова на английский язык, перевод выполнен Джеймсом Даффом (1917).

Являясь отражением культурного своеобразия каждой нации, ее культурным кодом, фразеология представляет особую сложность для переводчика и требует учета особенностей языка оригинала. Вместе с тем «фразеология не представляет собой какой-то замкнутый код, а является частью словесности, связана с другими сторонами языка, например, с лексикой, грамматикой, стилистикой» [2, с. 80]. Особое значение имеет не только понимание связи с перечисленными отраслями словесности, но и проникновение в идиостиль писателя. Самобытный характер стиля С. Т. Аксакова известен, ведь исследователи справедливо констатируют, что «вся проза Аксакова имеет отчетливо выраженный национально-русский колорит, проявляющийся и в лексике, и во фразеологии, и в манере изображения человеческих характеров, и в своеобразии пейзажной живописи, и в благородной простоте повествования» [3, с. 63]. Опорой для переводчика служат фразеологические словари. В работе использованы данные аутентичных словарей (напр., Oxford Dictionary of English Idioms, Cambridge English Dictionary и др.) [4; 5], а также фундаментальный «Англо-русский фразеологический словарь» под редакцией А. В. Кунина [6].

Отметим, что, исходя из характеристики образа героя повести, Д. Дафф передает название как «A Russian gentleman» (букв. «Русский джентльмен»), что может быть оправдано стремлением вызвать интерес читателей-носителей английского языка. Анализ текста показал, что в тексте оригинала и перевода встречаются полные эквиваленты фразеологизмов: *за бесценок* – *for a mere song*; *всякая всячина* – *odds and ends*; *проливать горькие слезы* – *shed bitter tears*; *унести ноги* – *come off with a whole skin* и т. п. Зачастую переводчик находит эквивалентные ФЕ, такие как *боялись как огня* – *feared him like fire*; *день и ночь* – *from morning to night*.

Представим минимальные контексты, содержащие ФЕ: *При этом случае кстати объяснить, что древность дворянского происхождения была коньком моего дедушки, и хотя у него было сто восемьдесят душ крестьян, но, производя свой род, бог знает по каким документам, от какого-то варяжского князя, он ставил свое семисотлетнее дворянство выше всякого богатства и чинов* [7]. *This gives me an opportunity to explain that his pedigree was my grandfather's foible: he was moderately well-to-do, owning only 180 serfs, but his descent, which he traced back, by means of Heaven knows what documents, for six hundred years all the way to a Varyag prince called Shimon, he valued far more than any riches or office in the State* [8].

Когда русский фразеологизм не может быть переведен на английский язык, переводчик употребляет описательный перевод либо компенсирует использованием уместной идиомы в дальнейшем тексте. Основной задачей здесь является передача смысла, семантики, а не структурного или образного сходства ФЕ. Например: *<...> он рассудил, что не дело дурно, а способ его исполнения и что, поступая честно, можно купить обширную землю за сходную плату, что можно перевезть туда половину родовых своих крестьян и переехать самому с семейством, то есть достигнуть главной цели своего намерения* [7]. *<...> he considered that the harm lay, not in the business itself, but in the method of transacting it, and believed that it was possible to deal fairly and yet to buy a great stretch of land at a low price* [8].

Во многих примерах использованы фразеологические аналоги. Например: <...> *так и дело в шляпе: неоспоримое доказательство, что башкирцы были не строгие магометане и в старину* [7]. <...> *that even in old days the Bashkirs were not strict Mahometans the rest was as simple as A B C* [8].

Не хочу мешаться в эти поганые дела [7]. *I have no mind to soil my fingers with this dirty business* [8].

Вместе с тем некоторые ФЕ не обнаружены в тексте перевода: либо не переведены вообще, либо переданы другими способами (инверсия, повторы и т. п.).

С легкой руки Степана Михайловича переселение в Уфимский или Оренбургский край начало умножаться с каждым годом [7]. *When my grandfather had settled down at New Bagrovo, he set to work, with all his natural activity and energy, to grow corn and breed stock* [8].

«Хорош парень, ловок и смышлен, а сердце не лежит» [7]. *«The lad is all right: he is clever and sensible; but somehow I don't take to him»* [8].

Михайла Максимович имел удивительно крепкое сложение; он пил много, но никогда не напивался до положения риз <...> [7]. *Kurolyessoff had a very powerful constitution: though he drank a great deal, it never disabled him but only put him on the move* [8].

Многие ФЕ упущены в тексте перевода, что объясняется, в частности, народным, просторечным характером использованных Аксаковым фразеологизмов, а также изменением плана выражения ФЕ. Исследователи отмечают, что для языка С. Т. Аксакова характерно варьирование ФЕ (см. 9). Текст «Семейной хроники» содержит различные типы вариантов: *похлебав несолоно* (сравн.: *несолоно хлебавши*); *Пути провидения для нас непостижимы* (сравн.: *Пути господни неисповедимы*); *уголок обетованный* (сравн.: *земля обетованная*). В данном случае переводчик может выбрать свой путь: привести инвариант или же отнести ФЕ к безэквивалентным. При выборе первого пути язык оригинала меняется несущественно, однако читатель не видит авторской интенции. В этом случае, на наш взгляд, следует приводить метаязыковой комментарий (см. 10). В данном случае подобные примеры считаются безэквивалентными, поэтому переводчик находит другие возможности передачи их для восприятия читателями-англичанами.

«Семейная хроника» содержит различные типы ФЕ. Зачастую адекватный перевод оказывается невозможным. В этих случаях переводчик описательно передает смысл фразеологизма, что, к сожалению, обедняет стиль языка перевода, хотя позволяет читателю понять содержательную сторону, заложенную писателем.

Проведенное исследование еще раз подтверждает сложность передачи на язык перевода вариантов ФЕ, а также необходимость проникновения в идиостиль писателя для более адекватного перевода такого сложного уровня языка. Перевод ФЕ представляет большую сложность, поскольку «многие из них являются яркими, эмоционально насыщенными оборотами, принадлежащими к определенному речевому стилю и часто носящими ярко выраженный национальный характер» [11, с. 17].

Список использованных источников

1 Ломакина, О. В. Фразеология в языке Л. Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / О. В. Ломакина. – СПб., 2016. – 390 с.

2 Крупнов, В. Н. Лексикографические аспекты перевода / В. Н. Крупнов. – М. : Высшая школа, 1987. – 191 с.

3 Селитрина, Т. Л. С. Т. Аксаков – «Семейная хроника» («Русский джентльмен») / Т. Л. Селитрина // Аксаковский сборник. – Уфа, 1998. – Вып. 2. – С. 62–69.

4 Oxford Dictionary of English Idioms [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199543793.001.0001/acref-9780199543793>.

5 Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>.

- 6 Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.
- 7 Аксаков, С. Т. Семейная хроника [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruslit.traumlibrary.net/book/aksakov-ss05-01/aksakov-ss05-01.html>.
- 8 Aksakov, S. T. A Russian Gentleman [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/files/38781/38781-h/38781-h.htm>.
- 9 Чжу Сяодун. Фразеология в произведениях С. Т. Аксакова (Состав и употребление) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Чжу Сяодун. – Иваново, 2006. – 203 с.
- 10 Ломакина, О. В. Писательский метаязыковой комментарий и его роль в понимании текста (на примере произведений русской литературы XIX в.) / О. В. Ломакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – № 1.
- 11 Кунин, А. В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре / А. В. Кунин // Тетради переводчика. – 1964. – № 2. – С. 17–23.

УДК 81'373:398.9=16

А. С. Белая

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-ОНИМАМИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются вопросы функционирования фразеологических единиц (ФЕ) в восточнославянских языках, уделяется внимание описанию национальных компонентов-онимов, способствующих формированию различной стилистической окраски всего фразеологизма.

Развитие семантики фразеологизмов зависит от соотношения составляющих его компонентов, которые определяют семантические процессы внутри фразеологизмов. По мнению некоторых исследователей, компоненты подлинных фразеологизмов лишены семантической самостоятельности и, следовательно, не обладают лексическим значением вследствие своей деактуализации. Как отмечает В. П. Жуков, компонент в составе фразеологизма лишен основных признаков слова, он – деактуализованное слово, которое оформляется в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний и, следовательно, утрачивает предметную направленность [1, с. 6–7].

Своеобразно складываются отношения между компонентами ФЕ, если один из компонентов – собственное имя. Такое слово-имя, индивидуализируя какой-либо объект, в составе ФЕ служит и отражением категории предметности, как любое нарицательное имя в системе языка, так как основным семантическим признаком имени собственного является значение предметности. Имя собственное передает информацию во времени и представляется символом, отражающим некоторые признаки однородных предметов.

Цель нашей работы – показать, как функционируют в структуре фразеологизмов различные компоненты-онимы. Система личных имен данного языка или определенной области знаний рассматривается в разделе лексикологии – ономастике, представляющем собой описание богатой совокупности имен и названий, зафиксированных в языке. В любом языке система собственных имен складывалась и пополнялась путем перехода нарицательного имени в собственное или в процессе заимствования из других языков. Кроме того, могут быть искусственно созданные онимы, например, в составе ФЕ из литературных произведений. Среди онимов, которые встречаются в составе ФЕ, называют следующие: антропонимы (личные имена людей), топонимы (географические названия), зоонимы (имена и клички животных), фитонимы (наименования растений), теонимы (имена божеств),

хремотонимы (названия объектов материальной культуры), космонимы (собственные имена созвездий и зон космического пространства), мифонимы (названия из области античной мифологии), гидронимы (названия водных бассейнов) и другие. Структурным элементом фразеологических единиц в восточнославянских языках в большинстве случаев выступают антропонимы, в меньшей степени употребительны топонимы и другие онимы. Их соотношение в разных языках почти одинаково. Наличие различных онимов в структуре фразеологических единиц позволяет четко отразить национальное своеобразие речевой культуры данного общества. Ценность фразеологической системы близкородственных языков состоит в том, что в ней проявляется оригинальность ассоциаций и восприятий окружающего мира представителями разных национальностей, что формируется в различных общественных, исторических, географических и культурных условиях жизни. Фразеологизмы с компонентами-онимами составляют колоритный пласт в любом национальном языке, где такие компоненты репрезентируют собственные имена определенной общности людей, то есть антропонимы в составе ФЕ имеют символическое значение и всегда социально обусловлены.

Наиболее яркую и выразительную группу составляют фразеологические обороты с компонентом-именем собственным национального происхождения. Имя может придать всему фразеологизму эмоционально-экспрессивную окраску, может служить различительным знаком, называя человека или его чувства, эмоциональное состояние, характеризуя его поступки: *по Сеньке шапка, по Ерёме и колтак* (каждому честь по заслуге); иногда одно и то же имя может выступать в составе ФЕ, передающего отрицательную характеристику человека: *не по Сеньке шапка; не по Савці свитка*. В русских и украинских фразеологических оборотах распространенными являются сходные мужские и женские имена: *Савва, Марко, Макар, Иван, Гаврило, Емеля, Сенька, Пилип, Филя, Ганна, Гапка, Маруся...* Популярны славянские имена ассоциируются с определенными особенностями характера представителей восточнославянских национальностей. Можно отметить положительные, отрицательные, ироничные и почти всегда доброжелательные характеристики человека: *был Савва, была и слава; не для Гриця паляниця; мели Емеля, твоя неделя; мели, Иване, доки вітру стане; ніби Марко (Хома) з пасльону вискочив; вискочив як Пилип з конопель; допався як Мартин дурний до мила; як на маленького Юрія (тобто ніколи); на бідного Макара всі шишки летять; бідному Савці нема долі ні на печі, ні на лавці; голодній Гапці хліб на гадці; голодной куме хлеб на уме; за царя Панька (Тимка) як була земля тонка; за царя Хмеля, як було людей жменя; за царя Гороха, як людей було трохи; при царе Горохе ... на безлюдді й Хома чоловік; на безлюдье и Фома дворянин; кожна Ганна по своєму гарна; кожний Івась має свій смак; каждый молодец на свой образец; язиката Феська і будинок рознесе; у всякої Домашки свої замашки.*

Ко многим фразеологическим оборотам все словари приводят синонимичные выражения, что свидетельствует о богатстве, выразительности и национальном своеобразии восточнославянских языков. Так, фразеологизму, употребляющемуся в русском языке, могут соответствовать несколько украинских фразеологизмов и наоборот: *на вкус и цвет товарища нет – кожний Івась має свій лас; на любов і смак товариш не всяк; если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе – не прийшла гора до Магомета, то прийшов Магомет до гори; не ясла до коней ходять, а коні до ясел; як захоче коза сіна, то до воза прийде; на маленького Юрія (тобто ніколи); як рак свисне; як виросте гарбуз на вербі; як бабак свисне – как рак свистнет; когда груши вырастут на вербе.*

В русской и украинской фразеологии немало фразем с компонентами-антропонимами интернационального характера. Это в основном собственные имена из текстов библейских легенд и античных мифов. В библейских фразеологизмах компонентами-антропонимами выступают имена богов и мифических героев (*Адам, Ева, Ирод, Иуда, Ной, Каин, Соломон* и другие): *в костюме Адама; в костюме Евы; ящик Пандоры; Геркулес на распутье; начинать от Адама; Адамовы лета с начала света; по бороде Авраам, по делам Хам.* Одни

из таких изречений известны большинству носителей языка, другие же встречаются в литературных текстах и фиксируются не всеми словарями. Например, «Фразеологічний словник української мови». 1–2 книги. – К., 1999 приводит фразеологизм *як з рога Амальтеї* (або *Амальфеї*) – в значении ‘як з рогу достатку’, в русском – *как из рога изобилия*. В энциклопедических словарях (в русском и украинском) находим пояснение: Амальтея (Амалтея) – спутник планеты Юпитер. Возможно, название спутника ассоциируется с рогом мифической козы Амалтеи. В греческой мифологии Амалтея (Амалфея) – это коза (вариант: нимфа, т. е. божество), вскормившая своим молоком Зевса на Крите, где его мать Рея укрывала сына от Крона [3, с. 16]. Однажды Амалтея сломала рог. Нимфа, одна из воспитательниц Зевса, наполнила рог плодами и подала ему. Зевс подарил рог нимфам и сказал, что из него будет появляться всё, что они пожелают [4, с. 241]. Отсюда в языке закрепились выражения *рог изобилия*, *рог Фортуны* (Фортуна – богиня счастья, удачи).

Фразеологические единицы с библейскими именами и мифонимами составляют немалый пласт во многих языках, отражающий всесторонние духовные проявления славянских народов. Среди многочисленных собственных имен, выступающих компонентами фразеологических единиц, в особую группу можно выделить те, в составе которых есть топонимы, именующие категорию различных географических объектов (названия стран, городов и других поселений, континентов, водных бассейнов – морей, рек, океанов и т. д.). Все эти наименования представляют определенные ономастические поля, в них можно выделить тематические группы, объединенные общей семантикой:

1) ойконимы – названия населенных пунктов (среди них возможна дальнейшая дифференциация: астионимы – названия городов, урбанонимы – названия улиц);

2) гидронимы – названия водных бассейнов (и здесь возможна дифференциация).

Мир, в окружении которого живет человек, находит отражение в различных наименованиях, составляющих богатый лексический и фразеологический фонд языка. Все названия такого типа связаны с географией и историей каждой страны, с их культурой и традициями, с разными сферами деятельности человека. В восточнославянских языках фразеологические единицы с компонентом-топонимом имеют много общих черт в структуре и семантике. Так, в их составе есть наименования населенных пунктов и гидронимов, характерных для мест проживания данного народа: *було діло під Полтавою; язык до Києва доведе; у Хоролі всього доволі; був у Римі, та й папи не бачив; від Києва до Кракова всюди біда однакова; пройшов Крим і Рим і мідні труби; відкривати Америку; усі дороги ведуть у Рим; Львов не всякому – здоров; родная сторона краше Москви; Москва слезам не верит; в Тулу ехать со своим самоваром; на Колыме тысяча вёрст не расстояние.*

В каждой фразеологической единице заключена интересная информация разного характера – культурного, исторического, бытового. Большой интерес представляют общеизвестные фразеологизмы, а также их трансформированные варианты в славянских языках. Историко-этимологическая интерпретация фразеологизмов – это одна из интересных и неисчерпаемых сторон в исследовании богатого фразеологического фонда славянских языков, представляющего своеобразную материальную и духовную культуру славянских этносов.

Список использованных источников

1 Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – М. : Просвещение, 1978. – 160 с.

2 Ужченко, В. Д. Українська фразеологія / В. Д. Ужченко, Л. Г. Авксентьев. – Харків. : Основа, 1990. – 167 с.

3 Мифологический словарь / Составители М. Н. Ботвинник, М. А. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий. – Л., 1964. – 292 с.

4 Коваль, А. П. Крилаті вислови в українській літературній мові / А. П. Коваль, В. В. Коптилов. – Київ, 1975. – 235 с.

- 5 Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / Укладачі: І. С. Олійник, М. М. Сидоренко. – Київ, 1978. – 446 с.
- 6 Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У двух тамах / І. Я. Лепешаў. – Мінск, 1993. – 1 т. – 590 с., 2 т. – 607 с.
- 7 Фразеологический словарь русского языка / под редакцией А. И. Молоткова. – М., 1967. – 543 с.

УДК 821.161.2:82-31:[81364:398.9]

В. М. Бережняк

СЕМАНТИКО-ЕТИМОЛОГІЧНІ СПОСТЕРЕЖЕННЯ НАД УКРАЇНСЬКИМИ ФРАЗЕОЛОГІЗМАМИ З ПАСИВНИМ КОМПОНЕНТОМ

Стаття посвящена рассмотрению семантической группы фразеологизмов с компонентом брати в украинском языке, большая часть которых выполняет не только номинативную, но и экспрессивную функцию. Рассматриваются версии происхождения некоторых фразеологизмов этого типа, включающих в свой состав устаревшие компоненты.

Одиницями фразеологічного рівня мови є фразеологізми, різні за часом виникнення та походження. Їх особливість у тому, що вони, як ніякі інші мовні одиниці, схильні до оригінальності, унікальності своєї форми [1, с. 21]. Спостереження показують, що до складу фразеологізмів входять лексичні компоненти різної якості. Мова йде про: 1) узуальне використання (уживання стійкого звороту в традиційній формі та значенні, яке фіксується у фразеологічних словниках, тобто вся сукупність уявлень, які складають зміст слова), 2) оказіональне використання (цілеспрямована зміна, трансформація структури, семантики або форми фразеологічної одиниці (ФО), ті уявлення, які мовець вкладає в це слово у момент мовлення) [2, с. 163]. Вибірка ФО проводилася із Фразеологічного словника української мови у двох томах [уклад. В. М. Білоноженко та ін.] (К., 1999) і буде презентувати узуальне використання фразеологізмів. Мета статті – виявити ФО з пасивним компонентом, провести семантико-етимологічні їх дослідження.

Теоретичні аспекти узуальних фразеологізмів ґрунтовно розглянуті в працях В. Білоноженко, Л. Скрипник, Г. Удовиченка, В. Ужченка, М. Шанського та ін. Наше завдання – провести етимологічні спостереження над фразеологізмами, у складі яких є компонент *брати*, виявити зв'язок між значенням ФО в цілому та пасивним компонентом.

Стійкі словесні комплекси з компонентом *брати (взяти)* в запропонованому словнику нараховують 101 одиницю. Оскільки предметом дослідження є ФО, у складі яких пасивний компонент, розглядаються так звані внутрішньофразеологічні відповідники, які спеціально створюються для обслуговування фразеологізмів: *брати в шори, брати на кпини, брати на цугундер, брати за карк, брати за барки, брати на арапа, взяти в штос, взяти на бас*. Варіанти значень, зумовлені активним уживанням дієслова *брати*, презентують конотацію емоційно-образних елементів, які або затрималися в семантичній структурі дієслова, або набувають нових відтінків.

Семантика та етимологія пасивного компонента розглядається за Сучасним тлумачним словником української мови [Гол. ред. В. В. Дубічинський] (Харків, 2008 р.) та Етимологічним словником російської мови Макса Фасмера (Москва, 1964).

Семантика фразеологізмів із пасивним компонентом з часом може зазнати змін унаслідок розширення чи зміни лексичної сполучуваності ФО або модифікацій компонентної структури.

Дієслово *брати* характеризується досить розвиненою змістовою структурою. Прямим речовим значенням є 'брати, набирати' [3, I, с. 93]. Старослов'янське *берѣ, бѣрати* споріднене з давньоіндійським *bharati, bibharti* 'несе, приносить, веде, віднімає' [6, I, с. 159]. Воно має могутній потенціал, семантичну конкретику. З часом лексема почала набувати нових значень, які презентовані в тлумачних та інших лексикографічних виданнях. Словарь української мови Б. Грінченка подає 28 значень слова *брати*. Пояснюється це значними потребами цього дієслова, яке є джерелом створення конотативно-образних варіантів, що виникли в результаті діяльності людини і виявили себе в оточуючому середовищі або в мовній сфері. Такі варіанти або затримувалися в семантичній структурі дієслова, або продовжували розвиватися, перетворюючись у якісно нові за функцією компоненти, які редукували його речове значення й переводили в інший статус [4, с. 47].

У словниковій статті Б. Грінченка до дієслова *брати*, крім основного, подає ще інші, більш раннього періоду та свіжіші значення. До більш ранніх належать *брати* 'рвати, сіпати', напр.: брати льон, брати зуби; *брати* 'женитися' напр.: брати за жінку; *брати баса* 'співати басом'; *брати город* 'завойовувати'; *брати дитину* 'приймати пологи'; *брати очі* 'привертати увагу, притягувати'; *брати завичку* 'набувати певної звички'; *брати вліво* 'повертати ліворуч'; *брати мірку* 'знімати мірку'; *брати на муки* 'брати на допит' та ін. [3, I, с. 93].

У процесі історичного розвитку лексема *брати* набула таких нових значень: *брати* 'щось схоплювати руками чи яким-небудь інструментом'; *брати* 'збирати ягоди, гриби'; *брати* 'мати домовленість на плату за виконану роботу', напр.: брати плату за перевіз; *брати* 'одержувати щось у тимчасове використання, позичати'; *брати* 'піддавати арешту, позбавляти волі'; *брати* 'примушувати платити' (сучасне значення – брати хабара) [5, с. 68]. Борис Грінченко подає ще сполучення *брати шлюб* 'одружуватися', *брати уроки* 'вчитися', *дрижаки беруть* 'холодно' [3, I, с. 94].

Для детального розгляду пропонуються деякі стійкі звороти, у складі яких є компонент *брати*. Пасивний компонент означає одиницю, яка ніколи не використовувалася в ролі слова вільного вживання. Внутрішня мотивація компонента відіграє важливу роль у формуванні образної основи всього фразеологізма та становленні його значення. Фразеологізм *брати/взяти за карк* 'ставити кого-небудь у скрутне, безвихідне становище, утискувати когось' [7, с.50] має пасивний компонент *карк*. Сучасний тлумачний словник української мови називає два значення цієї лексеми: 1) задня частина шиї з верхньою частиною хребта; зашийок; 2) те саме, що шия, напр.: *Тепер візьмем їх за карк та й трясемо, щоб злодійське тіло вилізло з шкіри...* (Стельмах) [8, с. 325]. Тлумачення фразеологізма більше підказує прикметник *каркломний* 'небезпечний', адже шия є дуже важливою частиною тіла людини чи будь-якої істоти. У фразеологізмі *брати/взяти/вхопити за барки* компонент *барки* може замінюватися складником *за чуби, за петельки*. Якщо два останніх є активно вживаними, то перший компонент викликає зацікавлення в дослідників. *Барки* у складі фразеологізма – 1) хапати за одяг на грудях під час бійки, сварки; 2) змушувати когось щось робити, наполегливо чогось домагатися [8, с. 49]. Наприклад: *Іван Антонович іншим разом нізащо не поступився б своїм мінометником. Він був би готовий взятися з комбатом за барки, доводячи, що мінометники дефіцитні і місце Шовкуна біля "самовара"* (Гончар) [7, с.58].

Борис Грінченко подає ще одне значення слова *барки* (плечі) [3, I, с. 30]. Найвірогідніше значення ФО впливло із пояснення процесу бійки, коли частіше хапаються не за самі плечі чи груди, а й за будь-який одяг на них. Менш переконливою є думка пов'язувати лексему із запозиченим англійським словом *bara*, що означає 'великий парусний корабель' [6, I, с. 127]. Зважаючи на специфіку комунікативної поведінки українців, барками називали бідняцький одяг, за який і брали під час бійки.

Помітну групу складають стійкі словесні комплекси з пасивним компонентом, ужитим у незвичайному фразеологічному контексті, й викликають нетрадиційні для цих слів

асоціації. Наприклад, ФО *брати/взяти на цугундер* має два значення: 1) притягати до відповідальності кого-небудь або розправлятися з кимось, напр.: *Волосна рада брала винуватців на цугундер...* (Ковінька); 2) притискати, притіснити, ставити в скрутне становище кого-небудь; напр.: *Пани іменем Ісуса Христа взяли тружених і обременених на цугундер і тягнуть з них жили* (Бурлака) [7, с. 52]. Учені пояснюють зв'язок лексеми цугундер із німецьким *zu Hunder* (до собак), хоча ця та інші етимології є суперечливими [6, IV, с. 304]. У фразеологічному сполученні *взятися фертом* 'приймати позу самовдоволеного, виявляючи пиху, зазнайство', напр.: *Став я хвертом, в боки взявся. І до неї обізався* (Глібов) [7, с. 58], пасивний компонент *ферт* асоціюється зі старою назвою літери **ф** (обома руками в боки). М. Фасмер в Етимологічному словнику російської мови указує на інше значення лексеми: франт, щиголь [6, IV, с. 190].

Семантичний аналіз фразеологізмів передбачає вивчення значень стійких сполучень, трансформацію внутрішньої будови. Характер такої трансформації ФО залежить від того, чи зазнає фразеологізм зміни, чи внутрішня форма залишається у первинному вигляді.

Фразеологізм *брати/взяти в штос* зазнав зовнішньої трансформації, оскільки спочатку виглядів так: *брати в шори*. Синонімічною є ФО *брати в стоси*. Внутрішня форма цих сполучень не змінилася: 1) підкоряти кого-небудь своїй волі; 2) ляяти, сварити кого-небудь за щось; 3) обмежувати чий-небудь дії, примушувати дотримуватися норм моралі, звичаїв, законів [7, с. 49]. Фразеологічною сполукою з пасивним компонентом є *брати в штос*. Штос (нім. Stoss) 'назва азартної гри' [6, IV, с. 479]. Напр.: *Василь Іванович попросився тиждень обмислити, Павлов мовчки хитнув головою, – “думай, думай, там тебе одразу в штос візьмуть!”* (Яновський) [7, с. 49]. Кожна азартна гра вимагає дотримання законів. Такої ж трансформації зазнав і фразеологізм *брати на кпини* (синонім *брати на глум, брати на баса*) 'насміхатися, глузувати' [7, с. 51]. Пасивний компонент *кпини* 'кепкування, глузування' [8, с. 358]; фразеологічна одиниця з цим компонентом (як і *брати на баса*) утворилася метонімічним шляхом.

Більша частина фразеологічних висловлювань виконує не стільки власне номінативну, а й експресивно-оцінну функцію. Наші спостереження показують, що характер оцінювання, яке виражає фразеологічний зворот, залежить від семантики компонентів. Часто таку оцінку дає якраз пасивний компонент. Напр.: *брати на арапа* 'обмежуючи, хитруючи, діючи нечесно домагатися чого-небудь'; напр.: *Досвідчених людей на арапа не візьмеш* [7, с. 51]. Пасивний компонент може вживатися зі словами *робити, діяти* й показувати зневажливе значення: 1) нахабно, безцеремонно; напр.: *Бюрократи діють на арапа*; 2) абияк, без належної підготовки; напр.: *Ні, товариші, на арапа ми нічого не звикли ні робити, ні радити* (Добровольський) [7, с. 15]. Етимологічний словник російської мови М. Фасмера подає значення слова арап 'негр', яке запозичене з тюрських мов: агар'араб' [6, I, с. 83]. Цей компонент виконує експресивно-оцінну функцію.

Отже, серед численної кількості фразеологізмів є ряд таких, що мають у своєму складі рідко вживаний компонент або можливий тільки в складі стійкого сполучення. Виникнення ФО із пасивним компонентом не передбачає процесу номінації. Такий компонент надає фразеологізму конотаційного відтінку або презентує особливості національного менталітету. І хоча іноді складно пов'язати етимологію пасивного компонента зі змістом фразеологізму, його вживання у складі ФО мотивується.

Список використаних джерел

1 Данілович, М. А. Унікальнась аказіянальных кампанентаў фразеалагізмаў / М. А. Данілович // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. Вып.2. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 21–23.

2 Бережняк, В. М. Індивідуально-авторська трансформація фразеологічних одиниць в українському химерному романі / В. М. Бережняк // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – С. 163–166.

3 Словарь української мови. В чотирьох томах. Т. 1 [упоряд. Борис Грінченко]. – Київ : Наукова думка, 1996. – 494 с.

4 Сидорец, В. С. О функциональной значимости семантических вариантов глагола *нести* / В. С. Сидорец // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. Вып. 2. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 47–50.

5 Універсальний словник української лексики. Синоніми, антоніми, омоніми [уклад. Л. І. Нечволод, В. І. Бездітко, В. В. Таращич]. – Харків : Торсінг плюс, 2011. – 768 с.

6 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. О. Н. Трубачева / М. Фасмер [Под ред. Б. А. Ларина]. Т. 1–4. – М. : Прогресс, 1964–1973.

7 Фразеологічний словник укр. мови [уклад. В. М. Білоноженко, В. О. Винник, І. С. Гнатюк, В. Й. Горобець]. – Київ : Наук.думка, 1999. – 980 с.

8 Сучасний тлумачний словник української мови / За заг. ред. В. В. Дубічинського. – Харків: ВД «Школа», 2008. – 832 с.

УДК811.161.1'373.233:398.91:811.161.3'373.233

С. Н. Бойкова

РУССКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ПАРЕМИИ С ТЕРМИНАМИ НЕКРОВНОГО РОДСТВА

В статье описывается сложный комплекс взаимоотношений некровных родственников, отраженный в русских и белорусских поговорках; дается толкование терминов некровного родства, представленных в паремиологических единицах; указывается на общность и различия в поведенческом отношении некровных родственников в кругу семьи.

Лексика и терминология родства в славянских языках принадлежат к древнейшему общеславянскому (а ядро – к индоевропейскому) фонду и демонстрируют не только сложность и разветвленность традиционной системы родственных отношений (степень сложности различна в разных традициях), но и характерные для славян способы их осмысления [1].

Отношения родства могут иметь в славянских языках также много других (непрямых, метонимических и метафорических) обозначений, из которых самыми регулярными являются *соматизмы* (лексика частей тела и телесных субстанций) и *фитонимы* (названия растений). Связь понятий родства с этими двумя лексическими сферами неслучайна, она отражает в первом случае антропоцентризм традиционной картины мира, выражающей социальные понятия на языке человеческого тела; во втором – «биологизм», обращение к растительному (вегетативному) коду для обозначения социальных отношений.

К наиболее универсальным относится обозначение родства посредством слова *кровь*: рус. *кровное родство*, *кровный родственник*, *кровь от крови* 'родное дитя', *единокровный*, *кровь* 'род, племя, поколение'; бел. *кроў* 'кровное родство', *крэўні* 'родственники', пол. *krewny* 'родственник', серб. *мушка крв*, *дебела крв* 'родство по отцу', *женска крв*, *танка крв* 'родство по матери', *девета крв* 'дальнее родство', *туђа крв* 'чужой, не родной' и т. д. Исконно *кровь* соотносилась лишь с родством по отцовской линии, сравн. рус. *единокровный* (о детях, имеющих общего отца) и *единоутробный* (о детях, имеющих общую мать), серб. *род по крви и по млеку* 'родство по отцу и по матери'.

Общее значение родства могут иметь также слова *кость* (рус. *кость от кости*, *кость от костей* 'о кровном родстве', др.-рус. *кость* 'род, племя', серб. *кост* 'порода, потомство', *туђа кост* 'лицо, не связанное кровным родством', пол. *z krwi i kości* 'исконный, родной' и т. п.); *колени* (ст.-слав. *колѣно* 'племя, поколение', рус. *колени* 'степень родства': диал.

первое колено ‘ближайшие родственники’, *второе, третье колено* ‘двоюродные и более дальние’, серб. *мушко колено* ‘мужская линия родства’, *женско колено* ‘женская линия родства’); *семья* (рус. *семья* ‘потомство’; серб. *семе* ‘потомство, род’); *плоть* (др.-рус. *плѣть* ‘род, родство, потомство’, серб. *син по пути* ‘сын по плоти, родной сын’); *сердце* (серб. *срце* ‘потомство, дети’, *деца од срца* ‘родные дети’, *без срца* ‘о бездетной матери’), *жила* (рус. диал. каргопол. *жила* ‘семья, род’; серб. *жила* ‘происхождение, род’, макед. диал. *ена жила сне* ‘мы одной жилы, т. е. родные’), *реже мясо, пуп, чрево* (рус. диал. *черёво*, серб. *трбух, трбук* ‘потомство’) [2, с. 7–11].

Большое количество компонентов-названий родственников в русском и белорусском языках связано с более детализированной номинацией семейно-родственных отношений в этих языках. Это позволяет предположить, что близкие и дальние родственные связи имеют для русских и белорусов большое значение.

После заключения брака и венчания молодые получали новый статус *зятя* и *невестки* (*снохи*). Теперь ближней родней становятся родители супругов. Раньше муж и жена называли родителей своих супругов *матушкой* и *батюшкой*, признавая, что входят в новую семью на правах ребенка: рус. *Одно дитя роженое (дочь), другое суженое (зять)* [3]; бел. *Адно дзіця радзона, а другое судзона* [4]. В новой семье у молодых появлялись новые родственники – *свёкор, свекровь, тесть, тёща*, а также *золовка, деверь*. Отношения с родней у молодых были неоднозначными.

В русском и белорусском языках лексема *невестка (сноха) / нявестка* имеет следующее значение: ‘1. Женщина по отношению к отцу и матери ее мужа. 2. Жена брата или жена сына, а также замужняя женщина по отношению к братьям и сестрам ее мужа (и их женам и мужьям)’ [5, с. 737; 6, с. 319].

Для номинации невестки (*снохи*) в русских и белорусских паремиях используются лексемы рус. *невестка, невестушка, сношенка*, бел. *нявестка, нявехна*. Жизнь невестки в доме родителей мужа – тяжкая доля. С женитьбой сына семья получала молодую работницу, к которой могли относиться несправедливо [7, с. 12–15]: рус. *Все в семье спят, а невестке молоть велят; Невестушка, полно молоть! Отдохни, потолки (говорит свекровь); Пусть невестка и дура, только бы огонь пораньше дула*; бел. *Не пытай, ці галоўка гладка, да пытай, ці мяцёна хатка*. В белорусском паремийнике также отмечено негативное отношение к нерадивым невесткам: *Дзе нявесткі ў хаце тры, там няма вады ў вядры; Сем лет нявестка ў хаце была, а не ведала, што сучка без хваста*. Белорусские паремии характеризуют невестку как неродную кровь для новой семьи: бел. *Кукушка – не птушка, нявестка – не дачушка; Нявестка не дачушка – сяннік не падушка*. Присутствие невестки в доме настраивает на отрицательное к ней отношение: бел. *Хоця няма нявесткі, але яе андарак вісіць; На дачку крычу, а нявехна дола дайся; Нявестка порсткая, як сена жорсткае*.

Лексемы *свёкор / свёкар, свекровь / свякруха* по данным словарей в русском и белорусском языках имеют следующее значение: рус. *свёкор*, бел. *свёкар* ‘отец мужа’ [5, с. 699; 8, с. 90]; рус. *свекровь*, бел. *свяхруха* ‘мать мужа’ [5, с. 699; 8, с. 97].

Для обозначения отца мужа в паремиях используются лексемы рус. *свёкр, свёкор*, бел. *свяхор*, а матери – рус. *свекровь, свекровушка*, бел. *свяхроў, свяхруха*. Свекровь с предубеждением относится к молодой невестке. В некоторых случаях и свёкор не очень милует невестку. На этот счет существует большое количество народных изречений: рус. *В лихом свёкре правды нет; Журлива, что свекровь; Свёкор – гроза, а свекровь выест глаза; Свекровь на печи, что собака на цепи; У лихой свекрови и сзади глаза; Блудливая свекровь и невестке не верит*; бел. *Кошку б’юць, а нявестцы наветкі даюць; Свяхроў любіць нявестку, як сабакі дзеда; Агонь з вадою ў адной хаце не жывець; Помніць свяхруха свае маладыя гады і нявестцы не верыць*. Белорусские паремии дают описание сложного нрава свекрови: бел. *Свяхруха добра не бывае, усё ліхая ды ліхая; Свяхроў – пся кроў; У каго свяхроў дурная, то й дамоў не ахваціцца*, а также рассматривается зависимость хороших отношений с невесткой от самой свекрови: бел. *Як добра свяхроў, то добра і нявестка*. Невестка могла стать

любимицей свёкра и получать от него особые знаки внимания. Тогда говорили так: рус. *Сношенка у свёкра – госпоженка*; бел. *Свякор нявестку навучаець, да ў лоб векам лучаець*. С этим также связано и название свёкра (*сношник*), который вступал в интимные отношения со снохой: *Смалчивай, невестка, – сарафан куплю* (говор. *сношник*).

Пожалуй, самыми сложными и разнообразными в семье являются отношения зятя и тещи. В русском и белорусском языках лексема рус. *зять*, бел. *зяць* по данным словарей определяется как ‘муж дочери’ [5 Ожегов, с. 238; 9, с. 524]. В паремиях обозначение мужа дочери реализуется следующими номинациями: рус. *зять*, *зятёк*, бел. *зяць*.

Лексемы *тесть / цесць*, *тёща / цешча* в рассматриваемых языках имеют следующее значение: рус. *тесть*, бел. *цесць* ‘отец жены’ [5, с. 795; 10, с. 241]; рус. *тёща*, бел. *цешча* ‘мать жены’ [5, с. 796; 10, с. 242]. В исследуемых паремиях встречаются следующие обозначения тестя: рус. *тесть*, бел. *цесць*; тещи: рус. *тёща*, бел. *цешча*, *цёшча*.

Если зять приходился ко двору, то его принимали как родного сына: рус. *Чуж-чуженин, а стал семьянин (зять)*; *Для зятя и дверь пола (настежь)*; *Зять на двор – пирог на стол*; *Пожалуйста, зятек, съешь пирожок!*; бел. *Зяць на двор, то й чарка на стол*. Умные родители зятя не обижали, старались при встречах угостить его как следует: рус. *У тёщи-света для зятя приспето*; *Зять да сват у тёщи – первые гости*; *У тёщи для зятя и ступа доит (т.е. доится)*; бел. *Зяць на парог – цёшча за яешню*; *Цешча жыва, калі трапіў на абед*.

Существовали свадебные шутки по поводу того, что зять много потребляет еды: рус. *Думала теща, пятерым не съесть; а зять-то сел, да за присест и съел*; *Наливай на гуцу, зять будет (говорит тесть)*; *Ныне зять подмаз съел, а завтра и всю сковороду*; *Не жалеи тещина добра – колупай масло шилом!*; бел. *Зяць усе пажрэ: яйца зварыць і юшку пажлукціць*. Грозного и буйного зятя родители жены побаивались: с ним не ужиться, а в ссоре может и побить стариков. Видно, были причины недолюбливать зятя: несладко приходилось дочке в семье мужа, вот и приходилось учить молодца уму-разуму [7, с. 16–17]: рус. *С сыном бранись, на печь ложись; с зятем бранись, за скобу берись (т. е. уходи; о тесте)*; бел. *З зяцем дзярыся – за клямку бярыся, з сынам дзярыся – на печку грабіся; З зяцем сварыся і за дзверы бярыся*. Определённое количество паремий демонстрирует отрицательное отношение к зятю, так как у русских и белорусов дочерей родители опекают и после замужества. Часто тесть с тещей оказывают материальную помощь семье замужней дочери, а отсюда и негативное отношение к зятю, который не способен материально обеспечить семью: рус. *На зятьёв не напасеешь, что на яму*; *У наших зятей много затей*; *Не зять бы был, не чертом бы (не собакой) слыл*; *Тесть, как ни вертись, а за зятька поплатись!*; *Бедному зятю и тесть не рад*; бел. *Дзе зяць пагань, там цешчу запрагаюць у сані*; *Зяць любіць цешчу багатую, а жонку здаровую*; *Залаты зяць, ды няма дзе залатое лыжкі ўзяць*; *Зяць – толькі ўзяць*. О том, что зять пользуется гостеприимством тестя и тещи, свидетельствуют следующие выражения: рус. *Не зять бы был, кабы на сырной тёщу не навестил*; *Зять на двор – пирог на стол*; бел. *Зяць на двор – цешча за яйцы*; *Жонка любя для свету, а цешча – для заезду*. Лишь в незначительном количестве паремий выражается позитивное отношение к зятю: рус. *Зять по дочке помилеет, а сын по невестке опостылеет*; бел. *Як зяць пры дачцэ, то матцы сто рублёў у руцэ*. Негативное отношение к родителям жены со стороны ее мужа также отмечено в паремиях обоих языков: рус. *Был у тёщи, да рад утёкши*; бел. *Быў у цёшчы, рад уцекшы*; *Як цёшчы зяць укроіць хлеба, то кажэ: на, хутчэй, бо пераломіцца; а як жонцы: на, бо рука замлела*.

Особое место занимают паремии о зяте-примаке, когда он поселяется в доме тестя, так как двое мужчин начинают претендовать на главенство в семье: рус. *На хлеб едока, на печь лежня, а на себя нарядчика (о зяте)*; *Бери зятя в дом, носи бога вон!*; *Зять в дом – и иконы вон*; *Тесть за зятя давал рубль, а после давал и полтора, чтоб свели со двора*; *Прими зятя в дом, а сам убирайся вон!*; *Нет черта в доме – прими зятя!*; бел. *Гдзе проста, там анёлаў со ста, а гдзе многа зяцей, там сто чарцей*; *Пусці зяця, калі няма чорта ў хаце*; *Аднаго Юрку ўпусцілі, а ўся хата занурылася*. Белорусские паремии описывают непростое

положение мужа-примака, живущего на территории жены. Он расценивается как рабочая сила в доме, не имеющая мужского слова: бел. *Прымачы хлеб – сабачы (Доля прымацкая – сабацкая); Хто ў прымаках не бывае, той і гора не знае; Прымак – той жа парабак; Прымачку і торбачка на кручку; Прымак пятнаццаць гадоў цёшчынага ката на «вы» заве.*

В круг новых родственников после заключения брака молодыми попадают также *деверь* и *золовка*. Лексема рус. *деверь*, бел. *дзевер* в русском и белорусском языках объясняется следующим образом: 'брат мужа' [5, с. 159; 9, с. 164]. В данном значении в пословицах и поговорках используются слова рус. *деверь*, бел. *дзевер*.

Слово *золовка* / *залоўка* в русском и белорусском языках имеет значение 'сестра мужа' [5, с. 235; 9, с. 340]. В русских и белорусских поговорках для обозначения *золовки* используются лексемы рус. *золовка, золовушка*, бел. *залоўка, залвіца, заловачка*.

Отмечено в поговорках отношение к невестке со стороны сестры мужа (*золовки*) и брата (*деверя*). *Золовкой* сестру мужа называли по обряду «золования», когда она осыпала новобрачную золой из родной печки, а с утратой сакрального смысла этого понятия к ней приклеился ярлык «злыдни» [11]. В патриархальной семье она была по положению выше невестки, жены своего брата, и зачастую молодой жене от золовки доставалось больше, чем от сварливой свекрови: рус. *Золовки-колотовки, побей головки; Золовка – зловка; золовка – колотовка; золовка – мутовка*; бел. *А залоўка злая, як свякроўка ліхая; Залвіцы выберуць очы на спіцы; Лучшай дзевераў чатыры, чым заловачка адна; Залоўка – змяіная галоўка*. Русские поговорки описывают всю тяжесть невестки в семье, в которой её недолюбливают и считают чужой: *Первая зазнобушка – свёкор да свекровушка; другая зазнобушка – деверь да золовушка; Свекор кропотлив, свекровь журлива, деверь пересмешник, золовка смутлива, ладушко (муж) ревнив; Свекор журлив, свекровь хлопотница, золовка смутьянка, деверь насмешник; Свекор говорит: нам медведицу ведут; свекровь говорит: людоядицу ведут; деверья говорят: нам неткаху ведут; золовки говорят: нам непряху ведут*.

Поговорки русских и белорусов о семье подтверждают мысль о том, что семья является сложной многоплановой структурой, в которой отражена определенным образом совокупность стереотипов поведения русских и белорусов, их морально-нравственных норм. В свою очередь функционирование в поговорках слов-терминов некровного родства способно выявить очень тонкие смысловые нюансы, позволяющие объяснить особенности национального менталитета.

Список использованных источников

1 Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев ; под ред. С. Б. Бернштейна. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1959. – 211 с.

2 Толстая, С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) / С. М. Толстая // Категория родства в языке и культуре / С. М. Толстая [и др.] ; под ред. С. М. Толстой. – М. : Индрик, 2009. – С. 7–23.

3 Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник / В. И. Даль. – Т. 1. – М. : Художественная литература, 1984. – 383 с.

4 Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / склад. М. Грынблат ; пад рэд. А. С. Фядосіка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 616 с.

5 Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1990. – 917 с.

6 Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агульнай рэдакцыяй акадэміка К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 3: Л–П. – 1979. – 672 с.

7 Синько, И. А. Как правильно называть родственников? Кто кому кем приходится? / И. А. Синько. – М. : АСТ; СПб : Сова, 2007. – 62 с.

8 Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агульнай рэдакцыяй акадэміка К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 5. Кн. 1: С–У. – 1983. – 663 с.

9 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа; пад агульнай рэдакцыяй акадэміка К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984 – Т. 2: Г–К. – 1978. – 768 с.

10 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агульнай рэдакцыяй акадэміка К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 5. Кн. 2: У–Я. – 1984. – 608 с.

11 Пономарева, В. Кем приходится жена мужчиной родне: невесткой или снохой? Традиции предков / В. Пономарева // Познавательный журнал «ШколаЖизни.ру» [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://shkolazhizni.ru/culture/articles/34435/>. – Дата доступа : 05.11. 2016.

УДК 811.16`373:398.2

Т. В. Валодзіна

СЛАВЯНСКІЯ КАСМАГАНІЧНЫЯ ЛЕГЕНДЫ І ФРАЗЕАЛОГІЯ: УПЛЫВЫ ЦІ СУПАДЗЕННІ

Рассматриваются фразеологические обороты, генетически связанные с космогоническими представлениями белорусов. Обосновывается вывод о том, что органичное переплетение библейских реплик с архаичными мифологическими схемами обуславливает возникновение магических практик.

Антрапа- і касмаганічныя легенды славян уваходзяць у склад так званай «народнай Бібліі». Прыхаджане, перш за ўсё вясковыя, светапогляд якіх арганічна спалучае як хрысціянскія, так і дахрысціянскія элементы, падчас набажэнстваў у храмах слухалі, успрымалі кананічныя і апакрыфічныя сюжэты, і пачутае заканамерна аб'ядноўвалася з архаічнымі поглядамі. Шматлікія “цытаты” з славянскай сярэднявечнай кніжнай традыцыі, дзе былі шырока распаўсюджаны сюжэты, узятыя з Бібліі або візантыйскіх апокрыфаў, праходзілі такім чынам фальклорную апрацоўку ў кантэксце традыцыйнай карціны свету. Многае з таго, што лінгвісты назвалі «ўскоснымі біблейзмамі», фалькларысты даўно і ўстойліва называюць народнабіблейскімі матывамі і вобразамі. Асэнсаванне падзей «святшчэннай гісторыі» ў штодзённым жыцці традыцыйнага грамадства знаходзіць канкрэтнае ўвасабленне не толькі ўласна ў цытатах, хай і «ўскосных», але і ў сістэме актуальных вераванняў, а таксама звязаных з імі рытуальна-магічных практык. Беларускія антрапаганічныя легенды ўтрымліваюць вельмі цікаўныя дэталі, якія ўяўляюць сабой своеасаблівую трансфармацыю біблейскага сюжэта аб першых людзях (Быццё, гл. 1–5).

Устойлівы, да прыкладу, матыў рагавой абалонкі, якая пакрывала цела прабацькоў да грэхпадзення. Такое ногцевае цела было больш практычным, абараняла ад холаду. “У Адама і Евы шкура была такая, як у нас ногці, але як яны заграшылі і Бог іх выгнаў з раю, то тая шкура аблезла з іх, анно ў канцы пальцаў засталася” [9, s. 201]. У гэтым кантэксце вытлумачальнае асаблівае стаўленне да пазногцяў, якія сталі тлумачыцца як успамін пра першапачатковае аблічча чалавека. У беларускім Падняпроўі захаваліся паказальныя тэксты апатрапейнага ўспрымання пазногцяў, аднак дадзеная семантыка наўпрост увязваецца з антрапаганічным сюжэтам. Яшчэ больш цікава тое, што для наймення пазногцяў выкарыстоўваецца ўстойлівы метафарычны выраз *адамава шкура / цела*. Для засцярогі ад сурокаў рэкамендавалася правесці пазногцем па бровам і сказаць: “*Адамава кожа, сахрани мяне Божя, ад чорных бровей да белых ног*”. Эта за сталом. Скажы, і пі і гуляй і еш, і нічога не прыстанець. І як прыдзеш на гулянку якую, і там народу многа, і ты прэкрасна выглядзіш, каб не зглазілі, нада так пальцы злажыць, адну руку і втарую, кулачкамі, і сматрэць на гэтыя

на свае нокцікі і казаць: “*Адамава цела, да мяне нічыё ні дзела*” (Зап. у 2012 г. Боганева А. і Валодзіна Т. у в. Мышавое Касцюковіцкага р-на ад Кабанцовай Р. М., 1939 г. н.). Менавіта адсылка да біблейскага тэкста, да матыву першачалавека надае цалкам канкрэтнаму рытуальнаму дзеянню магічную сілу ўплыву на стан чалавека.

У рускіх не выяўлена фразеалагізмаў тыпу *адамова кожа*, аднак «Словарь русских говоров южного Прикамья» параўнанне *как ноготь* ‘о твёрдом, бесчувственном’ ілюструе менавіта адсылкай да разгледанага сюжэта: “А раз они не послушались, а тело было как ноготь, панцирь, не было у них чувства, хоть и были они муж и жена, у них не было чувства для греха, они святые были” [4, с. 192]. Такім чынам, матыў пазногцяў у разгледжаным комплексе выяўляе прамыя адсылкі да біблейскай гісторыі, што ў значнай ступені легітымлізуе адпаведныя выразы і вераванні. Разам з тым гэтыя ж самыя пазногці выступаюць як даволі частотны кампанент саматычнай фразеалогіі ў цэлым і нават набываюць характар эталоннасці, гл. выразы накшталт *до конца* <*кончиков*> *ногтей* у значэнні ‘максімальна поўна’.

Такая асаблівая ўвага да кончыкаў пазногцяў адсылае да яшчэ аднаго цікавага блоку славянскай фразеалогіі, а менавіта да праславянскага словаспалучэння **uьrno podъ nogъtemъ*. М. І. Талстой аналізуе гэты выраз у адным са сваіх праграмных артыкулаў, прыводзячы шмат славянскіх фразеалагізмаў з семантыкай ‘вельмі мала, нікольнікі’ – *на чарный пазур, бяды тэй на сіні ногцік, не было нічога й ні на сіні пазногаць, на сіні кіпець* і г. д. Украінскі матэрыял выяўляе тое ж значэнне ‘дужа мала’, аднак акрамя колеравай пазнакі змесціва за нокцем (*як за нігтьом чорне / сине*) уводзіць канкрэтызатары – *йак за ніхтём болота, йек за ніхтем грэзюкі; йа ни винен і чорного за ніхтем*. Поўна і разнастайна прадстаўлены гэты фразеалагізм у заходнеславянскіх мовах – польскай, кашубскай, чэшскай і славацкай. Значэнне ‘нічога, нікчэмна мала’ рэалізуецца праз указанні на тое змесціва, якое можа змясціцца пад пазногцем і прадстаўлена словамі **črъno, *sine, *bolto, *brudъ, *kalъ, *gręzъ* [5, с. 390–398].

В. М. Макіенка ў дакладзе «Н. И. Толстой и славянская историческая фразеология», пашырыўшы кола дыялектнага і моўнага матэрыялу, які дэманструе асацыятыўную сувязь пазногця з уяўленнямі аб малой, нязначнай колькасці, асноўную ўвагу надае выразу *узнять подноготную* [3]. З семы колькасці акцэнт перамяшчаецца на тэму здабывання чагосьці важнага, неабходнага. Да прыкладу, беларускі выраз *з-пад ногця хацела б дастаць* ‘цікавіцца’ [9, с. 204]. узнік, відаць, з першапачатковага ‘хацеў бы ведаць самыя драбнюткія падрабязнасці’, падобнае значэнне ў балгарскага *познавам му и черното под ногтите* [5, с. 394], гл. таксама бел. *з-пад ногця выкалупываць* ‘даставаць, здабываць з цяжкасцю’ – «Не буду я ім прыборы з-пад ногця выкалупываць, няхай самі думаюць, як на свеце жыць», [7, с. 119] пол. *z pod pazura wydobyć* ‘wyrwać tajemnicę’ з пазнакаю “Ust. z Litwy” [10, с. 64], укр. *як з-під нігтя виковирює* ‘неахвотна расказвае’ [8, с. 101], бел. *у яго с-пад ногця гразі ня дастаняш* ‘пра скупого’ [6, с. 178], ням. *jemandem das Schwarze unter den Nägeln nicht gönnen* ‘тое ж’.

Сапраўды, значэнне ‘мала’ і на самой справе можна перадаць праз зрокавы вобраз той колькасці, што можа затрымацца пад пазногцем, аднак складана сабе ўявіць рэальныя сітуацыі, калі хтосьці дзяліўся б з блізкім гэтым самым змесцівам. І каму б гэта змесціва магло спатрэбіцца. Відавочна, было б непрамаоцна наўпрост шукаць міфалагічныя, і ўжо тым больш біблейскія вытокі дадзеных выказаў. Не ставячы мэтай зводзіць паходжанне гэтых фразеалагізмаў да фальклорнага сюжэта, тым не менш нават займальна прасачыць, як гэты яркі праславянскі вобраз стаўся задзейнічаным у сферы народных апавяданняў, у дадзеным выпадку касмаганічнага характару. Калі і на самой справе мець на ўвазе адсутнасць у першых людзей, а хутчэй за ўсё ў багоў і дэманаў вопраткі і, адпаведна, кішэняў, то рэальна тым месцам, дзе нешта можна прытаіць або жа проста схваць і перанесці аднекуль, аказваюцца тыя ж пазногці. Звернемся да народных апавяданняў пра часы першастварэння. Асноўнай часткай легенды пра дуалістычнае светастварэнне, яе

арганізуючым пачаткам ёсць эпізод пра тварэнне сушы. Ён уключае ў сябе аповяд пра нырцанні на дно мора па матэрыял для тварэння і апісанне ўзнікнення сушы з прынесенага з дна мора матэрыялу. Безумоўна, універсальны матэрыял для тварэння сушы ў легендах – зямля (яе часціца), аднак надзвычай папулярна, дакладней сказаць, рэгулярна з’яўляецца ўдакладненне – гэта тая зямля, што засталася ... за пазногцем ці ж у самога Творцы, або ў яго суперніка. Асабліва паказальна ва ўкр: “*I выныіс тылькі за пазурамі гліны (опов. паказуе) і тото Бог вылікренпаў шпількоў. Може того было тылькі гі біб. І Пан Біх тото поблагасловіў і зробило сьа куснік землі*”; “*...дрібочку того чорного, що за нпхтем*” [2, с. 5, 14].

Для функцыянавання народнабіблейскіх тэкстаў у жывой традыцыі характэрна тэндэнцыя ўваходжання тэксту ў сферу актыўных вераванняў, калі яны выступаюць як каментар да абрадавых дзеянняў або, часцей, як тлумачэнне нейкіх заканамернасцяў. Менавіта адсылка да сюжэту аб схаванай зямлі тлумачыць патрабаванне рэгулярна абразаць пазногці: «*Как полез, то теперь уж принес, да только за ногтями (вот тут-то и говорят, что надо ногти обрезать) вытрусил. Бог взял его и посеял по морю, и сделалась густота, после оказалась вот и земля*» [1, с. 35–36].

Такая зайздросная рэгулярнасць згадкі дадзенай дэталі (прынясення зямлі за пазногцямі), прычым у розных славянскіх традыцыях (як усходне-, так і паўднёва- і заходнеславянскіх, літоўскіх легендах) падкрэслівае яе невыпадковы характар і ўскосна паказвае на асаблівы статус пазногцяў і змесціва за імі. Пры адзінкавым згаданні выкарыстання для тварэння свету зямлі з-пад пазногцяў у Бога абсалютная перавага за тэкстамі, дзе гэтую самую зямлю хавае ў сябе пад пазногцямі яго супраціўнік – чорт. Г.зн. тое, што хто-небудзь хавае з карыслівых, нячыстых намераў. У гэтым кантэксце напрошваюцца прыведзеныя М. І. Талстым выразы *Každý ma čierne za nechtom, Každý ma za nechdami blato* дзе колькасная ацэнка «чорнага» або «гразі» пад пазногцем замяняецца ацэнкай экспрэсіўна-якаснай: «чорнае» або «бруд» (дрэннае) – у кожнага ёсць трохку чорнага (броду) пад пазногцем, г. зн. верагодна ў кожнага ёсць недахопы, грахі [5, с. 393].

Харвацкі выраз *crno ispod nokta* са значэннем ‘усё да апошняй кроплі’ [11, с. 247] цалкам суадносіцца з апісанымі кантэкстамі.

Касмагонія беларусаў, як і славян у цэлым, сведчыць пра веданне біблейскага тэксту, аднак часцей дэманструе яго фальклорныя адаптацыі і каментаванне ў рэчышчы традыцыйных поглядаў і маралі. Акрамя таго, арганічнае перапляценне біблейскіх рэплік з архаічнымі міфалагічнымі схемамі абумоўлівае шэраг магічных практык. Шэраг устойлівых выказаў таксама прыадкрывае новыя экспрэсіўныя і семантычныя нюансы ў кантэксце антрапа- і касмаганічных легендаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Белова, О. В. У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / О. В. Белова, Г. И. Кабакова. – Москва : ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014.
- 2 Гнатюк, В. Галицько-руські народні легенди: Т. 2. / В. Гнатюк // Етнографічний збірник. Львів, 1902, № 13.
- 3 Мокиенко, В. М. Никита Ильич Толстой и славянская историческая фразеология / В. М. Мокиенко // Проблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 24–26 красавіка, 2003 года). – Мінск : ВП «Тэхнапрынт» 2003. – С. 23–34.
- 4 Подюков, И. А. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып.2. / И. А. Подюков. – Пермь : Изд-во ПГГПУ, 2002.
- 5 Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – Москва : «Индрик», 1995.
- 6 Шатэрнік, Н. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны / Н. Шатэрнік. – Менск : Інстытут беларускай культуры, 1929.
- 7 Юрчанка, Г. Ф. Народнае мудраслоўе : Слоўнік / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Бел. навука, 2002.
- 8 Юрченко, О. С. Словник стійких народних порівнянь / О. С. Юрченко, А. О. Івченко. – Харків : Основа, 1993.

9 Federowski, M. Lud biaioruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 : w 8 t.. Kraków : Wydawnictwo Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności, 1897. T.1.

10 Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. – T. III. N–O. – Warszawa : Nakł. prenumeratorów i Kasy im. Mianowskiego, 1908.

11 Menac-Mihalić M. Frazeologija novoštokavskih I kavskih govora u Hrvatskoj: s rječnicom frazema i značenjskim kazalom s popisom sinonimnih frazema. – Zagreb: Školska knjiga, 2005.

УДК 81' 42:81'373.7:7.046

Н. Ф. Венжинович, Р. В. Луканинець

ФРАЗЕМИ-ЕВФЕМИЗМИ АНТИЧНОГО ПОХОДЖЕННЯ НА ПОЗНАЧЕННЯ ПОНЯТТЯ СМЕРТІ: ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена описанию и анализу фразеологических единиц-эвфемизмов античного происхождения, обозначающих смерть. Собранный материал дает возможность утверждать, что фразеологизмы античного происхождения приобрели этнонациональные черты и адаптировались к современной языковой картине мира украинцев.

Поняття смерті з прадавніх часів бентежило свідомості людей. Незвіданий потойбічний світ, неминуча загибель, що чатує на кожного, викликає відчуття страху та тривоги, яке знаходить свій відбиток у мовних засобах вираження.

Кожна культура формує своє бачення найфундаментальніших екзистенційних дихотомій – життя і смерті. Потужна давньогрецька культура сформувала цілий світогляд, що навіть через тисячоліття знаходить свій відбиток і в цивілізаціях, які мали змогу тільки «торкнутися» незглибинного багатства еллінського світу.

Фразеологічні мовні засоби давньогрецького походження уже протягом століть укорінюються у свідомості українського мовця, синтезуючи у собі давньогрецький і рідний слов'янський світогляди. Поняття смерті завжди було чимось незвіданим, незрозумілим, неконтрольованим, а тому небезпечним і невідворотним. Так виникає поняття евфемізації цього концепту. У евфемізмі-табу як мовленнєвому акті, що складає основу ритуальної (словесної) дії, проявилася, з одного боку, потребою людини забезпечити себе від всіякого зла, від незгод буденності; а з іншого, – у ньому проявилась поетична творчість народу; магія, буденність і поезія поєдналися в спільному мовному явищі – непрямому способі найменування світу [7, с. 370–371]. Евфемізм – факт мови, орієнтований на мовленнєву комунікацію; мовний вираз, семантика якого складається із відношення між знаком, значенням і мовцем; вислів, який використовується для здійснення певної дії – пом'якшення мовлення [7, с. 357].

Концепт СВІТ представлений у двох протилежних значеннях: 1) цей / білий світ, що уособлює життя й репрезентує світ живих; 2) той світ – потойбічне життя, світ мертвих [4, с. 85]. Слов'янська міфологія репрезентує вертикальне світосприйняття: небо – земля – пекло. У давньогрецькій міфології – Олімп – земля – царство мертвих. Якщо християнська доктрина дозволяє кожній душі віднайти своє місце у потойбіччі відповідно до прожитого життя та дій, які вона вчиняла, то душа давнього елліна, незалежно від багажу земного, втрапляла до похмурого царства Аїда, куди «ніколи не проникає радісне проміння ясного сонця», де «панує неблаганний, похмурий брат Зевса, Аїд. Повне мороку і страхіть його царство» [10, с. 45]. Олімп же був пристанищем богів, куди не міг втрапити жоден смертний ні до, ні після смерті: «ні дощу, ні снігу не буває в царстві Зевса; вічно там ясне, радісне літо, а нижче клубочаться хмари, часом закривають вони далеку землю» [10, с. 45].

Проте пізніше у творах Гомера з'являється також в аїді місце для праведників, яке називають елісейськими полями чи еллізіумом [8, с. 42]. Звідси – фразема *піти (вирушити) на елісейські поля*, яка означає 'померти' [11, с. 98].

У грецькій міфології відомий також простір, який знаходиться на найбільшій глибині, нижче аїду – Тартар. Він настільки віддалений від аїду, скільки земля від неба. Тут залягає усе коріння землі і моря, усі початки і кінці, тут живе богиня ночі – Нюкта [8, с. 968].

Дев'ять днів – від Неба до Землі. Дев'ять днів тіло падає з землі в Тартар. Дев'ять днів потрібно людській душі для першої посмертної подорожі. З Тартару не повертаються: піти в Тартар – це назавжди і безповоротно [1, с.101].

Звідси фраземи *падати в Тартар чи тартари*, яка означає 'зникати, щезати, пропадати'. Наприклад, у тексті: «*Все западається в тартари, все пропадає в безодню згори, всі генії, генії всі – в дивній потворності, в дивній красі*» (І. Драч).

Історично першим є епічне ставлення до смерті в культурах родових суспільств, коли власна смерть людини ототожнювалася із смертю предка, а саме життя сприймалося як приготування до посмертного існування. З посиленням відчуття особистісного буття постає трагічне ставлення до смерті [12, с. 589]. Із приходом християнства смерть сприймається як спокута за гріхи, страх перед Божим судом, якого не оминати кожному. Тут ідея «першородного гріха» і Господньої кари як причини того, що люди помирають, доповнена і урівноважена вірою у добровільну смерть Ісуса Христа як «викупну жертву», яка звільнила усе людство від першородного гріха [8, с. 935].

У грецькій міфології смерть реалізується в образі Таната, який належить до старшого, доолімпійського покоління богів. Танат перебуває в аїді, поруч зі своїм братом Гіпносом (богом сну), але вилітає звідти, аби забрати душу у жертви і напитися її крові [8, с. 934]. «*Коло трону Аїда, бог смерті Танат з мечем у руках, у чорному плащі, з величезними чорними крилами. Могильним холодом віють ці крила, коли прилітає Танат до ложа вмираючого, щоб зрізати своїм мечем пасмо волосся з його голови і вирвати душу*» [10, с. 45].

Якщо домінантами смерті у греків є чорний плащ, меч, крила, випита кров та зрізане пасмо волосся, то для слов'янської свідомості смерть представлена як істота найчастіше жіночої статі, на вигляд худа й біла, з косою й пазурами, обличчям, на якому виділяються тільки очі [6].

Відрізняється також і «механізм» дії смерті. Згідно із християнською доктриною, яка вчинила вирішальний вплив на слов'янську демонічну міфологію, Бог як найвища субстанція посилає смерть до людини. У грецькій міфології навіть сам Зевс не має сили прикликати до когось смерть чи її відвернути. «*Обірветься нитка – і скінчиться життя. Мойра Лахесіс виймає, не дивлячись, жереб, який випадає людині в житті. Ніхто не має сили змінити визначеної Мойрами долі, бо третя Мойра, Атропос, все, що призначили в житті людині її сестри, заносить у довгий сувій, а що вже занесено в сувій долі, те неминуче*» [10, с. 42–43]. Отже, смерть тут виконує роль винятково виконавця вироку, ката.

Визначальною рисою архаїчного світогляду було уявлення про посередника, який пов'язував між собою різні явища. Якщо в реальному світі такого посередника не було, його роль виконував вигаданий. Він відповідав за причинно-наслідковий зв'язок між різними важливими подіями [2, с. 19].

У греків таким посередником виступає Харон. «*Суворий старий Харон, перевізник душ померлих, не повезе через темні води Ахеронту ні однієї душі назад, туди, де яскраво світить сонце життя*» [10, с. 45]. Він зображувався похмурим старим у лахміттях. Харон перевозить душі померлих, отримуючи за це платню в один обол (згідно з поховальним обрядом обол знаходився у покійника під язиком) [8, с. 1048]. Цей обряд простежувався і у давніх слов'ян, які накривали очі померлого мідяками.

Звідси – фразеологізми *заплатити данину Харону, піти до Харона*, які означають 'померти' [11, с. 210]. Наприклад, у тексті: «*Сім днів у П'ятці – траур і костри – Батьки синів, Сини батьків хоронять. І три могили братській – аж три! – Пішли загиблі в безвість –*

до Харона» (А. Д. Гудима). Або «В яку весну незнано-нову Везе Харон чергу примар?» (Є. Маланюк).

Із концептом СМЕРТЬ тісно пов'язаний концепт ВОДА. У властивості води як першостихії є одна, що особливо її вирізняє, – плинність. Плинність, або рухома вода, вода-потік, має певну форму (русло), тобто буквальним матеріальним втіленням ідеї руху, змін (мінливості) є ріка [9, с. 269].

Архетип ВОДИ утворює прототипну концептуальну схему ЖИТТЯ Є ВОДОЮ, яка є основою концептуальної метафори ЖИТТЯ Є ОБМЕЖЕНИМ РЕСУРСОМ [2]. Згідно із давньогрецькою міфологією, саме водний потік є тією межею між світами, через яку переправляє померлі душі Харон. «Темні ріки течуть у ньому [царстві Аїда]. Там протікає священна ріка Стікс. ...душі померлих наповнюють своїм сумним стогоном їх похмури береги» [10, с. 45]. Звідси фразеологізми *канути в Лету*, *піти через (за, на) Стікс*.

Фразема *канути в Лету* означає 'назавжди зникнути, піти в непам'ять, пропасти безслідно' [5, с. 46]. Наприклад, у тексті: «Не так страшна та річка Лета, не так цензура та страшна, як самознищення поета брехнею власного рядка» (Л. Костенко) – мається на увазі не сама річка Лета, а те значення, що вона уособлює – 'піти в забуття'. Фразеологізм в цілому пов'язується зі стереотипним уявленням про безслідне, безповоротне зникнення особи чи предмета [3, с. 293]. Адже згідно із стародавніми віруваннями, душа померлої людини уже ніколи не зможе повернутися до земного життя, а тому безповоротно повинна забути усе і спуститися назавжди у царство померлих. Очевидно, такий образ виник із поняттям смерті як переходу зі стану життя в протилежний стан. Вода як образ плинності, мінливості, руху забирає із собою усе, що відбувалося перед цим. На прикладі цієї фраземи спостерігаємо первісні антимонії світлого життя та темного потойбічного світу, який абсолютно протилежний живому, який стає тією межею, поза якою усе інше немає значення. Фразема, первісно позначаючи забуття для переходу у потойбічний світ, нині позначає усе те, що забулося, відійшло у вічність, перестало існувати.

Стікс у грецькій міфології – божество однойменної ріки у царстві мертвих. Вона – одна із старших доньок Океану і Фетіди. Під час розбрату чи розбіжностей за наказом Зевса промовляються клятви над водами Стіксу. Бог, який порушив клятву, рік лежить мертвим, дев'ять років живе вдалині від Олімпу і тільки на десятий рік повертається до сонму олімпійців. Клятва водами Стіксу – найстрашніша [8, с. 945], тому вона уособлює особливий символізм.

Фразеологізм *піти через (за, на) Стікс* означає 'померти' [11, с. 186]. Наприклад, у тексті: «*Кінь-химера править в підземелля. Одне крило – чорне, друге – біле, Грива – ковані торочки з золота. Через Стікс – за обол*» (Е. Андієвська).

Отже, проаналізований та зібраний матеріал дає змогу стверджувати, що українські фраземи античного походження, що колись реалізовували у собі поняття табу, нині відтворюються швидше підсвідомо, зберігаючи у собі залишки стародавніх вірувань.

Список використаних джерел

- 1 Багнюк, А. Символи українства. Художньо-інформаційний довідник / А. Багнюк. – Тернопіль : Новий колір, 2008. – 828 с.
- 2 Близнюк, О. О. Концепти ЖИТТЯ і СМЕРТЬ: лінгвокультурологічний аспект (на матеріалі паремійного фонду укр. та італ. мов) : дис. ... канд. філол. наук, рукопис: 10.02.17 / О. О. Близнюк. – Київ, 2008.
- 3 Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 784 с.
- 4 Словська, Ю. В. Вербалізація концепту «СМЕРТЬ» в уявленнях українців / Ю. В. Словська // Славянская мифология и этнолингвистика: сборник научных статей / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 84–86.

- 5 Забіяка, В. А. Світ фразеологізмів. Етимологія, тлумачення, застосування: практ. посібник / В. А. Забіяка, І. М. Забіяка. – Київ: ВЦ «Академія», 2012. – 304 с.
- 6 Іванова, І. Б. Фразеосемантичне поле життя / смерть: національні стереотипи та їх кореляції : дис. ... канд. філол. наук, рукопис / І. Б. Іванова. – Київ, 2008.
- 7 Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
- 8 Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание / Гл. ред. С. А. Токарев. – М., 2008. – 1147 с.
- 9 Мізін, К. І. Людина в дзеркалі компаративної фразеології : Монографія / К. І. Мізін. – Кременчук : ПП Щербатих О. В., 2011. – 448 с.
- 10 Міфи Давньої Греції: Твори давньогрецьких авторів : Навч. посіб.: У 2 кн. / Упоряд., передм. і комент. А. А. Чічановського. – Київ: Грамота, 2004. – Кн. 1. – 608 с.
- 11 Словник античної міфології / Уклад. І. Я. Козовик, О. Д. Пономарів. – 2-ге вид. – Київ: Наукова думка, 1989. – 240 с.
- 12 Філософський енциклопедичний словник / НАН України, Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди ; редкол.: В. І. Шинкарук (голова). – Київ: Абрис, 2002. – 742 с.

УДК 811.161.1'373.46:398.92:811.172'373.46:398.92

Л. Б. Воробьева

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ-НАЗВАНИЕМ ПРОФЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКОВ)

На основе сопоставительных данных в статье рассматриваются фразообразовательные возможности русских и литовских устойчивых сравнений, содержащих в своей структуре названия профессий. Выявляется фразеобразовательная активность номинаций, называющих различные профессии, в русском и литовском языках.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-24-04001.

Устойчивые сравнения (УС) любого языка представляют собой особый фразеологизированный пласт лексики, в котором «проявляется дух народа, его ассоциативное воображение, особенности мировоззрения» [1, с. 3]. Сравнения – это не только способ номинации, но и яркое средство оценки. Оно экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации.

Национальное своеобразие сравнений проявляется в том, какой образ был положен в их основу, какие ассоциации связаны с данным образом в том или ином языке, поскольку сравнения, воспроизводимые из поколения в поколение, отражают не только мировидение, но и миропонимание народа. Таким образом, исследование образного стержня является одним из главных моментов изучения УС, особенно в сопоставительном аспекте (В. М. Огольцев 1978, Н. И. Демьянович 1980, В. М. Мокиенко 1982, Н. М. Кабанова 1986, Е. К. Николаева 1989, И. В. Назарова 2000, А. О. Долгова 2007, Л. И. Ильясова 2009).

В плане выражения они являются трехчленными структурами, состоящими из субъекта сравнения (обязательного или необязательного), основания сравнения и объекта сравнения или его эталона (образного стержня). Эталон при этом понимается как «образное замещение свойства человека или предмета какой-либо реалией, выступающей в качестве знака их доминирующего свойства с точки зрения обиходно-культурного опыта» [4, с. 215]. Как отмечает В. Н. Телия, система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с

материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [4, с. 215]. Особенно часто встречаются и составляют достаточно большую группу в каждом языке устойчивые сравнения, характеризующие человека.

Рассматривая лексику вторых компонентов (объекта сравнения) УС, самыми многочисленными лингвисты считают такие тематические группы, как «Человек», «Домашние животные», «Орудия и предметы труда» [2, с. 107–108; 3, с. 118–122].

Необходимо отметить, что основными признаками в устойчивых сравнениях могут выступать как положительные, так и отрицательные характеристики. Оба вида характеристик представляют собой своеобразное отступление от нормы.

В результате сплошной выборки материала из «Словаря устойчивых сравнений русского языка» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (2008) было выявлено более 90 устойчивых сравнений с компонентом-названием профессии. Условно их можно распределить по группам, характеризующим внешность, физические качества, черты характера, умения и способности, поведение, речевую деятельность, образ жизни, труд-безделье. Количественное наполнение выделенных групп, безусловно, различное. Рассмотрим некоторые случаи фразообразовательных возможностей названий профессий.

Достаточно продуктивно в русском языке представлены УС, отрицательно характеризующие внешний вид и манеру одеваться: *грязный как кочегар, грязный как трубочист, шея как у кочегара, шея как у трубочиста, нос как у кочегара, нос как у трубочиста, толстый как водолаз, толстая как колхозная доярка, одежда как у тракториста.*

Некоторые устойчивые сравнения характеризуют внешность, одежду положительно, одобрительно по меркам сложившегося общественного видения картины мира, принятых обществом стереотипов: *выглядит как актер, выглядит как артист, выглядит как актриса, красивая как артистка, как балерина.*

Нами обнаружены УС, характеризующие физические качества человека – здоровье, силу, ловкость: *плечи как у грузчика, как акробат* – ‘о ловком, гибком, хорошо тренированном человеке’, *как грузчик* – ‘о здоровом, сильном, грубого телосложения человеке’, *руки как у кузнеца* – ‘о крепких, сильных, здоровых руках’, *силен как лесник, здоровый как бурмистр* – ‘о сильных, здоровых, крепкого телосложения людях’.

Многочисленно представлены единицы, характеризующие пьянство: *пить как извозчик, пьян как извозчик, пьяный как кочегар, пить / напиться как сапожник, нализаться как лакей, надудолиться / накуликатся / настукаться / накубориться / налимониться как сапожник, пить как сапожница.*

Достаточно большое количество русских сравнений характеризуют речевую деятельность человека. Здесь обнаруживаются единицы как с положительной коннотацией (*говорить как актер, говорить как артист, говорить как актриса*), так и с отрицательной, которые связаны с таким общественно порицаемым явлением, как сквернословие, брань (*ругаться как сапожник, ругаться как кочегар, ругаться как извозчик, ругаться как грузчик, браниться как базарная торговка*).

Несколько сравнений описывают труд, отношение к труду: *как домработница* в значении ‘об угнетаемом, унижаемом, полностью зависимом от кого-либо человеке (чаще женщине), выполняющем самую грязную, тяжелую и неблагодарную работу’, *работать как ломовой извозчик, вкалывать (работать, ишачить) как кочегар* ‘о тяжело и много работающем человеке’.

Большим числом в русском языке представлены устойчивые сравнения, характеризующие отношения между людьми: *относиться как к домработнице, относиться как к лакею, обращаться как с домработницей, обращаться как с лакеем, смотреть как на домработницу* – ‘об очень плохом, жестоком и надменно-оскорбительном отношении с кем-либо’, *допрашивать как настоящий судья* – ‘о чьем-либо строгом, взыскательном и детальном расспросе кого-либо’, *строгий как судья* –

‘об очень строгом, высказывающем категоричные оценки и суждения человеке’, *ходить как надсмотрщик* – ‘о человеке, контролирующем окружающих безо всякого на это права и оснований, относящемся к другим свысока, надменно’, *слушать как доктор* – ‘о чем-либо внимательном выслушивании кого-либо’.

В русском языке распространены сравнения, характеризующие умения и способности: *походка как у балерины* – ‘о чьей-либо легкой, пружинистой и грациозной походке’, *ходить на цыпочках как балерина* – ‘о девушке или женщине, ходящей на кончиках пальцев ног, на цыпочках’, *петь как артистка* – ‘о женщине, умеющей хорошо петь’, *потрясти как бармен* – ‘о долгом и искусном встряхивании и помешивании какого-либо напитка’, *играть как сапожник* (в карты, на музыкальном инструменте) – ‘о чьей-либо крайне плохой неумелой игре’, *делает как фокусник* – ‘о человеке, делающем что-либо очень ловко, артистично и эффектно’.

Ряд сравнений характеризуют черты характера, моральные и деловые качества: *вид как у министра* – ‘о человеке, напускающем на себя важный, значительный, представительный вид’, *как тайный агент* – ‘о человеке, выслеживающем других’, *как надзиратель, как надсмотрщик* – ‘о чем-либо строгом, усиленном, бесцеремонном контроле над кем-либо, неотвязной слежке за чьим-либо действием’, *ходить как надсмотрщик* – ‘о человеке, контролирующем окружающих без всякого на это права и оснований, относящемся к другим свысока, надменно’, *как акробат* – ‘об изощренном, искусно изворачивающемся в различных ситуациях и дискуссиях человеке’, *как жандарм* – 1. ‘о категоричном, ограниченном, тупом и грубом человеке, солдафоне’; 2. ‘о человеке, самовольно взявшем на себя роль строгого, грубого и бесцеремонного надсмотрщика, контролера’.

В «Словаре сравнений литовского языка» К. Б. Восилите (1985) нами обнаружено всего 15 устойчивых сравнений с компонентом-названием профессии. В структуре единиц участвуют такие образные стержни, как *advokatas* /адвокат/, *artojas* /пахарь/, *agradninkas* /огородник/, *daktaras* /доктор/, *girininkas* /лесничий/, *kaminkrėtys* /трубочист/, *kriaučius* /портной/, *policininkas* /полицейский/, *puodžius* /гончар/, *skerdžius* /гуртовщик/, *ustovas* /пристав/, *vargonininkas* /органист/, *zakristijonas* /ризничий/.

Интересно, что 4 из 12 сравнений имеют одинаковую структуру и сходное значение ‘плохой’: *toks muzikontas, kaip iš kuilio daktaras* /такой музыкант, как из борова доктор/; *toks šaučius, kaip iš šunio kriaučius* /такой сапожник, как из собаки портной/; *toks darbininkas, kaip iš ožio agradninkas* /такой работник, как из козла огородник/; *toks šeimininkas, kaip iš velnio vargonininkas* /такой хозяин, как из черта органист/.

Как и в русском языке, литовские сравнения дают речевую характеристику: *šaukti kaip ustovas* /кричать как пристав/, *šaukti kaip skerdžius* /кричать как гуртовщик/, т. е. громко. Наоборот, о складной, хорошей речи говорят: *šneka kaip advokatas* /говорит как адвокат/.

Всего одна единица характеризует внешность человека: *murzinas kaip kaminkrėtys* /грязный как трубочист/. В одном сравнении подмечается хороший аппетит: *šveičia kaip artojas* /метет как пахарь/. Отражаются в подобных сравнениях и взаимоотношения людей: *susigyvenę kaip zakristijonas su ponu dievu* /дружат как ризничий с богом/, *riejasi kaip policininkas, kyši pražiopsojės* /бранится как полицейский, взятку прозевав/. Интересное сравнение встречается в структуре поговорки *Be vyro ūkis – kaip skerdžius be botago* /Хозяйство без мужчины – как гуртовщик без кнута/.

Таким образом, очевидно количественное преобладание единиц с компонентом-названием профессии в русском языке по сравнению с литовским. В сравниваемых языках за одним и тем же эталоном устойчивых сравнений могут быть закреплены разные, иногда абсолютно противоположные образные стереотипные представления (актер, актриса, акробат, балерина). Один и тот же эталон часто выступает в нескольких устойчивых сравнениях с разными основаниями сравнения, представляя многозначность сравнений. Следовательно, названия таких профессий, как грузчик, актер, кочегар, трубочист, сапожник, в литовском языке *artojas, skerdžius*, участвуют в нескольких группах одновременно.

Список использованных источников

- 1 Воробьева, Л. Б. Русские устойчивые сравнения в сопоставлении с литовскими: специфика образности : дис. ... канд. филол. наук / Л. Б. Воробьева. – Псков, 2002. – 251 с.
- 2 Николаева, Е. К. Идеографическое описание компаративных фразеологических единиц польского языка : дис. ... канд. филол. наук / Е. К. Николаева. – Л., 1989. – 287 с.
- 3 Огольцев, В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В. М. Огольцев. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1978. – 160 с.
- 4 Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 1996. – 289 с.

УДК 811.161.1'367.7

И. Г. Гомонова

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С ДЕЕПРИЧАСТИЯМИ В РОЛИ ВВОДНЫХ ЕДИНИЦ (на материале Национального корпуса русского языка)

В статье на материале данных Национального корпуса русского языка анализируются устойчивые словесные комплексы с компонентами-деепричастиями, выполняющие в русском языке функции вводных единиц; выявляются разновидности субъективно-модальных значений, выражаемых ими, способы встраивания их в текст, хронологическая активность / пассивность, стилистическая маркированность и др.

Вводные единицы с компонентами-деепричастиями служат в русском языке для выражения субъективно-модальных значений, характеризующих разные типы отношений говорящего к сообщаемому. Анализируемые вводно-модальные единицы состоят из деепричастия, образованного от глагола речи (*говоря, выражаясь*), и адвербиального или субстантивного компонента, который заключает в себе характеристику речи или мысли. Деепричастные вводные конструкции «относятся к метатекстовым средствам языка, т. е. таким, при помощи которых автор предъявляет свою текстовую тактику – объясняет выбор слова, уточняет или поясняет мысль, обнаруживает переход от одной мысли к другой, от одного фрагмента к другому» [1]. При употреблении деепричастия в сфере модуса, как правило, возникает его «рассогласование <...> с основным глаголом по субъекту – формально нарушается правило односубъектности» [1].

С помощью деепричастных вводно-модальных единиц можно охарактеризовать речемыслительную деятельность с точки зрения сферы употребления: *говоря / выражаясь по-книжному / научным языком / по-народному / канцелярским языком* и т. п.; источника информации: *говоря / выражаясь словами классика / языком поэта* и т. п.; синхронии / диахронии: *говоря / выражаясь современным языком / по-нынешнему / по-старому* и т. п.; соответствия нормам литературного языка и фактологической правильности: *говоря / выражаясь правильно / грамотно / безграмотно* и т. п.; точности: *говоря / выражаясь более точно / точнее* и т. п.; выразительности и богатства: *говоря / выражаясь образно / метафорично / примитивно* и т. п.; краткости: *говоря / выражаясь кратко / лаконично* и т. п.; доступности: *говоря / выражаясь просто / более понятным языком / банально* и т. п.; соблюдения норм морали и нравственности: *говоря / выражаясь мягко / грубо / по совести* и т. п. и др.

Функционально-семантическое разнообразие данных единиц обеспечивается возможностью варьирования адвербиального / субстантивного компонента в их составе.

За счет этого и в силу востребованности круг деепричастных вводно-модальных конструкций (особенно в современной публицистике) постоянно расширяется.

В то же время ядро анализируемых вводных единиц составляют устойчивые словесные комплексы (далее – УСК), соответствующий статус которых зафиксирован в словарях. К ним относятся следующие обороты с (1) адвербиальным и (2) субстантивным компонентами: (1) *грубо говоря; грубо выражаясь; мягко говоря; мягко выражаясь; образно говоря; откровенно говоря; собственно говоря; строго говоря; честно говоря; условно говоря; вообще говоря; попросту говоря; иначе говоря; кстати говоря; короче говоря; проще говоря; точнее говоря*; (2) *по сути говоря; по существу говоря; по правде говоря; правду говоря; по совести говоря; по чести говоря; в сущности говоря*. С учетом подходов, отраженных в разных лексикографических источниках, следует говорить о некоторой вариативности в выделении данной группы УСК, но в любом случае их количество не превышает тридцати единиц.

Исследование деепричастных вводно-модальных единиц с использованием материалов Национального корпуса русского языка [2] подтверждает воспроизводимость приведенных УСК, их востребованность в текстах разных авторов, стилей, жанров, формы реализации и тематики.

Например, УСК *честно говоря* характеризуется следующей частотностью: количество вхождений в (1) Основной корпус НКРЯ – 1969 (из них в художественные тексты – 847, в публицистические – 908); в (2) Газетный корпус – 5195; в (3) Устный корпус – 562: (1) *Мамина жизнь висела на волоске, мы думали только о ней, а уж какой родится младенец, живой или мёртвый, об этом мы, честно говоря, не думали, но доктор Волынцев спас обоих, и мать и Сашу, моего младшего брата* [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]; (2) *Честно говоря, такая степень самоотречения режиссера предполагает более тонкую и ровную по качеству работу над партитурой Вагнера* [Я. Тимофеев. Немецко-французский «Тангейзер» получил московскую прописку // Известия, 2013.10.04]; (3) *Бродский написал в книге/ которая в этом году издана/ «Книга интервью» / следующие слова. «Поэзия не развлечение и даже не форма искусства/ но скорее наша видовая цель». Вот я очень удивилась. Вот от Бродского я не ожидала/ честно говоря* [Т. Черниговская. Язык и сознание: Что делает нас людьми? Лекция Полит.Ру (2008)].

В то же время данные НКРЯ позволяют подтвердить упомянутую выше мысль о тяготении деепричастных вводно-модальных оборотов к публицистическому стилю, для которого субъективная модальность, как известно, является одной из текстообразующих категорий. Распределение по жанрам, представленное на сайте НКРЯ, демонстрирует наиболее активное употребление анализируемых УСК в публицистических статьях, мемуарах и интервью (с перераспределением внутри названных жанровых разновидностей для отдельных единиц). Так, для вводной конструкции *честно говоря* характерны следующие данные: количество вхождений в статьи – 301 (33.15 %); в мемуары – 233 (25.66 %); в интервью – 157 (17.29 %) (проценты приводятся от общего числа вхождений данной единицы в публицистические тексты Основного корпуса НКРЯ).

Данные НКРЯ свидетельствуют также о явном преобладании среди авторов, использующих деепричастные УСК с вводно-модальным значением, лиц мужского пола (в среднем количество авторов-мужчин в три раза больше количества авторов-женщин). Для УСК *честно говоря* приводится следующая статистика: количество вхождений в мужские тексты – 1202 (61.05 %), в женские тексты – 365 (18.54 %) (цифры относятся ко всему Основному корпусу НКРЯ; по публицистическому компоненту Основного корпуса НКРЯ соотношение подобное: 62.56 % мужских текстов и 17.62 % женских). Благодаря НКРЯ мы также можем узнать авторов, в текстах которых анализируемые УСК употребляются наиболее активно. Для оборота *честно говоря* это Дарья Донцова, в трех произведениях которой (а их всего в НКРЯ три) данный УСК встречается 44 раза, и Эльдар Рязанов, в двух произведениях которого наблюдается 38 вхождений данной вводно-модальной единицы: *Честно говоря, я не*

слишком-то люблю Ленку, она сплетница и жуткая болтуня [Д. Донцова. Микстура от косоглазия (2003)]; Публика, честно говоря, оказалась неподготовленной к подобной стилистике – ведь картина в этом смысле явилась «белой вороной» [Э. Рязанов. Подведенные итоги (2000)].

Первое вхождение УСК честно говоря в тексты корпуса датируется 1888-м годом: Назову здесь нашу Ильинскую, эту милую девушку, которую она вывела, но, честно говоря, голос её никогда не был для театра, а только концертный [А. П. Боголюбов. Записки моряка-художника (1888)], но пик активности употребления данного оборота приходится на 2010-е г.г.

Названные тенденции, выявленные благодаря статистике НКРЯ и проиллюстрированные на материале одной вводно-модальной единицы, в целом типичны для всех анализируемых УСК. Кроме предоставления пользователю статистической информации, корпус текстов выполняет еще одну немаловажную функцию – служит источником большого числа контекстов употребления анализируемых единиц, позволяющих анализировать и интерпретировать разные аспекты их функционирования. В частности, в результате такого анализа можно выявить способы встраивания данных УСК с вводно-модальным значением в предложение: бессоюзный и посредством союзов *или, а, но, то есть*. Проиллюстрируем эти способы контекстами употребления оборота *проще говоря*, который, как правило, выступает в качестве связующего звена между двумя различающимися по стилю синонимами (левый синоним имеет высокую (книжную) окраску, а правый является нейтральным; левое слово характеризуется как книжная косвенная номинация, а правое – как нейтральная прямая (см. об этом [3]): *Может быть, нафантазировать? Проще говоря, наврать? Эта спасительная для писателя мысль несколько ободряет* [В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976]; *Это одна из зон глобальных тектоно-литосферных процессов, что выражается в интенсивном сейсмогенезе, или, проще говоря, частых и сильных землетрясениях* [Б. Ахмедханов, Марат Даниялов. Пока земля нас еще носит // «Однако», 2009]; *Это резкое изменение внешнего облика, а проще говоря постарение, хронологически совпадает с духовным переворотом* [И. Волгин. Уйти ото всех. Лев Толстой как русский скиталец // «Октябрь», 2010]; *Москвичам, планирующим дожить до XXI столетия, не придется больше мучиться сомнениями по поводу качества питьевой воды, поступающей в наши квартиры из поверхностных источников, то есть, проще говоря, из сильно загрязненных подмосковных рек* [Сверху (1997) // «Столица», 1997.08.26].

Наблюдения над контекстами употребления деепричастных вводно-модальных УСК позволяют также выявить их регулярную полисемию. Так, первые вхождения оборота *грубо говоря* в тексты НКРЯ датируются XIX веком. В это время анализируемый УСК употребляется крайне редко и имеет значение ‘упрощая, представляя ситуацию более простой, чем есть на самом деле’: *Дело просто, ясно и, грубо говоря, ведь вот в чем: Ты вошла в исключительно близкие отношения, в те отношения, в которые входят только с людьми, которых любят любовью...* [Л. Н. Толстой. Письма (1894)].

Затем оборот *грубо говоря* продолжает употребляться в прежнем значении упрощения ситуации (эта функция остается ведущей), но, кроме того, служит для предупреждения о том, что будет использовано стилистически сниженное выражение. Сравн.: *Неудачный опыт «Культуры» с отказом от линеек (грубо говоря, появление одних и тех же программ в одно и то же время), слава Богу, закончился* [А. Ковалева. Революция на марше. Александр Пономарев все-таки сделает «Культуру» (2002) // «Известия», 2002.07.12]; *Так вот, экстраполируя, грубо говоря, следя за изменениями линий на руке человека, можно, разумеется, весьма приблизительно предсказать его будущее* [Г. Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002] – *Значит, авиабилеты туда и обратно для жены я беру за собственные деньги, а тысяча франков на двоих на еду – это же, грубо говоря, обожраться можно* [В. Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000)]; *Но эти Хари Кришны меня, грубо говоря, достали!!!* [А. Белянин. Свирипый ландграф (1999)]; *Но как только она начинает говорить, грубо говоря, «уши вянут»* [В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (1999)].

Разные значения оборота *грубо говоря* связаны метонимически по модели «упростить ситуацию – упростить средства описания ситуации».

Интересно, что УСК *грубо говоря* активно используется в текстах научной и технической тематики, в основном в значении упрощения способа выражения мысли, но нередко и просто в качестве перехода к иному способу передачи информации: *Однако физическое отображение или, грубо говоря, способ, каким образом тёмная материя заполняет пространство Вселенной, пока остаётся загадкой* [Максим Харченко. Скрытая масса // «Зеркало мира», 2012]; *Магнитары – это весьма экзотическая разновидность пульсаров, грубо говоря – это сверхнамагниченные (как указывает само их название), очень медленные и очень молодые пульсары* [Сергей Ильин. В мире звезд // «Знание – сила», 2005].

Кроме того, типичным для данного УСК является значение не совсем точной, приблизительной передачи информации (прежде всего количественных данных): *Планета обращается вокруг красного карлика за 1,94 дня, грубо говоря – за двое суток* [Михаил Вартбург. Меньше и, кажется, тверже // «Знание – сила», 2006]; *Темпы роста населения, производства и науки находятся, грубо говоря, в пропорции 1: 2: 4* [В. Ф. Турчин. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции (1970)]; *Судите сами: интересующий нас период в истории Древней Греции – это, грубо говоря, 500 лет до н. э. плюс-минус двести лет, после чего идет уже эпоха эллинизма* [Д. В. Аносов. Взгляд на математику и нечто из нее (2000)].

Наконец, во многих случаях употребление оборот *грубо говоря* выступает как заполнитель паузы. Причем используют его активно и люди образованные, не имеющие проблем с речью. Проиллюстрируем такое употребление УСК контекстами из Устного корпуса НКРЯ: *Восемнадцатый век. Ну/ грубо говоря/ Ломоносов и дальше. Попытки в этом направлении были и раньше/ но ещё такие/ зачаточные* [Андрей Зализняк. Читаем «Слово о полку Игореве». Проект Academia (ГТРК Культура) (2012)]; *Для нас главная семиотическая система/ как ни крути/ как ни изучай другие системы – это язык. Это система языка/ которая состоит/ грубо говоря/ из слов* [Александр Махов. Средневековый демонологический бестиарий. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)].

Подобные наблюдения, связанные с регулярной полисемией деепричастных вводно-модальных единиц, можно сделать и в отношении всех остальных подобных УСК. Отличия будут заключаться в объеме и степени выраженности многозначности.

Характерным для некоторых из анализируемых УСК является их употребление в составе однородного ряда формально подобных единиц, связанных соединительными (*Не знаю, но, честно говоря и мягко выражаясь, не верится вот в это* [Александр Гришин. Андрей Кураев попросил денег у читателей своего ЖЖ // Комсомольская правда, 2014.02.15]; *Мы с тобой, если разобраться (Пропусту и честно говоря), Не способные прорваться На соединение моря* [И. П. Уткин. Семейная хроника (1935)]) или противительными (*Давайте высказываться откровенно. Можно/ грубо говоря/ но мягко выражаясь* [Аркадий Райкин и др. Люди и манекены, к/ф (1974)]; *Я уж молчу о том, что подобные методы работы уважаемого государственного учреждения вызывают, мягко говоря, недоумение, а грубо говоря, блевотное чувство всех порядочных людей* [Сергей Юрский. Осенний бал (1993)]) отношениями. С помощью деепричастных вводно-модальных единиц может быть также выстроена градация типа *Сперва она подумала, что это чувство общечеловеческой любви, но подумав ещё, поняла: нет, любовь обычная, грубо говоря, половая, мягче – сексуальная, ещё мягче – женско-мужская, а совсем уж мягко – небесами венчанная на сдвоенье и размноженье* [Алексей Слаповский. Международная любовь (1999)].

Таким образом, использование корпусных методов, данных Национального корпуса русского языка позволяет уточнить и расширить наши представления о группе деепричастных вводных единиц устойчивого типа, выявить спектр субъективно-модальных значений, выражаемых ими, способы встраивания их в текст, хронологическую активность / пассивность, стилистическую маркированность и др.

Список использованных источников

- 1 Биккулова, О. С. Деепричастие / О. С. Биккулова // Проект корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusgram.ru/Деепричастие>. – Дата доступа : 24.07.2016.
- 2 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 02.07.2016.
- 3 Розина, Р. И. *Так называемый*: семантика вводных метаязыковых оборотов / Р. И. Розина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/> – Дата доступа : 02.07.2016.

УДК 811.161.2'367.624

Г. І. Гримашевич

ПРИСЛІВНИКИ ЯК СТРУКТУРНИЙ КОМПОНЕНТ І РЕПРЕЗЕНТАНТ АДВЕРБІАЛЬНОЇ СЕМАНТИКИ СЕРЕДНЬОПОЛІСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ

Статья посвящена анализу среднеполюских фразеологизмов, зафиксированных в диалектах Житомирской области, с компонентом-наречием (в основном определительным способа действия и меры и степени и обстоятельственным места и времени) и фразеологическим единицам с адвербиальной семантикой. В частности, рассмотрены фразеологизмы с адвербиальным значением 'близко', 'далеко', 'много', 'мало', 'давно' и др.

Фразеологізми – репрезентанти мовної та культурної картини світу певного народу чи етнічної групи, оскільки в них відтворено світогляд, матеріальну та духовну культуру. Як зауважує О. Селіванова, фразеологізми будь-якої мови є лінгвосеміотичним феноменом, формуючи особливу «підмову», одне з концентричних кіл мови, у якому в усталеній формі зберігаються і транслюються уявлення етносу про світ, культурне й історико-міфологічне усвідомлення дійсності та внутрішнього рефлексивного досвіду народу [6, с. 11].

З огляду на зазначене вище функціонування фразеологізмів на різних теренах українськомовного діалектного континууму привертало увагу мовознавців (Г. Аркушина, І. Глуховцевої, М. Демського, Й. Дзендзелівського, Г. Доброльожі, М. Олійник, Ю. Прадіда, В. Ужченка, Д. Ужченка та ін.), результатом чого стали монографічні та лексикографічні видання, що представляють цей унікальний пласт мови.

Джерелами нашого дослідження слугували передовсім власноруч зібрані матеріали в одній з архаїчних зон Славії – середньополіських говірках Житомирської області, а також лексикографічні фразеологічні видання, які репрезентують етномовний континуум Середнього Полісся, насамперед словник Г. Доброльожі «Фразеологічний словник говірок Житомирщини» [4], що уможливило простеження тенденції функціонування фразеологічних одиниць на зазначеній території; для порівняння використано надбання діалектологів, які вивчали фразеологізми в інших зонах Полісся, зокрема працю Г. Аркушина «Сказав, як два зв'язав», у якій репрезентовано народні вислови із західнополіських говірок [1].

Мета нашої розвідки – проаналізувати фразеологізми з адвербіальною семантикою, зафіксовані в середньополіських говірках, виявити фразеологічні одиниці зі складником-прислівником, охарактеризувати основні тенденції функціонування досліджуваних лінгвістичних одиниць.

Насамперед варто зазначити, що зібраний і опрацьований діалектний фразеологічний матеріал підтверджує думку багатьох українських мовознавців загалом [2, с. 299] і діалектологів зокрема [3; 5] про периферійність прислівника як частини мови, оскільки

відсоток адвербіативів у складі зафіксованих фразеологізмів досить низький (менше 5 %) порівняно з іншими частинами мови.

Водночас зауважимо, що на досліджуваній території найуживанішими в складі діалектних фразеологічних одиниць є адвербіативи (як прислівники, так і прислівникові сполуки) лексико-семантичних груп означальних прислівників, зокрема способу дії: *догори дригом*, *догори ногами*, *догори раком* ‘шкереберть’, *йак до неба рачкі* ‘далеко’, *шо вдовж, шо вишир* ‘дуже товстий’, *з віскоком*, *з пудскоком* ‘охоче’, *іде (іде) як (єк) на завтра* ‘дуже повільно’, *летєт грельма (грейма)* ‘швидко (іти)’, *лежат лежма* ‘хворіти’, *сідьма сідєт* ‘сидіти непорушно’, *ходіт пешкі под (пуд) стол* ‘бути малим’, *сікось-накось* ‘як-небудь’, *стать дибкі* ‘гоноритися’, *став правцем* ‘про біль у спині’, *через вулицу навприсядкі* ‘далекій, чужий’, *як до неба рачкі* ‘далеко’, *хоч гопкі скачі* ‘дуже чогось хочеться’, *бітком набітий* ‘переповнений’ тощо (зафіксовані фразеологізми подано з урахуванням діалектної вимови їхніх компонентів; у дужках представлено варіантність складових фразеологічної одиниці). Представлений матеріал суперечить загальній тенденції функціонування означальних прислівників у говірках, оскільки такі адвербіативи належать до найпериферійніших адвербіальних лексем, водночас у фразеологізмах їх виявлено найбільше, очевидно, з огляду на їхню семантику, емоційність.

З-поміж обставинних прислівників у фразеологічних одиницях переважають адвербіальні лексеми з локативною (*на носу* ‘скоро’, *душа зверху* ‘у незастібнутому одязі’, *перед носом* ‘близько’, *тут як тут* ‘швидко’, *ні туди ні сюди* ‘нікуди’, *нікуди не годіцца* ‘непотрібний’, *вперед ногами (винесуть)* ‘померти’) та темпоральною семантикою (з *деда-прадеда* ‘здавна, споконвіку’, *як поповна замуж* ‘довго (збиратися)’, *часом з квасом, а порою з водою* ‘бідно (жити)’, *рано чи позно* ‘неодмінно, обов’язково’, *пошов на лекі – пропав навеки* ‘захворіти’, *зімою снєгу не даст (не допросішса)* ‘скупий’). Частотність уживання саме прислівників місця й часу зумовлена переважанням таких одиниць не лише у фразеологізмах, а й загалом у говірковому мовленні, зокрема в діалектних текстах, де, порівняно з іншими групами обставинних адвербіативів (причини, мети) такі одиниці значно переважають, що свідчить про загальні тенденції функціонування відзначених прислівників.

Як бачимо, незважаючи на свою периферійність, прислівники, передовсім означальні способу дії, є стрижневим компонентом у низці фразеологізмів надаючи їм емоційності та експресивності. Крім того, у зафіксованих одиницях в усталеному вигляді функціонують такі адвербіальні лексеми, яких в інших конструкціях не використовують (напр., *грельма*, *сідьма*, *лежма*, *дригом* тощо), які за походженням є архаїчними віддієслівними дериватами.

Низка відзначених фразеологічних одиниць передає адвербіальну семантику. Зокрема, Г. Добролюжа виділяє 32 прислівникові семи, які виражають фразеологізми на території Житомирщини, з-поміж яких найбільше відповідників із семантикою ‘багато’, ‘недоречно’, ‘швидко’, ‘широ’ [4, с. 369–382]. Зафіксований нами матеріал свідчить, що найбільше функціонує одиниць зі значенням способу дії: *абі з рук (вон)*, *на бістру (скору) руку* ‘як-небудь, абияк’, *про людське око* ‘абияк (робити щось)’, *як Марко по пеклу* ‘розгублено’, *жабі по колєно* ‘мілко’, *за двє (обє) щокі, на два бокі* ‘швидко (їсти)’, *ногі в руці, без духу* ‘швидко (іти, бігти)’, *тютелька в тютельку* ‘докладно’, *хоч око віколі* ‘темно’, *як в аптеци* ‘точно’, *кров з носа, як штик, як піть (піт) дать (дат)* ‘обов’язково, неодмінно’, *пулею вілетєт* ‘дуже швидко’, *за спасібо, за так, за красівіє очі* ‘безкоштовно’, *аж курить* ‘швидко’, *як сонна муха, як черепаха, нога за ногу чепляєцца* ‘повільно’, *жить душа в душу* ‘дружно’, *з доброго діва* ‘безпричинно’, *як по маслу* ‘легко, добре’, *як льоду* ‘точно’, *як раз плюнуть* ‘легко’ тощо. Як видно з наведеного матеріалу, у фразеологізмах із відзначеною семантикою самі прислівники функціонують зрідка.

Досить часто вживаними на обстеженій території є фразеологізми зі значенням міри і ступеня: *(так) шо ажажаж* ‘значною мірою, дуже сильно’, *з вершком, до погібелі, до холєри (халєри)*, *до чорта* ‘дуже багато’, *як (єк) кот наплакав, як (єк) украв (украла)*, *із заячі хвост* ‘дуже мало’, *по зав’язку, по саме нікуда* ‘повністю, цілком’, *на всю івановську* ‘дуже голосно (кричати)’, *в пух і прах* ‘дощенту’

Адвербіальна семантика часу репрезентована спорадично відзначеними фразеологічними одиницями у *свінчачі голос (в свінчачіє голоса)*, у *свінчачу пору* ‘пізно, несвоєчасно’, *котра пора* ‘давно’, *сюд-туд* ‘дуже часто’, *жаба цяцьки дасть* ‘дуже довго’, *колі дощ поїде вгору, як (єк) волоссе на долоні віросте, як рак свісне, як певень знесеца, як курка закукурекає* ‘ніколи’, локативна – фразеологізмами *куди очі гледят (дівляца)* ‘абикуди, куди-небудь’, *під (пуд, под) боком* ‘дуже близько’, у *чорта на кулічках* ‘далеко’.

Як видно з наведеного матеріалу, у зафіксованих фразеологізмах із прислівниковою семантикою, що виражають зазначені вище семи, самі прислівники – досить рідковживане явище, хоча в таких фразеологічних одиницях часто функціонують так звані прислівникові сполучення та аналітичні прислівники різних лексико-граматичних розрядів.

Опрацювання лінгвістичних надбань, які репрезентують інші зони поліського етноконтинууму щодо функціонування в них фразеологізмів із зазначеною семантикою, засвідчило наявність подібних фразеологічних одиниць, які насамперед відрізняються фонетичними та морфологічними рисами, що притаманні для представленої території, хоча загалом спостерігаємо спільні тенденції у функціонуванні фразеологічних одиниць, у їхній структурі та семантичному наповненні. Водночас відзначаємо трансформаційні процеси, заміну компонентів в аналізованих фразеологічних одиницях на різних теренах Полісся (пор.: у західнополіських говірках *прійть в кэр’ачий голос, прійть в соббч’і голось* ‘запізно’ [1, с. 86], *прійть в соббчий крик* ‘т. с.’ [1, с. 100]), що свідчить про активність функціонування фразеологізмів і динамічність діалектного мовлення.

Отже, прислівники як стрижневі лексеми – неодмінна складова значної частини середньополіських фразеологізмів із різною семантикою. Крім того, у діалектному мовленні поліщуків досить часто вживаними є фразеологічні одиниці з адвербіальною семантикою, зокрема ті, які репрезентують значення ‘близько’, ‘далеко’, ‘багато’, ‘мало’, ‘легко’, ‘давно’, ‘ніколи’ тощо. Зафіксовані фразеологічні одиниці демонструють переважно діалектні фонетичні особливості, зумовлені фонетичними рисами середньополіських говірок. Крім того, у представлених фразеологізмах відображено неповторний колорит мислення поліщука, його світобачення, спостережливість.

Обстеження більшої кількості населених пунктів Житомирської області уможливить докладне дослідження сучасної системи фразеологізмів загалом і прислівників як складових цих одиниць зокрема, здійснення компаративних студій завдяки фіксації фразеологізмів у лексикографічних виданнях, які репрезентують інші терени поліського континууму.

Список використаних джерел

- 1 Аркушин, Григорій. Сказав, як два зв’язав : Народні вислови та загадки із Західного Полісся і західної частини Волині / Григорій Аркушин. – Люблін–Луцьк, 2003. – 178 с.
- 2 Городенська, К. Прислівник / К. Городенська // Теоретична морфологія української мови / І. Вихованець, К. Городенська / За ред. І. Вихованця. – Київ: Пульсари, 2004. – С. 298–313.
- 3 Делюсто, М. С. Граматика говірки у світлі тексту : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / М. С. Делюсто. – Київ, 2010. – 20 с.
- 4 Доброльожа, Галина. Фразеологічний словник говірок Житомирщини / Галина Доброльожа. – Житомир : ПП Туловський, 2010. – 404 с.
- 5 Мартинова, Г. І. Функціонування обставинних прислівників у середньонадніпрянських говірках / Г. І. Мартинова // Мовознавчий вісник : Зб. наук. пр. / МОН України Черкаський нац. ун-т ім. Б. Хмельницького ; Відп. ред. Г. І. Мартинова. – Черкаси, 2014. – Вип. 19. – С. 6–14.
- 6 Селіванова, О. О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд) : Навч. посібник для спец. «Українська мова і література», «Мова і література» / О. О. Селіванова ; Черкаський держ. ун-т ім. Богдана Хмельницького. – Київ: Фітосоціоцентр, 1999. – 148 с.

М. А. Даніловіч

КАМПАРАТЫВІЗАЦЫЯ СЛОВА ЯК СПАСАБ УТВАРЭННЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ

Разглядаецца не адзначаны раней у навуковай літаратуры спосаб утварэння фразеалагізмаў, заснаваны на кампаратывізацыі слова. Паказваюцца прамежкавыя тыпы пераходу слова ў параўнальную канструкцыю. Выяўляецца кола слоў, пераважна іншамоўных, якія з-за сваёй семантычнай дэактуалізацыі маюць схільнасць да перараджэння ў кампаратыўныя фразеалагізмы.

Спосабы ўтварэння фразеалагізмаў атрымалі шырокае адлюстраванне ў навуковай літаратуры. У абагульненым выглядзе іх характарыстыку можна знайсці ў вучэбным дапаможніку І.Я. Лепшава "Фразеалогія сучаснай беларускай мовы". Аўтар дапаможніка вылучае чатыры спосабы: фразеолага-сінтаксічны, эліптычны, фразеолага-лексічны, адфразеалагічны [1, с. 17–29]. Кожны з іх рэалізуецца ў некалькіх разнавіднасцях. Напрыклад, фразеолага-лексічным спосабам утвараюцца фразеалагізмы шляхам "разгортвання" мнагазначнага слова, якое, дапаўняючыся іншым словам, пры фарміраванні фразеалагічнай семантыкі адначасова выяўляе абодва свае значэнні: *гад печаны, заводзіцца з паўабароту, чортава гібель, браць верх*.

Вучонымі не было заўважана яшчэ адно цікавае ўтварэнне фразеалагізмаў, пашыранае пераважна ў дыялектнай мове, статус якога пры больш глыбокім аналізе патрабуе вызначэння свайго месца або ў межах фразеолага-лексічнага спосаба, або ў якасці асобнага спосаба фразеаўтварэння. Мы назвалі яго *кампаратывізацыя слова*. Сутнасць яго ў наступным. Неактуальнае, часцей за ўсё іншамоўнае, слова па прычыне слабой адаптаванасці ў мове ці ўстарэласці з цягам часу выходзіць з актыўнага ўжытку. Але яно цалкам не страчваецца, а падпадае пад працэс ідыяматызацыі, перараджэння ў фразеалагізм. Яно пачынае ўжывацца з параўнальным злучнікам *як* ці яго сінонімамі, але не як самастойнае слова, а як устойлівы кампаратыўны выраз. Гэты выраз, пераймаючы аснову семантыкі ўтваральнага слова ці змяняючы яе, набывае катэгарыяльнае значэнне ад'ектыўнасці або адвербіяльнасці. Такім спосабам, напрыклад, утварыўся фразеалагізм *як флюндра* 'нехайны, нехайна апрануты' ад назойніка *флюндра* 'нехайная жанчына': *Рашчашы ты свой пляітух на галаве, а то ходзіш як флюндра*. Вайшнарышкі Ашм. (СГВ, 364).

Фразеалагізмы, утвораныя кампаратывізацыяй слова, падобныя на фразеалагізмы, утвораныя на аснове параўнальнага звароту. Але гэтае падабенства больш знешняе, паводле фармальнай структуры. Калі ж браць сам працэс ўтварэння, то ён мае сваю адметнасць. У параўнальным звароце – прататыпе фразеалагізма – існуюць жывыя параўнальныя адносіны, якія рэалізуюцца наяўнасцю трох структурных кампанентаў: аб'ект, прадмет і аснова параўнання. Пры фразеалагізацыі гэтыя адносіны ў той ці іншай ступені могуць зацямяцца, разбураюцца, нярэдка аснова параўнання страчваецца наогул, параўн.: (белы, збялець) *як палатно* 'вельмі', (глухі) *як пень* 'вельмі', *як ніць даць* 'вельмі лёгка, проста', 'абавязкова, бяспрэчна'.

Пры кампаратывізацыі слова фразеалагізм узнікае не з параўнальнага зварота, дзе напачатку ўсе кампаненты параўнання празрыстыя і відавочныя, а адразу са слова, сэнс якога няпэўны, невыразны, і гэтая няпэўнасць прыкрываецца параўнальным злучнікам, які быццам апраўдвае ўжыванне слова не ў яго слоўнікавым значэнні. Утвараецца імітацыя параўнання, псеўдапараўнанне, якое набывае часта нематываванае з пункту гледжання сучаснага моўніка фразеалагічнае значэнне. Напрыклад, сёння ў гаворках не выкарыстоўваецца слова *філют(-а)* < польск. *filut* 'свавольнік, круцель, гарэза, прайдзісвет', але сустракаецца ў складзе выразу *як філюта*, які з-за незразумеласці назойнікавага кампанента і адсутнасці жывых

параўнальных адносін нельга разглядаць у якасці параўнання, а варта кваліфікаваць як фразеалагізм з прыметнікавым значэннем 'залішне свавольны, гарэзлівы, лоўкі, шустры хто-н.': *Аньця як філюта, скура на ёй гаворыць*. Жукойні Жэлядскія Астр.

Кампаратывізацыя слоў працэс паступовы, ён ўзмацняецца па меры іх архаізацыі, страты семантычнай празрыстасці. Цікавыя ў гэтым плане прыклады, дзе слова паралельна суіснуе ў свабодным ўжыванні і ў параўнальнай канструкцыі: *Бываіць з добрага чалавека зробіцца вяпла: станиць, як вяпла, і нічога не панімаіць* (вяпла – літ. *vėpla* 'дурань, разява'); *Ляпеза – незграбная, ні фігуры, сідзіт, як ляпеза, прышоўшы на вечарынку* (ляпеза – літ. *lepėrza* 'нязграбны, непаваротлівы чалавек'); *Як завядземса, то адна на другую: «сутра!» – кажам. Ты робіш, як сутра, ходзіш, як сутра* (сутра – літ. *sutra* 'мурза').

У гаворках засведчаны шматлікія выпадкі пераходных з'яў, што ілюструюць частковую страту словам сваёй самастойнасці і цягаценне яго да параўнальнай канструкцыі. На гэта ўказваюць пэўныя спалучальныя лексічныя і сінтаксічныя сродкі, якія ўцягваюць лексічную адзінку ў сферу лагічнага параўнання.

Няпэўны займеннік *нейкі* (*некі*) ўказвае на сэнсавую няпэўнасць слова, якім характарызуецца суб'ект. Прыклады са словамі *гардыба* 'высокая нязграбная жанчына', *нерапа* 'чалавек, які надта многа есць', *плюндра* 'нехайная': *Села баба на воз, гардыба нека, ледво конь цягня*. Верцялішкі Гродз. (СНМ-2, 49). *От ты таксама некая нерапа. Ясі, покуль ні зьялжаш*. Дамейкі Лід. (СРЛГ, 80). *Да яе ў хату ні ўлесьці, плюндра нека, як у сьвініцы ўсяроўно*. Валькевічы Зэльв. (СРЛГ, 92).

Адносны займеннік *які* (*якая*) выступае ў значэнні няпэўнага займенніка і выконвае аналагічную функцыю. Прыклады са словамі *саўлук* 'няўклуда, нехайны, брудны чалавек', *флюндра*, *хоўра* – 'нехайная жанчына': *Шапку насуня на вушы і паўзе, як саўлук які* (СНМ-2, 205). *Во якая флюндра пашла*. Завельцы Астр. (СПЗБ-5, 267). *Вось папусьціла валасэ, як хоўра якая*. Вярэкі Ваўк. (СРЛГ, 121).

Параўнальны элемент выразна адчуваецца, калі семантычна зацёмненае слова ўступае ў адносіны супастаўлення ці проціпастаўлення з тым словам, што называе аб'ект маўлення ў межах сінтаксічнай канструкцыі "*не хто (што), а хто (што)*". Прыклады са словамі *анчутка* 'нячысцік, сатана', *стаўдур* 'высокі чалавек', *гаргара* 'вялікі будынак, вялікая рэч', *понця* 'цяльпук', *апанча* 'няўклудны, бесхарактарны чалавек': *Не чалавек ты, а анчутка*. Заполле Івац. (ДСК, 21). *Ні дзеўка, а стаўдур, як яна сабе жаніха дабярэ*. Панкі Івац. (ДСК, 219). *О, у цябе не гумно, а гаргара цэлая. Лазаўцы Івац.* (ДСК, 58). *Наш зяць понця некі, а ні чалавек, у яго ні гарыць ні мокня*. Сухая Даліна Гродз. (СНМ, 111). *Ні мужык, а нека апанча, са сваёй жонкай ні справіцца*. Дарашэвічы Гродз. (СНМ-2, 14).

У шэрагу выпадкаў слова, што ўцягваецца ў працэс кампаратывізацыі, становіцца аб'ектам прыхаванага параўнання, якое выражаецца з дапамогай пэўных адзінак, якія да таго ж могуць выконваць ўзмацняльную функцыю:

гэты, гэта: *І калі ўжо гэты афэлак за розум возьмецца*. Ятвезь Ваўк. (СРЛГ, 13) (*афэлак* 'пусты, несур'ёзны чалавек'). *А мая ты! Гэты стумікла толькі на людзях стумікла*. *А ў хаця, хай хто слова напроціў скажыць, гатоў забіць*. Косцевічы Астр. (СРЛГ, 112) (*стумікла* 'ціхмяны, стрыманы чалавек'). *А гэты ш вывлока ў хаця ні стыкаіцца, па сколька дней бываіць ні прыходзіць дахаты*. Косцевічы Астр. (СРЛГ, 26) (*вывлока* 'валацуга'). *Гэта флюндра заўсёды сябе пакажа, шлындая тут, аш пазіраць на яе брытка*. Доргішкі Ашм. (СГВ, 522) (*флюндра* 'нехайніца'). *Адно зачачі – і ўжэ плача. От рагеша гэта дзеўчына. Раве і раве раўгеша гэта*. Крывічы Зэльв. (СРЛГ, 97) (*рагеша*, *раўгеша* 'плакса, румза').

ну і (й): *Ну й сарма ты! Німа ў цібе паратку. Ні ў хаця, ні на рабоця*. Вугляны Сморг. (СРЛГ, 103) (*сарма* 'нехайная жанчына'). *Адна скура і косьці. Ну й ты скліфан*. Палушы Астр. (СРЛГ, 105) (*скліфан* 'вельмі худы чалавек'). *Ну і шлёндра гэта Валя*. Трокенікі Астр. (СРЛГ, 128) (*шлёндра* 'жанчына лёгкіх паводзін').

але <ж> і: *Але і афэрма, хто за яго замуж пойдзя*. Караневічы Гродз. (СНМ, 15) (*афэрма* 'уродлівы чалавек'). *Але яна жош лапеза – келаграмаў сто якіх будзя*. Уселюб

Навагр. (СРЛГ, 65) (*лапеза* 'тоўстая жанчына').

добры: Твае дачкі хлопяц добры бурвалок: малы, а тоўсты. Даргушы Івац. (ДСК, 35) (*бурвалок* 'здоравае, тоўстае дзіця').

зусім: Есьць у нас адзін такі мужык, зусім таўлуй, анічагуткага рабіць ні хоча, анно ляжыць. Брычыцы Дзятл. (СРЛГ, 115) (*таўлуй* 'гультай').

Кампаратывізацыя аднаго і таго слова ў дыялектнай прасторы можа працякаць нераўнамерна. У адных гаворках яно ўжываецца як паўнакроўная лексічная адзінка, у другіх знаходзіцца ў працэсе перараджэння ва ўстойлівы зварот, у трэціх адбылася поўная архаізацыя лексічнай адзінкі і ўжыванне яе толькі з параўнальным злучнікам у якасці фразеалагізма. З часам фразеалагізм можа сцвердзіцца на ўсёй тэрыторыі бытавання свайго лексічнага папярэдніка ў мінулым. У наступных утварэннях ідыяматызацыю назоўнікаў можна лічыць канчатковай, свабоднае ўжыванне іх мы не сустрэлі ў прааналізаваных сучасных крыніцах: як *утароп* 'ненармальны, звар'яцелы' – *Яна як утароп: пацярала памяць, здзяцініла.* Новіны Нясв. (СПЗБ-5, 241); як *хлюшч* 'наскрозь (мокры)' – *Прышоў с поля мокры як хлюшч.* Кайшоўка Карэл. (СГВ, 62); як *ляска* 'роўная, гладкая, без выбоін (дарога)' – *Ецьця на Шчучын, там дарога як ляска, адна любата ехаць.* Мякішы Шчуч. (СДФГ, 233); як *віціна* 'прыгожая, стройная (дзяўчына)' – *Дзеўка як віціна, любо паглядзець.* Літвінкі Гродз. (СНМ, 175).

Кампаратывізацыяй ахоплены розныя паводле паходжання словы, але часцей запазычаныя, як правіла, слаба асвоеныя. У беларускіх гаворках з запазычаных кампаратывізацыі падлягаюць пераважна балтызмы, германізмы і цюркізмы. Гэта тлумачыцца, тым, што яны генетычна належаць да няблізкароднасных моў і пры ўзмацненні славянскага кампанента ў дыялекце архаізуюцца і сэнсава зацямяюцца ў большай ступені, чым словы блізкароднасных моў (польскай, рускай). Вось некаторыя прыклады фразеалагізмаў, утвораных на аснове: балтызмаў: як *дымба* 'высокі хто-н.' – літ. *dimba* 'высокі хто-н.'; як *кірэбла* 'няўкладна, раскірачыўшыся (ісці)' – літ. *kerépla* 'раскірака'; як *кушла* 'нехайны; нехайна' – літ. *kūšlas* 'хто-н. аброслы валасамі'; як *лут* 'тоўсты, сыты' – літ. *lūtis* 'укормлены'; як *трайда* 'балбатлівы, лапатлівы' – літ. *traidà* 'балбатуха, лапатуха'; як *шакаль* 'вельмі тонкі' – літ. *šakalyš* 'аскепак'; як *шурпа* 'нехайны' – літ. *šūrpa* 'птушка з ускудлачанымі пёрамі'; германізмаў: як *рыхтык* 'вельмі дакладна, належным чынам' – ням. *richtig* 'якраз, дакладна, правільна'; як *флюндра* 'нехайны' – ням. *plunderig* 'абадраны'; як *афэрма* 'нехайны, нязграбны апущчаны' – ням. *ohne Forme* 'бесформенны'; цюркізмаў: як *апанча* 'без мэты, без справы (хадзіць, бадзяцца)' – тур. *yarınca*, крым.-тат. *япынцы* 'плашч, папона'.

Дзякуючы кампаратывізацыі, словы, што выходзяць з актыўнага ўжытку і асуджаны на забыццё, знаходзяць працяг свайго існавання ў новай якасці – у ролі кампанента фразеалагічнай адзінкі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1 Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.

Прынятыя скарачэнні

ДСК – Зайка, А. Дыялектны слоўнік Косаўшчыны / А. Зайка. – Слонім : Слоні́мская друкарня, 2011. – 272 с.

СГВ – Сцяшковіч, Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці / Т. Ф. Сцяшковіч; рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 671 с.

СДФГ – Даніловіч, М. А. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – 267 с.

СНМ – Цыхун, А. П. Скарбы народнай мовы: з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну / А. П. Цыхун; навук. рэд. П. У. Сцяцко. – Гродна, 1993. – 243 с.

СНМ-2 – Цыхун, А. П. Скарбы народнай мовы: з лексічнай спадчыны Гарадзенскага раёну / А. П. Цыхун. – Гародня : Гарадзенская бібліятэка, 2014. – 242 с.

СПЗБ-5 – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч і інш. ; рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка. – 1986. – Т. 5. – 563 с.

СРЛГ – Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны / пад рэд. М. А. Даніловіча, П. У. Сцяцко. – Гродна : ГрДУ, 1999. – 152 с.

УДК 811.161.2'373.2-112

В. В. Денисюк

ВУЛЬГАРНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ, ИЛИ НАЗЫВАЕМ ВЕЩИ СВОИМИ ИМЕНАМИ

В статье проанализированы обценные фразеологизмы, зафиксированные в украинских интермедиях XVII–XVIII вв. Подобные устойчивые словосочетания вступают в конкуренцию с «культурными» устойчивыми единицами, оставаясь тем не менее первичной экспрессивной номинацией различных процессов и действий, выявляются истоки и закономерности употребления в речи фразеологических вульгаризмов.

Исследование истории формирования фразеологического фонда украинского языка было и остается чрезвычайно актуальным. Отечественная лингвистическая наука имеет в своем арсенале значительное количество работ, в которых проанализировано функционирование устойчивых словосочетаний в различные хронологические периоды развития украинского языка. Все же отметим, что остается еще много лакун, куда не дошли умы ученых. В первую очередь это касается тех групп лексики, которые презентуют народный язык и речь. Проникновение таких языковых единиц в письменные тексты относится к позднему периоду. Для украинского языка – это конец XVI в. – XVII в.

Этот период знаменателен и тем, что, наряду с расширением жанров и стилей, в литературный язык просачивается народная речь со всем ее богатством выразительных средств. Специфику народной речи можно охарактеризовать современным выражением «Из песни слов не выбросишь» или, как говорят украинцы, «Народ скаже – як зав’яже». У каждого народа есть готовый арсенал устойчивых выражений – «на все случаи жизни». Эти словесные комплексы, являясь активным элементом живой речи, в большинстве случаев подлежат цензуре в языке литературном. Как свидетельствуют памятники письменности, табу на «терпкие» выражения существовало едва ли не с первых известных нам текстов. Не стал исключением и украинский язык, который литературную линию сначала вел как церковнославянское наследие. Но можно ли делать вывод о вульгаризации тех или других слов, опираясь только на церковнославянские тексты раннего периода? В данном вопросе приход старославянского языка свидетельствует о конфликте нормы и системы. Являясь искусственным по своей природе, имея ограниченную сферу функционирования в нашем древнем обществе, он сделался тем фильтром, который, предложив славянству перевод Святого Писания, дал от ворот поворот многим словам живого языка, мотивируя это отсутствием таковых в Святом Писании. Образность языка первоисточника, умноженная на религиозно-непостижимую сущность деяний святых, загоняла обычных людей в ступор: как же так, я делаю то и то, имею названия и тому, и другому, а они и не делают, и не имеют названий. Подобный парадокс наблюдался не так давно: в Советском Союзе бытовало мнение, что генсеки, руководящие работники, учителя даже в туалет не ходили. Раз не ходили, так зачем слова? Такие слова только запятнают репутацию советского человека. Вероятно,

подобные настроения существовали в сознании русичей, для которых христианство было элементом чужой этнокультуры. Таким образом, первой стадией «вульгаризации» лексем послужил приход старославянского языка.

Жанровое разнообразие в Древней Руси было еще малым. Жития, переводы евангелий, летописи, деловая письменность – вот и весь жанровый арсенал, который уже ввиду своей специфики не мог фиксировать вульгарные коннотации в семантике того или иного слова. Прославляя святых или князей, писцы акцентировали внимание только на главных положительных качествах или действиях.

Второй стадией, по нашему мнению, можно считать образовательный стереотип, основания которого были заложены также в эпоху Древней Руси. Человек, который умел читать и писать (конечно же, старославянский след, так как письмо – кириллица старославянская, читать – евангелия, жития), противопоставлялся человеку неграмотному. Таким образом, вульгаризм, точнее его отсутствие в литературном церковнославянском языке, соответственно и в речи, и присутствие в живом, становился критерием для культурно-социальной дифференциации общества. Теперь перед человеком стоял выбор той или другой единицы (вульгаризма, фразеологизма). Со временем слово или фразеологизм наряду с другими факторами стали эталоном языковой и речевой культуры человека, его образованности, его ума. Но, как нам видится, много здесь искусственного, если учесть, что продолжают функционировать как нормативные слова с корнем, который в составе других лексем уже реализует вульгарную семантику. Культурно-эвфемистический запрет, репрезентированный лексикографическим вытеснением вульгаризмов, свидетельствует скорее о жесткой конкуренции в пределах синонимического ряда (и часто не в пользу единиц литературного языка), чем о выходе крепких словеч на лексическую периферию.

Вульгарные фразеологизмы, как, впрочем, и любой вульгаризм, характеризуются высокой степенью экспрессивности. Но откуда взялась эта экспрессивность? Фольклорные тексты, которые сохранили много «терпких» выражений, свидетельствуют о том, что такие языковые единицы номинировали крайнюю степень какого-то явления, прежде всего физиологического. Это доказывает тот факт, что люди, уставшие по нескольку раз объяснять известные истины собеседнику, прибегают к вульгаризмам – и человек сразу же понимает, о чем идет речь, выполняет все, дабы не навлечь на себя еще больший гнев.

Ученые неоднократно делали попытки исследовать этот лакомый запретный кусочек языка, понимая, «что, во-первых, по употребительности они [обсценизмы] занимают ведущее место в обиходном русском лексиконе и, во-вторых, прояснение их этимологии (многих русских, между прочем, очень интересующее) способствовало бы повышению «культуры речи», о которой так много пекутся обычно ее кодификаторы» [1, с. 50]. В нашей статье рассмотрим несколько зафиксированных обсценных фразеологизмов в текстах, презентующих «простой» украинский язык XVII – начала XVIII в.

Памятники письменности украинского языка, как только туда попал живой язык, свидетельствуют об активном употреблении вульгаризмов, в частности вульгарных фразеологизмов. Примечателен тот факт, что они звучат из уст и мужчин, и женщин, то есть не выявляют доминанты носителей сквернословий. Например, в известной интермедии на три персоны баба так заявляет черту: (Баба): *Граї же, б'гши драв твою мат, бо я тоб' [плачу]. А я з д'бдом хороше оттут поскачу* (с. 95; здесь и дальше приводим номер страницы по изданию: Українські інтермедії XVII–XVIII ст. / АН УРСР ; Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка ; вступ. стаття і відп. ред. М. К. Гудзія, підгот. тексту Л. Є. Махновця. – К. : Вид-во АН УРСР, 1960. – 239 с.). Автор умело передает речь старого человека с помощью замены молодого свиста [с] на старческое шипение [ш]. Но главное здесь в другом: автор не превращает женщину в грубую матерщинницу, а использует явно эвфемизированный вариант давнего выражения, оставляя без изменений субъект действия – черта. Старая женщина не боится назвать даже черта чертовым отродьем. Фразеологизм может служить дополнительным подтверждением исследований Б. А. Успенского

о мифическом подтексте конструкции [2, с. 85–103]. Эвфемизация глагольного компонента немного смягчает экспрессивность фразеологической единицы.

Интермедии демонстрируют интернациональный характер вульгарной фразеологии. Например, в интерлюдии простой мужик объясняет москалю, почему он так сильно напуган. Свой рассказ мужик умело выстраивает, включая не только эвфемистические, но и вульгарные фразеологические единицы, напр.: (Мужик): *Чорт же их знає, може уже изрубали. Тут як один свиснеть шаблею, так я так злякався, Що трохи-трохи, не тоб'ї кажучи, по ушц не в.....ся. Да й так, гледи, може уже из душі пустився, На хтем в'їчно пропав бы, коли б вашець не згодився* (с. 175). Контекст свидетельствует о деривационных процессах, происходящих во фразеологической системе украинского языка. В данном случае мы имеем объединение фразеологизмов с семантикой «страх, сильное эмоциональное волнение, следствием чего есть фекальные испражнения» и «степень действия»: *трохи-трохи не в.....ся + по ушц*. Конечно, языковой натурализм, именуемый по-научному какофонией, режет уши, зато метко и емко передает сущность ситуации. Заметим, что в исследуемый период конкуренцию этой языковой единице в одном из значений составляло образное метафорическое словосочетание *итанив не одхватии*. Естественно, здесь больше образности, меньше экспрессии. Человек просит извинить его за употребление фразеологизма, напр.: (Онопрій): *То вже того гинтяку на нич як ухватиш, То опивночи, пробачьте, итанив не одхватии* (с. 202). Как бы там ни было, а центральный вульгаризм продолжают употреблять и сейчас в устной речи без изменений в семантике: *Причесався, прилизався, В нові штани вбрався, Як прийшов же до дівчини, На порозі в.....ся* (Українські жартівливі пісні).

Нелогичность разграничения вульгарной и литературной лексики презентует другой фразеологизм – *пердь пердя наганяе / пердь пердя поганяе*. Опять же имеем дело с не совсем четким критерием: физиологический процесс никто не отменял, но называть его можно только «ласково» – *пукати / пукать*. В праславянском языке слова *пукать, лопать, лускать* принадлежали к одному синонимическому ряду семантики «процесс распускания березовых почек». Услышанный от лопанья почек звук человек перенес на себя, продолжая жить со своей физиологией не только весной, а в любое время года. Таким образом, обценный глагол *п.....ть* расширил этот синонимический ряд. Если поэкспериментировать и заменить такое вульгарное слово, как *п.....ть*, на *пукать*, станет ли от этого культурному слушателю легче? Вроде бы и да, но ведь звуковые физиологические ассоциации останутся, и, как ни заменяй, эффект в жизни будет тот же, разве что с небольшой слабинкой в языке.

Исследуемые тексты демонстрируют прекрасную игру слов, семантический параллелизм, свидетельствуя о том, что в устной речи простых украинцев такие вульгарные с современной точки зрения фразеологизмы функционировали, напр.: (Мужик): *А що там за прочвара? Ох, моя годино! Се ж ти вбралась у наше, старая шкапино! От тепер бак, кауць, думка думку пошибає, А из журбы тяжкой пердь пердя наганяє! А як ви ей в он'їм, и що там робила?* (с. 166); (Жоврид): *Що як наимось всмак з березовым соком, То хто черевом повзе, а инішій и боком. А вже вночи, то знай – пердь пердя поганяє: Вона б то, бач, и ситна, лиш живіть надуває* (с. 203). Заметим, что в обоих контекстах фразеологизм обозначает не только физиологический процесс выпускания газов, но и само скопление газов в кишечно-желудочном тракте, которые, перемещаясь, издают соответствующие звуки внутри, обозначенные нынче как *кишки марш грають* и др. Если же звуку удалось вырваться, то разная степень звучания имеет свою номинацию – от *шептунчика пустити* до *разразиться громом и молнией*. Примечательно, что модель оказалась родной украинскому языку, что демонстрируют контексты известных мастеров слова, напр.: *Біда біду бідою поганяє* (И. Багряный).

Но, несмотря на социальную табуизированность обценной лексики и фразеологии, которую В. М. Мокиенко видит в семантической и функциональной инерции мифологического прошлого части этих языковых единиц [1, с. 69], два из трех предложенных фразеологизмов продолжают звучать в украинской устной речи.

Список використаних джерел

- 1 Мокиенко, В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В. М. Мокиенко // Русистика. – 1994. – № 1–2. – С. 50–73.
- 2 Успенский, Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. – М. : Гнозис, 1994. – С. 53–128.

УДК 81.161.1'373:81.161.3'373:[398.43:159.961.44]

И. Г. Евтухова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОЛОРАТИВОВ В СОСТАВЕ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С КОМПОНЕНТАМИ-ФИТОНИМАМИ В РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ЗАГОВОРАХ

В статье рассматриваются устойчивые словосочетания белая берёза и зелёный дуб в текстах русских и белорусских заговоров. При этом отмечается неразрывная связь заговора с устнопоэтической традицией, выявляется своеобразие последнего как жанра, ориентированного на преобразование действительности.

Фитонимы функционируют в лексико-семантической системе языка, где они выполняют не только номинативную, но также прагматическую и оценочную функцию. Фитонимы представляют собой объединение лексем сходной денотативной направленности с классифицирующим интегральным признаком, в составе которого представлены частные лексико-семантические группы, характеризующие собственно лингвистические отношения между составляющими ее единицами. В текстах русских и белорусских заговоров достаточно продуктивными являются устойчивые словосочетания зелёный дуб и белая берёза.

Дуб «в традиционной культуре славян самое почитаемое дерево, связанное с богом-громовержцем и символизирующее силу, крепость и мужское начало; место совершения религиозных обрядов, объект и локус жертвоприношений» (СД I, 141).

Издrevле являясь объектом поклонения, дубы зелёные довольно часто фигурируют в текстах русских и белорусских заговоров. «В фольклорных текстах дуб выступает в образе трехчастного мирового дерева, моделирующего вселенную с ее тремя мирами. В славянских заговорах дуб, стоящий на острове, вблизи храма, на горе, посредине океана и т. п., обозначает центр мира и сам мир и, вместе с тем, идеальное иномерное пространство, где только и возможно разрешение той или иной кризисной ситуации. Рядом с дубом или прямо на нем находятся царь, царица, Бог, Богородица и святые, а вокруг дуба в его корнях или на листьях лежит змея» (СД I, 143). Сравн. бел.: *У чыстым полі стаяў дуб зялёны, кудравы. Мы яго на імені не знаём, на лісцях не адгадаем. Пад тым дубам ляжаў камень, на тым камені стаяла цэрква, у той цэркві стаяў прастол. За тым прастолам сядзіць Маці Прачыстая...*» (Зам., [Ад рожы] 215), «*На сінім моры стаіць дуб зялёны, на тым дубе залатая кара, сярэбраная, там гулялі цараняты, паняняты...*» (Зам., [Ад зубішча] 195); «*Што на сінім моры стаяў дуб зялёны. На тым дубе дванаццаць сукоў, дванаццаць кокатаў, дванаццаць дзевак...*» (Зам., [Ад уроку] 271), «*Госпадзі, як пачынаўся свет, было на свеці тры царыкі: первы царык – зялёны дуб у полі, другі царык – белы камень на моры, трэці царык – шырокі месяц на небе...*» (Зам., 180), «*...Первы цар – ясен месяц на небе, другі цар – зелян дуб у полі, трэці цар – белы камень у моры...*» (Зам., [Ад зубнога болю] 182); «*У чыстым полі дуб зялёны стаіць. / У том дубе сера гадзіна сядзіць...*» (Замовы, [Ад змяі] 584).

Данное словосочетание нигде не изображается в отрицательном свете. У зелёного дуба широкая, универсальная власть над болезнями. Т. А. Агапкина отмечает, что «гораздо

чаще в любовных заговорах отмечаются сочетания апеллятива *дуб* с разного рода пояснительными эпитетами и уточнениями. Эпитеты (как имена собственные) способствуют выделению конкретного культового объекта (дуба) из ряда ему подобных» [1, с. 51].

Словосочетание *зелёный дуб* встречается в охотничьих заговорах, в заговорах от гадушки, от болезней, от уроков, на успех в суде, в дорогу.

Берёза – «одно из наиболее почитаемых деревьев (наряду с дубом, вербой и др.). Берёза – дерево «счастливое», оберегающее от зла, и одновременно вредоносное, связанное с нечистой силой и душами умерших» (СД I, 156). Глубокие мифологические корни многочисленных славянских верований, связанных с берёзой, оставили значительный след в русских и белорусских заговорах. *Берёза* «в восточнославянской мифологии священное дерево. *Берёза* почиталась как женский символ во время весеннего праздника Семика (семицкая берёза), когда в селение вносили распутившееся дерево и девушки надевали на голову венки из зелени, в чем виден след мифологического уподобления девушки мировому дереву» (МНМ I, 169). Во многих поверьях, обрядах и заговорных текстах *белая берёза* символизирует женское начало, связывается с девушкой (женщиной): бел. «*Пад белой бярозай сядзела дзеўка. Не ўмела ні прасці, ні ткаці, а толькі Тані прыдзіў шаптаці*» (Зам [Ад падзіву (прыдзіву)], 270).

В русских заговорах *белая берёза (берёзонька)* является объектом, не подверженным влиянию стихий и болезней: *Как эта белая берёза стояла во чистом поле, не знала ни уроков, ни призоров...* (БКРИЗ [На здоровье ребенка], 27; РЗ, 37), *Как белая берёза стоит и не боится ни ветру, ни вихорю, ни уроков, ни призоров, ни страхов, ни переполохов, ни озевицей младенческих...* (БКРИЗ [При первом мытье в бане новорожденного младенца], 118); *...Как белая берёзонька стоит веки по веки, не трогнётся не ворогнётся...* (РЗ [Для предохранения телёнка от падежа или болезни], 138).

В одном из белорусских заговоров местонахождение березы – священное место: бел. «*На гарэ Сіяньскай, на вадзе Арданьскай стаіць залаты Намастыр... І сярод таго намастыра стаіць залаты прэстол, за тым прэстолам сам Сус Хрыстос, маці Прачыстая... Перад імі стаіць гара мясная, свяча залатая, белая бяроза, усяму свету прыгожа; з-пад тые бярозы працякала крыніца...*» (Зам [Ад ведзьмы, як малако ў каровы адбярэ], 61).

Белая берёза как перевернутое корнями вверх древо мировое – инвертируемый образ мирового древа, фигурирует в русском заговоре «от ран и кровотечений»: «*На море на Окияне, на острове на Кургане, стоит белая берёза, вниз ветвями, вверх корнями; на той на берёзе Мать Пресвятая Богородица шёлковые нитки мотает, кровавые раны зашивает...*» (БКРИЗ, 214; РЗ, 47), «Не исключено, что образ «перевернутого» дерева возникал именно в связи с геометрией нижнего мира, в котором все отношения «перевернуты» по сравнению с верхним и средним миром (живое становится мертвым, видимое – невидимым и т. п.). Таким образом, «перевернутость» объясняется либо особенностями метрики пространственно-временного континуума вселенной, либо изменениями в позиции наблюдателя» (МНМ I, 401).

Белая берёза связывается в русских заговорных текстах с «тем» светом, в белорусских – с местом обитания болезней: Сравни: рус. *...далече белая берёза, под той белой берёзой стоит белая берёза-гробница, в той гробнице лежит Афанасий-чернец, старец Анисим-патриарх...* (БКРИЗ [От килы], 481); бел. *На синім моры стаяла бела бяроза, пад той бярозай гуляла 12 скул-скулавіц, 12 родных сястрыц...* (ВЛЗ, № 55. Ад скулы, 32).

Небезынтересными представляются сведения о том, что «некоторые славянские племена, жившие на территории западной России и Беларуси, хоронили людей в бересте» [2, с. 148]. «В старинных славянских поверьях мы находим однозначную связь берёзы с душами умерших. Отсюда возникло двойственное отношение к берёзе – кое-где ее считали воплощением душ умерших родственников, кое-где – нечистым деревом, в ветвях которого гнездятся черти и русалки» (ЭСЗЭ, 78). Формулы отсылки болезни в заговорных текстах обнаруживают черты несомненного сходства как на содержательном, так и на формальном уровне: Сравни: рус. «*Ночная полуночица, денная полуночица, не тешься, не потешайся*

моим младенцем, поди в чистое поле на белую берёзу, там тешься, потешайся кисточками, листочками, прутиками...» (БКРИЗ, 89), «Подите прытки-уроки в чистые поля, в темные леса, на океанские моря, за пень-колоду, за белу берёзу, где люди не ходят, где птицы не летают» (БКРИЗ [От сглаза и порчи], 349), «...Выйди, моя думушка, в дремучий лес, в пень-колоду, в белую берёзу, в вязкое болото» (БКРИЗ [От килы], 471–472), «...ссылаю я тябе на крутые горы, на белыя бярозы» (Романов, 37 № 132), «...Подите прытки-уроки в чистые поля, в темные леса, на океанские моря, за пень-колоду, за белу берёзу, где люди не ходят, где птицы не летают...» (БКРИЗ, 349); бел. «Скула белая, ідзі на белую бярозу...» (Зам [Ад скулы], 212), «...Разрэжце Насцін ляк на белай бярозе, распаліце агнямі, рассячыце нажамі, развейце вятрамі...» (Зам [Ад ляку], 303), «...Рассей эту боль на мхам, балатам, лугам, на жоўтым пяскам, на ніцых лозах, на белых бярозах, на гнілых калодах...» (Зам [Ад уроку], 290), «...Ссылаю я цябе [зляк] на крутые горы, на белыя бярозы...» (Зам [Ад ляку, упаду, сцені], 311), «...Мацер Божая, вазьмі эту боль і разнясі яе на палям, лясам, балатам, мхам, лугам, пажоўтым пяскам, на ніцых лозах, на белых бярозах, на гнілых калодах...» (Зам [Ад спуду], 322).

Словосочетание *белая берёза* встречается в заговорах от болезней, чаще всего связанных с влиянием нечистой силы, от испуга, от укуса бешеной собаки.

Дуб и берёза – деревья, с которыми человек может «побрататься – посвататься». Так как символика цвета – явление неоднозначное, формируемое, с одной стороны, символикой предметов – носителей цвета, с другой – набором возможных рядов, в которые входит тот или иной цвет, то в русских и белорусских заговорных текстах они наделяются разными, часто противоположными цветовыми эпитетами: *дуб зелёный, чёрный, золотой; берёза белая*. Парно-противоположны они и с точки зрения родовой символики: *дуб* – мужской символ, *берёза* – женский.

Для белорусской заговорной традиции характерно соотнесение отдельных болезней с определенными деревьями: *дуб* – зуб, вывих, береза – «залатнік». Трудно объяснить, чем мотивирована эта связь, возможно, болезни связывались с определенными деревьями в силу некоторых отличительных признаков последних (например, крепость зуба ассоциировалась с крепостью дуба или сустава при вывихе; *белая береза* – со светлым «залатніком»). Несомненно, растение, ассоциируемое с болезнью, могло по принципу подобия и забрать эту болезнь. В соответствии с конкретными просьбами в русских и белорусских заговорных текстах зафиксированы обращения к «доброму» *зелёному дубу* или к *белой берёзе*, обладающей амбивалентными признаками.

Таким образом, в результате исследования традиционных устойчивых фольклорных сочетаний *зелёный дуб* и *белая берёза* не только обнаруживается неразрывная связь заговора с устнопоэтической традицией, но и выявляется своеобразие последнего как жанра, ориентированного на преобразование действительности.

Список использованных источников

- 1 Агапкина, Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира / Т. А. Агапкина. – М. : Индрик, 2010. – 824 с.
- 2 Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск. : Тетрасистемс, 2004. – 256 с.

Принятые сокращения

БКРИЗ – Большая книга русских исцеляющих заговоров / авт.-сост. М. В. Рейли. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 511 с.

ВЛЗ – Вяргеенка, С. А. На моры-акіяне, на востраве Буяне... (лекавая замова Гомельшчыны) : фальклорна-этнаграфічны зборнік / С. А. Вяргеенка; пад рэд. В. С. Новак. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2009. – 220 с.

Зам. – Замовы / уклад. Г. А. Барташэвіч. – Мн. : Навука і тэхніка, 1992. – 599 с.

Замовы – Замовы / уклад. У. А. Васілевіч, Л. М. Салавей; уступ. арт.: Л. М. Салавей. – Мн. : Беларусь, 2009. – 519 с.

МНМ – Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – Т. 1. – 672 с.

РЗ – Русские заговоры / под ред. Н. И. Савушкиной. – М.: Пресса, 1993. – 368 с.

СД – Славянские древности: Энциклопедический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995–1999. – 1995. – Т. 1. – 584 с.

ЭСЗЭ – Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. В. Андреева и др. – М.: Локид-Миф, 1999. – 576 с.

УДК 811.161.1'373.46:398.92

Ж. Ф. Жадейко

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается проблема изучения фразеологизмов; анализируются особенности привлечения устойчивых сочетаний в качестве дидактического материала; на примере фрагментов урока русского языка в XI классе рассматриваются возможные виды, формы и методы работы над фразеологическим материалом.

Русская фразеология – сокровищница национально-языкового фонда народа, отражающая мировоззрение и культуру носителей языка. По меткому выражению Л. И. Ройзензона, «без фразеологии коммуникативная роль языка свелась бы во многих случаях к функции технического средства связи типа телеграфа» [1, с. 79]. Фразеологические единицы не только представляют собой богатейший материал как средство познания истории и культуры народа, но и являются одним из средств формирования и развития речевой культуры человека, что свидетельствует о необходимости кропотливой работы с устойчивыми единицами в курсе изучения русского языка.

Опыт показывает, что понимание лексического значения и употребление в речи устойчивых сочетаний вызывают значительные затруднения у современных подростков и выпускников школ. Это объясняется как объективными, так и субъективными причинами, среди которых основными, на наш взгляд, являются следующие: 1) незначительное количество часов, отведенных учебной программой по русскому языку для учреждений общего и среднего образования Республики Беларусь на изучение фразеологии как раздела лингвистики; 2) падение у учащихся интереса к чтению и изучению классической литературы; 3) низкий уровень читательской грамотности как обучающихся, так и выпускников средних учебных заведений.

Названные причины побуждают преподавателя к такой организации процесса обучения русскому языку, при которой внимание к устойчивым оборотам является системным и систематическим на уроках и языка, и литературы, а также на уроках словесности, к проведению которых, как нам видится, должен стремиться учитель, демонстрируя обучающимся прикладной характер изучаемого материала, развивая у них интерес к русскому слову, работая над пополнением словарного запаса и развитием речи школьников, преподавая материал из разных разделов языкознания в тесной взаимосвязи.

На примере фрагментов урока русского языка в XI классе рассмотрим возможные виды, формы и методы работы над фразеологическим материалом в рамках изучения темы по пунктуации.

С учётом текстоцентрического подхода к изучению русского языка в начале урока в качестве введения в тему может быть предложен диктант:

Для чего мы учимся языкам европейским, французскому например? Во-первых, попросту, чтоб читать по-французски, а во-вторых, чтоб говорить с французами, когда столкнёмся с ними; но уж отнюдь не между собой и не сами с собой. На высшую жизнь, на глубину мысли заимствованного, чужого языка не достанет, именно потому, что он нам всё-таки будет оставаться чужим; для этого нужен язык родной, с которым, так сказать, рождаются. Но вот тут-то и запятая: русские, по крайней мере высших классов русские, в большинстве своём, давным-давно уж не рождаются с живым языком, а только впоследствии приобретают какой-то искусственный и русский язык узнают почти что в школе, по грамматике [2, с. 127].

Работу с текстом может предварять вступительное слово учителя, которое прозвучит перед диктовкой. Например: – Не так давно, в 2008 году, была переиздана книга Ф. М. Достоевского «Дневник писателя». Эта книга в конце XIX века не только обратила особое внимание современников на её автора, но и вызвала обсуждение, взволновала глубокомыслящих людей. Отрывок из главы «На каком языке говорить отцу Отечества?» мы запишем. Вы, во-первых, сможете проверить себя (насколько хорошо умеете справляться с решением пунктуационных задач), а во-вторых, проанализировать пунктуационное оформление текста Ф. М. Достоевским.

Более приемлемым вариантом нам представляется написание текста без указания фамилии писателя, с тем чтобы после диктовки учащиеся могли по стилю догадаться, кто является автором текста и в какое время данный текст был написан (принимая во внимание актуальность проблематики предлагаемого фрагмента). После выявления уровня восприятия текста и анализа пунктограмм выясняется понимание учащимися значения устойчивого сочетания вот тут-то и запятая ‘надо задуматься’; предлагается ознако-миться с отрывком из шуточного стихотворения «Запятая», написанного неизвестным автором и опубликованного в 1907 г.: *Бывает, нам в жизни везёт, И всё как по маслу идёт. Но вдруг что-нибудь помешает, К дальнейшему путь заграждает. И некуда больше идти... Исходов других не найти. И скажешь, неволью вздыхая: «Вот тут-то и есть запятая»* [2, с. 131].

После прочтения данного текста, «подсказывающего» значение анализируемого сочетания, перед учащимися ставится задача не только указать семантику фразеологизма, но и дать ему эмоционально-оценочную характеристику (ироническое: *приходится задуматься*).

При наличии в учебном кабинете доступа к Интернету в процессе урока можно обратиться к Национальному корпусу русского языка [3], в результате работы с которым выясняется частотность употребления анализируемого фразеологического выражения Ф. М. Достоевским: писатель часто использовал данное выражение. Так, в «Записках из подполья» читаем:

– *Да-с, но вот тут-то для меня и запятая!* Господа, вы меня извините, что я зафилософствовался; тут сорок лет подполья! Позвольте пофантазировать.

В романе «Братья Карамазовы» Иван, перед тем как сообщить Алёше о своей поэме «Великий инквизитор», рассуждает о том, что ни высшая гармония, ни «покупка истины» не стоили «*хотя бы одного только замученного ребёнка*», его слёз:

Уж когда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына её, и все трое возгласят со слезами: «Прав ты, господи», то уж, конечно, настанет венец познания и всё объяснится. Но вот тут-то и запятая, этого-то я и не могу принять.

По окончании работы с материалами НКРЯ учащимся предлагается составить словарную статью для фразеологического словаря, содержащую анализируемое выражение, после чего сравнить её со словарными статьями из фразеологических словарей. Например, со статьей из «Большого толково-фразеологического словаря русского языка» М. И. Михельсона: *Тут – запятая* (иноск.) – запинка: приходится остановиться, задуматься.

По завершении данной работы учащимся может быть предложено вспомнить другие фразеологизмы русского языка, содержащие названия знаков препинания, в том числе слово *запятая*, привести примеры предложений с названными оборотами, объяснить семантику

устойчивых сочетаний, после чего предпочтительно, на наш взгляд, снова организовать словарную работу с целью выявления фразеологизмов со словом *запятая*, причем обратиться к разным словарям. Начать работу можно с обращения, например, к фразеологическому словарю под редакцией А. Н. Тихонова: *До последней запятой* – во всех подробностях, не упуская ничего. – *Я, разумеется, всё рассказала ему... высказала всё до последней запятой.* Достоевский.

Вместо словарной работы или после нее может быть предложено для пунктуационного анализа и вычленения из текста фразеологизма следующее предложение: *Пришло время собраться с мыслями и поставить жирную запятую во всей этой теме, получившей такое развитие; пришло время остановиться, чтобы понять, к чему ведёт этот спор* [2, с. 133].

Учащиеся сделают вывод о том, что в данном контексте трансформирован фразеологический оборот *поставить (жирную) точку* ‘прекратить’. При изменении слова изменилось и значение: не ‘прекратить’, а ‘остановиться (хотя и, возможно, надолго), чтобы затем продолжить’.

Представляется полезной и работа над полисемией слова *запятая*. Для наблюдения учащимся предлагается записать следующее предложение и прокомментировать употребление в нем слова *запятая*: *Данный приговор суда – это не точка в рассматриваемом деле, а всего лишь запятая, после которой последуют другие юридические процессы.*

Очевидно, что в этом предложении мы имеем дело с многозначностью слова *запятая*; оно употреблено в переносном значении (как и слово *точка*): это не ‘остановка’, а ‘приостановка’.

После данного вида работы представляется уместным сопоставление учащимися словарных статей толковых словарей с целью выявления значений слова *запятая* и закрепления знаний о его полисемии:

Запятая, -ой, ж. 1. Знак препинания (,), обозначающий интонационное членение внутри предложения, а также выделяющий некоторые синтаксические группы. 2. *перен.* Препятствие, затруднение (разг. шутл.). *В этом-то вся и запятая* (С. И. Ожегов «Словарь русского языка», М., 1984).

Запятая, ж. 1. Знак препинания, употребляемый для выделения или разделения слов, групп слов или предложений. 2. *перен. устар.* Препятствие, помеха, затруднение (Т. Ф. Ефремова «Новый словарь русского языка», М., 2001) [2, с. 134].

По окончании сопоставительного анализа данных статей предлагается работа над межъязыковой фразеологией. При условии изучения учащимися английского языка она может быть организована следующим образом:

– А как бы вы перевели английскую идиому *that's the whole and the comma?* (*Вот тут-то и запятая*).

– Как по-английски «запятая»? (*Comma*).

– А по-белорусски? (*Коска*).

– По-украински – *кома*, по-немецки – *Komma*. Как вы думаете, из какого языка заимствованы эти названия? (Из греческого посредством латинского) [2, с. 135].

Обратившись к этимологическому словарю, учащиеся узнают о том, что в русском языке и *точка*, и *запятая* – по происхождению исконные слова.

Описанный подход к изучению русского языка, на наш взгляд, способствует формированию лингвокультурологической компетенции учащихся, развитию у них интереса к изучению русской словесности, формированию коммуникативной личности.

Список использованных источников

1 Ройзензон, Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : Изд-во Самарканд. ун-та, 1973. – 223 с.

2 Жадейко, Ж. Ф. Конспекты уроков по русскому языку в 11 классе : пособие для учителей учреждений общ. сред. образования. В 4 ч. Ч. 3 / Ж. Ф. Жадейко. – Минск : Народная асвета, 2014. – 174 с.

УДК 811.161.3

Я. Я. Іваноў

**УНІВЕРСАЛЬНАЕ І НАЦЫЯНАЛЬНАЕ Ё ФРАЗЕАЛАГІЧНАЙ
І ПАРЭМІЯЛАГІЧНАЙ ПАДСІСТЭМАХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ
Ё ЕЎРАПЕЙСКІМ МОЎНЫМ КАНТЭКСТЕ
(актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання)**

Описываются основная идея, актуальность, концептуальная и методологическая новизна изучения универсального и национального в составе фразеологической и паремнологической подсистем белорусского языка (на фоне основных европейских языков). Обосновывается необходимость создания лингвострановедческого словаря белорусских фразеологизмов.

Адным з найбольш папулярных напрамкаў у беларускім і замежным мовазнаўстве пачатку XXI стагоддзя з’яўляюцца лінгвакультуралагічныя і лінгвакагнітыўныя даследаванні, якія маюць на мэце рэканструкцыю т. зв. “моўнай карціны свету”, устанаўленне ў ёй спецыфічных для светаўспрымання дадзенага народа фрагментаў, вызначэнне рознаўзроўневых моўных сродкаў і форм іх выражэння. Такія даследаванні ў большасці выпадкаў праводзяцца на матэрыяле толькі адной мовы або са зваротам да яшчэ нейкай адной мовы, у параўнанні з якой акрэсліваецца нацыянальная моўная карціна свету. У такіх выпадках уласна нацыянальны кампанент непазбежна колькасна і якасна перабольшваецца – у лік адзінак уласна моўнага паходжання залічваюцца тыя, якія сустракаюцца і ў іншых мовах або ўвогуле з’яўляюцца ўніверсальнымі.

Такі падыход пануе нават пры вызначэнні паходжання фразеалагічных і парэміялагічных адзінак. Напрыклад, у “Этымалагічным слоўніку прыказак” (Мінск, 2014) аднаго з найбольш аўтарытэтных беларускіх фразеолагаў і парэміёлагаў І. Я. Лепешава выраз *Не ты першы, не ты апошні* (і яго варыянт *Не мы першыя, не мы апошнія*) вызначаецца як уласна беларускі на той падставе, што “ў даведніках іншых моў не фіксуецца” (стар. 88, 91). Аднак паралельны выраз шырока ўжываецца ў рускай мове і адзначаны ў слоўніках, параўн.: *Не ты (я, он и т. д.) первый, не ты (я, он и т. д.) последний* у “Фразеологический словарь русского литературного языка” А. І. Фёдарова (Москва, 2008). Прыказка *Надзея – матка дурных* вызначаецца ў этымалагічным слоўніку І. Я. Лепешава таксама як уласна беларуская, аднак у такой жа форме і ў такім жа значэнні ўжываецца ў сучаснай польскай мове (*Nadzieja giurich matki*) і была зафіксавана яшчэ ў парэміялагічным зборніку С. Адальберга “*Księga przysiów, przurówieńsi i wyraïec przysiówowych polskich*” (Warszawa, 1889–1894. S. 326). Прыклады памылковага вызначэння фразеалагізмаў і прыказак як уласна беларускіх можна доўжыць бясконца, асабліва ў тых выпадках, калі прама не закранаецца паходжанне фразеалагічных і парэміялагічных адзінак.

Такое перабольшванне нацыянальнага кампанента ў беларускай фразеалогіі і парэміялогіі вядзе і да таго, што ў школьныя падручнікі масава трапляюць не ўласна беларускія фразеалагічныя і парэміялагічныя адзінкі. Напрыклад, у многіх падручніках па беларускай мове для сярэдняй школы сустракаецца фразеалагізм *сорак бочак арыштантаў*, які не з’яўляецца ўласна беларускім (запазычаны з рускай мовы) і трапіў у падручнікі, відаць, таму, што ўжываецца ў рамане Якуба Коласа “На ростанях”, які ўваходзіць

у школьную праграму па беларускай літаратуры. Сапраўды ж уласна беларускіх фразеалагізмаў і прыказак у школьных падручніках змяшчаюцца толькі адзінкі, паводле колькаснага аналізу, які правяла Н. П. Пятрова [3].

Дагэтуль няма лінгвакраізнаўчага слоўніка беларускіх фразеалагізмаў. Існуючы лінгвакраізнаўчы слоўнік “Беларускія прыказкі, прымаўкі і крылатыя выразы” (Мінск, 1997) трэба істотна пашыраць і дапрацоўваць.

Можна сцвярджаць, што фразеалагічная і парэміялагічная падсістэмы мовы, нягледзячы на ўсю сваю моўную і экстралінгвістычную спецыфіку, усё ж у вялікай ступені складаюцца з запазычаных і інтэрнацыянальных элементаў (што пераканаўча прадэманстравана на матэрыяле рускай мовы В. М. Макіенка ў сваіх шматлікіх працах па этымалогіі рускіх фразеалагізмаў і прыказак). Фонд фразеалагічных і парэміялагічных адзінак беларускай мовы з’яўляецца часткай агульнаеўрапейскага фонду фразеалагізмаў і прыказак. Вызначэнне межаў універсальнага і нацыянальнага ў беларускай фразеалогіі і парэміялогіі – адна з актуальных праблем беларускага і славянскага мовазнаўства.

Актуальнасць даследавання ўніверсальнага і нацыянальнага кампанентаў беларускай фразеалогіі і парэміялогіі заключаецца (1) у распрацоўцы ў беларускім мовазнаўстве тыпалогіі фразеалагічных і парэміялагічных адзінак беларускай і іншых славянскіх і неславянскіх моў, (2) у размежаванні на гэтай падставе ўніверсальнага і нацыянальнага кампанентаў у фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы, (3) у вызначэнні і сістэматызацыі спецыфічных (нацыянальных) уласцівасцей адзінак фразеалагічнага і парэміялагічнага фондаў беларускай мовы.

Вывучэнне суадносін універсальнага і нацыянальнага ў саставе беларускай фразеалогіі і парэміялогіі адпавядае аднаму з прыярытэтных напрамкаў навуковых даследаванняў Рэспублікі Беларусь на 2016–2020 гг., зацверджаных пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь (11. Грамадства і эканоміка) і ўвайшло ў шэраг заданняў Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг.

Мэта даследавання – вызначыць і апісаць універсальны і нацыянальны кампаненты ў фразеалагічнай, парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы на падставе яе комплекснага тыпалагічнага супастаўлення (у фармальным, кантэнсіўным, інвентарызацыйным, імплікацыйным планах) з асноўнымі заходнеўрапейскімі мовамі (англійскай, нямецкай, французскай), славянскімі мовамі (рускай, польскай, славацкай, украінскай, чэшскай) і шэрагам інш. моў; сістэматызаваць істотныя ў тыпалагічным плане супадзенні і разыходжанні ў фразеалогіі, парэміялогіі беларускай і іншых моў (асобна ў выніку моўных кантактаў) з арыентацыяй вынікаў даследавання на ўдасканаленне выкладання беларускай мовы ва ўстановах сярэдняй і вышэйшай адукацыі Рэспублікі Беларусь.

Задачы даследавання заключаюцца ў тым, каб (1) распрацаваць крытэрыі тыпалагічнага даследавання фразеалогіі і парэміялогіі, вызначыць прынцыпы і акрэсліць прыёмы інвентарызацыйнай, фармальнай, кантэнсіўнай, імплікацыйнай тыпалогіі фразеалагічнай, парэміялагічнай падсістэм беларускай і іншых славянскіх (рускай, польскай, славацкай, украінскай, чэшскай) і неславянскіх (англійскай, нямецкай, французскай) моў; (2) вызначыць моўны матэрыял для тыпалагічнага даследавання – склад фразеалагічнага і парэміялагічнага мінімумаў, а таксама асноўнага фразеалагічнага і асноўнага парэміялагічнага фондаў беларускай мовы – такія мінімальныя колькасці адзінак, у якіх максімальна рэпрэзэнтаваны семантычныя, структурныя, сістэмныя і іншыя ўласцівасці фразеалагічных і парэміялагічных адзінак беларускай мовы, неабходныя для іх супастаўлення з адпаведнымі адзінкамі іншых моў; (3) вызначыць, сістэматызаваць і ранжыраваць паводле ступені прадуктыўнасці міжмоўныя супадзенні і разыходжанні ў фармальным і семантычным планах, структурных і семантычных тыпах, спосабах дэрывацыі, функцыянальна-стылістычных асаблівасцяў фразеалагічных, парэміялагічных адзінак беларускай і іншых моў; (4) асобна вызначыць і сістэматызаваць тыя міжмоўныя супадзенні і разыходжанні ў фразеалагічнай, парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы і іншых моў, якія абумоўлены кантактаваннем беларускай мовы

з пэўнымі мовамі ў гістарычнай перспектыве і ў сучасны перыяд; (5) вызначыць і сістэматызаваць тыпалагічна адметныя міжмоўныя супадзенні і разыходжанні і ўстанавіць на гэтай падставе ступень тыпалагічнай блізкасці / аддаленасці фразеалагічных, парэміялагічных падсістэм беларускай і іншых моў; (6) вызначыць універсальны (агульны для ўсіх або для шэрагу пэўных моў) і нацыянальны (уласцівы толькі беларускай мове) кампаненты ў складзе фразеалагічнай, парэміялагічнай падсістэмы беларускай мовы ў фармальным і семантычным планах, структурных і семантычных тыпах, спосабах дэрывацыі адзінак, іх функцыянальна-стылістычных асаблівасцях; (7) асобна акрэсліць тыя ўніверсальныя і нацыянальныя кампаненты фразеалагічных, парэміялагічных адзінак беларускай мовы, якія з'яўляюцца перспектыўнымі для лексікаграфічнага апісання, і распрацаваць прынцыпы і прыёмы, стварыць узоры іх фразеаграфіравання, парэміяграфіравання; (8) распрацаваць лінгвадыдактычныя рэсурсы для вывучэння нацыянальнага кампанента ў складзе фразеалагічных, парэміялагічных адзінак беларускай мовы ў мэтах укаранення вынікаў даследавання ў вучэбны працэс выкладання беларускай мовы ў школах і ВНУ Рэспублікі Беларусь.

Метадалагічная навізна даследавання заключаецца (1) у комплексным падыходзе да тыпалагічнага супастаўлення фразеалогіі, парэміялогіі беларускай і іншых моў (камбінаванага выкарыстання прыёмаў фармальнай, кантэнсіўнай, інвентарызацыйнай, імплікацыйнай тыпалогіі моў); (2) у выкарыстанні ў якасці моўнага матэрыялу для супастаўлення адзінак фразеалагічнага і парэміялагічнага мінімумаў, асноўнага фразеалагічнага фонду і асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы; (3) ва ўстанаўленні тыпалагічна абумоўленых міжмоўных супадзенняў і разыходжанняў фразеалагічных, парэміялагічных падсістэм беларускай і іншых моў і вызначэнні на гэтай падставе ступені тыпалагічнай блізкасці / аддаленасці гэтых моў; (4) у вызначэнні на аб'ектыўных падставах універсальнага і нацыянальнага кампанентаў у фразеалагічнай, парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў фармальным і семантычным планах, структурных і семантычных тыпах, спосабах дэрывацыі і функцыянальна-стылістычных асаблівасцях адзінак.

За папярэдні перыяд кіраўніком і выканаўцамі задання “Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы (у еўрапейскім моўным кантэксце)” Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. былі вызначаны некаторыя прынцыпы і прыёмы тыпалагічнага супастаўлення адзінак фразеалагічнай, парэміялагічнай падсістэм беларускай і шэрагу славянскіх і неславянскіх моў (рускай, польскай, англійскай, нямецкай і некаторых іншых), назапашаны багаты і рэпрэзентатыўны моўны матэрыял для тыпалагічнага супастаўлення фразеалогіі і парэміялогіі беларускай і іншых моў, адлюстраваны ў шэрагу такіх моналінгвальных і полілінгвальных фразеалагічных і парэміялагічных слоўнікаў, як “Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік” (2006) Я. Я. Іванова і Н. К. Раманавай, “Русско-белорусский паремиологический словарь” (2007) Я. Я. Іванова і В. М. Макіенкі, “Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік” (2007) пад рэд. Я. Я. Іванова, “Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік” (2009) пад рэд. Я. Я. Іванова, “Крылатыя выразы ў беларускай мове: з іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст.: тлумачальны слоўнік” (2004) пад рэд. Я. Я. Іванова, “Крылатыя выразы ў беларускай мове: з рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст.: тлумачальны слоўнік” (2006) пад рэд. Я. Я. Іванова, “Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік” (2011) Я. Я. Іванова, “Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках” (2014) Д. Балакавай, Х. Вальтэра, Н. Ф. Венжыновіч, М. С. Гутоўскай, Я. Я. Іванова, В. М. Макіенкі і інш. [1; 2].

Спіс выкарыстаных крыніц

1 Иванов, Е. Е. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.): библиографический обзор / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская // Паремиология в дискурсе:

коллективная монография / В. М. Мокиенко, Т. Г. Бочина, Е. Е. Иванов [и др.]; под ред. О. В. Ломакиной. – Москва : URSS: Ленанд, 2015. – С. 252–292.

2 Иваноў, Я. Я. Афарыстыка беларускай мовы : выбраныя даследаванні і матэрыялы (1960–2014) / Я. Я. Иваноў // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica: зб. навук. артыкулаў / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2015. – Вып. 6. – С. 249–275.

3 Пятрова, Н. П. Фразеалагізмы з нацыянальна-культурнай семантыкай у школьных падручніках па беларускай мове / Н. П. Пятрова // Веснік Мазырскага дзярж. пед. ун-та. – 2013. – № 1. – С. 127–132.

УДК 811.161.1'367.4

Ю. С. Иванчикова

ИСТОРИЯ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ С КОМПОНЕНТОМ *ИМЕТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*В статье выявлены и рассмотрены устойчивые глагольно-именные сочетания с компонентом **иметь**, функционировавшие в русском языке на разных временных срезах. Проанализированы специфика взаимодействия значений глагола и имени существительного и связанные с этим трансформации в семантической структуре компонентов, входящих в состав оборота.*

В современном русском языке широко употребляются устойчивые глагольно-именные сочетания типа *одержать победу, иметь желание, принять участие* и т. п. Отличительным признаком подобных конструкций В. Н. Телия считает «их несвободный характер, проявляющийся в ограничениях выбора слов-компонентов» [1, с. 8–9]. Глагол в составе глагольно-именных оборотов переосмысливается, десемантизируется и называет действие, полноценно выражаемое вторым компонентом – именем, играющим семантически ключевую роль.

На современном этапе развития русского литературного языка мы имеем широкий и лексически разнообразный круг глаголов, входящих в состав глагольно-именных оборотов. Глагольные компоненты таких конструкций различаются степенью десемантизации, частотностью в речевой практике. К глаголам, наиболее ослабившим свое лексическое значение и одновременно наиболее частотным, относятся следующие: *брать, быть, вести, входить, вызывать, выражать, выходить, давать, делать, идти, иметь, испытывать, нарушать, находить, получать, приводить, принимать, приходить, проводить, проявлять, производить, совершать, сохранять, ставить, терять* [2].

Одним из наиболее употребительных глагольных компонентов в глагольно-именных сочетаниях является глагол *иметь* 'владеть чем-либо на правах собственности', 'обладать, располагать кем-, чем-либо', 'располагать кем-, чем-либо в качестве кого-, чего-либо' [3, т. 1, с. 661].

Глагол *иметь* «играл роль основного глагола обладания на всем протяжении развития русского языка» [4, с. 34]. Первые письменные фиксации др.-рус. глагола *имѣти* относятся к концу XI в. со значением 'обладать, иметь' (1076 г.) [5, вып. 6, с. 229], также отмечается значение 'быть в состоянии' (XI в.) [6, т. 1, с. 1096–1097]. В XVI в. фиксируется значение 'соблюдать, блюсти, иметь обыкновение, привычку' (1548 г.), позже – 'содержать, поддерживать в каком-либо состоянии' (1682 г.) и 'содержать в себе' (XVII в.) [5, вып. 6, с. 229].

Уже в древнерусском языке широко представлены устойчивые сочетания, в которых глагол *имѣти* является информативно недостаточным и тесно связан с именем существительным, дополняющим его смысл. Др.-рус. глагол *имѣти* образует сочетания, обозначающие действие или состояние по значению существительного: *имѣти воздержание,*

лесть, любовь, миръ, наказание, отвѣтъ, постъ, честь. Например, сочетание *имѣти даръ* имело значение 'обладать каким-либо качеством характера', сочетание *имѣти языкъ* – 'владеть каким-либо языком, знать язык' и др. (с XII в. вплоть до XVI в.) [5, вып. 6, с.229–230].

Глагол *иметь* является универсальным способом выражения посессивности, идеи обладания в русском языке, однако при рассмотрении подобных сочетаний нельзя говорить о передаче посессивного значения в чистом виде.

В русском литературном языке с XVIII в., особенно со второй его половины, ширится количество описательных глагольных оборотов, «состоящих из имени существительного (в роли объекта) и полувспомогательного глагола (с полустершимся реальным значением)» [7, с. 409], наблюдается тенденция к росту сочетаний с подобной аналитической структурой, позволяющих передавать самые разнообразные оттенки внутреннего и внешнего мира человека. «Рост именных синтаксических построений в русском языке неразрывно связан с развитием в нем элементов аналитизма, аналитического строя» [8, с. 61].

Круг существительных, входящих в состав подобных глагольно-именных описательных выражений, в этот период пополняется за счет отглагольных имен, обозначающих действие или состояние; неотглагольных существительных, близких по семантике последним; абстрактных имен существительных, называющих эмоции человека, его чувства и переживания, качества и др. Расширяется и сочетаемость глагола. Так, глагол *иметь* в значении 'располагать, обладать кем-, чем-либо, иметь в наличии' сочетается с существительными *чин, достоинство, власть* и предложно-падежными формами *перед глазами, на своих глазах, в памяти, на уме, в мысли, на сердце (иметь перед глазами – 'видеть вблизи', иметь на своих глазах – 'общаться с кем-либо непосредственно')* [9].

В сочетаниях с существительными, называющими какие-либо внутренние или внешние особенности, характерные для человека (например, *иметь свойство, натуру, сердце, душу, вид, фигуру*), реализуется одно из значений глагола 'обладать каким-либо свойством, особенностью, признаком' [8].

В составе описательных обозначений действий и состояний глагол употребляется в значении 'производить действие, обладать состоянием'. В этом значении глагол сочетается с существительными типа *начало, бытие, желание, вера, терпение, дело, поручение, старание, усердие, действие, влияние, власть* и т. д. [9].

Наблюдения над функционированием языка во времени обнаруживают появление новых сочетаний, изменение валентностных возможностей уже имеющихся в языке глаголов. Эти процессы связаны, по-видимому, с тем, что, по словам С. Л. Рубинштейна, «основной нерв мышления заключается в следующем: объект в процессе мышления включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из объекта, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства» [10, с. 98–99].

В настоящее время группа глагольно-именных описательных выражений расширяется, становится разнообразнее их семантическое наполнение в связи с привлечением новых зависимых имен существительных: *иметь авторитет, вес, гарантию, регистрацию, возможность, опыт, значение, представление, в распоряжении* и т. д. [2, с. 68–69].

Рассматриваемые словосочетания различны по своему происхождению и времени возникновения в русском языке. В. В. Виноградов предполагает, что подобные аналитические эквиваленты могут быть кальками западноевропейских фразеологических сочетаний (*иметь успех, иметь влияние, иметь соприкосновение* и т. д.) [11, с. 450]. Другая основная часть возникла в русском языке и продолжает пополняться и в наше время в результате действия различных факторов: лексико-семантических, синтаксических и стилистических: *иметь предубеждение, иметь в виду* и др.

Глагольно-именные сочетания с глаголом *иметь* объединены особым характером отношений между составными компонентами. Несмотря на то, что в сочетаниях

прослеживается идея обладания, заключенная в семантике глагола (*иметь в распоряжении – обладать; иметь данные, сведения – знать, владеть данными, сведениями*), происходит десемантизация глагольной лексемы (полная или частичная) и развитие «своеобразного аналитизма в конструкции» [8, с. 62]. Зависимое имя существительное не только не утрачивает присущей ему семантики, но и становится семантическим центром сочетания. В результате глагол выступает как носитель и выразитель формальных, грамматических, показателей, придает «глагольность» всему сочетанию [12, с. 15], а существительное – как носитель и выразитель семантики сочетания.

В этих сочетаниях могут формироваться различные значения. Так, обороты *иметь способность, иметь влияние, иметь желание, иметь намерение, иметь необходимость, иметь обязанность, не иметь духа* и т. п., выражающие возможность, желание, долженствование, необходимость совершить что-либо, объединяет значение модальности. Близость семантики глаголов *быть* и *иметь* (*у меня есть желание* и *я имею желание*) обусловила формирование значения 'бытие' у следующего типа конструкций: *иметь бытие, иметь место*. Семантика конструкций *иметь понятие, иметь в виду, иметь представление, иметь мнение, иметь точку зрения, иметь сведения, иметь убеждения* связана с понятием 'интеллектуальная деятельность'.

Часто глагольно-именное описательное выражение имеет семантически синонимичный ему однословный глагол, который в ряде случаев обладает общим корнем с существительным, входящим в состав выражения, например, *иметь влияние – влиять, иметь намерение – намереваться, иметь желание – желать, хотеть* и т. п. Значение глагола-коррелята обычно шире значения оборота, так как в словосочетании уточняется и конкретизируется одно из глагольных значений: глагольно-именные выражения, включающие в свой состав соответствующие существительные, способны нести в себе значения начала или конца действия, наступления определенного состояния или пребывания в определенном состоянии (*иметь начало, иметь намерение, иметь желание* и т. д.). Это семантическое различие объясняет существование глагольно-именных описательных выражений при наличии синонимичного им однословного глагола.

Таким образом, глагольно-именные сочетания с компонентом *иметь* в истории русского языка представляют собой семантически целостные конструкции, так как глагол в их составе не имеет свободного, полнозначного номинативного значения, в то время как именной компонент функционирует с присущей ему семантикой. Расширение круга подобных оборотов обусловлено исконно свойственной русскому языку способностью образовывать сочетания с десемантизированными глаголами, в определенной степени поддержанной иноязычным влиянием.

Список использованных источников

- 1 Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М., 1981. – 269 с.
- 2 Дерibas, В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка (словарь-справочник) / В. М. Дерibas. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1979. – 256 с.
- 3 Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984.
- 4 Сенцов, А. Э. Сравнительное изучение концепта «обладание» во французском, английском и русском языках через рассмотрение соответствующих этимологических гнезд (к постановке проблемы) / А. Э. Сенцов, А. М. Коваленко // Молодой ученый. – 2011. – № 3. – Т. 2. – С. 34–36.
- 5 Словарь русского языка XI–XVII вв. / С. Г. Бархударов, Г. А. Богатова. – М. : Наука, 1979. – Вып. 6 (Зипунь – Январий). – 363 с.
- 6 Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Императорская АН, 1902 г. Репринтное издание: М. : Книга, 1958.
- 7 Виноградов, В. В. Статьи (Оказать) / В. В. Виноградов // В. В. Виноградов. История слов. – М. : 1999. – С. 409–410.

8 Прокопович, Н. Н. Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи / Н. Н. Прокопович // Русский язык за рубежом. – 1975. – № 1. – С. 61–65.

9 Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–...

10 Рубинштейн, С. Л. О мышлении и путях его исследования / С. Л. Рубинштейн. – М. : Изд-во Акад. наук, 1958. – 147 с.

11 Виноградов, В. В. Взаимодействие между газетно-публицистическими стилями и стилями официальной и канцелярской речи / В. В. Виноградов // В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М. : Высш. школа, 1982. – С. 446–451.

12 Короткова, А. В. Глагол *иметь* в системе средств выражения посессивности / А. В. Короткова // Acta Linguistica: Journal of Contemporary Language Studies. – Vol. 2. – Sofna : Eurasia Academic Publishers. – 2008 – № 1. – С. 11–16.

УДК 811.161.1

Н. А. Илюхина

О КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

В статье анализируется русская фразеология, в основе которой лежит метонимический принцип формирования семантики. С учетом связи ФЕ с концептами разного типа – фреймом, пропозицией и сценарием – фразеологизмы с метонимически производной семантикой делятся на пропозициональные, фреймовые и сценарные. Предметом анализа являются ФЕ сценарного типа.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект «Образная номинация и образная концептуализация знаний о мире в семантической системе: языковой и когнитивный аспекты» № 15-14-63002).

Семантика значительной части фразеологии оформилась и используется в речи по метафорическому принципу, т. е. на основе сравнения двух ситуаций – исходной, запечатленной в устойчивом сочетании в качестве «внутренней формы», и конкретной ситуации, о которой идет речь в высказывании. Например: *чужими руками жар загребать; авгиевы конюшни* ‘об очень загрязненном, захламленном месте, помещении; о чем-л. находящемся в крайне запущенном состоянии; о беспорядке, неразберихе где-л.’; *ворона в павлиньих перьях* ‘о том, кто тщетно пытается казаться более значительным, интересным, образованным и т. п., чем он есть на самом деле’.

Вместе с тем, как известно, существуют фразеологизмы, семантика которых оформилась на основе метонимического переноса. Представим опыт осмысления этих ФЕ на основе когнитивного принципа – связи переноса с определенным типом концепта, организующего знания о денотате: фреймом, пропозицией и сценарием (см. подробнее о названных типах концептов в [2]). Мы исходим из того, что метонимический перенос названия происходит в рамках одного концепта: с одной его части на другую, с части на целое, с целого на часть, т. е. строится на партитивных отношениях. С учетом этого типы метонимии зависят от структуры конкретного концепта, предопределяющей вектор переноса.

Приведем фразеологические единицы этих трех когнитивных типов с кратким комментарием (подробнее о принципах выделения фреймовой, пропозициональной и сценарной метонимии см. в [1]).

Фразеологизм *синий чулок* оформился на базе сочетания, называющего элемент женской одежды, а его фразеологическое значение характеризует женщину, т. е. называемые

денотаты соотносятся как часть и целое. Аналогично выглядит ФЕ *белые воротнички* ‘о служащих учреждений в некоторых западных странах’; *вторая скрипка* ‘скрипач, исполняющий в струнном или симфоническом оркестрах голос, менее выразительный по сравнению с первым голосом или усиливающий его’: *С тех пор как он ушел в армию, мы никак не можем подобрать вторую скрипку* (Арбузов). Как обозначение целого по имени его части выступают следующие ФЕ: *буйная головушка* ‘о безрассудно смелом, удалом человеке’: *А какой я был сорванец, буйная головушка, вы и представить себе не можете* (Чехов); *бедовая голова (головушка)* ‘о человеке, способном на бесстрашные, отчаянные, рискованные действия’. Приведенные фразеологизмы следует отнести к фреймовому типу, так как перенос названия происходит в рамках одного фрейма «человек» – с части (атрибута одежды человека, инструмента его деятельности, части его тела) на целое – человека.

Фразеологизм *не забыть (помнить) до новых (свежих) веников* употреблялся как угроза наказания, которое долго не забудется. Иными словами, в данном случае *по одному компоненту ситуации* – венику, осмысляемому как орудие (наказания), обозначается вся ситуация наказания, включающая наряду с орудием все компоненты этой ситуации: субъекта, объект и само действие наказания: *Я тебе покажу такие сапоги с набором, что до свежих веников не забудешь!* – орал рассвирепевший Гаврила Ермолаев (Мамин-Сибиряк). К этой группе следует отнести и ФЕ *вторые петухи*, обозначающую не самих петухов, а их пение перед рассветом, под утро (через некоторое время после первого пения петухов), т. е. ситуацию: *Первые петухи пели в полночь, их слышали одни чуткие старики и старухи... Вторые петухи заставляли хозяек вставать* (Белов). Названные фразеологизмы представляют собой пропозициональный тип, в котором по названию одного компонента ситуации названа вся ситуация.

К третьему типу относятся фразеологизмы типа *повести кого-л. к алтарю, пойти к алтарю* ‘о церковном брачном обряде’; *открыть двери (кому-, перед кем-л.)* ‘оказать гостеприимство, хороший прием’: *[Он] вечно нуждался сам; широко, по-княжески, открывал двери своего дома, когда бывал при деньгах, для товарищей, друзей, бедняков* (Шагинян). Фразеологические единицы этого ряда представляют сценарную метонимию, то есть через название одного из комплекса действий, составляющих сложное (многоактное) событие вступления в брак, характеризуют все сложное событие.

Значительное число фразеологических единиц, в том числе приведенные выше, функционируют в речи именно с таким – метонимически производным – значением, характеризуя лежащую в их основе внеязыковую ситуацию.

Однако некоторые из названных единиц, а также другие ФЕ, образованные в результате метонимического обозначения ситуации, могут употребляться и метафорически – для характеристики иных внеязыковых ситуаций, то есть представляют собой своеобразную контаминацию метонимии и метафоры. К таким единицам относится, в частности, ФЕ *сматывать удочки* ‘собираться уйти откуда-либо’. Даже те ФЕ, которые на первый взгляд обозначают исходную ситуацию (например, *открыть двери кому-либо* при характеристике гостеприимства), способны использоваться и метафорически – по отношению к другим ситуациям с несколько трансформированным значением ‘делать возможным, позволять что-л.’, например: *Новое учение, позволявшее себе некоторые новые толкования, потому именно, что оно открывало двери спору и анализу, по принципу было неприятно ему* (Л. Толстой). Фразеологическая единица *сматывать удочки* в прямом значении называет действие, вписанное в более сложный сценарий действий, связанных с уходом с рыбалки и включающих действия с другими предметами – пойманной рыбой, приманкой и т. д., а также собственно уходом. В собственно фразеологическом значении это выражение также называет комплекс действий, связанных с подготовкой к уходу и сам уход откуда-либо.

Сценарный перенос реализуется не отдельно взятой лексемой, а в составе словосочетания в рамках широкого контекста, поэтому данный тип переноса встречается во фразеологическом массиве довольно часто. Имея в виду то, что сценарная метонимия

в целом не была до последнего времени объектом описаний, остановимся подробнее именно на этом феномене. Следует заметить, что, поскольку речь при сценарной метонимии идет о поэтапно разворачивающемся сложном событии, метонимический перенос наблюдается в сфере глагольной лексики и иногда захватывает отглагольные существительные.

В силу ограниченности объема статьи покажем сценарную метонимию на примерах преимущественно двух семантических групп глагольной лексики.

Довольно часто в качестве обозначения сложного события используются глаголы, называющие начальное действие. В этой функции к числу самых частотных относятся глаголы движения. Приведем примеры таких фразеологизмов: *бегать по урокам (на уроки)* ‘давать уроки’: *За какой-нибудь полтинник должен был я бегать на уроки с одного конца Москвы на другой и то слава богу...* (Писемский); *вступить на престол, на трон* ‘начинать царствовать, становиться царем, королем и т. п.’: *Умер Николай I, на престол вступил Александр II* (Нечкина); *возвести на престол, трон* ‘провозгласить, признать царем, великим князем и т. п.’: *Владимир, не сказав им ни слова, уехал из Дорогобужа и был возведен племянниками на Киевский престол* (Карамзин); *выйти на сцену, на ринг* и т. п.: *Она вышла на сцену 10 марта 1976 года в роли Жизели* (Константинова); *выйти в эфир* ‘начать радиопередачу; начать трансляцию’ (о радио- или телепередаче): *Сосредоточимся на радиостанции, откуда впервые в эфир вышел голос Москвы* (Кренкель); *на двор бегать* ‘справлять естественную надобность’.

Фразеологизм *встреча в верхах*, также представляющий пример сценарной метонимии, связан с отглагольным существительным и означает не только собственно встречу глав государств или правительств (она является непременным условием последующих актов), но и комплекс других актов – общение, обсуждение, подписание документов и т. п.

Другой семантической группой, часто используемой в качестве переноса при сценарной метонимии, являются глаголы конкретного физического действия, среди них

– глаголы приобщения объекта типа *брать, взять, принять* и под.: *в рот не брать чего-л.* ‘совсем не употреблять какой-л. пищи или напитков’: *Я в то время леденцы и пряники любил, а теперь в рот не беру* (Горький); *браться за книгу, за учебник* ‘начинать читать, изучать что-л. по книге, учебнику’: *Мы с Александрой Михайловной историю учили по-своему: брались за книги и зачитывались иногда до глубины ночи* (Достоевский); *брать оружие, винтовку* ‘вооружаться, идти в действующую армию’: *От края и до края, / От моря и до моря / Берет винтовку / Народ трудовой...* (Держинский); *не брать в руки чего-л.* ‘не заниматься чем-л.; не уметь делать чего-л.’: *Садись сейчас заниматься. Вчера не готовил ничего, сегодня книжки в руки не брал* (Серафимович); *взять оружие, винтовку* ‘вооружиться, идти в действующую армию’; *взять на зуб* ‘попробовать что-л., определить на вкус, разгрызая что-л.’;

– глаголы отчуждения (в том числе связанного с перемещением) объекта типа *отдать, бросить* и под.: *бросать перчатку; бросать оружие* ‘сдаваться, отказываться воевать’; *бросать якорь* ‘опускать якорь для остановки судна; останавливаться на стоянку’: *Когда взошла луна, мы бросили якорь у юго-западной оконечности острова Мавары* (Миклухо-Маклай).

Наряду с приведенными семантическими типами в метонимической функции широко используются лексемы с разнообразной другой семантикой, также в этом случае именуемые сложную ситуацию сценарного типа по одному из составляющих ее актов. Например: *брить лоб, лбы* (устар.) ‘отдавать в солдаты’: *[Дворовых] секли, били в зубы и «брили им лбы» за собак и лошадей...* (Терпигин); *бряцать оружием* ‘грозить войной’: *Когда в 1912 году начала бряцать оружием Австрия, было решено в Петербурге, что Алексеев станет начальником Ставки...* (Сергеев-Ценский); *не вылезать из седла* ‘быть все время в пути’ (о всаднике): *По суткам не вылезал из седла молодой геолог* (Кокин); *закрывать (запереть) двери дома перед кем-л., для кого-л.* ‘перестать принимать у себя дома, не допускать в свое общество’: *С Луцевскими прекратили все сношения, двери всех домов были заперты для них* (Анненков).

Список использованных источников

- 1 Илюхина, Н. А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа / Н. А. Илюхина // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 7. – С. 36–48.
- 2 Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
- 3 Тихонов, А. Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: в 2 т. Т. 1. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 832 с.

УДК 811.161.1'373:398.92:394

В. И. Коваль

ФРАЗЕОЛОГИЗМ ЗАБРОСИТЬ ЧЕПЕЦ ЧЕРЕЗ МЕЛЬНИЦУ: К ИСТОКАМ ОБРАЗНОСТИ

Рассматривается внутренняя форма эвфемистического фразеологизма забросить чепец через мельницу 'пренебречь общественным мнением во имя личных увлечений' с учетом этнокультурного содержания именных компонентов – чепец и мельница. Для анализа привлекаются материалы литературно-художественных и фольклорных тестов, используются интернет-источники.

Устойчивое словосочетание *забросить чепец через мельницу* 'полностью забыть светские приличия, не обращать внимания на молву, пренебречь общественным мнением во имя личных увлечений' в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» [1, с. 749] сопровождается пометой «устар.» прежде всего потому, что в целом этот оборот является малоупотребительным, относящимся к «салонному» дворянско-аристократическому жаргону; к тому же смыслообразующие компоненты фразеологизма – *чепец* и *мельница* – осмысляются современными носителями русского языка как названия весьма архаичных реалий. Кроме того, на «несовременность» этого эвфемистического по своей сути оборота повлияло и то обстоятельство, что он используется для характеристики деликатной ситуации, которая в настоящее время в меньшей мере, чем прежде, осуждается общественной моралью: речь идет о поведении женщины, «пустившейся во все тяжкие», открыто бросающей вызов устоявшимся, консервативным гендерным стереотипам.

Наиболее известным примером употребления этого фразеологизма в художественном тексте является его использование в одном из эпизодов романа Л. Толстого «Анна Каренина». Главная героиня романа в ситуации «салонного» общения, обсуждая со своей подругой княгиней Бетси Тверской характеры и поступки других людей, задает ей вопрос, касающийся поведения их общей знакомой – Лизы Меркаловой, которая не скрывает от посторонних своих любовных отношений: *Скажите, пожалуйста, что такое ее отношение к князю Калужскому, так называемому Мишке? Я мало встречала их. Что это такое?* Искушенная в амурных делах подруга Анны отвечает своей собеседнице в аллегорической, но вполне понятной обеим форме: *Бетси улыбнулась глазами и внимательно поглядела на Анну. «Новая манера, – сказала она. – Они все избрали эту манеру. Они забросили чепцы за мельницы. Но есть манера и манера, как их забросить».* Очевидно, что в данном случае не только констатируется предосудительное поведение конкретной женщины (точнее – женщин определенного типа), но и в принципе осуждаются способы, «манеры» такого поведения.

В одной из глав романа В. Пикуля «Фаворит», называющейся «Чепец за мельницу», рассматриваемый фразеологизм также употребляется как иллюстрация предосудительного поведения женщины – императрицы Екатерины: *Потемкин сказал, что после измены*

Римского-Корсакова императрица «забросила чепец за мельницу». По-русски это немецкое выражение переводится проще: «Удержу на нее, окаянную, совсем не стало...». На замечание одного из своих фаворитов о том, что она попросту больна, поскольку открыто и не смущаясь меняет своих любовников-«куртизанов», Екатерина искренне отвечает: «Я не больна. Я просто стареющая женщина, которая безумно хочет любить».

В названном выше авторитетном источнике [1] указывается, что выражение *забросить чепец через мельницу* «является калькой с фр. *jeter son bonnet par dessus les moulins* (букв. *бросить свой чепец через мельницу*), имевшего аналогичное значение ‘не обращать внимания на молву, на общественное мнение, поступать по велению своего чувства, пренебрегать светскими приличиями и условностями’. Фразеологизм бытовал в дворянско-аристократической среде» [1, с. 749].

Между тем внутренняя форма этой фраземы заслуживает более детального комментария в связи с тем, что ее именные компоненты связаны со сложными (и, что особенно важно, противопоставленными) этнокультурными представлениями. Так, А. Г. Назарян в своей книге «Почему так говорят по-французски», посвященной происхождению французских фразеологизмов, ссылаясь (хотя и с оговоркой «эта версия представляется мало правдоподобной») на высказанное французским исследователем Ш. Робером мнение о мельницах как о негативно осмысливаемых сооружениях: «Здесь речь идет о тех старых мельницах, которые еще в XVII в. служили увеселительными заведениями, где можно было встретить женщин лёгкого поведения. Этим исследователь объясняет тот факт, что выражение чаще всего употребляется для характеристики девушек и женщин легкого поведения» [8, с. 45].

Особенно важны сведения, содержащиеся в одном из французских фразеологических словарей – «*Dictionnaire d'expressions et locutions*», согласно которому выражение *jeter son bonnet par dessus les moulins* ‘отбросить скромность, действовать свободно, не беспокоясь об общественном мнении’ раньше использовалось в значении ‘остановить рассказ, признав, что ничего больше не известно’. Кроме того, здесь же отмечается: «В своем современном значении выражение *jeter son bonnet par-dessus les moulins* близко к выражению *jeter le froc aux orties* (букв. *бросить монашескую рясу в крапиву*) ‘расстричься, уйти из монастыря; отказаться от духовного сана’» [12, с. 95].

В данном случае нельзя не обратить внимания на то, что во фразеологизме *jeter le froc aux orties* (*бросить монашескую рясу в крапиву*) монашеская ряса, символизирующая принадлежность к церковно-религиозной сфере (т. е. к возвышенному, духовному началу), противопоставляется крапиве как воплощению сниженного, земного начала. Показательно, что в восточнославянской этнокультурной традиции крапива наделяется символикой греховного поведения. Сравн.: рус. диал. *скакать в крапиву* ‘о нравственном падении девушки’, *найти в крапиве* ‘родить вне брака’, *крапивник* ‘внебрачный ребенок’; бел. у *кравіве жаніцца*, у *кравіве шлюб браць* ‘о внебрачных отношениях’. Крапивный веночек к тому же известен на Полесье как унизительный, но обязательный атрибут девушки, родившей вне брака [5, с. 50].

Обратим внимание на то, что в цитированном французском источнике подчеркивается, что «*le bonnet* (шапка, чепчик) символически представляется как хорошее поведение» [12, с. 95]. Чепец (чепчик) получил статус модного атрибута одежды женщин – как крестьянок, так и горожанок – в Европе с XVII века. В России мода на ношение чепчиков получила распространение несколько позже – в XVIII веке: «В эпоху Екатерины Великой чепец уже захватил ведущие позиции как одна из самых модных и изящных деталей дамского гардероба, став обязательным элементом утреннего костюма, а дамы в возрасте щеголяли в нем и на балах. Чепец стал символом замужества: «У нее голова в чепце», – говорили о девушках, чье скорое замужество не вызывало сомнений» [3]. Женщины высших сословий носили чепец и дома, принимая гостей, и в гостях, и на улице. «Показываться посторонним людям без головного убора замужней женщине считалось неприличным. Чепцы носили иногда и молодые девушки, но для замужних дворянок он был совершенно обязателен» [4].

В текстах художественной литературы XIX века встречается немало примеров, иллюстрирующих обязательное использование женщинами чепца при общении с незнакомым или малознакомым мужчиной: *«Здравствуйте, батюшка. Каково почивали?» – сказала хозяйка, приподнимаясь с места. Она была одета лучше, нежели вчера: в темном платье и уже не в спальном чепце* (Н. В. Гоголь. Мертвые души); *Она не ожидала гостей, и, когда Обломов пожелал ее видеть, она на домашнее будничное платье накинула воскресную свою шаль, а голову прикрыла чепцом* (И. А. Гончаров. Обломов). Ношение чепца служанкой рассматривалось как знак особой милости господ, а запрет на его ношение – как знак «опалы». Выразительный пример такой ситуации находим в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»: экономку Агафью, впавшую в немилость, перевели в швеи и «велели ей вместо чепца носить на голове платок <...> Барыня давно ей простила, и опалу сложила с нее, и с своей головы чепец подарила; но она сама не захотела снять свой платок».

Что касается мельницы, то это сооружение, выполняющее важную и нужную хозяйственную функцию – перемалывание зерен в муку, в сфере народной духовной культуры славян (и шире – европейцев) осмыслялось однозначно негативно. «Демонизация» мельницы объясняется ее противоречивой природой: «Сочетание в мельнице природного и культурного начал, производимое ею превращение одного вещества в другое, использование силы стихий (воды, ветра), а также постоянный шум – все это определяет отношение к мельнице как к «нечистому» месту и строению». Весьма распространено представление о том, что «мельник обязательно должен знаться с нечистой силой». Мельница к тому же осмыслялась как место обитания различных нечистиков: водяного, черта, русалки [10, с. 222]. На формирование негативной символики мельницы оказало несомненное влияние и место ее нахождения: «В деревнях мельницы обычно ставились за околицей, в безлюдной местности, что, согласно распространенному мнению, создавало идеальные условия не только для махинаций с мукой, но и для сношений с нечистой силой» [11].

Образы мельницы (нечистого места) и мельника (колдуна, знающего с нечистой силой) представлены во многих литературно-художественных и фольклорных текстах. Сравн. название музыкальной комедии русского драматурга-сатирика XVIII века А.О. Аблесимова – «Мельник – колдун, обманщик и сват». В повести А. К. Толстого «Князь Серебряный» слуга князя Серебряного – Михеич – следующим образом объясняет опасность их нахождения ночью на мельнице: *«Да что, батюшка, лучше отмыкать рогатки, чем спать в чертовой мельнице. И угораздило же их, окаянных, привести именно в мельницу! Да еще на Ивана Купала. Тьфу ты пропасть!»* – *«Да что тебе здесь худо, что ли?»* – *«Нет, батюшка, не худо; и лежат покойно, и щи были добрые, и лошадам овес засыпан; да только то худо, что хозяин, вишь, мельник!»* – *«Что ж с того, что он мельник?»* – *«Как что, что мельник?»* – *сказал с жаром Михеич. – Да разве ты не знаешь, князь, что нет мельника, которому бы нечистый не приходился сродни? Али ты думаешь, он сумеет без нечистого плотину насыпать? Да черта с два!»*.

Вообще словосочетание *чертова мельница* можно считать едва ли не устойчивым оборотом, используемым для обозначения этого сооружения в том случае, когда в нем происходят мистические или страшные события. Так, в фантастическом рассказе А. Беляева «Чертова мельница» речь идет об изобретении профессора Вагнера, который создал особый механизм – человеческую руку, вращающую мельничные жернова. Украинская (гуцульская) сказка с аналогичным названием повествует о злой мачехе, которая ставит перед падчерицей невыполнимую задачу: *Набери в мешки золы и сези на ту мельницу, где двенадцать чертей мелют, а оттуда привезешь двенадцать мешков белой муки*. В чешской сказке «Чертова мельница» рассказывается о мельнике, который договорился с чертом о продаже ему мельницы сроком на триста лет. В основе сказочной повести немецкого писателя О. Пройслера «Крабат, или Легенды старой мельницы» лежат фольклорные сюжеты лужичан, связанные с негативными представлениями о мельнице в селении Козельбурх: «Об этой мельнице в округе говорят, что там нечисто. Шесть её жерновов мелют день за днем ячмень, овес

и пшеницу, но местные крестьяне обходят её стороной. Единственный посетитель мельницы – таинственный Незнакомец в чёрном. Каждое полнолуние он прибывает на мельницу на тяжелой повозке, чтобы молоть нечто на седьмом, «мертвом» жернове» [6].

Народам Северного Кавказа известно использование мельниц для встреч молодежи, имеющих целью установление между парнями и девушками более близких, доверительных отношений: «Ежедневно собираются на водяных мельницах по нескольку девиц, для смолки хлеба; их преследуют ватагою молодые парни-женихи. Придя к месту, мужчины, найдя дверь запертою, спрашивают девиц, сколько их собралось на мельнице? Девицы отвечают положительною цифрою, и если число мужчин превышает число женщин, то лишние, по жребию, отправляются к другим мельницам, а остальные бросают через окошечко во внутрь мельницы свои папахи, подбираемые девицами наудачу. После этого дверь отпирается, мужчины входят и справляются: в чьих руках их головные уборы» [9].

Отдельного упоминания заслуживает номинация *Мулен Руж* (Красная Мельница) – название кабаре в Париже, с которым связаны представления, имеющие прямое отношение к пониманию внутренней формы фразеологизма *забросить чепец через мельницу*, поскольку это кабаре устойчиво ассоциируется с «вольным», раскрепощенным женским поведением: «Мулен Руж открыло свои двери в 1889 году в квартале красных фонарей рядом с площадью Пигаль. Кабаре было посвящено открытию Всемирной Выставки в Париже. Люди шли сюда, чтобы насладиться знаменитым кан-каном. В 1893 году случилась сенсация – одна танцовщица разделась прямо на сцене. Именно это и был первый в мире стриптиз. Теперь этот символ Парижа вмещает в себя 850 посетителей, танцовщицы имеют в своем арсенале около 100 костюмов и неизменно демонстрируют лучший кан-кан в мире на фоне роскошных декораций [7].

С учетом приведенных ранее сведений о мельницах как увеселительных заведениях, «где можно было встретить женщин лёгкого поведения», становится вполне понятной «внутренняя логика» воображаемого бросания женщинами через мельницу (за мельницу) чепчика, который символизирует общепринятое, «правильное» женское поведение: бросание чепчика за мельницу можно интерпретировать как открытое отречение женщин от принятых в обществе представлений о пристойном поведении. Кроме того, это действие вполне укладывается в парадигму магического бросания (выбрасывания) различных предметов, понимаемого как «интенсивное перемещение предмета за границы «своего» (освоенного человеком) пространства и как способ избавления от чего-либо» [2, с. 264].

При этом особый иронично-насмешливый колорит приобретают известные строки из комедии А. С. Грибоедова «Горя от ума»: *Когда из гвардии, иные со двора / Сюда на время приезжали, / Кричали женщины «ура!» / И в воздух чепчики бросали*. «В первом приближении» подбрасывание женщинами чепчиков с криками «ура!» можно понять только как демонстрацию дамами бурного восторга. В действительности же в этих строках скрыт глубокий подтекст. Главный герой комедии – Чацкий – в данном случае высмеивает нравы московских женщин-дворянок, демонстративно, без оглядки на реакцию окружающих бросавших в воздух (буквально или аллегорично) свои чепчики и выражавших тем самым готовность к легкомысленным отношениям с приезжавшими в Москву мужчинами – гвардейцами (рослыми, статными кавалерами) или мужчинами-придворными – богатыми, влиятельными людьми.

Список использованных источников

1 Бирих, А. К. Русская фразеология : историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

2 Виноградова, Л. Н. Бросать / Л. Н. Виноградова Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 264–266.

- 3 Головные уборы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://wordweb.ru/en_ru_byt/11_23.htm. – Дата доступа : 20.09.2016.
- 4 Дамские штучки: чепец, повойник, шлычка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.liveinternet.ru/users/3344739/post400728125/> – Дата доступа : 12.10.2016.
- 5 Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение : монография / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2011. – 196 с.
- 6 Крабат, или Легенды старой мельницы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа : 03.10.2016.
- 7 Мулен Руж, или Красная Мельница [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://euronetoday.ru/2011/12/mulen-ruzh-ili-krasnaya-melnica/> – Дата доступа : 12.10.2016.
- 8 Назарян, А. Г. Почему так говорят по-французски / А. Г. Назарян. – М. : Наука, 1968. – 348 с.
- 9 Пржецлавский, П. Дагестан, его нравы и обычаи / П. Пржецлавский // Вестник Европы. – 1867. – № 3. – Т. III. – С. 155 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://a-u-l.narod.ru/Przeclavskiy-P_Dagestan_ego_nravu_i_obychai.html – Дата доступа : 12.10.2016.
- 10 Седакова, И. А. Мельница / И. А. Седакова // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2004. – Т. 3. – С. 222–224.
- 11 Соколов, М. Н. Христос у подножия мельницы-Фортуны. К интерпретации одного пейзажно-жанрового мотива Питера Брейгеля Старшего / М. Н. Соколов // Искусство Западной Европы и Византии. – М., 1978. – С. 132–156 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://es-dejavu.ru/m/Melnitsa.html>
- 12 Rey, A. Dictionnaire d'expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. – Paris : Le Robert, 2007. – 1086 p.

УДК 81:001.4

С. Ф. Кошевец

«ДЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ» ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

Исследование фразеологических выражений военной тематики выявило изменение их семантики, а также новое звучание в условиях переносного употребления. Основные способы образования подобных идиом – детерминологизация и переосмысление свободного словосочетания.

Фразеологические обороты русского языка своими корнями уходят в разные пласты человеческой деятельности. Военная тема вошла в жизнь общества еще на начальном этапе его формирования и является актуальной до сих пор. В XX веке война коснулась судеб всех жителей планеты. Военные конфликты, демонстрация военной мощи продолжают по сей день, и вполне закономерно военная тема не могла обойти речь народа.

Происхождение и функционирование военной лексики обусловлено военно-историческими событиями, военно-политическими отношениями, развитием военного дела, представлениями народа о справедливости, праве, насилии и т. д. На этой базе происходит формирование особой разновидности языка, которая классифицируется как «военный подъязык». Подъязык мы понимаем как один из вариантов реализации общенародного языка, используемый ограниченной группой его носителей в условиях как официального, так и неофициального общения. Военный подъязык включает в свою систему термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. Анализ словарного состава современного русского языка показывает, что военная лексика представляет собой сочетание нескольких подсистем: терминологической и общеупотребительной, современной и исторической.

Время возникновения и внутреннюю мотивировку многих военных фразеологизмов проследить довольно просто. Так, выражения *пахнет порохом, пушкой не прошибешь, в ружье, пуля чинов не разбирает* возникли вместе с появлением огнестрельного оружия. Многими подобными выражениями русский язык обязан рукопашному бою, историческим сражениям, военным кампаниям: *положить на обе лопатки, держать руки по швам, взять на вооружение, попасть в цель, выйти из строя, на взводе, взять на мушку, развернутым фронтом, плечом к плечу, вывести в расход, в передовых рядах, взять в штыки, резерв сил, поставить на карту, дальний прицел, сложить оружие, между двух огней, разбить наголову, не понюхать и пороху, пойти по пути наименьшего сопротивления*.

Проблема теоретического осмысления перехода терминологических сочетаний, в том числе и военных, в область фразеологии исследуется многими учеными. Основным способом образования фразеологических оборотов военной сферы является детерминологизация, т. е. образование новых фразеологических единиц на базе терминологических словосочетаний. По мнению К. П. Сидоренко, «регулярное употребление терминологического словосочетания в переносном значении позволяет говорить об образовании фразеологизма» [5, с. 85]. Терминологическое словосочетание, переходя из сферы своего привычного употребления в литературный язык, теряет свое терминологическое значение и приобретает переносное значение, связанное с первоначальным. В новом качестве терминологическое словосочетание «служит семантическим производящим» для новой фразеологической единицы [5, с. 87].

В русской военной терминологии помимо терминов общеславянского и древнерусского происхождения отмечаются заимствования из других языков и интернациональные термины, а также сочетания, одна из частей которых является заимствованной.

Новые фразеологические единицы, образованные из словосочетаний, в состав которых входят иноязычные слова, создаются разными способами. Основной способ фразеологической деривации – переосмысление свободного словосочетания, компонентом которого является иноязычие: *старая гвардия, тяжелая артиллерия, гарнизонная крыса, пропадать с горизонта, стоять на вахте, чин чином*.

Постепенное проникновение военных терминов, в том числе и заимствованных, в общеупотребительную лексику и литературный язык приводит к формированию на их основе идиоматических сочетаний, а также пословиц и поговорок. К фразеологии военной сферы мы относим, прежде всего, фразеологизмы, связанные с военно-историческими событиями, военно-политическими отношениями, развитием военного дела и военной техники, оружия. В эту группу включаются также фразеологизмы, возникшие из речи военных, высказываний исторических личностей.

Военные термины чаще, чем какие-либо другие, встречаются на страницах газет и журналов, в других средствах массовой информации. Примером к сказанному могут послужить такие военные термины, встречающиеся в печати, как *глухая оборона, перейти в наступление, на передовой: Не секрет, что именно на этом участке нашей деятельности мы зачастую оказываемся как бы в глухой обороне*. На основе военного термина был образован фразеологический оборот *выходить / выйти из прорыва* в значении 'выйти из трудной ситуации': *Система бездефектного труда, хозяйственный расчет... помогли заводу выйти из прорыва, набрать темп, оздоровить экономику* [4, с. 68].

Таким образом, большое число фразеологизмов, в результате «демилитаризации» утративших свое первичное значение, прочно закрепилось в различных слоях языка. «Демилитаризация» данной военной лексики является иллюстрацией процесса в языкознании, результатом которого становится образование новых фразеологических единиц вследствие переносного употребления профессиональной терминологии. Подобная «демобилизованная» лексика, по образному выражению русского лингвиста В. М. Мокиенко, не является музейным экспонатом, а продолжает активно функционировать в современном русском языке.

Список использованных источников

- 1 Ахметсагирова, Л. И. Образы фразеологизмов военного происхождения (на материале русского и немецкого языков) / Л. И. Ахметсагирова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 2 (46). – С. 79–83.
- 2 Мокиенко, В. М. В глубь поговорки / В. М. Мокиенко. – М.: Просвещение, 1975. – 173 с.
- 3 Маринова, Е. В. Иноязычное слово как компонент новых фразеологических единиц / Е. В. Маринова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 4. – С. 246–251.
- 4 Малински, Т. Возникновение новых фразеологических единиц / Т. Малински // Русистика. – Берлин, 1992. – № 2. – С. 67–76.
- 5 Сидоренко, К. П. Фразеологизмы терминологического происхождения / К. П. Сидоренко // Русская речь, 1978. – № 3. – С. 84–88.
- 6 Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. – М.: АСТ, 2000. – 720 с.
- 7 Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

УДК 811.161.3'27'373:398.92:811.111'27'373:398.92

Л. У. Кулік

БЕЛАРУСКІЯ І АНГЛІЙСКІЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ З КАМΠΑНАНТАМІ КРОЎ / BLOOD, СЛЯЗА / TEAR, ПОТ / SWEAT (ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНЫ АСПЕКТ)

У артыкуле праводзіцца лінгвакультуралагічны аналіз саматычных фразеалагічных адзінак беларускай і англійскай моў, устанавліваецца заканадаўчая ў іх унутранай форме культурна-нацыянальная інфармацыя. Вызначаюцца лінгвакультуралагічныя асаблівасці беларускіх і англійскіх фразеалагічных адзінак.

Асаблівая роля ў працэсе спасціжэння быцця належыць фразеалагізму “як знаку другой сям’ятызацыі” [3]. Кампаненты-рэаліі фразеалагічных адзінак (далей – ФА) могуць надзяляцца культурным сэнсам, становячыся такім чынам іх вобразным цэнтрам. Кампаненты, якія валодаюць культурным сэнсам, надзяляюць ім семантыку фразеалагічных адзінак, што абумоўлівае сімвалічную, стэрэатыпную альбо эталонную ролю ФА ўвогуле.

Мэта нашага артыкула – інтэрпрэтаваць беларускія і англійскія фразеалагізмы з кампанентамі кроў / blood, слеза (слёзы) / tear (tears), пот / sweat з улікам заканадаўчай у іх унутранай форме культурна-нацыянальнай інфармацыі.

Сімваліка *крыві* абумоўлена разнастайнымі рытуальна-магічнымі функцыямі гэтай вадкасці [4, с. 258–260]. Кроў – асноўная вадкасць у целе чалавека, наяўнасць якой з’яўляецца адным з неабходных складнікаў жыцця асобы. Адсюль і тоесныя ўяўленні носьбітаў беларускай і англійскай моў пра кроў як пра сімвал жыцця, параўн.: бел. *да апошняй кроплі / каплі крыві* (біцца, змагацца, абараняцца) і англ. *to the last drop of one’s blood* (дасл. – да апошняй кроплі крыві) ‘ахвяруючы ўсім, не шкадуючы свайго жыцця’; бел. *ліць / праліваць кроў* і англ. *shed one’s blood <for>* (дасл. – ліць кроў <за>) ‘гінучы, паміраць ці пакутаваць, абараняючы каго-, што-н.’, ‘забіваць, знішчаць каго-н. (на вайне)’ і інш. Гэтыя і падобныя ФА рэпрэзентуюць апазіцыю “жыццё – смерць” і адлюстроўваюць уяўленні носьбітаў кожнай з моў пра жыццёвыя выпрабаванні.

Яшчэ адно сімвалічнае значэнне *крыві* звязана з разуменнем роднасці і сваяцтва. Такі функцыянальна значны для культуры сэнс *крыві* выяўляецца ў беларускіх ФА *кроў ад крыві*

‘роднае дзіця; пра кроўную роднасць’, (чыя, якая) *кроў цячэ ў жылах / венах* ‘хто-н. паходзіць з якога-н. роду, народу, часу і пад.’, *свая кроў* ‘блізкі сваяк’ і англійскай ФА *be in one’s blood* (дасл. – быць у крыві) ‘быць атрыманым у спадчыну, уваходзіць у плоць і кроў’. Заўважым, што ў адрозненне ад беларускай мовы, у англійскай мове вылучаюцца ФА, у вобразнай аснове якіх блізкасць паміж людзьмі перадаецца праз саматычны кампанент *heart* ‘сэрца’: *close to / near one’s heart* (дасл. – блізка да сэрца) ‘блізкі сэрцу’; *lie near one’s heart* (дасл. – ляжаць / знаходзіцца каля сэрца) ‘быць блізкім каму-н.’.

Кроў як сімвал жыцця і роднасці звязаны з ідэяй кроўнай помсты, якая здаўна існуе ў славянскай культуры: душа забітага не атрымае спакою, пакуль ён не будзе адпомшчаны блізкімі [1, с. 681]. Гэтыя народныя ўяўленні ўвасоблены ў ФА *кроў за кроў* ‘адплата забойствам за забойства’. Акрамя таго, толькі кроў валодае якасцямі, дзякуючы якім можна пазбавіцца ад ганьбы: *зрываць крывёй / кроўю* ‘пазбаўляцца ад чаго-н. ганебнага цаной жыцця’.

У беларускай фразеалогіі вылучаюцца ФА, праз кампаненты якіх рэпрэзентуюцца вобразы здаровага альбо нездаровага чалавека праз адсутнасць / наяўнасць у яго пэўнай хваробы: *кроў з малаком* ‘здоровы, моцны, у росквіце’, ‘вельмі прыгожы; звычайна пра жанчыну’, ‘свежы, румяны’; *без крывінкі ў / на твары, ні крывінкі / крывіначкі ў твары* – ‘вельмі бледны, пабляднелы’. Такое агульнае значэнне лексемы *кроў*, што ўзнікла ў выніку інтэрпрэтацыі протасітуацыі, пакладзенай у аснову ФА, дазваляе суаднесці названы кампанент з нацыянальна-культурнымі сімваламі жыццёвай сілы чалавека ўвогуле і здароўя, прыгожосці ў прыватнасці.

З ліку ФА з саматычным кампанентам *кроў / blood* у беларускай і англійскай мовах вылучаюцца тыя, што паводле семантыкі звязаны з вызначэннем эмацыянальнага стану асобы. Так, вобразы бел. ФА *кроў кінулася / хлынула / ударыла ў твар* ‘хто-н. пачырванеў ад збянтэжанасці, сораму і пад.’; *кроў прылівае / прыліла да твару* ‘хто-н. чырванее ад збянтэжанасці, сораму і пад.’ і англ. ФА *blood rushes to one’s face / cheeks* (дасл. – кроў прылівае да твару / шчок) ‘хто-н. пачырванеў ад збянтэжанасці, сораму і пад.’ ілюструюць эмоцыі чалавека і іх знешнія праяўленні. Пералічаныя ФА ўзыходзяць да старажытных архетыпічных формаў разумення свету, а саматычныя кампаненты *твар / face* і *cheeks* ‘шчокі’ выступаюць рэальным увасабленнем сутнасці асобы, і, такім чынам, ФА з’яўляецца не толькі антыэталонам нармальнага знешняга выгляду чалавека, але і стэрэатыпам паводзін чалавека ўвогуле.

Ва ўнутранай форме ФА *кроў з носа* ‘абавязкова, нягледзячы ні на што, пры любых умовах’ закадзіравана стэрэатыпная сітуацыя, калі хто-небудзь цалкам аддаецца пэўнай справе, не шкадуе энергіі і здароўя. Пры гэтым, ФА ў цэлым выступае эталонам, мерай, максімальнай ступені намаганняў, якія задзейнічаны для дасягнення мэты.

Беларуская ФА *да апошняй кроплі крыві* і англійская ФА *the last drop of one’s blood* (дасл. – апошняя кропля крыві), дзякуючы спалучэнню саматызма *кроў / blood* з кампанентам *кропля / drop*, пачынаюць выконваць функцыю эталона мінімальнай колькасці энергіі, неабходнай для жыцця чалавека.

Калі кроў у арганізме чалавека альбо жывёлы з’яўляецца субстанцыяй, якая забяспечвае жыццядзейнасць усіх органаў і сістэм бесперапынна, то пот і слёзы выдзяляюцца рознымі органамі не пастаянна, а ў пэўныя моманты жыцця.

Найбольшай фразеалагічнай актыўнасцю характарызуецца значэнне лексемы *сляза (слёзы) / tear (tears)* – ‘плач’ [5, с. 609; 6, с. 743]. Менавіта такое выражэнне эмоцый – жалю, спачування і раскаяння – выяўляецца ва ўнутранай форме многіх ФА з дадзеным кампанентам: бел. *асушваць слёзы* ‘пераставаць плакаць’; *ліць слёзы* ‘горка плакаць’ і інш. і англ. *burst into tears* (дасл. – залівацца слязамі) ‘заліцца слязамі, расплакацца, разрыдацца’; *mingle tears* (дасл. – змешваць слёзы) ‘плакаць, гараваць разам’ і інш.

Амаль усе ФА з саматычным кампанентам *сляза / tear* выяўляюць стэрэатыпныя сітуацыі, звязаныя са знешнім праяўленнем гора і негатыўных эмоцый: бел. *аблівацца / залівацца слязамі / слязьмі* ‘горка, няўцешна плакаць’; *ліць слёзы* ‘горка плакаць’; *пускаць слязу* ‘плакаць’; *сляза слязу выганяе / гоніць* ‘хто-н. горка і няспынна плача’ і англ. *burst into*

tears (дасл. – залівацца слязамі) ‘заліцца слязамі, расплакацца, разрыдацца’. Адначасова са шчырым праяўленнем жалю і спачування, што матэрыялізуецца слязамі, у беларускай і англійскай мовах фіксуецца ФА, ва ўнутранай форме якіх закадзіраваны стэрэатыпныя сітуацыі, звязаныя з ілжывымі, няшчырымі пачуццямі і праяўленнямі эмоцый: *выціскаць слязу / слёзы* ‘плакаць для паказу, цераз сілу, з намаганнем’; *ліць кракадзілавы слёзы / (shed) crocodile tears* ‘двудушна, прытворна або няшчыра (скардзіцца)’.

Вынікам цяжкай фізічнай працы з’яўляецца *пот*. У сувязі з гэтым бяспрэчным сімвалам цяжкай працы, фізічнага напружання ў ФА выступае кампанент *пот / sweat*. Напрыклад, вобразы бел. ФА *ліць / праліваць пот* ‘працаваць да знясілення’, *у поце твару свайго* ‘вельмі старанна, не перастаючы (працаваць, здабываць, зарабляць і пад.)’ і англ. ФА *by / in the sweat of one’s brow / eyebrow* (дасл. – потам / у поце брыва) ‘у поце твару’ адлюстроўваюць культурныя ўстаноўкі, у адпаведнасці з якімі чалавек павінен працаваць старанна і аддана.

Спалучэнне ў межах адной ФА кампанентаў *пот* і *кроў* (альбо ад’ектыва *крывавы*) гіпербалізуе фізічнае напружанне чалавека і “метафарычна прыпадабняе намаганні, якія патрабуюць страты жыццёвай энергіі, а такім чынам – найвялікшай напругі, высокага кошту выніку якой-небудзь дзейнасці” [2, с. 338]: бел. *крывавы пот* ‘поўная знямога ад цяжкай, непасільнай працы’; *потам і кроўю / крывёй* (здабываць / здабыць / набываць / набыць і пад.) ‘цаной вялікіх намаганняў, з вялікімі цяжкасцямі’ і англ. *blood, sweat and tears* (дасл. – кроў, пот і слёзы) ‘вялікія намаганні і пакуты’; *with blood and sweat* (дасл. – з кроўю і потам) ‘цаной вялікіх намаганняў, з вялікімі цяжкасцямі’.

Гіпербалічная рэпрэзентацыя выніку цяжкага фізічнага напружання выяўляецца ў беларускіх ФА, кампанентамі якіх, акрамя саматызмаў, з’яўляюцца лічэбнікі: *да сёмага / дзясятага поту* ‘да поўнай знямогі, стомы (рабіць, працаваць і пад.; праца, працавік і пад.)’; *сем / сорак патоў выйшла / выцекла / вылілася* ‘хто-н. затраціў шмат намаганняў для выканання чаго-н.’; *сем патоў сагнаць* ‘знясіліцца, стаміцца’.

Такім чынам, нягледзячы на тое, што кампаненты *кроў / blood, сляза (слёзы) / tear (tears), пот / sweat* фармальна суадносяцца з лексемамі актыўнага слоўнікавага запасу носьбітаў беларускай і англійскай моў, унутраная іх форма фіксуе непазбежныя разыходжанні бачання протасітуацыі, якая знаходзіцца ў іх аснове. Гэта дазваляе выразна ўстанавіць нацыянальную непаўторнасць і ўнікальнасць саматычных ФА кожнай мовы. Лінгвакультуралагічны аналіз беларускіх і англійскіх саматычных ФА дазваляе выявіць нацыянальна-культурную моўную адметнасць беларусаў і англічан, устанавіць непадзельнае адзінства ўнутранай формы ФА з сімваламі, эталонамі і стэрэатыпамі нацыянальнай культуры, раскрыць зыходную матывацыю і аснову фразеалагізацыі моўных адзінак.

Спіс выкарыстаных крыніц

1 Белова, О. В. Кровь / О. В. Белова // Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1999. – Т. 2 : Д– К. – 1999. – С. 677–681.

2 Гудков, Д. Б. До кровавого пота / Д. Б. Гудков // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / редкол.: В. Н. Телия (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд. стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 337–338.

3 Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / М. Л. Ковшова. – М., 2009. – 48 с.

4 Лобач, У. Кроў / У. Лобач // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўнік ; рэдкал.: С. Санько [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 258–260.

5 Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65000 слоў / Нац. акад. навук, Ін-т мовазнаўства ; [І. М. Бунчук і інш.] ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005. – 784 с.

6 The Penguin concise English dictionary / compiled by G. N. Garmonsway with Jacqueline Simpson. – London : Claremont Books, 1995. – 842 p.

С. Б. Кураш, В. А. Бобрик, В. В. Струков

**“ЛЮДЗІ НА БАЛОЦЕ”: ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ БИБЛИОНИМА
В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
(по материалам интернет-источников)**

Статья посвящена функционированию словосочетания-библионима людзі на балоце в качестве прецедентного феномена, восходящего к белорусской лингвокультуре, в современном коммуникативном пространстве белорусского и русского языков. Выявляются особенности употребления библионима применительно к природным и национально-культурным реалиям.

В современном мире едва ли возможно представить себе коммуникативное пространство того или иного национального языка, той или иной этно- и лингвокультуры, в которых бы не фиксировались те или языковые феномены, ассоциирующиеся (более или менее устойчиво) в сознании носителей данного языка / культуры с инокультурным речезыковым пространством.

В данной работе мы предлагаем обобщение наблюдений над апелляцией представителей белорусско- и русскоязычного коммуникативного пространства (как русских, так и белорусов) к этноспецифичному и культурноспецифичному феномену, обладающему признаками прецедентности, связанному с белорусской лингвокультурой, синтаксически оформленному как устойчивый оборот-словосочетание – *люди на болоте*.

Под прецедентным феноменом (ПФ) мы понимаем «вербализованный элемент экстравертивной фигуры коммуникации – дискурса, устойчиво эксплицируемый в прагматических целях и являющийся апелляцией к уже имеющемуся в имплицитной форме аналогичному устойчивому элементу интровертивной фигуры коммуникации – тексту или аналогичному устойчивому элементу фигуры коммуникации – действительности с целью экономии коммуникативных усилий и / или маркированности ситуации общения» [1, с. 155].

Для решения данной задачи нами был методом сплошной выборки собран и систематизирован аутентичный корпус контекстов, содержащих данный оборот, посредством привлечения поисковых систем Яндекс и Google в зонах Рунета и Байнета и нек. др. Все примеры приводятся далее с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Словосочетание *людзі на балоце* – библионим (название произведения) и в то же время свободное перифрастическое выражение, являющееся средством номинации жителей заболоченной местности.

«Загаловак – гэта першы онім, які сустракаецца чытачу, прызначэнне якога матывуецца зместам усяго твора, гэта першае слова, словазлучэнне, з якім аўтар пачынае размову з чытачом. Яго лічаць першым парадыгматычным знакам (аўтаномным сегментам) тэксту, які мае ініцыяльную (пачатковую), заўсёды моцную пазіцыю, максімальна функцыянальную загрузанасць, якая ўплывае на ўсе катэгорыі тэксту – мадальнасць, канцэптуальнасць, працягласць і інш.» [2, с. 20– 21].

При запросе на данное словосочетание вполне ожидаемо лидируют сведения об одноименном романе Ивана Мележа («Людзі на балоце», 1962), входящем в «Полесские хроники», и снятом по этому произведению одноименном художественном фильме В. Турова (1981). Из наиболее интересных материалов данного плана отметим стихотворение Виктории Головчик «Прысвячэнне раману "Людзі на балоце"», размещённое на национальном поэтическом портале [<http://www.vershy.ru/content/prysvyachenne-ramanu-1>]:

*У мілагучным клёкаце балот,
Дзе Курані карэнні запусцілі,
Прырода-маці з клопатам расціла
Палескі працавіты свой народ.
Зямля, пачуцці, праца у полі
Ўзаемны сэнс тут мае для людзей,
І назаўжды жыццё з такіх падзей
Было наканавана іхняй долі.*

*Дрыгва навокал, а куды ісці?
Пытаннем задавацца тут не трэба...
На “востраве” галоўная патрэба –
Шляхі-дарогі вольныя знайсці.*

*Ісці да гэтага парой бывае цяжка...
А Ганна з Васілём губляюць час.
Хоць мары супадаюць іх ураз,
Але не клеіцца жыццёвая іх сцежка.
А як жа разыходзяцца шляхі!
Нам са старонак вельмі добра бачна
За гэта кніга, я табе ўдзячна!
Ты мне паслала мудрасці сляды.*

Однако и «самостоятельная жизнь» перифразы *люди на болоте* (как, например, и целого ряда других заголовков знаковых произведений отечественной литературы; см., например: [2, с. 21–21]), обозначающей в названном выше произведении жителей юго-восточного (Мозырско-Припятского) Полесья, подтверждается целым рядом её фиксаций в различных контекстах.

Так, данное перифрастическое выражение активно продолжает использоваться в тех контекстах, где речь идёт о неблагоустроенности быта людей – плохих дорогах, ямах, лужах, последствиях аварий и ущеба, причинённого природной стихией и т. п. (сравн. заголовки некоторых интернет-публикаций: «*Озеро*» *безнадёжся, или «Люди на болоте» с улицы Тургенева в Речице* [<http://dneprovec.by/society/2016/01/15/10401>]; *С видом на грязь и пустырь. Как живут люди на болоте в центре Лунинца* [<http://media-polesye.by/news/s-vidom-na-gryaz-i-pustyr-kak-zhivut-lyudi-na-bolote-v-centre-luninca-25573>]; *Живем, как люди на болоте, хотя на дворе XXI век, а до Минска всего 15 километров* [http://naviny.by/rubrics/society/2016/04/04/ic_articles_116_191360] и т. п.). В этом плане показательна следующая антитеза: *В прошлом – люди на болоте, ныне – жители агрогородка* [<http://svisgaz.by/ekonomika/selhoz/2574-v-proshlom-lyudi-na-bolote-nyne-zhiteli-agrogorodka.html>].

Тематически близкими являются высказывания, раскрывающие тему неоднозначного отношения белорусов к болотам, к амбивалетности в концептуализации данного символа, что характерно для Байнета, сравн.: *Да балота ў народзе адносiны неадназначныя. Мала знойдзецца людзей, якiя любяць яго так, як лес, возера цi горы. Нават сённа яно асацыiруецца з чымсьцi жахлiвым, небяспечным, жорсткiм, таму i не становiцца месцам масавых вандровак. Аднак чалавека прывабляюць зыбкiя сцяжынкi ды купiны, шчодрыя на бруснiцы i журавiны. Хтосьцi, магчыма, займаецца i выпрабаваннем сваiх сiл балотным экстрымам, гульнiй на выжыванне, знаходзячы ў гэтым своеасаблiвае задавальненне. Так цi iнакш, выкарыстоўвае чалавек балота для сваiх жыццёвых патрэб. I цi прыходзiць да каго думка, што з балотам можа здарыцца бяда, што яно само патрабуе дапамогi?* (“Людзі на балоце”, статья А. Майсенёнка, г. Дисна, на сайте районной газеты “Міёрскія навіны” [<http://www.mijory.by/pryroda-i-yekalogiya/print:page,1,3263-lyudi-na-bolote.html>]).

Встречаются и такие материалы, в которых содержится взгляд со стороны на белорусское Полесье. Так, под заголовочным комплексом *Люди на болоте. Три дня в стране белорусских басков и болот* газета “АВТОБИЗНЕС” – № 50 от 18 декабря и № 51 (655) от 25 декабря 2008 предлагает материал об автопутешествии по полесскому краю, где, в частности, есть такой фрагмент: *Мы не провалились в пинские болота и не утонули на пароме с ручной тягой - жизнь и поездка продолжаются, держим курс на Туров! Правда, езда по полесскому автобану М10 скучнее зимних вечеров без Интернета: руль от Пинска прямо, круиз-контроль на "сотке". Пейзаж неизменен: болото, лес; лес, болото. На этой дороге становится понятно, почему у эскимосов несколько десятков слов, означающих снег, а в белорусском языке так много слов для*

обозначения болота: "амшарына", "багна", "бездань", "дрыгва", "непраходзь", "плавун", "твань", "тапіла"... [https://www.abw.by/number/see_note/3761].

Распространены и те дискурсивные практики, в которых анализируемое прецедентное выражение связано с темой традиционных занятий белорусов-полешуков, сравн.: *Люди на болоте. В Беларуси – сезон сбора клюквы* [http://www.sb.by/obshchestvo/article/lyudi-na-bolote-16092015.html].

В белорусскоязычной части интернет-пространства словосочетание *люди на болоте* фиксируется и в контексте рассуждений о национальной идентичности белорусов, сравн.: *Людзі на балоце*, статья С. , ""Портал «СМИ Беларуси» [http://mpravda.by/pervaya-polosa/464-lyudzi-na-balotse.html]; интернет-ресурс *Ці сапраўды беларусы – гэта “людзі на балоце”?* [http://www.svaboda.org/a/758484.html].

Среди иных ситуаций, отмеченных фиксацией данного ПФ, можно назвать такие, как экстремальные виды деятельности, туризм, экологические проблемы, спорт и др. Кроме того, оборот *Люди на болоте* используется как ономастическая единица в функции вторичной номинации: так, в частности, названы музыкальный коллектив из г. Гродно (*Дебютный альбом группы «Люди на болоте»* [http://musecube.org/?p=64193 http://musecube.org/?p=64193]), группа в социальной сети Facebook [https://www.facebook.com/media/set/?set=a.1251203828231735.100000263907571&type=3] и др.

Встретился анализируемый ПФ и в материале, посвящённом реализации проекта «Белорусы про», нацеленного на изучение того, насколько хорошо минчане знакомы с творчеством белорусских писателей и поэтов. Возле памятника Максиму Богдановичу прохожим среди прочего задавался вопрос: какие произведения Богдановича они помнят и помнят ли они, в частности, его стихотворение «Люди на болоте»? Далее приводим цитату из данного материала: *Произведения Максима Богдановича минчане вспомнить не смогли. Не смутило их и наше ошибочное приписывание поэту романа Ивана Мележа «Люди на болоте». Тем не менее большинству прохожих все же удалось уловить несоответствие в словосочетании «стихотворение “Люди на болоте”», хотя точного определение жанра этого произведения мы так и не услышали* [http://www.websmi.by/2014/10/belorusy-proborodu-maksima-bogdanovicha-i-ego-stixotvorenie-lyudi-na-bolote/].

Лишь в единичных случаях выражение *люди на болоте* не связано в своём функционировании с белорусской лингвокультурой, сравн.: статья *Люди на болоте: исилюкльцы стали заложниками географіи* (о наводнении в Сибири) [http://omskregion.info/news/40967-lyudi_na_bolote_isilkults_stali_zaloznikami_geogra/]; фильм *National Geographic: Люди на болоте: Смертельный удар* (о национальном парке Эвер Глейдс во Флориде) [http://www.fast-torrent.ru/film/national-geographic-lyudi-na-bolote-smertelnyij-udar.html] и др.

Таким образом, библионим *людзі на балоце* в коммуникативном пространстве белорусского и русского языков к настоящему моменту фразеологизировался и концептуализировался в качестве одного из прецедентных феноменов, восходящих к белорусской лингвокультуре, о чём говорит характер его функционирования в контекстах различного рода с точки зрения семантики и прагматики.

Список использованных источников

1 Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 224 с.

2 Шур, В. В. Слова ў мастацкім кантэксце: онімы, метафары : манаграфія / В. В. Шур, С. Б. Кураш. – Мазыр : УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2013. – 268 с.

Г. И. Лапацін

**“МАЛЯ, ПАКУЛЬ У НАЧОЎКІ ЎВАЛЯ...”
УЯЎЛЕННІ ПРА ПАЗАШЛЮБНЫЯ СУВЯЗІ
Ў КАНТЭКСЦЕ ДЫЯЛЕКТНАЙ ПАРЭМІЯЛОГІІ**

У дадзеным артыкуле на матэрыяле парэмій, зафіксаваных у п. Амяльное Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці, разглядаюцца ўяўленні, вызначэнні, погляды жыхароў гэтага населенага пункта на пазашлюбныя сувязі. Выяўляюцца фразеалагізмы, якія выражаюць негатыўнае стаўленне носьбітаў народнай гаворкі да амаральных паводзін моладзі. У публікацыі выкарыстаны запісы, зробленыя аўтарам у апошні час.

Дадзеная публікацыя з’яўляецца своеасаблівым працягам папярэдніх публікацый аўтара, прысвечаных традыцыйнай культуры беларускага пасёлка Амяльное Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці [1]. У яе аснову пакладзены запісы, зробленыя намі падчас шматгадовых (2005–2016 гг.) размоў з жыхаркай гэтага пасёлка Варварай Аляксандраўнай Грэцкай, 1925 г. н. У некаторых нашых размовах прымала ўдзел родная сястра Варвары Аляксандраўны Тамара Аляксандраўна Гаравая (1927 г. н.), якая на цяперашні час жыве ў Горлаўцы Данецкай вобласці.

Аб’ектам даследавання з’яўляюцца парэмічныя адзінкі, у якіх увасобіліся ўстойлівыя амяленскія ўяўленні пра пазашлюбныя сувязі [2]. Трэба адзначыць, што ў Амяльным пазашлюбныя сувязі не былі з’явай масавай, а хутчэй былі адхіленнем ад агульнапрынятай нормы. Пра гэта маляўніча і пераканаўча сведчыць наступны аповед: [Варвара Аляксандраўна]: *Калісь хлопец дзеўку пацалаваць... Па нысе!..* [Тамара Аляксандраўна]: *А цяпер сабяруюцца, цалуюцца і лажацца спаць... Толькі гаворы: “Ой, да мая ішчэ дзеўка!.. Ой, та ўжэ радзіла!.. Та ішчэ што-та здзелала...” А ў самой... Як-та песня... Пелі мы...*

*Адна дзеўка была
Панідзелкавала,
Сем сыноў радзіла,
І ўсё дзеўкай была.
Адна дзеўка была
Панідзелкавала,
Сем абортаў здзела,
І ўсё дзеўкай была.*

Эта прыпеўка такая... У адной жэнішчыны былі дзеўкі... Ужэ і абарты... І адна радзіла... І яна ўсё: “Маі дзіўчаты!.. Маі дзеўкі!.. “ Ну, і пайшла песня... Эта едзініцы былі... Як у нас адна радзіла... Дак хлопцы спелі прыпеўку:

*Нашы дзеўкі задаюцца,
Чым жа яны заносзяцца?..
У марце месяцы гуляюць,
У сінцябрэ паросзяцца!..*

Із-за ніё нас празвалі, дак мы плакалі... Ну, усё раўно, ні то шта, як січас...

Але паколькі гэта ўсё ж-такі было, то, натуральна, што яно знайшло сваё ўвасабленне ў парэмічных адзінках. Зафіксаванае ад Варвары Грэцкай пераканаўча дэманструе, што для парэміі не існуе нічога забароненага, з таго чым жывуць людзі. Як вызначыла мая суразмовіца: *Усякія жызні і ўсякія прыказкі. К кожнай жызні прыказкі дзелаюць. К кожнай жызні прыказка ё... Кождай жызні прыказку прыкладуць.*

Устойлівае спалучэнне, якое вынесена ў назву артыкула, звычайна гучыць як папярэджанне бацькам, каб яны больш уважліва ставіліся да выхавання дачок, каб тыя больш акуратна паводзілі сябе у адносінах ла хлопцаў.

Там адна ў нас радзіла ў дзеўках, маеі сьстры Машы, Каця, гуляла, яна ўсё: “Ой, мая – малая”. А усё дзед Касцючкаў казаў: “Маля – пакуль у начоўкі сора баркана ўваля!” Яна: “Што ты, Васіль, гаворыш на маю Кацю?” А ён: “Калі б я ня знаў, дак я б не казаў”. А яна: “Пачом ты знаіш?” – “А, як яна табе ў начоўкі ўваля, тады ты будзіш знаць”. І тая Каця...” [Баркан – гэта хто ?] Барканы... Калісь звалі... І ціперь завуць... Ціперь... Маладыя ні знаю... Ціперь усё па-новаму. Калісь незаконна родзіць дзеўка... Не ад мужыка... Так нагуля... А хлопец ня возьма яе... Усякія ж ё... Сваё ўдавольстве здзеляя, да і ўсё... Вот яны і называюць барканамы.

Усё маліла яе: “Мая малая. Мая малая”. А тая малая ўзяла, да брюха нагуляла. Эта ўсе так казалі: “Маля...?” Да, эта прыказка такая была. Усё ўсе казалі: “Вон у Коршунаў маля, усё маля была, пакуль у начоўкі ўваліла”. Ну, дзіцёнак жа ражаіца, у начоўках мыяць. Ціпер – у бальніцах, тады ж – у начоўкі, родзіца – памыяць.

Адсюль і наступнае. [Калі дзеўка нячэсная ішла замуж, з дзіцём?] Яны гаворыць: “Крапіўніка прынясла”. Хто як. Хто “крапіўніка”, скажа, хто – “у сундуку”, хто – ў начоўках прынясла, хто – “ў мяшку прынясла”. “У сундуку” – прамое ўказанне на пасаг: І тады вязуць, перва – нявесту, тады ўжо сундук вязуць услед. І ўспамін з амяленскага жыцця: Иван расказываў... Хату ў мяне перадзельваў... Во сядзяць плотнікі, ён сядзіць: “Нада мне такую вырасіць прасцітутку! З прыданым аддаў дачку...”

Аддаць замуж з дзіцём альбо цяжарную вызначаіцца як у бабу перяхрысіць (перяхрысіцца). На дзевак, каторыя ідуць... Не замуж, у чыкірду ўдваіх пагуляюць... Вот тады... Забірэмніла... Картуніха пашла: “Ты знаіш, Арына, твой шкоду здзелаў, дак давай хоць у бабу перахрысіма іё. Давайця іздзелаім па закону”. Эта ідуць ужо, абы перахрысіца, што “я замужам была”. Свадзьба прайдзя, называіцца “у бабы перахрысілася”. Пашла замуж. Хоць яна і дзень пражыве, а ўсё раўно: “Вот яна замужам была”.

У дадзеным выпадку сапраўднаму, калі яго так можна назваць, вяселлю папярэднічаюць свадзьбы саламяныя, крапіўныя, канаўныя, баразенныя.

(а) У каноплях ідзесь ужо пагуляла, як свіння... Вот цябе і завуць... У баразне... Кажуць: “Баразённік...” Дзіцёнка тога завуць... Калісь Давыд казаў... Нагуляў... На яго бацька: “Бяры... Сірату абдурыў, дак бяры...” Пажалеў... Дац ён ужо ўзяў. І ўсё... Гаворыць: “Трое дзяцей...” – “Не, не ўгадалі... Чэцвера... Баразённіца ж была... Дзеўка...” Яны гаворыць: “А мы на баразённіцу забылі...” І хлопца завуць: “Канапляннік...” “Канаўнікі”, – звалі... (б) Эта не свадзьба... А калісь казалі: “Канапляная свадзьба”. Канапляная звалі і баразённая свадзьба. Што пуза... Ряджаць будзя ў сінябрэ... Дац ужэ скарэй дзеляюць...”

Адсюль і ўзнікаюць саламяныя мужыкі і саламяныя жонкі (пацірухі). У нас адна баба казала: “А эта баразённы мужык... Баразённы ці гумённы, ці канапельны... Эта ўсіх так называлі... Ідзе як... А ў нас усяк называлі. “А эта – канапельнік!” Мужык – канапельнік. Аттрахая ў каноплях і пашоў... Во эта мужык... Ці ў саломі, ці ў чом... “А эта – баразённы мужык!... У баразне аттрахаў і пашоў... Які эта мужык?” Казалі ў нас.

[Калі ёсць саламяны мужык, павінна быць і саламяная жонка...] Да. І на яе будуць казаць: “Саламяная паціруха”. Ці: “Баразённая будуць казаць, ці канапельная”. [Чаму казалі: “Баразённая жонка? Чаму баразённая?] “Ну, баразённыя... Каторыя нагулівалі ў дзеўках...” [Чаму баразённыя?] “Канапельныя, баразённыя, крапіўныя называліся. І дзяцей такіх называлі: “Эта во крапіўнік”. [А чаму баразённыя?] “Ну, ні ў пасцелі ж яны дзелалі дзіцёнка, а ў баразне дзесь украдні”.

А калі не сароміліся ў выказах, то выкарыстоўвалі і больш грубыя вызначэнні. Яна як стаяла: “А-а-а, курвы паддзярюжныя!...” [Курвы паддзярюжныя. Гэта як?] Гаворыць: “Курвы паддзярюжныя...” Эта ўжо плахая слова... Мол, блядуяць пад дзярюгай... Калісь жа не адзялы... А дзярюгі былі”.

[Чарціны брак.] Ціпер прывыклі бракам етым чарціным ідуць замуж без роспісі. [А раней такія бракі былі?] *Калісь эта рэдкі случай, што ўжо дзеўка забірэмніла... І січас яго ліквідзіруюць. Ідуць увечары ў сваты... Усё... Прышлі ў сваты... Высваталі... Раз сваты пабылі, значыць, росьпісь тая да с... Яны ўжо счытаюць... “Ліш бы сваты пабылі... Свадзьба... Вот эта закон”.* [Так раней казалі, што эта чарціны брак?] Усяк казалі. *Калісь Мельчыха прыдзя, сястра яе забярэмніла, прышла: “Во ўжо! Эта ж нада: у чарціны брак улезла... Антону падалася, дак забярэмніла. Дак матка ўжо вадзіла к свякрусі. Ужо дазналася ж, дак: “Пайдзём-ка, – гаворя, – к свякрусі, да ряшым дзела...” Ну і, ряшылі дзела, што пажаніліся... Самае глаўнае, што пуза нагулялі. Да свадыбы ж яны перяспалі... [Дак эта што – чарціны брак?] Эта ўсё казалі: “А-а-а, чарціным бракам”.*

[Сабачый сабантуй.] Гэта ні свадыба, а сабачый сабантуй. Усё тады казалі: “Што там дзелаяць?”. Як свадыбы, як брюхі панагуляюць. “А эта сабачы сабантуй, а не свадыба”. *Сабакі ж гуртам... Сучка заводзіца, бегаяць за ёй па дзвянаццаць сабак.*

Асобныя вызначэнні існавалі і ў дачыненні непараборлівых у палавым плане як жанчын, так і мужчын: *Мамачка, ня ўстою... На такіх на гарячых дзевак, каторыя гуляшчыя... “Мужчыны ходзяць да яё ..., дак яё празвалі “обшчая курыца” [3].*

Я яму сказала: “Перядкі дзёвочыя счытая...” Перядкі счытая... І такіх багата ё... І тады ўсі казалі: “Дзе ты ўжо быў? Перядкі счытаў?..” Як начамы... Другі... Ё такія... У нявестаў начуя, уранні прыдзя, бацькі і гаворяць: “Што, перядкі счытаў?”

І было б у вышэйшай ступені несправядлівым, разглядаючы гэтую тэму, абысці ўвагай парэмію тых, для каго пазашлюбных стасункі былі нормай. *Такая прыказка была... Ты б сказаў на мяне: “Блядзь!” А я б сказала: “На блядзь тысяча вачэй глядзяць, а на такую чуму-заразу ніхто не гляне ні разу”. Гаворяць: “К той бабе ці пашоў...” Скажаць: “Ці дурную знасілаваў”. А мужчына кажа: “А якая разніца... Галава хоць і авечая, ліш бы ж... чылавечая была”. Ну, ні ж., па-другому кажаць.*

Не засталіся без сваёй парэміі і тыя, хто нарадзіў у дзеўках, у дзеўках і застаўся. *Каторыя замуж ня ходзяць, родзяць у дзеўках... Ні пакідка, ні ўдава, ні дзевачка малада... Еслі яна не пашла замуж, у дзеўках радзіла... Пакідка яна? Не. Мужыка німа. Удава? Мужыка не было. І ўжо ні дзеўка.*

Дадзеная публікацыя сведчыць, што тэма пазашлюбных сувязяў займае трывалае месца ў парэмічным фонде амяльчан. І разам з тым, улічваючы момант аказіянальнасці ў актуалізацыі фразеалагізма, прыказкі, прымаўкі ў жывой гаворцы, трэба адзначыць, што гэты артыкул не можа прэтэндаваць на канчатковую карціну вызначанай тэмы. Улічваючы наш шматгадовы вопыт размоў з Варварай Аляксандраўнай Грэцкай, можна спадзявацца, што з цягам часу гэта карціна можа быць дапоўнена новымі адметнымі парэмічнымі адзінкамі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1 Лапацін, Г. І. Варвара Грэцкая як з’ява беларускай народнай культуры / Г. І. Лапацін. – Гомель : Барк, 2015. – 248 с.

2 На агульнабеларускім матэрыяле гэта з’ява была разгледжана ў публікацыі: Володина, Т. В. Гулящая: об одном этнокультурном стереотипе в белорусской традиции / Т. В. Володина // *Язык. Словик. Дыскус.* – Szczecin, 2007. – С. 520–536.

3 Апошняя больш грунтоўна ў публікацыі Лапацін, Г. І. Фразеалагізм “драць курыцу”. Этнаграфічны аспект. Па матэрыялах этнаграфічных экспедыцый Веткаўскага музея народнай творчасці / Г. І. Лапацін // *Славянская фразеология в синхронии и диахронии* : сб. статей. Вып. 1. / М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины / Редкол.: В. И. Коваль (ответ. ред) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – С. 120–123.

Н. А. Леўчанка

**АНАМАСТЫЧНАЯ ФРАЗЕАЛОГІЯ Ў ФАЛЬКЛОРНЫМ ЗБОРНІКУ
А. ЗАЙКІ «ПРЫКАЗКІ І ПРЫМАЎКІ ... З КОСАЎШЧЫНЫ»**

У артыкуле разглядаюцца фразеалагізмы з кампанентам – уласным імем, якія сустракаюцца ў фальклорным зборніку А. Зайкі «Прыказкі і прымаўкі ... з Косаўшчыны». Даследуецца ўплыў анамастычнага кампанента на семантыку фразеалагізма. Разглядаецца праблема адлюстравання нацыянальна-культурнай спецыфікі дыялектных фразеалагізмаў.

Фразеалагічны склад мовы – гэта «люстэрка, у якім лінгвакультурная супольнасць ідэнтыфікуе сваю нацыянальную самасвядомасць» [9, с. 9]. У апошні час узрасла цікавасць лінгвістаў да вывучэння онімаў у складзе фразеалагізмаў. Анамастычная фразеалогія «... не толькі адлюстроўвае нацыянальную самабытнасць народа, але і праз каларытныя імёны паведамляе аб своеасаблівых звычаях, гісторыі, міфалогіі», – піша В. М. Макіенка [7, с. 57].

Уласнае імя з'яўляецца носьбітам нацыянальна-культурнага кампанента ў канататыўным значэнні фразеалагізма. У складзе ўстойлівай адзінкі онім губляе функцыю ідэнтыфікацыі і індывідуалізацыі і ператвараецца ў спосаб ацэначнай характарыстыкі аб'ектаў, акумулюючы сацыяльна-гістарычную, інтэлектуальную, экспрэсіўна-эмацыйную інфармацыю канкрэтнага нацыянальнага характару [10, с. 246].

У 2015 годзе выйшла з друку кніга фальклорных збораў А. Зайкі «Прыказкі і прымаўкі ... з Косаўшчыны» [5]. Гэтая кніга – сістэматызаванае апісанне парэміялагічнага і фразеалагічнага багацця мовы жыхароў Косаўшчыны, аднаго з рэгіёнаў Івацэвіцкага раёна Брэсцкай вобласці. Нельга не адзначыць дасягненні А. Зайкі як фразеалага, лексікографа, дыялектолага і пісьменніка. У творчай скрыні аўтара нямала набыткаў: «Дыялектны слоўнік Косаўшчыны» (2011), «Фразеалагічны слоўнік Косаўшчыны» (2014), навукова-папулярнае выданне «Населеныя пункты Івацэвіччыны» (2012), мастацкія кнігі «Дым з коміна: Лірычныя запісы. Мініяцюры. Апавяданні» (2011), «Чысты чацвер» (2015).

У шматлікай масе моўных адзінак, размешчаных у фальклорным зборніку «Прыказкі і прымаўкі ... з Косаўшчыны», значнае месца адведзена фразеалагізмам. Яны спецыяльна не вылучаюцца, іх можна напаткаць у ілюстрацыйных прыкладах, як структурныя часткі жанраў (прыказак, параўнанняў і інш.). У фальклорным зборніку зафіксаваны 23 устойлівыя выразы, якія ў сваім складзе маюць анамастычны кампанент.

Уласнае імя ў фразеалагізмах можа суадносіцца з рознымі класамі анамастычнай лексікі: антрапонімамі, тапонімамі, міфонімамі, геартонімамі і г. д. Назіранні паказваюць, што ў структуры фразеалагізмаў, занатаваных у фальклорным зборніку, пераважае антрапанімічны кампанент. Варта адзначыць, што этымалогія некаторых фразеалагізмаў з анамастычным кампанентам з'яўляецца зацэмненай. Рэканструкцыя значэння многіх онімаў патрабуе спецыяльнага даследавання. Некаторыя фразеалагізмы страцілі сувязь з першапачатковай сітуацыяй і асобай, якая мела дачыненне да гэтай сітуацыі, і носьбіты гаворак расказваюць легенду не пра канкрэтнага, вядомага ім чалавека, а пра «некага», з кім «некалі», «недзе» «нешта» адбылося [1, с. 116].

У якасці прыклада прывядзём устойлівы выраз (*начапурцыца*) як *Чыта* 'апрунуцца без густу'. Дадзены фразеалагізм быў занатаваны ў 2002 годзе ў вёсцы Размеркі Івацэвіцкага раёна. Са слоў Г. Ф. Міхнюк, 1942 года нараджэння, даецца такое тлумачэнне значэння выразу: «Некалі жыла жанчына, якую звалі Чыта. Любіла прыхарошвацца, прыбіралася ў дарагую адзежу, але рабіла гэта бяз густу» [5, с. 248].

Правобразам фразеалагізма (*адзецца, апрунуцца*) як *Амялян на Пакровы* з'яўляецца мужчына, які некалі жыў у вёсцы: «На Пакрову ён апрунуўся па-святочнаму, але ў адным

пралічыўся: ні так, як трэба, зашпіліў пінжак. Выйшло адно крысо вышэй, а другога ніжэй. С таго часу пайшла гэтая покаска» (Жамайджыкі Міл.) [5, с. 212].

Як бачым, некаторыя фразеалагізмы «праектуюцца на сітуацыі, падзеі, дзеянні, што рэальна адбываліся з удзелам вядомай асобы» [3, с. 219]. Прыкладзём яшчэ некалькі прыкладаў: *(пагуляць) як Парася ў Сцяпана на печы* ‘(пагуляць) няўдала, з прыгодамі’ (Куляшы Міл.); *чыста як у Дробата на надворку* (Заполле Кос.); *(ходзяць) як Мірон з Чычырындаю* (Кушняры Падст.).

У шэрагу фразеалагізмаў, зафіксаваных у зборніку «Прыказкі і прымаўкі ... з Косаўшчыны», у выніку дэанімізацыі ўласныя імёны гранічна набліжаюцца да апелятываў. Так, выклікае цікавасць першасная матывацыя фразеалагізма *(выскачыць) бы піліп з канпель* са значэннем ‘нечакана, раптоўна’ (Заполле Кос.). Існуе меркаванне, што ўстойлівы выраз прыйшоў у беларускія гаворкі з польскай мовы, дзе *piłip (filip)* – народная назва зайца. Такім чынам, у выніку забыцця першапачатковай вобразнасці адбылося пераасэнсаванне слова *piłip*, якое нярэдка ўспрымаецца як уласнае імя. Паводле іншай версіі, паходжанне дадзенага фразеалагізма звязваюць з імем нейкага шляхціца Піліпа з Канпель (так называўся засценак на Чэрвеньшчыне) [6, с. 436].

Паходжанне фразеалагізма *(набрацца) як бэйля* ‘п’яніца’ (Заполле Кос.), відаць, звязана з выпадкам, які адбыўся з нейкай асобай па імені *Бэля* ці *Бэйля*. Аднак з цягам часу адбылася страта індывідуальных анамастычных асаблівасцей, што прывяло да апелятывізацыі ўласнага імя *Бэйля* і, адпаведна, да яго напісання з малой літары. Як адзначае М. А. Даніловіч, сёння дадзены антрапонім – гэта «нешта семантычна неакрэсленае, не зусім зразумелае. Нярэдка гэтаму назоўніку (без злучніка *як*) прыпісваюць значэнне самога фразеалагізма» [2, с. 86].

Такі анамастычны кампанент, як клічка жывёлы, прадстаўлены ў фразеалагізме *(чорны) як папова мурза* (Бялавічы Кос.) і суправаджаецца наступным тлумачэннем: «Так кажучь пра смуглявага чалавека, прыпамінаючы сабаку ў папа» [5, с. 277].

Асобнай увагі заслугоўваюць фразеалагізмы, кампанентам якіх з’яўляецца лексема *Бог*: *(ждаць) як Бога* ‘з надзеяй, як выратавання’ (Няхачава Стайк.), *(жыць) як у Бога за дзвярыма (за плячыма)* ‘у дастатку, без бяды’ (Руда Падст.), *як у Бога за плячыма* ‘жыць пад абаронай, нічога не баючыся’ (Заполле Кос.). Як заўважае А. С. Дзядова, «Бога беларусы ва ўсе часы называлі абаронцам бедных і абяздоленых, а таму ўсе свае спадзяванні на лепшую будучыню, на заступніцтва ад злых сіл, уціску і прыгнёту хрысціяне ўскладвалі на яго» [4, с. 124].

Можна прывесці адзінкавыя прыклады фразеалагізмаў з іншымі відамі антрапонімаў. Так, імя біблейскага персанажа як фразеаўтваральны кампанент сустракаецца ва ўстойлівым выразе *Юда прадажны* (Скураты Квас.). Занатаваны фразеалагізм з псеўдаантрапонімам *Гарох* у складзе прыказкі *Жывем, як за царом Гарохам: снег гарыць, саломай тушым* (Заполле Кос.). У якасці кампанента-антрапоніма сустракаецца ў адным выпадку прозвішча *Блоцкі*: *(зарабіў) як Блоцкі на мыле* ‘зусім не (зарабіў)’ (Кушняры Падст.) (параўн. літаратурны: *як Заблоцкі на мыле*).

Сярод фразеалагізмаў, занатаваных у фальклорным зборніку А. Зайкі, неабходна асобна вылучыць устойлівыя выразы з кампанентам – адантрапонімным прыметнікам: *мікалаеўская дзеўка* ‘пра жанчыну, якая не выходзіла замуж’ (Бялавічы Кос.), *(цягацца) як лейзарава карова* (Заполле Кос.). Разуменне прыроды оніма як лінгвістычнай і культурна-гістарычнай з’явы дазваляе раскрыць асаблівасці тапоніма як комплексу экстралінгвістычных фонавых асацыяцый. У выніку метафарычнага пераасэнсавання ўзнік устойлівы выраз з кампанентам-астыонімам *хата як Вільня* ‘вялікая, прыгожая’, які быў запісаны ў вёсцы Заполле Івацэвіцкага раёна. Можна меркаваць, што ў свядомасці беларусаў горад Вільня асацыюецца з прыгажосцю, прасторнасцю і велічнасцю.

У фальклорным зборніку сустракаюцца таксама фразеалагізмы, кампанентам якіх выступае геартонім (назва свята). Геартонімы звязаны ў жыцці народа з традыцыямі і звычаямі, якія і служаць асновай фарміравання ўстойлівых выразаў. Так, стрыжнёвым

кампанентам фразеалагізма (*мароз*) як на *Коляды* (Заполле Кос.) з'яўляецца геартонім *Каляды* – народнае зімовае свята, якое прыпадае на пачатак студзеня. Метафарычная частка гэтага ўласнага імя дае ўяўленне пра асаблівасці свята: звычайна, студзень – месяц вельмі марозны і халодны. Устойлівы выраз (*выць*) як *воўк у Піліпаўку* мае значэнне ‘(плакаць) горка, няўцешна’ (Жамайцзякі Міл.). Як тлумачыць А. Зайка, «гэтым часам ваўкі гуляюць сваё вяселле, збіраюцца ў зграі, выюць» [5, с. 219]. Фразеалагізм (*злосны*) як *мухі на Спаса* суправаджаецца наступнай этымалагічнай даведкай: «Якраз на Спаса, у канцы лета, з'яўляюцца асабліва “куслівыя” мухі» (Альшаніца Квас.) [5, с. 235].

Такім чынам, уласныя імёны «рэагуюць» на ўсе гістарычныя і культурныя падзеі, у выніку чаго «імя ... можа быць адназначна суаднесена з культурай і культурна-гістарычнай традыцыяй народа» [8, с. 57]. Фразеалагізмы з анамастычным кампанентам у лексіка-структурным складзе, зафіксаваныя на Косаўшчыне, утрымліваюць шырокія звесткі, якія дапамагаюць прасачыць гісторыю народа дадзенай мясцовасці, асаблівасці яго светапогляду, успрымання навакольнага свету.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Даніловіч, М. А. Фразеалагізмы з уласным імем у гаворках Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1991. – № 1. – С. 115–120.
- 2 Даніловіч, М. А. Слова і фразеалагізм у беларускай мове : зб. навук. арт. / М. А. Даніловіч. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2015. – 300 с.
- 3 Даніловіч, М. А. Беларуская дыялектная фразеалогія і яе лексічная аснова : манаграфія / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 272 с.
- 4 Дзядова, А. С. Чалавек у лютэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі : манаграфія / А. С. Дзядова. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013. – 162 с.
- 5 Зайка, А. Прыказкі і прымаўкі ... з Косаўшчыны / А. Зайка. – Мінск : Тэхналогія, 2015. – 286 с.
- 6 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.
- 7 Мокиенко, В. М. О собственном имени в составе фразеологии / В. М. Мокиенко // Перспективы развития славянской ономастики : сб. статей / АН СССР, Ин-т языкознания; А. В. Суперанская (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 1980. – С. 57–67.
- 8 Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Изд-во Наука, 1973. – 366 с.
- 9 Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- 10 Хохлова, В. А. Этноспецифика оценочной семантики английской и украинской топонимической фразеологии / В. А. Хохлова // Вісник Житомирського держ. ун-ту ім. Івана Франка. – 2014. – Вип. 4. – С. 246–251.

Скарачэнні назваў сельскіх саветаў

Квас. – Квасевіцкі; Кос. – Косаўскі; Міл. – Мілейкаўскі; Падст. – Падстарынскі; Стайк. – Стайкаўскі.

УДК 811.161.1'282

О. И. Литвинникова

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ-УПОДОБЛЕНИЯ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Статья содержит многоаспектное описание тавтологизированных устойчивых сравнений, структурно организованных «имя существительное в именительном падеже +

то же имя существительное в творительном падеже», функционирующих в русской диалектной речи, однако почти не представленных в лексикографических проектах (в том числе новейшего времени) и не получивших подробного рассмотрения в лингвистических исследованиях.

Сравнение, как известно, является одним из способов познания действительности и образного мышления; не только наименование чего-либо, но и средство его оценки. В русской диалектной речи – это всегда своеобразный «паспорт» человека, ярко, метко и образно его характеризующий.

Несмотря на то, что «вопрос о сравнениях», в том числе и тавтологически организованных, занимал специалистов во все времена, начиная с глубокой древности, и представлен «огромной литературой», многие аспекты, касающиеся интересующих нас единиц, терпеливо ждут внимания исследователей (мы опускаем описание истории изучения тавтологизмов, – оно вполне убедительно представлено в одной из научных статей А. В. и Л. А. Петровых) [7, с. 394–398]. Наиболее привлекательными для лингвистов и лексикографов в качестве предмета изучения почти всегда оказывались устойчивые сравнения (УС) с союзом *как* тематической группы «человек». Первый в отечественной лексикографии опыт полного собрания русских народных сравнений [4, с. 360], в котором более 45000 образных выражений, также содержит преимущественно УС с союзом *как*. Среди специфичных для русского языка и речи единиц, где компаративный союз заменен ИС в творительном падеже, тавтологические сравнения-уподобления типа *тумак тумак*ом – на последнем месте.

Л. И. Ройзензон в своем учебном пособии «Русская фразеология» [8] интересующие нас УС называл ФЕ тавтологического типа и определял в класс фразеологизмов-редупликатов. Именные (субстантивные) тавтологизмы ученым рассмотрены в зависимости от наличия / отсутствия в них предлогов и их количества [8, с. 38–42]. Среди тавтологизмов, не содержащих в своей структуре предлогов, единицы, состоящие из «ИС им. пад. + ИС тв. пад.»: *бурда бурдой, зюзя зюзей* и под., функционирующие в произведениях художественной литературы. Сделано заключение о том, что для стиля художественной литературы подобные тавтологизмы малопродуктивны, что их значительно больше в русской народной речи [8, с. 42–43]. Если *редупликация* – способ словообразования посредством двукратного повторения корня или целого слова [1, с. 570], не приводящего к переосмыслению тавтологизма, то наличие одного признака – *устойчивость* – явно недостаточно для отнесения данных единиц к фразеологизмам. Об этом свидетельствует и интересная, глубокая, недавно переизданная монография В. М. Огольцева «Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии» [5, с. 104].

В нашей картотеке тавтологически организованные УС «ИС им. пад. + то же ИС тв. пад.», включающие в свой состав ИС общего рода, ИС гендерной оппозиции, монородовые ИС (только м. р. или только ж. р.). Фактический материал для наблюдений был собран во время диалектологической практики (1967–1989 гг.) в различных регионах РФ. Регламент данной статьи позволяет остановиться на рассмотрении тавтологических УС 2-го и 3-го типов, заметив, что в процессе дублирования участвуют в качестве составляющих преимущественно производные (с мотивированным значением) ИС.

Среди УС с различными по родовой принадлежности ИС, производные составляющие мотивируются глаголами: *поглумщик поглумщиком* и *поглумщица поглумщицей* (яросл.) – ‘о тех, кто не прочь *поглумиться* над кем-л. – поднять на смех, одурачить, осудить кого-, что-л.’; *полетай полетаем* и *полетуха полетухой* (горьк.) – ‘о проворных, бойких людях’: *разобидчик разобидчиком* и *разобидчица разобидчицей* (арх.) – ‘о тех, кто способен *разобидеть* – очень сильно обидеть кого-л.’; *скрадчик скрадчиком* и *скрадчица скрадчицей* (иркут.) – ‘о способных *скрадать* (*скрасть*) что-л. – присваивать (присвоить) чужое; похищать, воровать’; *чмокун чмокуном* и *чмокунья чмокуней* (новосиб.)

– ‘о любителях *чмокаться* (чаще о детях) – звучно целоваться’ и под. Нередко ИС в составе таких УС вариантно-синонимичны: *посудчик посудчиком* и *посудчица посудчицей* / *посудейка посудейкой* (новг.) – ‘о любителях *посудачить* – заняться сплетнями, пересудами’; *сбирун сбируном* (пск.) и *сбирунья сбирунней* / *сбируха сбирухой* (твер.) – ‘о нищих, собирающих милостыню’ и др. Примеры вариантности ИС и м., и ж. рода единичны: *солгатель солгателем* / *слыгатель слыгателем* и *солгательница солгательницей* / *слыгательница слыгательницей* (арх.) – ‘о тех, кто постоянно старается *солгать*, обмануть кого-л. в чём-л.’; именами прилагательными: *подобник подобником* и *подобница подобницей* (горьк.) – ‘о *подобных* – тех, у кого нет ничего своего; подражателях’; *плюгавец плюгавцем* и *плюгавица плюгавицей* (орл.) – ‘о *плюгавых* – невзрачных и жалких на вид людях’; *потаенник потаенником* и *потаенница потаенницей* (липец.) – ‘о *потаенных* – скрытых, недоверчивых людях’; *развязник развязником* и *развязница развязницей* (перм.) – ‘о *развязных* – излишне вольных в обращении с другими, бесцеремонных людях’; *разлётчик разлётчиком* и *разлётчица разлётчицей* (арх.) – ‘о любителях посещать *разлётные* – увеселительные мероприятия’; *сопляк сопляком* и *соплюха соплюхой* (горьк.) – 1. О сопливых, не вытирающих течь из носа людях. 2. О тех, кто не имеет навыка в работе («зелёных») и т. д. УС, в составе которых синонимично-вариантные ИС, единичны: *паришук паришуком* / *паришвец паришвцем* и *паришивка паришивкой* (пск.) – ‘о *паришвых* – плохих, дрянных, скверных людях’; *полоумок полоумком* и *полоумка полоумкой* / *полоумница полоумницей* (горьк.) – ‘о *полоумных* – шальных, взбалмошных, глуповатых людях’; именами существительными: *погрешитель погрешителем* и *погрешительница погрешительницей* (арх.) – ‘о склонных к *погрешению* людях’; *полудомник полудомником* и *полудомница полудомницей* (свердл.) – ‘о людях, мало живущих дома, часто находящихся в разъездах’; *ремочник ремочником* и *ремочница ремочницей* / *ремушник ремушником* и *ремушница ремушницей* – ‘о тех, кто ходит в *ремках*’ – лохмотьях; оборванцах’ (волог., киров., моск., твер., курск.); и др. Нередко производные ИС, составляющие УС, характеризуются множественностью мотивации: *переполошник переполошником* и *переполошница переполошницей* (горьк.) – ‘о тех, кто может *переполошить* всех (по делу и без дела), устроить *переполох* (на пустом месте)’; *передёрщик передёрщиком* и *передёрщица передёрщицей* (пск., твер.) – ‘о тех, кто *передёргивает* что-л. – сознательно искажает какую-л. информацию, обратив её в свою пользу; «мастерах» *передёрга* – искажения, преувеличения каких-л. фактов, сведений’; широко распространённые: *поганицик поганициком* и *поганицица поганицицей* – ‘о тех, кто *поганит* что-л. – 1. Грязнит, портит. 2. Оскверняет, позорит и ‘о *поганных* людях – мерзких, отвратительных, скверных’; *позорник позорником* и *позорница позорницей* – ‘о тех, кто себя *позорит*, оскорбляя кого-л.; склонных к *позорным* (постыдным) действиям и поступкам’; *пригожник пригожником* и *пригожница пригожницей* – ‘о тех, кто любит своей красотой’ (в качестве мотиваторов выступают народно-традиционные: ИП *пригожий* и ИС *пригожество*). Единственный пример, когда тавтологизированные производные ИС в составе УС мотивируются фразеологизмом: *подушник подушником* и *подушница подушницей* – ‘о тех, кто тайком (*на ухо*) наговаривает на кого-л’. ФЕ *на ухо* – ‘по секрету, тихо, чтобы никто не слышал’ [10, с. 500].

В составе УС с однородными компонентами преобладают ИС м. р. отглагольной производности: *ащеул ащеулом* (*ощеул ощеулом*) (ряз., курск., тамб., калин.) – ‘о тех, кто *ащеулит* (*ощеулит*) – зубоскалит, насмешничает над кем-, чем-л.’; *опороток опоротком* (горьк.) – ‘о постоянно плачущем ребёнке’: Орёт ы орёт, *опоролся* весь, вон голос осип ужó; *отерёбок отерёбком* (нижегор.) – ‘о плохо, безвкусно одетом человеке’: Ходит (о муже) фсё *отерёбок отерёбком*, ровно у ево и одёжи нету нормальной. Вона штаны-те, гли-ко, дефка, одна (штанина) форсит, другая просит (= одна корочке другой); *перевертень перевертнем* (сарат.) – ‘о мужчине, который «сто раз» *перевернётся* – внезапно изменит свои убеждения’; *перелётыш перелётышем* (пск.) – ‘о ветрогоне, часто «*перелетающем*» с места на место – меняющем место жительства’; *пластарь пластарём* (перм.) – ‘о незадачливом хирурге’ (*пластать* – ‘резать, потрошить, вскрывать’); *сидуля сидулей* (арх.) – ‘сидень, безногий,

не могущий ходить; калека»; *урос уросом* (киров., перм., том.) – ‘о плаксивом, непослушном, сердитом, капризном ребёнке’ (*уросить* – ‘плакать’) и др.

В числе ИС м. р. отглагольной производности немало словообразовательных синонимов: *сипогон сипогоном / сиподёр сиподёром* – ‘о грубых, невеждах’; *столпнень столпнем / столпенюга столпенюгой* (пск.) – ‘о болванах, дураках’ и т. д. УС с ИС м. р., мотивирующимися ИП, ИС, ФЕ, немногочисленны: *сущик сущиком* (новг., киров.) (*суший* – ‘милый, любезный’); *тихоимок тихоимком* (пск.) – ‘тихий, скромный’; *похотень похотнем* (моск.) – ‘о рождённом вне брака’ (*похоть* – грубо-чувственное влечение; сладострастие); *свистель свистелем / свистень свистенем* (арх.) – ‘кто свистит в кулак’ (ФЕ *свистеть* (*свистать*) в кулак – ‘сидеть без денег (на чужой шее)’ [10, с. 413].

Случаи множественной мотивации ИС м. р., входящих в тавтологизированные УС, также редки: *увёрток увёртком* (горьк.) – ‘об *увёртливом* – изворотливом, хитром человеке’ и ‘о том, в ком есть *увёртка* – ‘уловка, хитрость’; *пакос(т)ник пакос(т)ником* (нижегор., пск.) – ‘кто *пакос(т)ничает* – делает *пакости*, вредит’ и ‘о *пакос(т)ном* человеке’. На долю вторичной номинации (использования уже имеющихся в системе языка номинативных средств в новой для них функции) приходится единицы УС с тавтологизированными ИС м. р.: *вьюрок вьюрком* – ‘о быстром, подвижном ребёнке; непоседе’; Мнучок-от вон *вьюрок вьюрком*, на месте несколь не посидит, за день-от так намаюсь с им... (*вьюрок* – ‘северная лесная птица отряда воробьиных, как зяблик, коноплянка, щегол’) [2, с. 189]; *упырь упырём* (костром., нижегор.) – ‘злой, упрямый, строптивый человек’; Такой растёт, слова поперёг не скажы; фсё бы токо по ево было, да и то нехто не угадываёт, – недоволен фсем, злица. Уш чево захочот, воротом не своротишь, – *упырь упырём*, беда с им (*упырь* – бранно. Кто вызывает неудовольствие, раздражение, гнев [2, с. 1395] (в славянской мифологии: *упырь* – ‘мертвец, нападающий на людей и животных’) [3, с. 563]. УС, содержащие в своем составе ИС м. р. с немотивированной образностью, представляют собой устойчивую метафору – результат общественно закреплённого употребления того или иного слова как компонента структуры «ИС м. р. им. пад. + то же ИС м. р. тв. пад.». Многие из них являются лексическими синонимами: *вахлак вахлаком / оскорбётток оскорбётком / ошиток ошитком* (арх., костром., яросл.) – ‘о мужчине, который не следит за собой, небрежен в одежде’: Не оденёцца, не причошыцца, так ы ходит везь день *вахлак вахлаком* (нижегор.); *терюх терюхом* (влад.) / *тюха туюхой* (горьк.) – ‘о бестолковом, бесхарактерном мужчине; простаке’: Фсю жызь ево любой фкрук пальца обведёт. Так ы не жэнился даже, жывёт с нам, *тюха туюхой*, а работу фсяку знаёт; *хахаль хахалем / хлыц хлыцом* (нижегор.) – ‘щёголь, франт, повеса, хват, у которого «последняя копейка ребром»’: На батьковы денешки и шикует в городу-ту. Учицца не хочот, роботы тожо не дождётся. Приежжаёт ы ходит по деревне-то *хлыши хлышиом*, нали фсех баб, не токо девок, посмутил и т. д.

Менее всего в наших материалах УС с ИС ж. рода в структуре, как производными, так и непроизводными. Для производных ИС мотиваторы те же, что и для ИС м. р.: глаголы, ИП, ИС, ФЕ. Большинство таких ИС ж. р. с «неодобрительной» (негативной) семантикой: *щеколда щеколдой* (горьк.) – ‘о той, что *щеколдит* – много и быстро говорит; которую невозможно ни переговорить, ни унять’; *сука сукой I* – ‘о женщине (девушке), которая *сучит* (пск.) – наговаривает на кого-, что-л., сплетничает’; *страмушка страмушкой* (нижегор., яросл.) – ‘о *страмной* – невзрачной, не умеющей себя вести в обществе женщине (девушке)’; *страсть страстью* (морд.) – ‘о *страшной* – некрасивой, безобразной женщине (девушке)’: У Мотьки снаха-ть как письна. – А ты уш и ни бай-ка. Наш-ат привёс сибе *страсть страстью*. Лишь в нескольких УС ИС ж. р. с позитивной семантикой: при отадъективной производности – *смирёна смирёной* (арх.) – ‘о *смирённой* – кроткой, покорной женщине (девушке)’; *статёнушка статёнушкой* (горьк.) – ‘о *статной* – хорошо, пропорционально сложенной, стройной женщине, девушке’; при отсубстантивной производности – *разлебёдка разлебёдкой / разлебёдушка разлебёдушкой* (арх.) – ‘о *лебёдке / лебёдушке* – молодой женщине (девушке) (милушке, голубушке)’; с мотиватором – ФЕ – *трава травой* (новосиб., том.) – ‘о женщине

(девушке), что *тише воды, ниже травы* – тихой, незаметной; с мягким характером, безропотной’. Явление вторичной номинации ИС ж. р. как компонентов УС представлено значительно шире, чем в подобных единицах с ИС м. р. Это слова-характеристики женщин (девушек), основы для метафорического переноса значений которых связаны с названиями предметов домашнего обихода – *чумичка чумичкой* – ‘о неопрятной женщине (девушке), выполняющей «чёрную» работу» (*чумичка* (ряз., моск.) – ‘металлическая или деревянная разливательная ложка’); *раскладушка раскладушкой* (арх.) – ‘о женщине (девушке) «лёгкого» поведения’ (*раскладушка* – ‘лёгкая раскладная кровать’); физического состояния человека: *лень ленью* – ‘о ленивой девушке (женщине)’ (*лень* – ‘отсутствие желания работать, вообще делать что-л.’); домашних животных: *сука сукой* № – ‘о женщине (девушке), вызывающих своим поведением гнев, раздражение’ (*сука* – ‘самка домашней собаки или других животных сем. псовых’): Парнѣк-от у сусидей путной, везь в деда пошол, а дефка-та *сука сукой*. А ничо не делаѣд, жрѣд да спид, да шляѣцца (горьк.). ИС ж. р. с немотивированным значением в УС, как правило, отрицательно характеризуют представительниц прекрасного пола: *евлеша евлешей* (морд.) / *лахудра лажудрой* / *огарма огармой* (горьк.) / *охрюта охрютой* (тамб.) / *охряпа охряпой* (перм., сиб.) – ‘о неряшливой, не умеющей следить за собой и привести себя в порядок женщине (девушке)’; *оскомыла оскомылой* (горьк.) – ‘о некрасивой девушке (женщине) с короткой верхней губой’: Ну-ко каг Бог наказал родителей-то: одна-единственная дефка и та *оскомыла оскомылой*, рот-от не закрываѣцца, фсе зубы наголѣ... Кто такую-ту возьмѣт. Матка-та вон фсе глаза из-за иѣ выревела. Единственный пример позитивной характеристики девушки (женщины): *краля кралей* – ‘о приятной, красивой внешне, обученной хорошим манерам’: Два года фсево и пожыла в городу-ту, а приехала уш *краля кралей*, фсех вон не то парней, мужыкоф, с ума посводила (горьк.).

Насколько мы могли убедиться, рассмотренные УС «не столько называют предмет, сколько живописуют, указывая на характерные признаки» [9, с. 4–6]. При этом все они связаны не с увеличением смысловой детализации, а с наслоением добавочной семантики. Источники эмоциональной окраски тавтологизмов, структурно представленных дублированием гендерно разных и однородных ИС, различны, но основные из них связаны с соотношением наименований с предметами (при вторичной мотивации), вызывающими по большей части отрицательные эмоции в человеке. Эмоционально-оценочное значение выражено за счет слов-характеристик. Сфера преимущественного использования названных единиц – устная речь. Из системных отношений, характерных для УС, наиболее распространены синонимичные, реже представлены антонимичные, единичны – омонимичные. Почти все УС моносемичны, факты полисемии спорадичны. Синтаксическая функция изучаемых единиц связана с предикативностью, если составляющими УС являются ИС отглагольной производности. Во всех других типах производности ИС можно говорить о совмещении признаковности и предикативности [6, с. 72–77].

Перспективу дальнейшего подробного исследования и описания представленных в данной статье единиц, являющих собой богатство языковых ресурсов и раскрывающих самобытность национальной культуры, как и вообще тавтологизмов, видим в рассмотрении их на примере разных типов и стилей речи, жанров художественной литературы, а также – в компаративном изучении в системах близкородственных и неродственных языков, в лексикографической представленности (оформленности), как и определении места в языковой картине мира.

Список использованных источников

- 1 Большой словарь иностранных слов / Сост. А. Ю. Москвин. – М. : Центрполиграф, 2007. – 815 с.
- 2 Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : НОРИНТ, 2003. – 1535 с.

- 3 Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энциклопедия, 1991. – 736 с.
- 4 Мокиенко, В. М. Большой словарь народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2008. – 800 с.
- 5 Огольцев, В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В. М. Огольцев. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.
- 6 Огольцева, Е. В. Предикативы как слова-сопроводители устойчивых сравнений русского языка / Е. В. Огольцева // Вестник Вологодского государственного университета. – № 1 / 2016 (Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки). – Вологда, 2016. – С. 72–77.
- 7 Петров, А. В. Семантика тавтологических сочетаний модели «сущ. им. п. + сущ. тв. п.» / А. В. Петров, Л. А. Петрова // Языковые категории и единицы: Синтагматический аспект. Материалы одиннадцатой Международной конференции. – Владимир, 2015. – С. 394–398.
- 8 Ройзензон, Л. И. Русская фразеология : учебное пособие / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : СамГУ им. А. Навои, 1977. – 96 с.
- 9 Фёдоров, А. И. Лексикографическая характеристика сибирской диалектной фразеологии в словаре / А. И. Фёдоров // Фразеологический словарь русских говоров Сибири. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 4–6.
- 10 Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Сов. энциклопедия, 1967. – 543 с.

УДК 811.161.1'373.45:811.111(73)'373:398.92:005.334:004.77

Т. В. Лобан

**«HOUSTON, WE HAVE A PROBLEM»: ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ ИЗВЕСТНОГО
КАЛЬКИРОВАНИЯ И ЕГО КОНТЕКСТНЫЙ АНАЛИЗ
(на материале интернет-источников)**

В статье проводится контекстный анализ выражения англоязычного происхождения Houston, we have a problem, функционирующего в современном коммуникативном пространстве русского языка; выявляется основная функция данной единицы в коммуникации. Характеризуются закономерности использования английского фразеологизма в иноязычной языковой среде.

Наиболее образные, «сочные» и эмоционально окрашенные выражения априори претендуют на активное тиражирование и приобретение статуса «крылатых». К источникам, порождающим такие лексические единицы, можно смело отнести кинематограф. Зарубежные блок-бастеры, сит-комы, исторические новеллы быстро приобретают популярность и инвестируют в массы целый ряд узнаваемых фраз, прототипов, образов.

Фильм «Аполлон–13» режиссёра Рона Ховарда, снятый по мотивам книги Джеймса Ловелла и Джеффри Клугера «Потерянная Луна», хорошо известен русскому зрителю, а потому относится к числу источников, порождающих крылатые выражения. В данной картине повествуется о неудачной лунной миссии. В 1970 году «Аполлон–13» должен был стать третьим космическим кораблем, который доставил бы астронавтов на Луну. Однако уже на подлете к цели на корабле произошла серьезная авария, которая не только поставила крест на посадке, но и создала угрозу жизни экипажа [1].

«Хьюстон, у нас проблема» – фраза Джеймса Лоуэлла, командира космического корабля, которая была произнесена в момент взрыва кислородного баллона на борту и выходу из строя двух из трех батарей топливных элементов. Она стала общеизвестной также благодаря тому, что является слоганом к фильму и вошла в разговорную речь после выхода фильма в 1974 году [2]. В российский прокат картина была выпущена 30 июня 1995 года; в 2005 году был сделан дубляж, и фильм вновь был показан в кинотеатрах.

Согласно данным интернет-портала «English Language & Usage», лексическое значение фразы «Houston, we have a problem» генерализовано; используется при сигнализации о любой мелкой проблеме, с которой столкнулся субъект; имеет шутливый оттенок [3].

В коммуникативном пространстве русского языка фраза «Houston, we have a problem» известна среднему представителю как калькирование: «Хьюстон, у нас проблемы». Целью данного исследования является показать, что высказывание иноязычного происхождения с фиксированным значением «сигнала о возникшей проблеме» может употребляться в ряде новых контекстов, функционируя в неродной языковой среде.

1. Алексей Березин, ведущий блога «Слон в колесе» на портале *livejournal.com* начал один из своих монологов следующими словами: *Хьюстон, у нас проблемы. Я начинаю подозревать, что люди вокруг объединились в желании женить меня. Пока стараются уговорить по-хорошему, но я чувствую, если у них не получится, они не остановятся ни перед чем* [4].

Функция: сигнализировать о проблеме «женить насильно».

2. О. Мельникова, автор стихотворения «Хьюстон», размещенного на портале *Stihi.ru*, обратила внимание общественности на проблему скоротечности жизни и акцентировании внимания человека на «ненужных» вещах. Примечательным является тот факт, что выражение «Хьюстон, у нас проблемы» стало заглавным у каждого смыслового отрезка произведения:

У нас проблема, хьюстон.

Мы уходим в сериалы, книги, запираем двери,

И для этих сюжетов реальность – фон.

Но нужно прорваться, несмотря на то, что в тебя не верят,

Ведь песня остаётся песней,

даже если её записали на диктофон [5].

Функция: сигнализировать о проблеме бренности бытия.

3. «Добро пожаловать в мою реальность / Хьюстон, кажется у нас проблемы. Назрело» – пост белорусского блоггера *prostoodinchelovek*. В нем девушка сетует на чрезмерное внимание своей свекрови и упрекает ее в привычке делать бесполезные подарки: *«У моей замечательной и, не побоюсь этого о слова, самой лучшей в мире свекрови есть одна черта, которая меня со временем начинает беспокоить... А именно, она приносит в мой дом ненужные вещи. Нужные, конечно, тоже приносит. В основном, всякие гостинцы, вкусняшки и деликатесы, за что ей огромное спасибо. Но, вот это... «На тебе, боже, что нам не гоже» начинает напрягать»* [6].

Функция: сигнализировать о проблеме чрезмерного внимания.

4. Комичный подтекст, которым обладает само выражение, определило его употребление в анекдотах. Так, на портале «Анекдоты из России» размещен следующий шутливый пост:

Женщина-астронавт на Луне:

– Хьюстон, у нас проблемы...

– Говорите!

– А... нет, ничего!

– Что случилось?

– Не важно...

– Какие проблемы?

– Ой, всё! [7].

Функция: сигнализировать о женской непосредственности и инфантильности.

5. Белорусская спортивная газета «Прессбол» в одном из номеров от 28.12.2015 разместила статью под названием «Допинг. Хьюстон. У нас проблемы», в которой автор повествует о пробах «А» и временном на тот момент отстранении от спортивной

деятельности Анастасии Новиковой и Александра Венскеля: *Оба в США остановились в шаге от пьедестала: Новикова заняла четвертое место в категории до 58 кг, Венскель – в категории до 94 кг. У наших соотечественников обнаружен одинаковый анаболический агент – дегидрохлорметилтестостерон* [8].

Функция: сигнализировать о проблеме дисквалификации в спортивных соревнованиях.

6. Катажина Грохоля, популярная польская писательница, лауреат премии издательского отличия «IKAR», известна русской публике как автор книги «Хьюстон, у нас проблемы». Главный герой ее романа «Хьюстон, у нас проблемы» – *«тридцатидвухлетний холостяк, переживающий не лучшие времена. Любимая женщина оказалась предательницей, с работой совсем не ладится: талантливый, многообещающий кинооператор вынужден заниматься всякой ерундой в результате конфликта с влиятельными людьми. И кругом женщины, женщины, женщины...»* [9].

Функция: сигнализировать о проблеме внутреннего конфликта индивидуума, протекающего на фоне прогрессирующего кризиса среднего возраста.

7. Новостной портал «Настоящее время» 07.06.2016 разместил статью «Хьюстон, у нас проблема: 18 тысяч желающих стать астронавтами». Как пишет автор, *«По данным НАСА, на программу подготовки астронавтов 2017 года подано рекордное количество заявок – 18,300. ...Судя по конкурсу, попасть в космический отряд будет в 65 раз сложнее, чем в число студентов Гарварда»* [10].

Функция: сигнализировать о неожиданно возникшем конкурсе на вакантное место астронавта. Однако обратим внимание и на тот факт, что данный пример указывает на наличие текстовой реминисценции, относящей читателя к реальному историческому событию – переговорам командного состава космического корабля «Аполлон–13» с руководством НАСА в 1974 г.

8. Народная газета «SB.by» опубликовала статью с названием «Хьюстон, у нас проблемы...», в которой отнесла читателей во времена покорения космоса человеком и воспоминаниях о Нейле Армстронге и Юрии Гагарине. Основной целью публикации автор О. Бебенина определила возможность существования теории лунного заговора: *«Удивительно, но факт – почти через 50 лет после первого “прилунения” многие вообще не уверены, что оно было»* [11].

Функция высказывания: сигнализировать о глобальной проблеме лунного заговора.

Таким образом, принимая во внимание все вышесказанное, можно утверждать следующее:

1. Крылатое выражение «Хьюстон, у нас проблемы» является калькированием с английского «Houston, we have a problem» и активно воспроизводится в коммуникативном пространстве русского языка.

2. Значение данного выражения генерализировано и может быть сформулировано как «сигнал о мелкой проблеме (часто с шутливым оттенком)». Лингвистический анализ, проведенный на материале интернет-источников, показал, что выражение используется только в заголовках статей и более не возобновляется в основном тексте либо намеренно является заглавным предложением последующей статьи и также более не возобновляется в ходе повествования.

3. Исследуемое выражение часто воспроизводится в современной коммуникации, известно среднему члену лингвокультурологического сообщества, маркировано, а следовательно, претендует на переход в новый для себя статус «прецедентного высказывания».

Список использованных источников

1 Апполон–13 (фильм) // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Аполлон-13_\(фильм\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Аполлон-13_(фильм)). – Дата доступа : 10.09.2016.

- 2 Хьюстон, у нас проблемы // Netlore. Антология сетевого фольклора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.netlore.ru/hjuston-u-nas-problemy>. – Дата доступа : 13.09.2016.
- 3 Houston, we have a problem // English Language & Usage Stack Exchange [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://english.stackexchange.com/search?q=houston%2C+we+have+a+problem>. – Дата доступа : 15.09.2016.
- 4 Слон в колесе // Блог Алексея Березина Livejournal.com. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://alex-aka-jj.livejournal.com/225741.html>. – Дата доступа : 20.09.2016.
- 5 Мельникова, О. Хьюстон // Стихи. Ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.stihi.ru/2013/02/03/8079>. – Дата доступа : 25.09.2016.
- 6 Добро пожаловать в мою реальность / Хьюстон, кажется у нас проблемы // Prostoodinchelovek.blogger.by. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://prostoodinchelovek.blogger.by/68996/> – Дата доступа : 13.09.2016.
- 7 Женщина-астронавт на луне // Анекдоты из России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.anekdot.ru/id/777888/>. – Дата доступа : 25.09.2016.
- 8 Допинг. Хьюстон, у нас проблемы // Прессбол.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pressball.by/articles/summer/others/92977>. – Дата доступа : 25.09.2016.
- 9 Грохоля, К. Хьюстон, у нас проблемы // Lifeinbooks.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lifeinbooks.net/chto-pochitat/hyuston-u-nas-problema-katazhina-groholya/> – Дата доступа : 23.09.2016.
- 10 Хьюстон, у нас проблема: 18 тысяч желающих стать астронавтами // Currenttime.tv. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.currenttime.tv/a/27785067.html>. – Дата доступа : 24.09.2016.
- 11 Бебенина, О. Хьюстон, у нас проблемы... // Народная газета Sb.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sb.by/ng/obshchestvo-6/article/khyuston-u-nas-problemy-.html>. – Дата доступа : 27.09.2016.

УДК 811.161.3:398.9

В. А. Ляшчынская

АСАБЛІВАСЦІ ЎЖЫВАННЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ У МОВЕ НАВУКІ

У артыкуле даводзіцца аб адметнасцях ужывання фразеалагізмаў ў навуковых тэкстах: вызначаюцца ўстойлівыя спецыфічныя выразы як тэкстаўтваральныя сродкі, тэрміналагічныя звароты і фразеалагізмы-ідэімы як вынік пранікнення экспрэсіўнасці-эмацыянальнасці ў мову навукі.

Фразеалагічныя адзінкі (ФА) выдзяляюцца сярод іншых адзінак мовы семантычнай цэласнасцю, узнаўляльнасцю, пастаянствам свайго зместу, кампанентнага складу, структуры і наяўнасцю ў большасці адзінак вобразнасці, што выяўляецца ў выніку ўтварэння ФА для абазначэння актуальных, штодзённых праяў чалавечага быцця на аснове тыповых вобразных абагульненняў і дзякуючы чаму ФА сцісла, выразна і вобразна, функцыянальна дакладна характарызуюць і перадаюць думку, выражаюць пачуцці і адносіны, даюць ацэнку.

Зразумелым становіцца прычына выкарыстання ФА ў маўленчай дзейнасці чалавека, асабліва мастакоў слова, для якіх фразеалогія – невычэрпная крыніца стылістычных эфектаў. Шырокае выкарыстанне ФА ва ўсіх стылях, акрамя навуковага і афіцыйна-справавога, можна растлумачыць, з аднаго боку, дзейнасцю гэтых выяўленчых сродкаў мовы, перавагай экспрэсіўна-канатацыйных звестак у змесце ФА, іх выразнай ацэначнай характарыстыкай прадмета, асобы, дзеяння, якасці; з другога – наяўнасцю галоўных стылёвых прыкмет, што арганічна выцякаюць з задач і сфер дзейнасці кожнага з стыляў.

Адносна ФА ў мове навукі лінгвісты разыходзяцца. Часцей за ўсё іх лічаць «не ўласцівымі ўвогуле навуковаму стылю і нават супрацьпаказаны яму» [1, с. 95] ці ўвогуле абыходзяць увагай. Зрэдку навукоўцы заўважаюць, што «ўласна фразеалогія, у большасці агульнакніжная, займае ў навуковым маўленні абмежаванае месца» [2, с. 67]. І тлумачэнне такім розным падходам крыецца ў адметнасцях функцыянальных рыс навуковага стылю, тых мэт і задач навуковай інфармацыі, якія выступаюць своеасаблівымі крытэрыямі адбору моўных адзінак у навуковых тэкстах. Так, навуковы стыль, як зазначае А. М. Кожын, «далёкі ад эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбаванасці. І лексіка, і адбор марфалагічных формаў, і характар сінтаксічных канструкцый, і парадак слоў, уласцівыя навуковаму стылю, закліканы забяспечыць дакладнасць, лагічнасць, аб'ектыўнасць і абстрактнасць выкладу. Эмацыянальная афарбаванасць маўлення не спрыяе дасягненню гэтых мэт» [3, с. 101]. Заўважым, даследчык не называе ФА пры пераліку адзінак трох важнейшых узроўняў мовы навуковага стылю.

Сапраўды, навуковая мова найбольш аддалена ад вуснай размоўнай формы, дзе выкарыстанне ФА характэрна ў найбольшай ступені для выражэння ацэнкі і характарыстыкі, пазбаўлена элементаў экспрэсіўнасці, паколькі яна не мае ўстаноўкі на наўмыснае ўздзеянне. Дакладнасць навуковага стылю прадугледжвае адназначнасць разумення думкі, адсутнасць сэнсавых разыходжанняў паміж словам і абазначаным ім паняццем, у выніку – адсутнасць пераноснага ўжывання слоў, метафар. Важнымі асаблівасцямі навуковага стылю лічацца абстрактнасць і абагуленасць выкладу, а таму ў строга навуковым маўленні выражэнне пачуццяў моўнымі сродкамі ўспрымаецца як адхіленне ад нормаў стылю, а адсутнасць адкрыта выражанай эмацыянальнасці ў навуковым тэксце звязана з такой яго асаблівасцю, як «абмежаванасць аўтарскага, асобнага пачатку» [4, с. 203].

Вось чаму ФА з перавагай канатацыйнага элемента над намінацыйным адмаўляюцца ці абмяжоўваюцца ў выкарыстанні ў навуковых тэкстах. Сапраўды, цяжка ўявіць у манаграфіі ці навуковым артыкуле стылістычна маркіраваныя ФА тыпу *хадзячая газета; наплакаць у камізэльку; глытаць жабу* і інш. Аднак некаторыя лінгвісты, напрыклад, Н. Я. Мілаванова, лічаць, што ў навуковым стылі экспрэсіўнасць-эмацыянальнасць неабходная і натуральная, паколькі яна адцяняе ўжо аргументаваную лагічную думку аўтара [5, с. 142]. Не адмаўляе навуковаму стылю ў вобразнасці, эмацыянальнасці і ўвогуле ў экспрэсіўнасці і вядомая даследчыца пытанняў стылістыкі рускай мовы М. М. Кожына [6, с. 167].

Аналіз шматлікіх навуковых тэкстаў, асабліва літаратараў, гісторыкаў і нават моваведаў, дазваляе гаварыць аб выкарыстанні ФА-ідыёмаў як своеасаблівым пранікненні элементаў эмацыянальнага (*Бедная беларуская мова! Косткай у горле стала яна для польскіх паноў...; Дзённікавая форма вымагала запісаў на гарачых слядах падзей, на свежых уражаннях..* Л. І. Прашковіч). Праўда, назначэнне элементаў эмацыянальнага і экспрэсіўнага ў навуковай мове адметнае ад размоўнага маўлення з яго нязмушанасцю і непасрэднасцю выражэння эмоцый ці ад мастацкага, дзе элементы эмацыянальнага і экспрэсіўнага служаць для стварэння мастацкага вобраза. У навуковай мове экспрэсіўна-эмацыянальнае накіравана на прыцягванне ўвагі да зместу выкладу, на тлумачэнне і канкрэтызацыю думкі. Варта ўлічыць форму (пісьмовая ці вусная) і сітуацыю зносін, узаемаадносіны паміж аўтарам і атрымальнікам інфармацыі, аўтарскую індывідуальнасць і інш. Таму выкарыстанне ФА (адзначым найбольшую актыўнасць найперш у тэкстах навукова-папулярнага падстылю) падпарадкоўваецца асноўным мэтам выкладу – данесці навуковую інфармацыю даходліва, зразумела і цікава, падкрэсліць і адцяніць думку даследчыка, выразна выявіць пазіцыю адносна ўзнятага пытання, прыцягнуць увагу чытача, ажывіць строгі і сухі выклад. Пры гэтым у навуковых тэкстах найбольш часта выкарыстоўваюцца ФА, у якіх пераважае выкарыстанне інтэлектуальна-эмацыянальнага, а эмацыянальна-ацэначнага афарбоўка выступае дадатковай да інтэлектуальна-ацэначнай (*ніжэй усякай крытыкі, трапіць на ўрадлівую глебу, пакідае жадаць лепшага, а воз і зараз там, выводзіць у свет, выходзіць у свет, добры геній, з дарагой душой, закладваць асновы, звяртаць на сябе ўвагу* і інш.).

Другая адметнасць ужывання ФА ў навуковых тэкстах, у тым ліку і найперш уласна навуковых і тэхнічных, звязана з іх значнай колькасцю, праўда, толькі на аснове так званага шырокага разумення аб'ёму фразеалогіі і іх ролі. Гэта ўстойлівыя адзінкі, якія выкарыстоўваюцца ў навуковым стылі больш, чым у іншых, для афармлення працэсу пазнання, што тлумачыцца, па-першае, важнасцю логікі выкладу, які вымушае да ўжывання складаных сказаў злучнікавага тыпу, у якіх адносіны паміж часткамі павінны быць выражаны адназначна; па-другое, неабходнасцю даказваць, аргументаваць выказаныя думкі, выяўляць прычыны і вынікі аналізаваных з'яў. Паводле ступені ўдзелу ў пабудове навуковага разважання, паводле характару інтэнцыі, якія яны абслугоўваюць, такія ўстойлівыя адзінкі служаць для: 1) выражэння лагічнага вываду (*такім чынам, як відаць, са сказанага вынікае*); 2) супастаўлення розных дадзеных ці аргументаў (*з аднаго боку..., з другога боку..., у адрозненне ад..., разам з тым...*); 3) устанаўлення парадку размяшчэння аргументаў (*па-першае, па-другое, па-трэцяе*); 4) акцэнтавання ўвагі на інфармацыю (*у першую чаргу, найперш за ўсё, у прыватнасці*); 5) тлумачэння той жа інфармацыі іншым спосабам (*інакш кажучы, іншымі словамі, гэта значыць, калі можна так выказацца, дакладней кажучы, маецца на ўвазе, справа ў тым, што...*); 6) указання на крыніцу інфармацыі (*паводле меркавання ..., на думку..., у адпаведнасці з пунктам гледжання*); 7) указання на адносіны да спосабу перадачы думкі пры аргументацыі (*уласна кажучы, карацей кажучы*); 7) падкрэслівання неабходнасці якога-н. дзеяння ці яго адсутнасці (*мае сэнс, не мае сэнсу, няма ніякіх падстаў*); 8) выражэння свайго погляду, згоды/нязгоды (*падзяляючы пункт гледжання, прытрымліваемся думкі/меркавання/пункту гледжання*); 9) перадачы прычынна- і ўмоўна-выніковых адносін паміж часткамі інфармацыі (*у сувязі з гэтым, пры такіх умовах, у такім выпадку, тым самым*); 10) перадачы часовай суаднесенасці (*найперш за ўсё, у першую чаргу, у далейшым, у той жа час, у заключэнне, побач з тым*). І гэтыя тэкстаўтваральныя сродкі (тэрмін В. В. Адзінцовай [7]), прызначаныя для фарміравання і падтрымання структуры навуковага выказвання, адлюстроўваюць яго спецыфіку, дапамагаюць ва ўспрыманні тэксту, паказваюць асобныя паслядоўныя крокі ў развіцці думкі, забяспечваюць дакладнасць і лагічнасць.

Многія з гэтых сродкаў выражэння звязанасці навуковага тэксту звычайна падаюцца ў пачатку абзаца, што ўзмацняе іх функцыю выразнікаў лагічнай звязанасці тэксту, пабудаванага паводле тыпу разважання. Разам з тым іх ужыванне адпавядае правілам стандартнага афармлення навуковага тэксту, яны не валодаюць экспрэсіўнасцю і эмацыянальнасцю, як гэта характэрна ідыёмам.

Яшчэ адна адметнасць выкарыстання ФА ў навуковай мове звязана з ужываннем састаўных тэрмінаў, ці тэрміналагічных зваротаў, якія абазначаюць розныя навуковыя паняцці (*броўнаўскі рух, метаад Дэльфа, спектральныя класы, шатландская гама, эзопаўская мова* і інш.) і якія характэрны розным сферам навукі і тэхнікі. Тэрміналагічныя адзінкі такога тыпу валодаюць цэласнасцю логіка-паняццйнага паводле характару свайго значэння, ім характэрна «спецыфічнае праяўленне «фразеалагічнасці», калі шматлікія спалучэнні аказваюцца «фразеалагізмамі» для неспецыялістаў, паколькі семантычна раскрываюцца толькі ў тэрміналагічнай сістэме дадзенай падмовы навукі» [2, с. 67].

Некаторыя з такіх тэрміналагічных ФА маюць кампаненты, якія выкарыстоўваюцца ў пераносным, метафарычным значэнні (анатамічны тэрмін *сляпяя кішка*; авіяцыйны тэрмін *мёртвая пятля* і інш.), многія ўтвораны пераасэнсаваннем усяго словазлучэння (*адамаў яблык 'кадык', анюціны вочкі 'травяністая трохколеравая расліна сямейства фіялкавых', зязюльчыны слёзы 'аднагадовая або шматгадовая расліна сямейства злакавых з некалькімі сцяблам і суквеццем мяцёлкай; дрыжнік'* і інш.). І такіх тэрміналагічных ФА толькі ў фразеалогіі беларускай літаратурнай мовы налічваецца больш за 150 [8, с. 121].

А ў навуковым тэксце яны пазбаўлены экспрэсіўнасці і выкарыстоўваюцца не для надання яму выразнасці, а для дасягнення большай дакладнасці. Гэта азначае, што на ФА тэрміналагічнага характару не распаўсюджваецца палажэнне пра выкарыстанне іх для эмацыянальна-экспрэсіўнага характару.

Такім чынам, ФА ў іх вузкім дэфініцыйным вызначэнні не з'яўляюцца актыўным моўным сродкам навуковых тэкстаў, але не забараняюцца для ўжывання ў розных тыпах навуковага стылю і не складаюць адметнай рысы навуковых тэкстаў, бо падпарадкоўваюцца асноўным задачам адлюстравання навуковай інфармацыі. Заўважаецца рост актыўнасці выкарыстання ФА-ідыёмаў ад уласна навуковага да навукова-папулярнага падстылю і ад пісьмовай да вуснай формы (дыскусія, лекцыя, даклад і інш.). Ад ФА, асноўным паказчыкам якіх з'яўляецца цэласнасць значэння, трэба адрозніваць устойлівыя адзінкі, якія складаюць сістэму структурных, ці тэкстаўтваральных, сродкаў звязанасці, афармлення выкладу навуковай інфармацыі ў іх дыферэнцыяцыі паводле месца і ролі выкарыстання, і састаўныя тэрміны, што якраз і выяўляюць адметнасць тэкстаў незалежна ад іх жанравай разнастайнасці і ўваходзяць у сістэму адметных моўных сродкаў навуковага стылю.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Буре, Н. А. Основы научной речи / Н. А. Буре и др. – М. : Академия СПб. Филол. фак. СПбГУ, 2003. – 207 с.
- 2 Васильева, А. Н. Практическая стилистика русского языка для иностранных студентов-филологов старших курсов. – 2-е изд., перераб. / А. Н. Васильева. – М. : Русский язык, 1989. – 190 с.
- 3 Кожин, А. Н. Функциональные типы русской речи / А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. – М. : Высш. школа, 1982. – 223 с.
- 4 Стилистика русского языка : Учебное пособие / Сост. В. Д. Бондалетов, С. С. Вартапетова и др. ; под ред. Н. М. Шанского. – Л. : Просвещение, 1982. – 286 с.
- 5 Милованова, Н. Я. Наблюдение над средствами экспрессивности научной речи / Н. Я. Милованова // Исследования по стилистике / Отв. ред. Л. М. Майданова. Вып. 5. – Пермь, 1976.
- 6 Кожина, М. Н. Сопоставительное изучение научного стиля и некоторые тенденции его развития в период научно-технической революции / М. Н. Кожина // Язык и стиль научной литературы / Отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – М., 1977. – С. 167.
- 7 Одинцова, О. В. Текстформирующие языковые средства научной речи / О. В. Одинцова // Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России. Вып. 1. Russian Department. National Chengchi University. – Taipei; Taiwan, 1998. – P. 106–108.
- 8 Ляшчынская, В. А. Сучасная беларуская мова: фразеалогія / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2010. – 230 с.

УДК 811.161.3'373:398.92-022.225

К. А. Манько

АЦЭНАЧНЫ АСПЕКТ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ З АГУЛЬНЫМ ЗНАЧЭННЕМ 'МНОГА'

У артыкуле на матэрыяле прыслоўных фразеалагічных адзінак беларускай літаратурнай мовы з агульным значэннем 'многа' даецца характарыстыка іх эмацыянальна-ацэначнай афарбоўкі: выяўляюцца віды ацэнкі (станоўчая, адмоўная, станоўчая ці адмоўная) і выражэнне эмоцый (адабральнасць, неадабральнасць, жартаўлівасць, іранічнасць, грубасць і да т. п.).

Фразеалагічныя адзінкі як асобныя знакі мовы вызначаюцца сваімі адметнымі асаблівасцямі структуры, кампанентнага складу, ускладненай семантыкі, стылістычнай характарыстыкі, ужывальнасцю і да т. п., але асабліва такой адметнасцю, што звязана з іх ацэнкай, што дазваляе чалавеку выразіць адносіны да з'яў навакольнай рэчаіснасці.

Пад ацэначнасцю, ці ацэнкай, разумеецца станоўчая або адмоўная характарыстыка аб'ектаў рэчаіснасці, ці, іншымі словамі, гэта “особая, опосредованная субъективным отношением форма отражения действительности, объекты которой квалифицируются с точки зрения удовлетворения / неудовлетворения потребностей, желаний, интересов, вкусов человека, соответствия / несоответствия социальным нормам и представлениям, и как форма выражения ценностного отношения к тем или иным объектам, воплощенная в знаке” [1, с. 37].

Мэта артыкула – выяўленне спектра ацэнкі фразеалагізмаў у яе супрацьлегласці – добра ці дрэнна. У межах артыкула матэрыялам для назірання абрана адна група фразеалагічных адзінак (ФА), якія аб'яднаны агульным значэннем ‘многа’.

У беларускай літаратурнай мове намі вызначана 105 прыслоўных ФА са значэннем ‘многа’, крыніцай збору якіх метадам суцэльнай выбаркі паслужыў “Слоўнік фразеалагізмаў” І. Я. Лепешава [2]. Такая вялікая колькасць ФА з абсалютна тоесным значэннем выклікае заканамернае пытанне: навошта ў мове існуе так шмат ФА з адным і тым жа значэннем – ‘многа’?

Аналіз ФА са значэннем ‘многа’ дазваляе падзяліць усю сукупнасць адзінак на дзве супрацьлеглыя групы паводле ацэнкі, бо мэтай ужывання пэўнай ФА і яе зместам абумоўлены віды ацэнкі – станоўчая ці адмоўная ацэнка.

1. ФА з агульным значэннем ‘многа’, што нясуць адмоўную ацэнку, вызначаюцца найбольшай колькасцю адзінак (43), да якіх адносяцца, напрыклад, *ад пуза* ў 2-ім значэнні; *да гібелі*; *да ліха* ў 1-ым значэнні; *да халеры*; *да хваробы* ў 2-ім значэнні; *да чорта* ў 3-ім значэнні; *за трох /сем дурных*; *з горла лезе /лезла /валіцца /валілася*; *з горла прэ /пёрла*; *па вушы*; *па <самае> горла* ў 2-ім значэнні; *па <самую> завязку* ў 3-ім значэнні; *па <самую> шыю* ў 2-ім значэнні; *пальцам не праткнуць*; *плюнуць некуды*; *повен /поўны рот*; *чортава гібель*; *чортава процьма /цьма*; *чорт што*; *як гразі*; *як дурны на памінках*; *як сабак нярэзаных* і інш.

Адмоўная ацэнка аб'ектам рэчаіснасці надаецца ФА, у складзе якіх маюцца кампаненты-лексемы, якія з'яўляюцца эталонамі вымярэння вялікай колькасці і выступаюць паказчыкамі негатыўных адносін, і тыя вобразы, якія характарызуюцца грубавата-зніжаным зместам.

Так, выяўленне празмернай наяўнасці ў чалавека вялікай колькасці абстрактных паняццяў (работы, турбот, клопатаў, спраў, даўгоў і да т. п.) адбываецца на аснове сінанімічных ФА *па вушы*; *па <самае> горла* ў 2-ім значэнні; *па <самую> завязку* ў 3-ім значэнні; *па <самую> шыю* ў 2-ім значэнні і інш., што даюць адмоўную ацэнку на аснове вобразных уяўленняў аб мяжы вызначэння такой колькасці, на што ўказваюць кампаненты-лексемы – *вушы*, *горла*, *завязка*, *шыя*, якія з'яўляюцца эталонамі вымярэння вялікай колькасці. ФА *ад пуза* ў 2-ім значэнні выражае адмоўную ацэнку на аснове знаходжання ў яе складзе стылістычна маркіраванага кампанента-лексемы *пуза*, бо ва ўяўленнях народа паняцце аб вялікай колькасці яды выражаецца праз вобраз велізарнага жывата, ці *пуза*, якое выклікае непрыемныя асацыяцыі і нясе адмоўную, негатыўную ацэнку.

Іншыя ФА, як, напрыклад, *плюнуць некуды*, нясуць адмоўную ацэнку праз найменне негатыўнага дзеяння, што выражана дзеяслоўным кампанентам *плюнуць*, які ўтрымлівае зніжаную афарбоўку ў якасці негатыўнага дзеяння, бо ў народнай традыцыі *пляваць* – гэта грэшна, а значыць, што гэта выражэнне адмоўя да чалавека, які плюе.

Некаторыя ФА, як, напрыклад, *повен /поўны рот*, даюць адмоўную ацэнку вялікай колькасці турбот у чалавека на аснове вобразнага ўяўлення аб *поўным роце*, бо кампанент-лексема *рот* выступае мяжой вымярэння вялікай колькасці, а ў беларусаў быць з набітым ртом лічыцца нядобрым. Для ФА *да гібелі*; *да ліха* ў 1-ым значэнні; *чортава гібель*; *як гразі* і інш. характэрна выяўленне негатыўнай ацэнкі вялікай колькасці каго- ці чаго-небудзь на аснове вобразаў, звязаных з народнымі ўяўленнямі пра ўсё дрэннае, на што ўказваюць у складзе ФА кампаненты-найменні розных хвароб, дэманічных істот, броду і пад. (*гібель*, *гразь*, *ліха*, *чорт*), за якімі стала замацавалася ацэнка рэзкага асуджэння ці нават злосці.

Асобныя ФА з агульным значэннем ‘многа’, як, напрыклад, з *горла прэ /пёрла, пальцам не праткнуць*, служаць для выражэння празмернай колькасці праз усведамленне чалавекам самога сябе, сваіх адчуванняў, памераў (лексема *горла* з’яўляецца эталонам вымярэння вялікай колькасці, а дзеяслоўны кампанент *прэ* характарызуе негатыўнае дзеянне) ці на аснове вобразных уяўленняў аб цеснаце, шчыльнасці, няўтульнасці і некафортнасці ў размяшчэнні, дзе негатыўная афарбоўка выражана адмоўнай часціцай *не* і дзеяслоўным кампанентам *праткнуць* як найменнем негатыўнага дзеяння.

Значная частка ФА са значэннем ‘многа’ выяўляе вялікую колькасць на аснове метафарычных і гіпербалічных уяўленняў жывёльнага паходжання, што спараджаюць непрыемныя асацыяцыі, як, напрыклад, ФА *як сабак нярэзаных*, дзе лексема *сабак* у спалучэнні з кампанентам *нярэзаных*, які ўказвае не толькі на вялікае мноства, але і на іранічна-пагардлівыя, грэблівыя адносіны суб’екта да гэтага мноства, характарызуецца выяўленнем адмоўнай, зніжанай ацэнкі.

Выражаючы адмоўную ацэнку, чалавек з дапамогай ФА выражае свае эмоцыі (неадабрэнне, грубасць, зневажэнне і да т. п.), што тлумачыцца наяўнасцю стылістычна маркіраваных кампанентаў, а таксама самой формай выражэння, што не зусім адпавядае эстэтычным нормам маўленчай культуры.

Як відаць, вызначэнне адмоўнай ацэнкі ФА са значэннем ‘многа’ звязана з выбарам пэўных кампанентаў, з адметнасцямі і значнасцю ўнутранага вобраза.

2. Станоўчая ацэнка асобам, прадметам, з’явам рэчаіснасці і інш. сродкамі фразеалогіі выяўляецца значна меншай колькасцю адзінак (18). Да іх ліку адносяцца, напрыклад: *будзь здароў* у 2-ім значэнні; *дай бог /божа* ў 4-ым значэнні; *дай бог /божа кожнаму* ў 3-ім значэнні; *дзякуй богу* ў 3-ім значэнні; *з усіх валасцей; імя* каму, чаму *легіён; хоць граблямі грабі /заграбай; хоць касой касі; як бобу; як на дзяды* ў 2-ім значэнні і інш.

Так, ФА *будзь здароў* у 2-ім значэнні; *дай бог /божа* ў 4-ым значэнні; *дай бог /божа кожнаму* ў 3-ім значэнні; *дзякуй богу* ў 3-ім значэнні не называюць колькасць, а выступаюць у ролі эталона мяжы вымярэння гэтай колькасці і служаць для выражэння чалавекам адабрэння, станоўчай ацэнкі, свайго задавальнення наяўнай вялікай колькасцю каго-ці чаго-небудзь, а асноўнымі паказчыкамі гэтага выступаюць кампаненты-лексемы *здароўе* і *бог*, што з’яўляюцца найменнямі прыкметаў добра, ладу, святла, чысціні і да т. п.

Іншым характарам выяўлення станоўчай ацэнкі вызначаецца ФА *імя* каму, чаму *легіён*, якая мае павышаную афарбоўку, што ідзе яшчэ з мінулага і тлумачыцца этымалогіяй гэтай адзінкі, якая характарызуецца ўтрыманнем дадатковых адценняў – урачыстасці, узнёсласці, патэтычнасці і інш.

Для выражэння станоўчай ацэнкі адносна абазначэння вялікай колькасці ягад, грыбоў ужываюцца ФА *хоць граблямі грабі /заграбай; хоць касой касі* і інш., што адбываецца з дапамогай вобразаў, пакладзеных у аснову стварэння гэтых адзінак, якія прыпадабняюць вялікую колькасць ягад, грыбоў да працэсу ці выніку дзеянняў сялян: да касьбы, калі касой захопліваецца шырокі рад травы, ці да зграбання сена.

Як відаць, на выяўленне ФА са значэннем ‘многа’ толькі станоўчай ацэнкі ўказваюць тыя кампаненты-лексемы, за якімі стала замацаваліся пазітыўныя вобразы і ўяўленні, што выклікаюць добрыя эмоцыі.

Аднак сярод ФА з агульным значэннем ‘многа’ сустракаюцца такія адзінкі, якія нясуць нейтральную ацэнку (44). Іх нейтральнасць абумоўлена, па-першае, тым, што яны не маюць унутранага вобраза ці з’яўляюцца бязвобразнымі, а, па-другое, у іх няма кампанентаў, за якімі стала замацавана выражэнне станоўчай ці адмоўнай ацэнкі, як, напрыклад, ФА *без меры* ў 1-ым значэнні; *мала-веля* ў 2-ім значэнні; *раз за разам; раз-пораз; раз-поразу* і інш.

Ёсць адзінкі, якія могуць набываць станоўчую ці адмоўную ацэнку, як, напрыклад, *на валовай скуры /шкуру не спішаеш; не кот наплакаў* у 1-ым значэнні; *поле насеяна; сорак саракоў; у кожнай кішэні па жмені; цераз край; цэлы воз; цьма цьмушчая* і інш. Асаблівасцю вылучаных ФА з’яўляецца тое, што ў залежнасці ад суб’ектыўных адносін

да вялікай колькасці каго-ці чаго-небудзь назіраецца вар'іраванне іх ужывання – з плюсам ці мінусам.

Так, ФА *без меры* ў 1-ым значэнні, якая служыць для выяўлення вялікай колькасці незалежна ад абазначэння асобы ці прадмета, у сказе *Вось антоны, вось апорты, вось і слуцкія вам бэры тут вісяць, нібы збаны...* Адным словам, тут *без меры* рознай ёсць *садавіны...* (К. Крапіва) выступае са станоўчай ацэнкай, бо характарызуе ўраджайны год на садавіну альбо разнастайнасць пладовых дрэў у садзе. Але ў сказе *Пакінь курыць, бо і праз дзверы праходзіць дым сюды без меры...* (Я. Колас) ФА *без меры* ў 1-ым значэнні выступае з адмоўнай ацэнкай, бо негатыўна характарызуе вынікі, якімі суправаджаецца працэс курэння.

Гэтыя ФА служаць таксама для выражэння чалавекам сваіх эмоцый – іранічнасці (<хоць> *плот гарадзі*) і жартаўлівасці (*не кот наплакаў* у 1-ым значэнні; *у кожнай кішэні па жмені*).

Як відаць, на выяўленне ФА са значэннем 'многа' станоўчай ці адмоўнай ацэнкі ўплываюць суб'ектыўныя адносіны да аб'ектаў выказвання, а ў выніку і адпаведнае слоўнае акружэнне, ці адметная спалучальнасць.

Такім чынам, ацэначны аспект даследавання ФА з агульным значэннем 'многа' паказвае, што гэтыя адзінкі дыферэнцыруюцца паводле ўтрымання эмацыянальна-ацэначнай афарбоўкі на ФА са станоўчай і адмоўнай ацэнкай, што тлумачыцца адметнасцямі кампанентнага складу, абранымі вобразамі і ўжывальнасцю ў пэўным кантэксце. Іншым характарам вызначаюцца ФА, якія могуць набываць станоўчую ці адмоўную ацэнку, што звязана з суб'ектыўнымі адносінамі чалавека да аб'ектаў выказвання. Вар'іраванне відаў ацэнкі ў адзначаных ФА звязана з тым, што ў іх кампанентным складзе няма яўна выражаных кампанентаў і лексем, якія нясуць толькі станоўчую ці толькі адмоўную ацэнку.

Спіс выкарыстаных крыніц

1 Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / Е. В. Ничипорчик. – М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

2 Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. Т. 1: А–Л. – 672 с.; Т. 2: М–Я. – 704 с.

УДК 811.161.1'373:398.92:1

В. А. Маслова

МИРОУСТРОЙСТВО ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматриваются фразеологизмы об устройстве мира сквозь призму лингвокультурологии и мифологии. Важнейшими для понимания мироустройства являются оппозиции «левый – правый», «нижний – верхний», «земля – небо» и др., а также представления о первичности стихий и важности количества.

Для всей современной науки характерен синтез знания, который стал императивом современности. Только с помощью интегрирования знаний, полученных в самых различных науках, можно получить более-менее достоверные знания о мире и его устройстве. При этом сохраняется научное ядро каждой дисциплины. В процессе интеграции старые знания, имеющиеся в одной из областей науки, усиливают свою прогностическую функцию, в результате чего рождаются новые знания. Ни одна наука сейчас не может претендовать на универсальную концепцию мира. Именно при интегративном подходе повышается уровень понимания роли и назначения гуманитарного знания, расширяются возможности ее практического применения, увеличиваются познавательные регистры обучения. Однако при

этом постоянно приходится преодолевать дисциплинарный агрессивный снобизм: «это не лингвистика». Рассмотрим это на примере лингвокультурологии, которая существенно расширила горизонты лингвистических исследований, начиналась она, как известно, с фразеологической семантики (работы В. Н. Телия и ее школы).

Вся система языка (в том числе и фразеология) пронизана идеей бинарности – одна из важнейших языковых, фольклорных, мифологических и ментальных универсалий. Следовательно, оппозиции (противопоставления) – основной принцип устройства и мира, и общества.

Фразеологизмы об устройстве мира проецируются на фразеологизмы об устройстве общества. Имея общие корни в мифологии, они настолько тесно переплетаются, что отделить их можно лишь условно для удобства описания. Например, оппозиция “левый – правый”, важнейшая в мифах и фразеологизмах об устройстве мира, тесно вплетается в общественную жизнь народа, в его обряды, приметы, предания. Н. И. Толстой приводит многочисленные ситуации в жизни славянских народов Полесья, где противопоставление левого – правого становится релевантным: если плод в утробе матери помещается слева, то рождается дитя женского пола (сосуд зла), а если справа – то мужского; звон в левом ухе – плохое известие, в правом – хорошее; левый глаз дергается к беде и т. д. [4].

Данная оппозиция, вероятно, имеет корни в асимметрии полушарий головного мозга человека с преобладанием доминантного левого (речевого) полушария и, соответственно, правой руки. Уже первые ножи и топоры в каменном веке изготавливались в расчете на праворукого человека. Преимущества правой руки закрепились в сознании и языке, т. е. в культурной традиции; например, у славян правая рука – лучшая, более важная. Сравн. *правый* – это правильный, отсюда – *правое дело*; *левый заработок* – это плохо и т. д. Поэтому в христианской традиции клянутся, крестятся, благословляют – правой рукой. В пророчествах о Страшном суде сказано: “И соберутся перед Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; И поставит овец по правую руку свою, а козлов по левую” (Еванг. от Матфея 25 : 32).

В основе оппозиции левый - правый лежит миф о том, что каждый человек имеет и доброго, и злого духов рядом с собой: добрый ангел-хранитель располагается справа, а бес-искуситель – слева: *Бес слева ходит, да на грех наводит* [6, с. 53]. Этот миф объясняет семантику целого ряда фразеологизмов, например, *встать с левой ноги* (‘начать день под властью злого духа’, а его современное значение ‘быть в плохом, мрачном настроении, в раздраженном состоянии’), *споткнуться на левую ногу*, *левые деньги*, *левый заработок* и т. д.

С семантикой левого и правого связано понятие о смерти: мы слышим *дыхание смерти*. С правым связано понятие жизни. На этом основан славянский обычай пить на тризне слева направо. В народе до сих пор считается, что дерганье правого глаза – доброе предзнаменование, а левого – дурное. Обычаи, предрассудки, приметы, связанные с оппозицией левый – правый объясняются еще и физиологическими причинами: В. П. Алексеев, исследовавший право-левостороннюю симметрию живых организмов, доказал, что эта симметрия начинается на уровне белковых молекул и пронизывает все живое [1, с. 43].

Еще А. Н. Афанасьев выявил в основе народных верований логический каркас, основанный на системе оппозиций: свет – тьма, тепло – холод, жизнь – смерть, небо – земля [2, с. 102].

В. В. Иванов и В. Н. Топоров выделили для общеславянской культуры следующие оппозиции: левый – правый, женский – мужской, младший – старший, нижний – верхний, западный – восточный, северный – южный, черный – красный (белый), смерть – жизнь, болезнь – здоровье, тьма – свет, луна – солнце, земля – небо, лес – море – суша, зима – весна [3, с. 260–266]. Двенадцать основных оппозиций выделяет Т. В. Цивьян [5]. Сам факт выделения оппозиций есть простейший анализ и классификация явлений, которые воспринимаются через контраст.

В начале мира был *хаос* – это мрак, ночь, пустота и вода. Славянам ближе представления о первичности стихии воды. Отсюда, например, обилие метафор и

фразеологизмов, связанных с водой, морем. Например, много отрицательных черт, характеристик человека и событий называются фразеологизмами с компонентом *вода*, их семантика формировалась под влиянием этого архетипа: *вода не держится* (о болтливом человеке), *как в воду опущенный* (о подавленном человеке), *десятая вода на киселе* (очень дальний родственник), *темная вода* (о слепом человеке), *вилами по воде писано* (об отрицательном исходе событий), *темна вода во облацех* (о чем-либо непонятном), *желтая вода* (болезнь глаз) и т. д.

Вода, будучи противоречивым символом, может проявлять себя и как нечто положительное. Например, русские фразеологизмы *живая вода* (чудодейственная жидкость, возвращающая жизнь), *в огонь и в воду* (хоть куда), *не разлей вода* (о неразлучных друзьях), *на чистую воду* (разоблачить кого-нибудь), *чистойшей воды* (самый настоящий); русские поговорки и заговоры *Лейся беда как с гуся вода*, *С него всякая беда как с гуся вода*.

Как сложный символ предстает архетип “вода” в Библии. Иисус, проходя через Самарию, устал, присел у колодца и попросил у самаритянки пить: “Если бы ты знала дар Божий, и кто говорит тебе: “дай мне пить”, то сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую... Вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную” (Еванг. от Иоанна 4 : 10, 14). Библейский дух, как известно, носился над водами, и это было начало начал.

Возникли три сферы – небесная, земная и подземная, три мира – нижний, средний, верхний. В нижнем мире мрак, холод, смерть; верхнему миру принадлежат небо, солнце, луна, звезды, свет; в среднем мире обитает человек. Трехотомическая структура космоса нашла отражение во фразеологическом фонде многих народов.

Небо – стержень мироздания, символ вселенской гармонии и порядка. С одной стороны, небо – это как бы Бог (*небо призывает*), а с другой, – это пропасть, пучина (*бездонное небо*). Полярная звезда – это ось (центр) звездного неба. Это единственная неподвижная звезда нашего полушария, поэтому по ней всегда можно определить направление на север. Позднее название созвездия с этой звездой – *Стожары* (*стожар* – воткнутая в землю жердь, столб, вокруг которого навивается сено, когда его складывают в стог). Таким образом, идея центра важна для архаического мировосприятия, она как бы организует мир в представлениях древних, отсюда фразеологизмы *ось земли*, *пуп земли*.

Две главные части мира, космоса – *небо и земля*. С одной стороны, небо и земля противопоставляются. Сравн. в этой связи фразеологизмы *есть землю* – ‘активно клясться’ и *коптить небо* ‘пассивно существовать без определенной цели’; их семантика формируется с учетом мифологических представлений древних славян. С другой стороны, *небо и земля* воспринимаются как супружеская пара, вместе образующая *белый свет*. Выражение *Мать-сыра-Земля*, по Р. О. Якобсону, рассматривается как символ женского плодородия.

Оппозиция небо и земля реализовывается через оппозицию *верх – низ*, которая выражает простейшую ориентацию человека в пространстве, она есть необходимый инструмент структурирования мира – от древнейшего до наших дней. Например, *как небо от земли*, *земля и небо* (о чем-нибудь далеком, сильно различающемся).

Древние славяне считали, что ночью солнце совершает свой невидимый путь под землей, чтобы утром снова взойти на востоке и засиять на небосклоне; сравн. фразеологизм *голова идет кругом* (“голова” – мифологема неба, солнца); *тьма крошечная, солнце красное*.

Важным параметром мироустройства является также *количество*. Особого внимания заслуживает “магия” чисел: *три* – *в три листа* (быстро и решительно), *тридцатое царство-государство, в три ручья, в три погибели*; белорусские фразеологизмы *бачыць на тры сажні пад зямлей, гнуць у тры пагібелі, драць тры скуры, тры бочкі арыштантаў, тры корабы; семь* – *на седьмом небе* (выражение счастья, восторга), *семеро по лавкам* (в значении ‘много детей’), *за семерых* (много), *на семи ветрах* (о находящемся на пересечении дорог), *сем смертных грехов, семь чудес света; сем верст да нябёс і ўсё лесам, сем патоў выйшла, сем пятніц на тыдні, садзіцца на сем сукоў*. Число *семь*, будучи выражением идеи Вселенной,

почти не закрепилось во ФЕ (*семеро одного не ждут*), зато их много в таких своих вариантах, как *семь нот, семь цветов спектра, семь звезд Большой Медведицы, семь ветвей Мирового Дерева, магическое число Миллера* (объем оперативной памяти человека); *двенадцать* – 12 созвездий, 12 месяцев и т. д.; с числительным *двадцать*, хотя оно и менее значимо в славянской культуре, сохранились выражения – *рубль двадцаць, не возьмеш за рубль двадцать* и др.

С понятием множественности в восточнославянской ментальности связана мифологема “черту необходимо отдавать все малоценное, имеющееся в большом количестве”, отсюда – *черт не схватит* (очень много), *до черта* (много), *с хвостиком* (с небольшой прибавкой), *с лихвой* (с избытком); белорусский фразеологизм *да ката* (*кат* – ‘враг’, ‘дьявол’).

Поскольку названные оппозиции важны как для устройства мира, так и для устройства общества, рассмотрим их регулятивную функцию в обществе. Например, *верх – низ*. Эта оппозиция нашла отражение в целом ряде фразеологизмов: *по верхам* (поверхностно, не вглубь), *на верху блаженства* (испытывать крайнее удовольствие), *с верхом* (больше обещанного); *ниже всякой критики* (не удовлетворяет элементарным требованиям). С положением *низа* связаны такие фразеологизмы, как *снимать шапку, гнуть спину, ползать на коленях, гнуться в три погибели* в русском языке; *ламаць шапку* (угодничать), *здымаць шапку* (относиться с уважением) – в белорусском языке, значение которых сформировано мифологемой “становиться ниже, сознательно занимать положение внизу”. Таким образом, все эти ФЕ при различных значениях имеют общий компонент – “стать ниже ростом”. Сравн.: *унижаться*.

Каждое из указанных противопоставлений является частью более общей и важной оппозиции, определяющей картину мира славян, – *благоприятный – неблагоприятный*.

Следовательно, язык (фразеологизмы) – феномен культуры, способствующий закреплению и сохранению особой национальной ментальности.

Список использованных источников

- 1 Алексеев, В. П. Историческая антропология / В. П. Алексеев. – М., 1979. – 216 с.
- 2 Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1–3 / А. Н. Афанасьев. – М., 1865. (2-е изд. – М., 1995).
- 3 Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М., 1974.
- 4 Толстой, Н. И. О природе связей бинарных противопоставлений типа правый – левый, мужской – женский / Н. И. Толстой // Язык культуры и проблемы переводимости. – М., 1987.
- 5 Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
- 6 Шахнович, М. И. Первобытная мифология и философия / М. И. Шахнович. – Л., 1971.

УДК 811.161'373:398.92

О. Н. Мельникова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ИСХОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ 'ПРЕПЯТСТВОВАТЬ ДВИЖЕНИЮ' В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Предметом рассмотрения в статье является формирование вторичных модальных значений нежелания, невозможности на основе конкретных представлений о действиях, затрудняющих движение. Данная закономерность подтверждается семантическими

особенностями ряда фразеологических и лексических единиц. Работа выполнена на материале восточнославянских языков.

Любое наименование в языке является результатом опыта, поскольку ему предшествует познавательная деятельность человека. Можно предположить, что результаты этой познавательной деятельности, экстралингвистические мотивы переосмысления наиболее наглядно представлены во фразеологизмах, сохраняющих свою внутреннюю форму. Таковыми являются, в частности, фразеологические единицы, формирующие модальную семантику нежелания, невозможности на основе конкретных представлений о действиях, затрудняющих движение.

Закономерность перехода значений 'быть помехой, преграждать путь' → 'препятствовать, сопротивляться' подтверждается семантической структурой ряда фразеологических единиц. Так, фразеологизм *становиться поперёк дороги (на дороге)* формирует вторичную семантику 'быть препятствием в достижении какой-либо цели, мешать' [1, с. 439] на базе исходного значения 'встав на пути, мешать чьему-либо движению', сравн. бел. *заступаць дарогу* 'препятствовать чьей-либо деятельности' [2, т. 1, с. 415]. Сравн.: *Если женщина станет поперёк моей дороги, то она должна идти за мной: мою дорогу не прерывают безнаказанно* (Достоевский. Подросток).

Связь рассматриваемых значений очевидна в семантической структуре русск. *подставлять ножку / давать (подставлять) подножку* 'тайно, с умыслом вредить кому-либо, чинить препятствия' [1, с. 354] (сравн. бел. *падстаўляць нагу (ножку)* [2, т. 1, с. 305], укр. *підставляти ногу (ніжку)* [3, т. 2, с. 127] с аналогичной семантикой), в первичном значении – 'поставить ногу так, чтобы об неё споткнулся другой человек': *Он никого не трогает до поры, пока или не представится возможность безопасно и безответственно подставить ножку ближнему или положить камень на пути его* (М. Горький. О пьесах).

Семантику, близкую к модальной, отражают также русский фразеологизм *перебежать (переехать, перейти) дорогу* [1, с. 313], бел. *перабегчы (перайсці) дарогу* [2, т. 2, с. 174], укр. *перетинати (переходити, перерезати) дорогу (шлях)* [4, с. 139] 'захватить, перехватить то, на что рассчитывал другой'. Сравн.: *Чего вы лютуете на меня, тётушка? Дорогу я вам перешёл или что?* (Шолохов. Тихий Дон). Данные фразеологизмы изначально связаны с суеверными представлениями о том, что человека ожидает неудача или несчастье, если ему перебежит дорогу черная кошка (заяц, прохожий с пустым ведром и т. п.). В свете подобных представлений пересечение пути также расценивается как препятствие, преграда, что и способствует развитию вторичного значения, которое в общем виде можно сформулировать как 'препятствовать достижению цели'.

На основе представлений о действии, затрудняющем движение, формируется семантика фразеологизма *вставлять палки в колёса* (сравн. бел. *ставіць палкі ў колы* [2, т. 2, с. 385], укр. *ставіти палици в колеса* [3, т. 2, с. 214]) 'умышленно мешать кому-либо что-либо делать, чинить препятствия' [1, с. 132]: *Разберитесь и доложите мне сегодня же вечером... Лётчики в поте лица стараются выполнить план лётной подготовки, а разгильдяи вставляют им палки в колёса* (Г. Гофман. Рождение подвига).

Таким образом, можно говорить о закономерной мотивации модальной семантики нежелания, невозможности значением 'преграждать путь, препятствовать движению'.

Показательно, что аналогичные семантические закономерности отражают фразеологизмы с антонимической семантикой разрешения, возможности, сравн. русск. *дать (уступить) дорогу, отойти в сторону* 'перестав препятствовать, предоставить возможность действовать, выдвинуться в какой-либо области' [1, с. 135], бел. *саступаць дарогу, сыходзіць з дарогі* 'то же' и 'идти на уступки, соглашаться с чьими-нибудь требованиями' [2, т. 2, с. 313], укр. *давати дорогу, уступати з дороги* 'дать возможность действовать' [3, т. 1, с. 141], русск. *открыть дверь (дорогу)* [1, с. 283] и бел. *адчыніць дзверы, адкрыць дарогу* 'дать свободный доступ, создать благоприятные условия' [2, т. 1, с. 60, 70].

Наблюдения над языковым материалом позволяют говорить о семантической типологии, поскольку в рамках рассматриваемого направления формируется также вторичная модальная семантика ряда восточнославянских лексем, объединённых семантикой нежелательности, которая мотивирована исходным значением 'препятствовать движению; преодолевать препятствие'.

Подобные закономерности прослеживаются в семантическом развитии славянских продолжений глагола **borniti*, также связанных с выражением нежелания, невозможности: др.-русс. **боронити** 'мешать, препятствовать' [5, т. 1, с. 153], русск. устар. *возбранить* 'запретить, не дозволить' [6, т. 1, с. 251], бел. *бараніць, забараняць* 'запрещать, не разрешать' [7, т. 2, с. 457; 8, с. 169], укр. *боронити, заборонити* 'запрещать, запретить' [9, т. 1, с. 88; т. 2, с. 7]. Модальные значения, свойственные данным лексемам, являются вторичными, производными от исходной семантики действия, направленного на преодоление препятствия и связанного с приложением усилий, сравн.: др.-русс. *боронити* 'защищать' [5, т. 1, с. 153], русск. *боронить* 'разрыхлять, обрабатывать бороной вспаханную землю' [6, т. 1, с. 129], бел. *бараніць* 'бороновать', 'защищать' [7, т. 1, с. 327; 8, с. 169], укр. *боронити* 'оборонять, защищать', 'бороновать' [9, т. 1, с. 88]. Отыменной глагол **borniti* восходит к праслав. **bornь, *borna* (сравн. др.-русс. **боронь** 'помеха, препятствие', 'борьба', **борона** 'защита' [5, т. 1, с. 154], русск. *борона* 'сельскохозяйственное орудие для разрыхления вспаханной земли' [6, т. 1, с. 129], бел. *барана*, укр. *борона* с аналогичными значениями, а также ст.-чеш. *braň* 'оружие', 'оборонительное укрепление', 'защита, сопротивление', чеш. *brana* 'вход, въезд, ворота', сербохорв. *brána* 'плотина, запруда', 'вид бороны', 'преграда', ст.-польск. *brona* 'ворота', 'борона' [10, вып. 2; с. 204, 208]) и, далее, к глаголу **borti (se)*, семантика которого в общем виде может быть определена как 'сопротивляться чему-либо, стараться преодолеть или уничтожить что-либо', сравн. русск. *бороть(ся)*, бел. *бароць, бароцца*, укр. *бороти(ся)*.

Таким образом, модальное значение нежелания формируется на основе семантики конкретного действия, сопровождающегося приложением усилий и направленного на преодоление препятствия.

В рамках рассматриваемого семантического перехода формируются модальные значения некоторых продолжений праславянского глагола **brъzditi*, сравн. укр. *бороздити (кому що)* 'делать кому наперекор, мешать кому-либо' [9, т. 1, с. 87], русск. диал. *бороздить* 'мешать, препятствовать' [11, вып. 3, с. 96], а также польск. *bruździć* 'мешать, препятствовать' [10, вып. 3, с. 62]. Исходную семантику выражают русск. *бороздить* 'прорезывать, проводить борозды' (*борозда* 'длинный прорез, глубокая черта, проведённая на поверхности земли плугом или другим пахотным орудием' [6, т. 1, с. 129] – сравн. др.-русс. **бърозда** 'бразды, удила' [5, т. 1, с. 211], а также чеш. *brzda* 'тормоз' [10, вып. 3, с. 62]), русск. диал. (пск., твер., тул.) *бороздить* 'о лошадях: сдерживать на удилах', *барóздить* 'мешать жидкое кушанье руками' [11, вып. 3, с. 96].

Аналогично развивают вторичную модальную семантику лексемы, восходящие к праслав. **per-къ*, и, далее, к служебному слову **per-*, основное значение которого – 'движение сквозь, через, сверх' [12, с. 39]. Исходная семантика данных лексем отражает движение, перемещение в пространстве, связанное с преодолением преграды, сравн. русск. *перечить* 'делить, резать, рубить поперёк' (*Ребята ушли дрова перечить*) и 'спорить, опровергать, утверждать противное' [13, с. 98], 'говорить, поступать наперекор кому-, чему-либо' [6, т. 3, с. 148], бел. *перечиць* 'пересекать' (*Перечиць мне дорогу*) и 'спорить, вопреки говорить', 'запрещать, препятствовать', *перечицьца* 'становиться поперёк' и 'сопротивляться, не соглашаться', *перечка* 'препятствие' и 'сопротивление, отговорка' [14, с. 411], укр. *перечити* 'прекословить, противоречить' [9, т. 3, с. 144], диал. *заперети* 'закрыть на ключ' и 'не разрешить, запретить' [15, т. 1, с. 279], *сперти* 'задержать', 'поймать, схватить' и 'запретить, не дозволить' [15, т. 2, с. 241].

К этому же этимологическому гнезду относятся др.-русс. **прѣтити** 'удерживать, останавливать' и 'быть суровым, строгим; угрожать' [5, т. 2, с. 1705], русск. *претить*

‘вызывать отвращение’, *запретить* ‘не разрешить делать что-либо’ [6, т. 1, с. 768], диал. *запрѣтити* ‘заупрямиться’ [11, вып.с. 10, 355], укр. *запретити* ‘удержать’ (*Людям языка не запретиши*), *запретитися* ‘отречься’ [9, т. 1, с. 85].

Русский глагол *препятствовать* ‘создавать помехи, задерживать действие или развитие чего-либо’ по происхождению связан с праслав. **peṭi* ‘напрягать, натягивать’ [16, с. 292], сравн. значения русск. устар. *препинать* ‘останавливать кого-, что-либо какой-либо препоной, препятствием’ [6, с. 3, 183], диал. *запинать* ‘перегораживать, загораживать (реку и т.п.)’, ‘закрывать (двери, окна)’ [11, вып. 10, с. 319], бел. *спыніць* ‘остановить, удержать’, *прыпыніцца* ‘остановиться на некоторое время’ [7, т. 4, с. 252], укр. *пинити* ‘мешать, препятствовать’, *припинати* ‘привязывать’, *припиняти* ‘останавливать, удерживать’, *спинати* ‘застёгивать, скалывать’, *спинатися* ‘застёгиваться’, ‘становиться на дыбы (о лошади)’ и ‘спорить, восставать против кого’ [9, т. 3, с. 431; т. 4, с. 175]. Праслав. **peṭi* родственно лит. *pinti* ‘плести’, арм. *henim* ‘тку, сшиваю’, греч. *πένομαι* ‘работаю’, гот. *spinnan* ‘прясть’, *srapnen* ‘напрягать, натягивать’ [16, с. 292]. Таким образом, семантика конкретного действия, сталкивающегося с определённым сопротивлением, характеризующегося приложением усилий, является исходной и выступает в качестве основы формирования вторичного модального значения нежелания, невозможности.

Сходные закономерности прослеживаются в семантической структуре глагола *тянуть* и производных, сравн.: *тянуть* ‘напрягаясь, тащить к себе; натягивая, тащить или расправлять’ и ‘медлить с осуществлением чего-либо’ (*тянуть с ответом*), *оттянуть* ‘потянув, отодвинуть назад, в сторону’, ‘увести силой, оттащить кого-либо сопротивляющегося, упирающегося’ и ‘перенести осуществление чего-либо на более поздний срок’ (*оттянуть время* ‘выиграть время, намеренно медля с чем-либо’), *затянуть* ‘туго стянуть концы, завязывая, закрепляя что-либо’ и ‘продлить, замедлить что-либо; задержать что-либо’ (*затянуть дело*) [6, т. 1, с. 807; т. 2, с. 987].

Связь модального значения ‘препятствовать, сопротивляться’ с представлениями о пересечении, перегораживании отражается в семантической структуре продолжений праславянского глагола **gatiti*, производного от имени **gaty* ‘плотина, ограда’ [10, вып. 6, с. 108]. Сравн.: русск. диал. *гатить* ‘делая плотину, запруживать’ и ‘портить что-либо’ [11, вып. 6, с. 152], а также словен. *gátiti* ‘запруживать, перегораживать плотиной’ и ‘препятствовать, мешать’, чеш. *hatiti* ‘делать гать, запруду’, ‘спутывать’ и диал. *hatit se* ‘сопротивляться, проявлять неудовольствие’, словц. *hatit* ‘задерживать, препятствовать’ [10, вып. 6, с. 105].

Семантический переход ‘препятствовать движению’ → ‘быть помехой в достижении цели’ отражает черты, свойственные как метафорическому, так и метонимическому переносу. С одной стороны, данная трансформация значений основывается на метафорическом сходстве физических и эмоционально-волевых проявлений; с другой стороны, между понятиями направленного движения в пространстве и стремления к осуществлению цели существует метонимическая смежность, сопредельность.

Список использованных источников

- 1 Фразеологический словарь русского языка / сост.: Л. А. Воинова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров ; под ред. А. И. Молоткова. – М. : Сов. Энциклопедия, 1967. – 543 с.
- 2 Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: У 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Бел. Энциклапедыя – Т. 1: А–Л. – 1993. – 590 с.; Т. 2: М–Я. – 1993. – 670 с.
- 3 Удовиченко, Г. М. Фразеологічний словник української мови: в 2 т. / Г. М. Удовиченко. – Київ : Вища школа. – Т. 1: А–М. – 1984. – 303 с.; Т. 2: Н–Я. – 384 с.
- 4 Олійник, І. С. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / І. С. Олійник, М. Н. Сидоренко. – Київ : Радянська школа, 1978. – 446 с.
- 5 Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. I. – 1420 с.; Т. II. – 1802 с.

- 6 Словарь русского языка: в 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР ; Гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык. – Т. 1: А–И. – 1981. – 698 с.; Т. 2: К–О. – 1982. – 736 с.; Т. 3: П–Р. – 1984. – 752 с.
- 7 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР. – Мінск : Гал. рэд. БелСЭ. Т. 1.: А–В. – 1977. – 608 с.; Т. 2.: Г–К. – 1978. – 768 с.; Т. 4: П–Р. – 1980. – 768 с.
- 8 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч [і інш.]; рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка. – Т. 1. – 1979. – 512 с.
- 9 Словарь украинского языка / под ред. Б. Д. Гринченко. – Киев : Изд-во АН Укр.ССР, 1958–1959. – Т. I–IV.
- 10 Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1974–1999. – Вып. 1–26.
- 11 Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – М.–Л. : Наука, 1965–1966. – Вып. 1–2; Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1968–1994. – Вып. 3–28.
- 12 Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. II. – 560 с.
- 13 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989–1991. – Т. III. – 555 с.
- 14 Насовіч, І. І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – Мінск : БелСЭ, 1983. – 792 с.
- 15 Онишкевич, М. Й. Словник бойківських говірок / М. Й. Онишкевич. – Київ : Наукова думка, 1984. – Т. 1–2.
- 16 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.; пер с нем. и доп. О. Н. Трубачёва / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс. – Т. 3: Н–С. – 1987. – 830 с.

УДК 81'06:811.161.1

А. В. Никитевич

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Знание отношений мотивированности, связывающих родственные слова, совершенно необходимо для выявления словообразовательной и морфемной структуры слова. Фразеология нередко является единственным основанием для определения наиболее верной мотивировки внутренней формы того или иного слова.

У словообразования, словообразовательной лексикографии есть своя специфика. Когда дериватолог, исследуя систему словообразования русского языка, стремится отразить максимально большее число родственных единиц сквозь призму существующих между ними словообразовательных связей, стремится «выстроить» тот или иной фрагмент словообразовательного гнезда, то он не может не учитывать и отношения мотивированности, которые могут иметь место между родственными словами. Известно, сколь многотруден путь создания диалектных словарей, как собирается диалектный материал, понятно, почему, помимо различных лексикографических трудов регионального характера, большое значение придается словарям сводного типа и диалектным мотивационным словарям, в которых представлено все богатство лексических и словообразовательных мотивационных связей, «объясняющих» специфику появления тех или иных диалектных слов.

Существует некий межуровневый контекст, которым «объясняются», «становятся понятными» носителю языка функционирующие в той или иной языковой подсистеме слова. За содержанием, к примеру, диалектного слова может стоять целый пласт интересной культурно-исторической информации, исчерпывающе и порой единственно верно все

объясняющей. И, напротив, отсутствие такой информации оставляет исследователя в плену догадок и предположений. Именно по этой причине в традиционной лексикографии, имеющей отношение к интерпретации морфемной структуры слова, некоторые слова могут отсутствовать.

Рассмотрим некоторые примеры единиц с безусловно специфической внутренней формой, слов, по разным причинам не нашедших отражения в словообразовательной лексикографии, морфемная и словообразовательная структура которых может быть интерпретирована с помощью того комплекса знаний, информации, которую предоставляет фразеология.

Голызиться, несов. 'Надеяться'. Кинеш. Костром., 1858 [1, т. 6, с. 345]. Кто знает, может быть «лелеять пустые («голые») надежды», тогда мотивация корневой морфемой *гол-* очевидна. *Окапанный* 'Похожий на кого-л., точь-в-точь кто-л.' [1, т. 23, с. 110]. Он – *окапанный* отец. Сравним известное нам выражение *как две капли похож*.

«Отфразеологическая лексика как особый, специфический пласт словарного запаса языка лексикографически не систематизирована и не описана» [2, с. 5]. Авторы первого подобного примера лексикографической обработки отфразеологической лексики демонстрируют немало интересных примеров, когда в процессе коммуникации преодолеваются самые различные морфонологические и смысловые преграды и появляется новое слово.

Сравн.: *Испросачиться*. Окказ. 'То же, что *попасть впросак*' Теперь нам, старым, *испросачиться* легче легкого: не знаем (да и не хотим знать) «современного» обхождения друг другом... *Лапшемёт*. Шутл.-ирон. 'Рот' Образовано с заменой слов *сыпать*, *вешать* словом *метать*. Сравн.: *Вешать лапшу на уши*. ♦ *Расчехлить лапшемет*. Шутл.-ирон. 'Начать болтать, говорить вздор'. Ну, *расчехлил лапшемет!* Теперь надолго. *Долампочкизм*. Окказ. 'То же, что *вседолампочество*. Безразличие, наплевательское отношение к кому-, чему-л.' К сожалению, однако, время от времени встречаешься с ... поспешностью и развязностью в решении больших вопросов природопользования, «*долампочкизмом*» и рваческим выполнением сегодняшних планов за счет непременно срыва завтрашних. *Рукавоспустие*. Окказ. 'Небрежность, отношение к чему-л. *спустя рукава*'. Пределы точности в словоупотреблении могут быть разными. Филологический словарь в отличие от словаря терминологического не может быть излишне догматичным, но и *рукавоспустие* тоже недопустимо. *Таксебейный*. Окказ. 'Так себе, ничего особенного собой не представляющий'. ... *Таксебейного* я не пью вина, *Таксебейная* не нужна жена... *Тяповый, ляповый, тьяп-ляповый*. Окказ. Неодобр. 'Небрежный, грубый'. Как могли бы возникнуть [урядники]? Да так, как-нибудь. Тут «*тяп*», там «*ляп*» – смотришь, ан и «*корабль*». В *ляповую* пору да при *тяповых* головах такие ли предприятия зарождаются, а сколько мы *ляповых* пор пережили, сколько *тяповых* голов перевидели! Салтыков-Щедрин, Письма к тётеньке. Сделано небрежно, грубо. Но ... переделывать эту *тяп-ляповую* работу никто не будет.

И совершенно удивительное для русского языка «по длине» слово *свойносвоесователь!* *Свойносвоесователь*. Окказ. 'Тот, кто во все *сует свой нос*'. Я – мечтатель, я – оратель, я – *свойносвоесователь*.

Активность некоторых корневых морфем (слов) приводит к появлению целых фрагментов деривационных гнезд. Сравн.: *Ерундить*. Прост. 'То же что *нести ерунду*'. Кончай *ерундить*, говори дело. *Ерундоносный*. Окказ. 'О том, кто любит нести ерунду'. *Ерундоносная* братия. *Насобачиться*. Прост. 'То же, что *собаку съесть* на чем, в чем'. Наши теоретики так *насобачились*, обличая капитализм, что сподобились на труд под названием «Политэкономия социализма», где уверенно доказывали для нашей же потребности о преимуществе плановой системы ведения хозяйства. *Пересобачить*. Окказ. 'Превзойти по мастерству, знаниям того, кто собаку съел на чем-л'. Мишка сызмальства такой головастый да рукастый, любого мастера *пересобачит*. И дед у него такой же. *Божемойкать*. Прост. 'Выражать удивление, радость, негодование, досаду и т. п, повторяя *боже мой!*' Да

перестань ты, мать, *божемойкать*, живой я, живой, видишь? И не плачь! Все теперь будет так, как надо. *Забожемойкать*. Окказ. 'Начать *божемойкать*'. Бабы *забожемойкали*, мужики закурили и посуровели. Всех пришибла страшная весть. *Пофигатор*. Шутл. 'Программная оболочка DOS Navigator'. Д. Садошенко, Словарь компьютерного сленга. Образовано путем сближения с фразеологизмом *по фиг* или наречием *пофиг*. *Фиговидец*. Окказ. 'Тот, кто *смотрит в книгу, а видит фигу*'. – Что нам с начальством так не везет? – А ты не занешь? Это же все *фиговидцы*: за корову поступали [в вузы], за свинью учились, за быка в начальники пролезли, а в голове-то – ноль. *Нифигаська*. Жарг. Шутл.-ирон. 'Авоська, в которой *ни фи́га* нет'. Авоська с установлением окончательного и бесповоротного развитого социализма переименована в *нифигаську*. *Апофегей* и *апофигей* Жарг. Окказ. Шутл.-ирон. 'Высшая степень равнодушия к окружающему; высокомерное отношение к социально-бытовым проблемам. Образовано на базе фразеологизма *по фиг* и сущ. *апогей* и *апофеоз*. Популярность получило благодаря символическому употреблению в повести Ю. Полякова «Апофегей». Как несложно заметить, в процессе образования данных слов происходит такое морфонологическое явление, как наложение.

Одним из очень интересных аспектов исследования структуры слова является определение морфемного состава единицы. Не секрет, что отсутствие каких-то слов в словообразовательной и морфемной лексикографии обусловлено неясностью их этимологии, мотивационных связей. Причем таких «отсутствующих» в лексикографии слов можно привести немало. Несомненно: самые интересные случаи преподносит практика, речь, художественная литература. Как-то на занятиях со студентами попалось нам слово *залихватский* 'Бесшабашный'. Морфемный анализ этого слова (как и других, впрочем) сразу же выявил область понятного: приставка *за-*, корень *лих-* (лихой человек), суффикс *-ск-*, естественно, окончание *-ий*. А что такое часть *-ват-*? Обращаемся к словарям. Сразу следует сказать, что [3] этого слова «не знает». В Словаре А. Н. Тихонова [4, т. 1, с. 357] это слово открывает словообразовательное гнездо, так что информации о составе морфем он не может предоставить. Словарь морфем дает такой разбор: *за-лих-в-ат-ск-ий* [5, с. 188]. Правда, не совсем понятно, как обосновать суффиксы *-в-* и *-ат-*. Этимологический словарь М. Фасмера дает много информации на уровне гипотез различных ученых, но одна из них, по нашему мнению, содержит рациональное зерно. Сравн.: *залихват* 'удалой, молодчина, лихой, разбитной'. Согласно Соболевскому, из *за-* и *лих* (см. *лихой*), *лиховать* 'делать зло', в то время как Преображенский [6, с. 241] разделяет это слово на *залихо* и *хват* 'молодец', что менее вероятно [7, т. 2, с. 76]. Хотя М. Фасмер считает гипотезу Преображенского маловероятной, однако если принять ее во внимание известное еще из Словаря В. И. Даля (*дело сделал, лихо, хватом, молодецки*), то получится очень интересная морфемная структура, возникшая при образовании данного слова. А именно: своеобразное наложение на стыке двух корней (*лих-* и *хват-*), и нет надобности объяснять, как и на каком этапе появились морфемы *-в-* и *-ат-*. Очень красивое решение!

Среди морфем есть редкие, нерегулярные и просто уникальные. К примеру, как разобрать по составу слово *чихвостить* (или его оппонент по виду *отчихвостить*)? *Чи/хвост/и/ть*. Естественно, что в [3] данное слово будет отсутствовать. В первую очередь, это связано, вероятно, с тем, что очень уж необычен морфемный состав данного слова. Причем тут *хвост-* и что за приставка (а как иначе?) *чи-*. Значение слова большинству из нас известно: *чихвостить* Простореч. '1. Бранить, пробирать. 2. Бить, сечь' [8, т. 17, с. 1092]. Для понимания роли корневой морфемы в общей семантике производного слова, вероятно, поможет фразеология. Так, известно выражение *накрутить хвост (хвоста)* Грубо прост. 'В грубой форме сделать выговор, разругать, разбранить'. По крайней мере, понятно, при чем тут *хвост*. По месту в слове по отношению к корню отрезок *чи-* может быть квалифицирован как приставка. Но откуда она взялась? Очень интересную информацию находим в [7, т. 4, с. 368]: *чихвостить* 'хлестать, ругать', Вятск. (Васн.)...Первонач. из *чи-* 'ли' и *хвостити* 'хлестать, бить'.

К слову сказать, в русских народных говорах отмечены следующие слова: *мутехвост* ‘Сплетник’. Арх., 1857. *Мутехвостка* ‘Женск. к мутехвост’. Арх., 1857. *Мутехвостничать* ‘Сплетничая, вызывать ссору между кем-либо’. Арх., 1878. *Нахвостка*, и, ж. ‘Сплетница’. Пск., Осташк. Твер., 1885. Твер. Опять же совершенно очевидная связь с такими общеизвестными выражениями, как *мутить воду* и *сорока принесла на хвосте*.

Таким образом, знание фразеологии русского языка совершенно необходимо для интерпретации самых различных типов производных единиц.

Список использованных источников

- 1 Словарь русских народных говоров: 1965–2007. – М. – Спб. : Изд-во Академии наук СССР, Институт лингв. Исследований РАН. – Вып. 1–41.
- 2 Алексеенко, М. А. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка / М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова. – М. : «Азбуковник», 2003. – 400 с.
- 3 Потиха, З. А. Школьный словарь строения слов русского языка / З. А. Потиха. – М. : Просвещение, 1987. – 319 с.
- 4 Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1–2.
- 5 Кузнецова, А. И. Словарь морфем русского языка / А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 1986. – 1132 с.
- 6 Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. – Т. 1–2.
- 7 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1–4.
- 8 Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1950 – 1965. – Т. 1–17.

УДК811.161.1'373:398.91:004

Е. В. Ничипорчик

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРЕМИОФОНДОВ

В статье определяются задачи, которые могут быть решены в паремиологии с использованием компьютерных технологий, условия оптимизации научных изысканий в этой области, связываемые с объединением интересов паремиологов, паремиографов и разработчиков компьютерных программ.

Стоит ли задаваться вопросом, насколько обращение к компьютерным технологиям целесообразно для проведения паремиологических изысканий? При всей однозначности ответа на этот вопрос, все же стоит: во-первых, с тем чтобы иметь представление о том, какие задачи могут быть решены с применением таких технологий, а во-вторых, с тем чтобы выяснить, какие еще программные продукты могли бы способствовать оптимизации научного труда в области паремиологии.

Начнем с того, что дает паремиологу использование офисных приложений, установленных на персональном компьютере, в работе с оцифрованными версиями паремиологических словарей.

1. Применение методов статистического анализа к оцифрованным версиям фундаментальных тематически организованных паремиологических собраний позволяет дать самую общую характеристику состава паремий того или иного национального паремиофонда

в связи с распределением паремиологических единиц на сферы концептуализации, то есть в связи с реконструкцией составителем (-ями) словаря паремиологической картины мира в ее членении на фрагменты, соотносимые со сферами бытия человека.

Как показывает проведенное автором статьи сопоставительное исследование тематически организованных паремиологических словарей четырех европейских языков [1], некоторая доля субъективности, проявляющаяся при выделении составителями словарей крупных блоков и разделов тематических объединений паремий (далее ТО), не снижает значимости выводов, которые могут быть сделаны на основании статистической обработки словарных материалов. Ниже приведены диаграммы, по которым можно судить о степени корреляции, к примеру, структуры словаря белорусских паремий (составитель М. Я. Гринблат) [2] и словаря итальянских паремий (составители В. Боджоне и Л. Массорбио) [3].

Рисунок 1 – Тематическое членение и объем ТО в словаре белорусских паремий

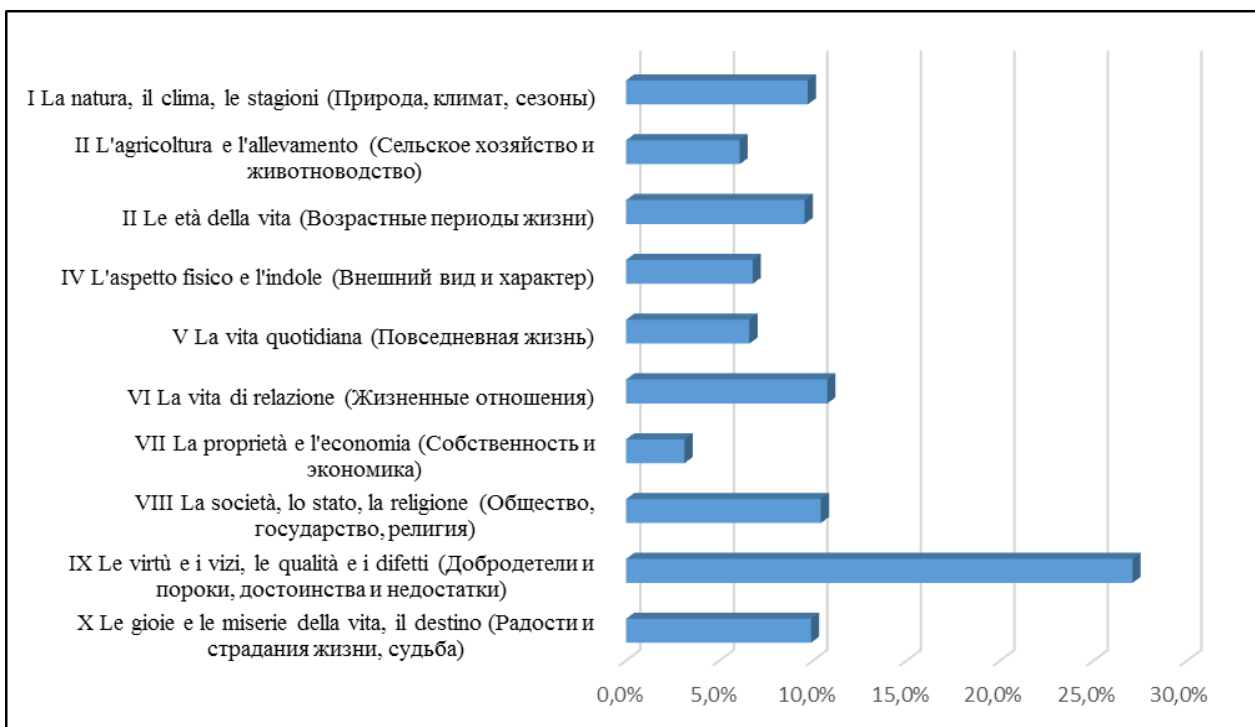

Рисунок 2 – Тематическое членение и объем ТО в словаре итальянских паремий

2. Приложение *Excel* позволяет составлять сводные таблицы с автоматическим исчислением объемов паремий, объективирующих тот или иной ценностный концепт в паремиифондах, по результатам статистической обработки нескольких разноязычных тематически организованных словарей [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Такие данные делают возможным с той или иной мерой приближения выявлять и сопоставлять ценностные доминанты в паремиологических картинах мира (см. Таблицу 1)¹.

Таблица 1 – Ранги объемов ТО паремий, объективирующих доминантные ценностные концепты

Ранг	Русские паремии		Белорусские паремии		Итальянские паремии		Немецкие паремии	
	ТО	%	ТО	%	ТО	%	ТО	%
1	Ум*	5,54	Семья	9,05	Семья	4,92	Семья	5,06
2	Труд*	4,17	Труд*	6,71	Ум*	3,99	Труд*	4,54
3	Семья	3,07	Пища	4,89	Пища	2,87	Язык	4,2
4	Достаток*	2,73	Ум*	4,8	Труд*	2,82	Ум*	3,04
5	Язык	2,1	Достаток*	4,6	Здоровье*	2,77	Пища	3,11
6	Счастье	1,87	Бог	3,02	Счастье	2,33	Достаток*	2,36
7	Пища	1,4	Язык	2,29	Достаток*	2,24	Здоровье*	0,9
8	Здоровье*	0,88	Здоровье*	1,45	Язык	1,99	Счастье	0,56
9	Бог	0,67	Дом	0,88	Дом	1,97	Бог	0,41
10	Дом	0,4	Счастье	0,84	Бог	1,77	Дом	-

3. Использование надстройки *Search Excel.xla* для офисного приложения *Excel* в работе с материалами оцифрованных паремиологических словарей позволяет осуществлять автоматические выборки паремий с заданным компонентом из всего массива паремиологических единиц в том или ином словаре. На основании полученных данных по нескольким словарям с использованием программы *Excel* есть возможность составления сводных таблиц с числовыми данными, позволяющих делать выводы о степени паремиологической концептуализации того или иного материального или идеального объекта, степени привлечения доминантного имени концепта в раскрытии ценностного / антиценностного смысла вещей, сходствах и различиях в паремиологической концептуализации мира в той или иной лингвокультуре. Ниже приведены таблицы² 2 и 3, отражающие объем словарных объединений на религиозную тематику в разноязычных словарях с тематическим членением [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8] либо объем иных словарных объединений – гнезд паремий с ключевым термином³ *Бог* в словарях, организованных гнездовым способом [9; 10], а также общее количество фиксируемых в разноструктурных словарях (в том числе и словарях с алфавитным и смешанным типом организации [12; 13; 14]) паремий с термином *Бог* в качестве ключевого и неключевого слова.

Таблица 2 – Объективация концепта «Бог»

Составители	Даль		Берсеньева		Мокиенко		Носович		Янковский		Гринблат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	33606	100	9620	100	70000	100	3715	100	4980	100	15417	100
Словарное объединение	304	0,9	42	0,44	1437	2,05	-	-	-	-	465	3,02
Паремии с термином <i>Бог</i>	1120	3,33	73	0,76	2057	2,94	157	4,23	35	0,7	449	2,91

Таблица 3 – Объективация концепта «Dio» / «Gott»

Составители	Джусты		Шваменталь		Боджоне		Зимрок		Вандер		Байер	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Объем словаря	7471	100	5959	100	30000	100	13227	100	250000	100	8701	100
Словарное объединение	68	0,91	120	2,01	721	2,40		-	3338	1,34	-	-
Паремии с термином <i>Бог</i>	167	2,24	107	1,80	635	2,12	416	3,15	5256	2,10	15	0,17

4. Компьютерные технологии позволяют обрабатывать данные о базовых смыслах паремиологических единиц в тех словарях, которые содержат такого рода информацию [3], что позволяет определять приоритетность одних интенциональных значений на фоне других в прагматическом потенциале паремий.

Если в целом оценить те возможности, которые имеются в настоящее время у паремиологов-славянистов, то нужно признать, что мы пока еще не располагаем такими программными продуктами, которые есть, например, в арсенале у паремиологов-германистов (см. ниже Рисунок 3, на котором отражено использование программного обеспечения словаря немецких паремий К. Вандера).

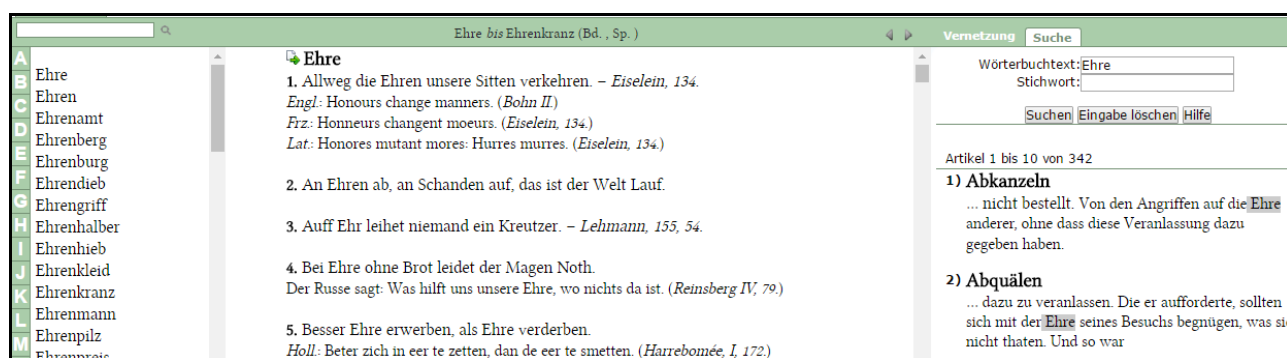

Рисунок 3 – Фрагмент выборки паремий с компонентом *Ehre* в гнезде и в корпусе словаря

Германисты уже давно пользуются электронной версией фундаментального словаря немецких провербиальных выражений К. Вандера со встроенной поисковой системой [11]. Примем к сведению и тот факт, что онлайн-версия этого словаря со всеми встроенными макросами (выборка паремий, представляющих словарное гнездо; выборка паремий с заданным словом по всему словарному корпусу с автоматическим подсчетом количества паремий, отвечающих параметру поиска, и др.) находится в свободном доступе, причем с возможностью копирования выборок паремий по тому или иному параметру поиска.

Для сравнения при пользовании словарем «Пословицы русского народа» В. И. Даля в онлайн-версии мы располагаем только одной автоматизированной операцией – действием по ссылке на название тематической рубрики с открытием в новом окне списка паремий на соответствующую тему. Заметим, что в онлайн-версиях словаря, выложенных на разных сайтах (к примеру, по адресам: <http://hobbitaniya.ru/dal/>; <http://www.rondon.org/dvi/prn0.htm>; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/01.php и др.), последовательность подачи тематических объединений паремий подчинена алфавитному принципу, что не соответствует тому порядку, который определен самим составителем словаря. Онлайн-версия словаря пословиц В. И. Даля, размещенная на сайте *Викитека* (<https://ru.wikisource.org/wiki>), отражает верную последовательность тематических объединений, более того, есть возможность поиска паремий по слову, входящему в структуру паремиологических единиц

в качестве компонента, однако поиск паремий ограничен употреблением слова только в начальной форме. К примеру, со словом *Бог* показано 146 результатов поиска, в то время как в словаре насчитывается более тысячи выражений с данным словом.

В заключение подчеркнем, что, во-первых, обращение к компьютерным технологиям при изучении национальных паремioфондов позволяет решать ряд задач, имеющих важное значение для проведения сопоставительных изысканий в области паремioлогии, во-вторых, было бы хорошо, если бы солидные компании, занимающиеся продвижением своих программных продуктов, не забывали о потребностях научных сообществ и выполняли такую работу, которой уже давно занимается компания Гугл, создавая самую большую библиотеку в мире, где есть место для книг, написанных на русском языке еще в начале XIX века.

Примечания

¹ В столбцах ТО в Таблице 1 звездочками отмечены те тематические объединения, в которые включаются паремии и об аксиологических антиподах названных концептуализируемых сущностей.

² В строке *Составители* в Таблицах 2 и 3 указывается фамилия составителя словаря или фамилия одного из составителей словаря, первая по порядку в выходных данных печатной версии словаря.

³ Под термином в данном случае понимается слово с тождественной семантикой в разных языках.

Список использованных источников

1 Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

2 Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976.

3 Boggione, V. Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massorbio – Torino : UTET, 2007. – 654 p.

4 Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.

5 Русские пословицы и поговорки ; сост. К. Г. Берсеньева. – М. : Центр-полиграф, 2004. – 383 с.

6 Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.

7 Giusti, G. Proverbi toscani ampliati da Gino Capponi [Электронный ресурс]. – Firenze, Acavaviva, 2007. – Режим доступа : <http://books.google.by/books>. – Дата доступа : 12.07.2014.

8 Schwamenthal, R. Dizionario dei proverbi italiani / R. Schwamenthal, M. L. Straniero. – Milano : PCS Libri S.p.A., 1999. – 564 с.

9 Rother, K. Die schlesischen Sprichwörter und Redensarten / K. Rother. – Darmstadt, 1927. – 476 s.

10 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.

11 Wander, K. F. Deutsches Sprichwörterlexikon [Электронный ресурс] / K. F. Wander ; Vol. 1 – 5. – Leipzig, F. A. Brockhaus. 1867–1880. – Режим доступа : <http://woerterbuchnetz.de/Wander/?sigle=Wander&mode=Vernetzung&hitlist=&patternlist=&lemid=WA00001>. – Дата доступа : 03.11.2015.

12 Сборник белорусских пословиц / составленный И. И. Носовичем [Электронный ресурс] // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. АН. т. XII. № 2. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1874. [1] – Режим доступа : <http://zapadrus.su/bibli/etnobib/140-q-q-1874.html>. – Дата доступа : 8.02.2013.

13 Simrock, K. Die deutschen Sprichwörter / K. Simrok ; Einleitung von W. Mieder. – Dьsseldorf, 1881. – 631 s.

14 Beyer, H. Sprichwörterlexikon / H. Beyer, A. Beyer. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut. – М. : Высшая школа, 1989. – 392 с.

Т. А. Осипова

ПАРЕМИИ В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»

В статье рассматриваются особенности семантики и формы пословиц и поговорок, использованных А. И. Солженицыным в романе «Архипелаг ГУЛАГ». Особое внимание уделяется функциям паремий в романе, их источникам, способам их включения в текст. Рассмотрены способы включения паремий в текст «Архипелага ГУЛАГ» и их тематическая отнесенность.

Выдающийся русский писатель А. И. Солженицын широко использовал в своем творчестве народные пословицы и поговорки. Как пишет М. И. Барыкова, «интерес А. И. Солженицына к русскому устно-поэтическому творчеству во многом продиктован особенностями фольклора как формы традиционной народной культуры. Обширный паремиологический материал содержится в художественных и публицистических текстах писателя» [1]. Наша статья посвящена анализу паремий из первого тома романа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

А. И. Солженицын в 1970 г. за свои романы удостоился международной Нобелевской премии в области литературы. «Архипелаг ГУЛАГ» был написан в 1967–1968 г.г. Из интервью Александра Исаевича: «Я всю жизнь выписывал пословицы, которые мне нравились своей глубиной и точностью» [3].

По мнению А. И. Ванюкова, исследовавшего текст «Красного Колеса», «важную роль в повествовательной структуре «Марта Семнадцатого» играют пословицы и поговорки, которые – во многих случаях – выделяются Автором в тексте и выполняют богатые смысло-проявляющие и формообразующие функции. В процессе работы над «Красным Колесом» А. И. Солженицын активно опирался на «Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.» В. И. Даля (1862)» [2].

По тематической отнесенности мы выделили следующие группы паремий.

1) Пословицы, которыми характеризуется экономическая, политическая, идеологическая ситуация в тогдашнем СССР: *Этих предельщиков бьют несколько лет [...] Это годы изворота всей народной психологии: высмеивается оглядчивая народная мудрость, что быстро хорошо не бывает, и выворачивается старинная пословица «тише едешь...» [5, с. 54]; В 30-е годы этот поток непокорных сходит к нулю: раз требуют осведомлять, значит, надо – куда ж денешься? Плетью обуха не перешибёшь [5, с. 55]; Он говорил мне [о Ленине] ясно по-русски: «Не сотвори себе кумира!» А я не понимал! [5, с. 190].*

2) Паремии, которые дают характеристику карательным органам Архипелага ГУЛАГ: *«Был бы человек, а дело создадим!» – это многие из них так шутили, это была их пословица [5, с.148]; Но – на милость разум нужен. Мы не слушали тех немногих трезвых из нас, кто каркал, что никогда за четверть столетия амнистии политическим не было – и никогда не будет [5, с. 266]; Как шутят в лагере: на нет и суда нет, а есть Особое Совецание [5, с. 277]; Несколько веков была у нас пословица: не бойся закона, бойся судьбы [5, с. 290].*

3) Пословицы и поговорки, отражающие отношение государства к своим гражданам: *Еще давняя наша пословица оправдывала плен: «Полонён вскрикнет, а убит – никогда [5, с. 23]; Этих всех посадили, чтобы они не вспоминали Европу среди своих односельчан. Чего не видишь, тем и не бредишь... [5, с. 235]; Тут-то ночью его и повязали (да не про то ли и пословица – пошёл к куме, да засел в тюрьме»? [...] [5, с. 524].*

4) Пословицы, характеризующие устройство жизни заключенных: *Позавидовала кошка собачьему житью! А – карцер? А – вышка? [5, с. 177]; Смертников в камере было*

восемь – десять, но ведь каждый из них послал апелляцию Калинин, каждый ждал себе прощения, и поэтому: *«умри ты сегодня, а я завтра»* [5, с. 434].

5) Паремии, которые служат для характеристики психологии заключенных, а также выражают философию выживания в тогдашних условиях: *Битому псу только плеть покажи. Все остальные оказались довольны, и так утвердилась штрафная пайка на все дни долгого путешествия* [5, с. 487]; *Живите с ровным превосходством над жизнью – не пугайтесь беды, и не томитесь по счастью, всё равно ведь: и горького не доведу, и сладкого не дополна* [5, с. 558].

Паремии в тексте 1 тома «Архипелага ГУЛаг» разнообразны по форме. С формальной точки зрения можно выделить следующие особенности употребления пословиц и поговорок.

1) Употребление паремий без изменений: *Плетью обуха не перешибёшь* [5, с. 55]; *Не сотвори себе кумира!* [5, с. 190]; *Не бойся закона, бойся судьбы* [5, с. 290].

2) Сокращение, недосказанность пословиц, изменение словоформ: *Ну, и наконец, третья черта наших судов – это диалектика (а раньше грубо называлось: «дышло, куда повернёшь, туда и вышло»)* [5, с. 283]; [...] *И выворачивается старинная пословица «тише едешь...»* [5, с. 54]; *Четыре года моей войны как корова слизнула* [5, с. 560].

3) Расширение паремии в общественном употреблении: *Как шутят в лагере: на нет и суда нет, а есть Особое Совещание* [5, с. 277].

4) Развертывание паремий автором: *От добра до худа один шатёк, говорит пословица. Значит, и от худа до добра* [5, с. 167].

5) Восстановление полной формы общеизвестной пословицы: *«Не надо!.. Не надо ворошить прошлое!.. Кто старое помянет – тому глаз вон!»* Однако доканчивает пословица: *«А кто забудет – тому два!»* [5, с. 9].

Источников паремий несколько.

1) Прежде всего, это русское народное творчество: *Плетью обуха не перешибёшь* [5, с. 55]; *Полонён вскрикнет, а убит – никогда* [5, с. 234]; *От корма кони не рыщут* [5, с. 258]. Подобных паремий большинство.

2) Во-вторых, источником пословиц является воровской жаргон: *Подохни ты сегодня, а я завтра!* [5, с. 540]; *Тебя не гребут – не подмахивай* [5, с. 351].

3) Отдельные пословицы присущи профессиональному жаргону карательных органов Архипелага ГУЛаг: *Был бы человек, а дело создадим!* [5, с. 148].

4) Присутствует в тексте «Архипелага» и библейское выражение: *Не сотвори себе кумира!* [5, с. 190].

Автор часто сам указывает источник паремии, например: *Но, как советует народная мудрость: говори на волка, говори и по волку* [5, с. 160]; *Так это уж получается блатной принцип: «Умри ты сегодня, а я завтра!»* [5, с. 147].

Способы включения паремии в текст «Архипелага ГУЛаг» различны.

1) Иногда писатель никак не выделяет употребление пословицы или поговорки: *Более рассудительные поправляли: ошибка раньше сделана! Нечего было в 41-м году в передний ряд лезть. Знать бы знать, не ходить бы в рать* [5, с. 241].

2) Часто паремия вводится авторским пояснением, возможно, и с оценкой: *Ну, и наконец, третья черта наших судов – это диалектика (а раньше грубо называлось: «дышло, куда повернёшь, туда и вышло»)* [5, с. 283]; *Тут-то ночью его и повязали (да не про то ли и пословица – «пошёл к куме, да засел в тюрьме»? [...])* [5, с. 524].

3) Иногда А. И. Солженицын выделяет курсивом паремию или ее компоненты: *Потому что, как старая пословица говорит: от корма кони не рыщут. Вот так представить: поле – и рыщут в нём неухоженные оголодалые обезумелые кони* [5, с. 258]; *Но – на милость разум нужен. Мы не слушали тех немногих трезвых из нас, кто каркал, что никогда за четверть столетия амнистии политическим не было – и никогда не будет* [5, с. 266]; *Как шутят в лагере: на нет и суда нет, а есть Особое Совещание* [5, с. 277].

Паремии в тексте романа играют стилистическую роль: создают образность, используются для оценочности, например: *И даже в разгар арестных эпидемий, когда люди,*

уходя на работу, всякий день прощались с семьей, ибо не могли быть уверены, что вернутся вечером, – даже тогда они почти не бежали (а в редких случаях кончали с собой). Что и требовалось. Смирная овца волку по зубам [5, с. 22]. Яркий образ создается при развертывании пословицы в следующем контексте: Что, может задуматься надо: кто ж больше виноват – эта молодёжь или седое Отечество? Что биологическим предательством это не объяснить, а должны быть причины общественные. Потому что, как старая пословица говорит: от корма кони не рыщут. Вот так представить: поле – и рыщут в нём неухоженные оголодавшие обезумевшие кони [5, с. 258]. Данная пословица замыкает рассуждения автора о предательстве во время Великой Отечественной войны. Как отмечает А. Ранчин, «Солженицын иной раз использует пословицы как своего рода “эпиграфы наоборот”: они замыкают главу, как бы подытоживая авторскую оценку рассказанного» [4].

Как видно, при помощи паремий А. И. Солженицын более ярко доносит до читателя свои идеи, подтверждает свои выводы народной мудростью.

Список использованных источников

1 Барыкова, М. И. Пословицы и поговорки в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / М. И. Барыкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – Вып. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/poslovitsy-i-pogovorki-v-rasskaze-a-i-чинsolzhenitsyna-odin-den-ivana-denisovicha>

2 Ванюков, А. И. «Март Семнадцатого» А. Солженицына: пословицы и поговорки в структуре третьего Узла «Красного Колеса» / А. И. Ванюков. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2014. – Вып. 2. – Т. 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/mart-semnadsatogo-a-solzhenitsyna-poslovitsy-i-pogovorki-v-strukture-tretiego-uzla-krasnogo-kolesa>

3 Иванченко, И. Творчество и биография Солженицына / И. Иванченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.microarticles.ru/article/Tvorchestvo-i-biografija-solzhenitsyna.html>

4 Ранчин, А. «Повествование в отмеренных сроках»: о генезисе подзаголовка в «Красном Колесе» А. И. Солженицына / А. Ранчин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?element_id=1293

5 Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛаг. 1918–1956. Опыт художественного исследования / А. И. Солженицын. – Т. 1. – М. : Сов. писатель – Новый мир, 1989. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1990. – 586 с.

УДК 811.161.3'373:398.92:821.161.3 – 31*У. Караткевіч: 811.111'25'373:398.92

С. В. Падабедава

ЭКВІВАЛЕНТНАСЦЬ БЕЛАРУСКІХ І АНГЛІЙСКІХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ (НА МАТЭРЫЯЛЕ АПОВЕСЦІ У. КАРАТКЕВІЧА «ДЗІКАЕ ПАЛЯВАННЕ КАРАЛЯ СТАХА»)

У артыкуле на матэрыяле выяўленых эквівалентных фразеалагічных адзінак беларускай і англійскай моў пры перакладзе аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» У. Караткевіча вызначаюцца поўныя і частковыя (адрозненне адным паказчыкам сумежнай семантыкі ці структурай) эквіваленты, устанаўліваюцца прычыны і адносіны іх выкарыстання пры перакладзе твора на англійскую мову.

Праблема перадачы фразеалагічных адзінак (ФА) з адной мовы на другую з'яўляецца адной з галоўных у тэорыі і практыцы мастацкага перакладу. Даследаванне эквівалентнасці

арыгінальнага тэксту і яго перакладу дае каштоўны матэрыял не толькі для перакладазнаўства, але і для самой фразеалогіі, паколькі вызначае спосабы адэкватнай перадачы ФА з адной мовы на другую, садзейнічае стварэнню міжмоўных слоўнікаў па фразеалогіі. Зразумела, што пытанне эквівалентнасці ФА стала аб'ектам вывучэння многіх даследчыкаў (А. Ф. Арсенцьева, Т. М. Фядуленкава, А. Д. Райхштэйн, А. У. Кунін, Я. І. Рэцкер і інш.), у выніку чаго распрацаваны галоўныя паказчыкі, паводле якіх вызначаецца супастаўленне ФА розных моў пры перакладзе. Так, А. Ф. Арсенцьева выдзеліла тры паказчыкі выяўлення эквівалентнасці ФА: агульнасць семантыкі, структурна-граматычнай арганізацыі і кампанентнага складу. Абапіраючыся на іх, даследчыца выдзяляе ФА-эквіваленты (поўныя і частковыя), ФА-аналагі (поўныя і частковыя) і безэквівалентны пераклад ФА [1, с. 97].

Мэта нашага артыкула – выявіць перадачу міжмоўных фразеалагічных эквівалентаў на матэрыяле беларускамоўнай аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» У. Караткевіча [2] і яе англамоўнага перакладу, зробленага М. Мінц у 1989 г. – «King Stach's Wild Hunt» [3].

Фразеалагічныя эквіваленты – ФА на мове перакладу, якая па ўсіх паказчыках з'яўляецца раўназначнай да арыгінальнай ФА, г. зн. ФА дзвюх моў маюць тоесную семантыку, структурна-граматычную арганізацыю і тоесны кампанентны склад.

Матэрыял паказвае, што найперш выдзяляюцца поўныя фразеалагічныя эквіваленты беларускай і англійскай моў, якія па вобразу, фразеалагічнаму значэнню, структурна-граматычнай арганізацыі, кампанентным складзе і стылістычнай афарбоўцы поўнасьцю супадаюць. Гэта найперш група ФА, якія маюць агульную крыніцу паходжання, агульны прататып.

Так, сярод фразеалагічных эквівалентаў выдзяляюцца ўстойлівыя выразы, крыніцай якіх з'яўляецца Біблія. З іх вызначым поўныя эквіваленты (*блудны сын* 'легкадумны, свавольны чалавек, які раскаяўся ў сваіх памылках' [4, с. 413] – *the prodigal son* 'блудны сын [этым. бібл. Лука XV, 11–12]' [5, с. 702]; *соль зямлі* 'лепшыя прадстаўнікі народа, цвет якога-н. асяроддзя' [6, с. 367] – *the salt of the earth* 'соль зямлі [этым. бібл. Матфей V, 13]' [10, с. 655]; *да другога прышэсця* 'неакрэслена доўга' [7, с. 59] – *till Doomsday* [7] 'да сканчэння стагоддзя, бясконца' [5, с. 223]) і адзін выпадак няпоўнага ўжывання біблейскай ФА: *Не перад табой бы перлы сыпаць* – *I wouldn't scatter pearls at your feet*, дзе скарачаны варыянт ФА *сыпаць бісер (перлы) перад свіннямі* 'дарэмна гаварыць пра што-н. ці даказваць што-н. таму, хто не здольны або не хоча зразумець гэта' [4, с. 413] перадаецца англійскім эквівалентам *scatter pearls before swine* 'кідаць бісер перад свіннямі [этым. бібл. Матфей VII, 6]' [5, с. 685].

Яшчэ адзін тып поўнага эквіваленту тлумачыцца зноў агульнай крыніцай, але ёю з'яўляецца твор мастацкай літаратуры: *сабака на сене* 'такі, што сам не карыстаецца і іншым не дае карыстацца чым-н.' [6, с. 300] – *a dog in the manger* 'сабака на сене (выраз з байкі Эзопа лац. *canis in praesepi* 'сабака ў яслях')' [5, с. 219].

Да поўных эквівалентаў адносяцца і тыя ФА, якія супадаюць па агульнасці вопыту і назіранняў прадстаўнікоў двух народаў, напрыклад: *хапаць за горла* – *grab by the throat* (дасл. *хапаць за горла*), паколькі іх яднае агульнае значэнне ('сілай прымушаць да чаго-н.'), аднолькавая структура ("V + prep + N"), агульны кампанентны склад, адна і тая ж экспрэсіўна-ацэнацыйная афарбоўка і ўнутраная форма; *блакітная кроў* – *blue blood* (дасл. *блакітная кроў*), дзе адно значэнне ('чалавек дваранскага паходжання') і аднолькавая структура ("Adj + N"); *як мышы пад шапкай* – *like mice under a hat* (дасл. *як мышы пад шапкай*) – агульнае значэнне ('вельмі ціха, бяшумна ці спалохана'), граматычная структура ("prep + N + prep + N"); *д'ябал з ім* – *the devil with him* (дасл. *д'ябал з ім*) – агульнае значэнне ('няхай будзе так, можна пакінуць без увагі. Выказванне згоды, прымірэння, уступкі і пад. '), граматычная структура ("N + prep + Pron"); *шостае пачуццё* – *sixth sense* (дасл. *шостае пачуццё*) – агульнае значэнне ('здольнасць інтуітыўна ўспрымаць, прадбачыць, угадваць што-н. '), граматычная структура ("Adj + N"); *як асінавы ліст* – *like an aspen leaf* (дасл. *як асінавы ліст*), якія маюць адно і тое ж значэнне ('вельмі моцна (калаціцца – часцей ад страху)') і аднолькавую структурную арганізацыю ("prep + Adj + N");

дзякаваць Богу – *thank the Lord* (дасл. *дзякаваць Богу*) з адэкватным значэннем ('выказванне радасці, задавальнення, палёгкі, супакою з якой-н. прычыны'), з агульнай граматычнай структурай ("V + N"); *кроў кінулася ў твар* – *the blood rushed to face* (дасл. *кроў кінулася ў твар*) з адным і тым жа значэннем ('хто-н. пачырванеў ад збянтэжнасці, сораму і пад.'), граматычнай структурай ("N + V + prep + N"); *другое дыханне* – *second wind* (дасл. *другое дыханне*) з адным і тым жа значэннем ('новыя сілы, прыліў энергіі, бадзёрасці (пасля стомы, апатыі, няўдачы і пад.)'), агульнай граматычнай структурай ("Adj + N"); *не паверыў <сваім> вачам* – *did not believe <my> eyes* (дасл. *не паверыў сваім вачам*) з агульным значэннем ('вельмі здзіўляцца, убачыўшы што-н. нечаканае'), граматычнай структурай ("V + <pron> + N"). У прыведзеных поўных фразеалагізмах-эквівалентах назіраецца супадзенне кампанентаў-слоў фразеалагічнага выразу як на дэнататыўным, так і на канататыўным узроўнях, г. зн. поўнае супадзенне ФА паводле семантыкі, граматычнай формы, эмацыянальна-экспрэсіўнай характарыстыкі і ўнутранай формы, што і вядзе да іх функцыянальна-сэнсавай тоеснасці.

Частковыя фразеалагічныя эквіваленты – міжмоўныя ФА, якія маюць «некаторыя разыходжанні ў плане выражэння тоеснай семантыкі і лексіка-граматычнага характару» [8, с. 5]. З улікам выдзеленых А. Ф. Арсенцьевай трох разнавіднасцей частковых эквівалентных ФА [1, с. 100] наш матэрыял дазваляе ўстанавіць толькі дзве:

1) ФА беларускай і англійскай моў, якія адрозніваюцца толькі адным кампанентам сумежнай семантыкі, напрыклад: *наступлю <яму> на мазоль* – *step on <his> toes* (дасл. *наступіць на яго пальцы ног*), дзе адно і тое ж значэнне ('закранаць тое, што асабліва хвалюе каго-н., выклікае боль, пакуты'), аднолькавая структура ("V + <pron> + prep + N"), але адрозны кампанент (бел. *мазоль* – англ. *toes* 'пальцы ног'), што выяўляе разыходжанне ўнутранай формы ФА; *вочы <мае> палезлі на лоб* – *eyes popped out of <my> head* (дасл. *вочы вылезлі з <маёй> галавы*), дзе адно і тое ж значэнне ('хто-н. выказвае вялікае здзіўленне, моцны спалох, страх'), але адрозненне кампанентам (бел. *лоб* – англ. *head* 'галава') і структурна-граматычнай арганізацыяй (бел. "N + <pron> + V + prep + N" – англ. "N + V + prep + <pron> + N") і інш.;

2) ФА беларускай і англійскай моў, якія адрозніваюцца марфалагічнымі або граматычнымі паказчыкамі, напрыклад: *круціцца ў галаве* – *head in a whirl* (дасл. *галава ў віхру*), якія маюць адно значэнне ('пастаянна знаходзіцца ў свядомасці, у думках'), якія валодаюць тоеснай эмацыянальна-стылістычнай характарыстыкай, заснаваны на агульным кампаненце, але адрозніваюцца структурай (бел. ФА "V + prep + N" – англ. ФА "N + prep + N"); *пальцам аб палец не стукнуць* – *didn't lift a finger* (дасл. *не паварушыў пальцам*), якія маюць адно і тое ж значэнне ('нічога не зрабіць, нічым не дапамагчы каму-н.'), але розныя структурна-граматычныя мадэлі (бел. "N + prep + N + V" – англ. "V + prep + N").

З разгледжаных прыкладаў відаць, што частковыя фразеалагічныя эквіваленты беларускай і англійскай моў характарызуюцца «некаторымі несупадзеннямі толькі ў плане іх выражэння, а план зместу ФА супадае» [1, с. 106]. Сапраўды, слухным з'яўляецца выказванне аб тым, што «пры перакладзе фразеалагізма застаецца важным, перш за ўсё, перадаць вобраз фразеалагізма, а не яго моўную структуру» [9, с. 18].

Пры параўнанні беларускіх і англійскіх ФА ў аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» адзначым факт псеўдаэквівалентнай ФА, што выяўляецца ў кантэксце: *Самага разумнага абкруціць вакол пальца, такім мядзведзем прыкінецца, што далей няма куды* – *He can twist the cleverest man round his little finger, he can pretend to be such a bear you'd be at a loss what to think* (дасл. *Ён можа наступіць з самым разумным чалавекам так, як хочацца, ён можа прыкінуцца такім мядзведзем, што вы будзеце ў здзіўленні пра што і думаць*). Выдзеленыя ФА супадаюць паводле структуры ("V + prep + N"), кампанентнага складу, але адрозніваюцца значэннем: бел. *абкручваць вакол пальца* 'спрытна, хітра ашукваць, падманваць каго-н.' [4, с. 38] перадаецца быццам бы поўным эквівалентам *twist round finger* (дасл. *абкруціць вакол пальца*), але ў англійскай мове ФА азначае 'паступаць з кім-н. так, як хочацца, поўнасцю падпарадкоўваць сабе каго-н.' [5, с. 277].

Такім чынам, аналіз фразеалагізмаў у беларускамоўнай аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» У. Караткевіча і ў яе англамоўным перакладзе дазваляе канстатаваць, як правіла, эквівалентную перадачу фразеалагізмаў. Супастаўленне эквівалентных фразеалагізмаў паказвае наяўнасць поўных і частковых фразеалагічных эквівалентаў, што тлумачыцца іх агульнай крыніцай паходжання і ўтварэння ў беларускай і англійскай мовах і службыць асновай адэкватнага перакладу з захаваннем сэнсу фразеалагізмаў, якія былі выкарыстаны беларускім творцам у арыгінальным тэксце. Разам з тым такія супастаўленні сведчаць аб універсальных характарыстыках фразеалагізмаў супастаўляльных моў. Адзіны факт псеўдаэквівалентнага фразеалагізма паказвае на сэнсавую памылку, дапушчаную перакладчыкам, прычына якой крыецца ва ўспрыманні пры перакладзе аднаго і таго ж кампанентнага складу і структуры, але без уліку адметнай семантыкі ў беларускай мове.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ ФЕ (на материале фразеологических единиц семантически ориентированных на человека в английском и русском языках) / Е. Ф. Арсентьева. — Казань, 1989. — 123 с.
- 2 Караткевіч, У. Зямля пад белымі крыламі: Нарыс. Дзікае паляванне караля Стаха: Аповесць / У. Караткевіч. — Мінск : Юнацтва, 1995. — С. 183–368.
- 3 Karatkievic, U. King Stachs Wild Hunt / U. Karatkievic [Electronic resource]. — Translated by Mary Mintz. — Minsk : Yunatstva Punlishers, 1989. — Mode of access : <http://knihi.com/UladzimirKaratkievic/KingStachsWildHunt-en.html>. — Date of access : 17.01.2016.
- 4 Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 т. Т. 1.: А–Л / І. Я. Лепешаў. — Мінск : БелЭн, 1993. — 590 с.
- 5 Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / [Лит. ред. М. Д. Литвинова. — 4-е изд., перераб. и доп]. — М. : Рус. яз., 1984. — 944 с.
- 6 Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 т. Т. 2.: М–Я / І. Я. Лепешаў. — Мінск : БелЭн, 1993. — 607 с.
- 7 Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. — Мінск : БелЭн, 2004. — 448 с.
- 8 Кунин, А. В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском словаре / А. В. Кунин // Тетради переводчика. — М., 1964. — Вып. 2. — С. 3–20.
- 9 Прокопьева, С. М. Вариативность фразеологических единиц как прагматический феномен : автореф. дис. канд. филол. Наук : 10.02.04 / С. М. Прокопьева. — М., 1980. — 24 с.

УДК 811.161.3

Ю. А. Петрушэўская

АБ ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫІ ПАРЭМІЯЛАГІЧНАГА ФОНДУ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ Ў СУВЯЗІ З ВЫЗНАЧЭННЕМ ЯГО ЎНІВЕРСАЛЬНАГА І НАЦЫЯНАЛЬНАГА КАМПАНЕНТАЎ

Определяются понятие и принципы дифференциации паремиологического фонда языка. Рассматривается последовательность изучения и количественный состав паремиологического минимума и основного паремиологического фонда белорусского языка. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд определяются как языковой материал для дифференциации универсальных и национальных пословиц.

У парэміялогіі любой мовы спалучаюцца ўніверсальны (агульны з іншымі мовамі) і нацыянальны (нацыянальна-культурна абумоўлены) кампаненты, якія складаюцца як з

парэміялагічных адзінак (ці іх варыянтаў) у якасці асобных моўных знакаў, так і з пэўных разнавіднасцей, уласцівасцей, элементаў прыказак.

Каб вызначыць суадносіны паміж універсальным і нацыянальным кампанентамі парэміялагічнай сістэмы пэўнай мовы, выявіць ступень нацыянальна-культурнай абумоўленасці яе парэміялагічнага фонду, трэба дакладна вызначыць само паняцце “парэміялагічны фонд” і прынцыпы яго (фонду) дыферэнцыяцыі.

Парэміялагічным фундам, па аналогіі з лексічным або фразеалагічным фундамі мовы, звычайна называецца мноства ўсіх прыказак, якія ўжываюцца (зафіксаваны) у пэўнай мове. Як і лексічны фонд, і фразеалагічны фонд, мноства прыказак дыферэнцыруецца (1) па сферы свайго ўжывання на дыялектныя і агульнамоўныя, на літаратурныя і субстандартныя, (2) па стылістычнай прыналежнасці на прастамоўныя, нейтральныя і кніжныя, (3) па ступені ўжывальнасці на агульнаўжывальныя і малаўжывальныя і г. д.

Найбольш значным крытэрыем дыферэнцыяцыі парэміялагічнага фонду з’яўляецца, на наш погляд, ступень ужывальнасці (і, адпаведна, вядомасці) прыказак, з якой так ці інакш звязваюцца ўсе астатнія крытэрыі. Паводле гэтага крытэрыя парэміялагічны фонд мовы размяжоўваецца на тры катэгорыі адзінак: (1) парэміялагічны мінімум, (2) асноўны парэміялагічны фонд і (3) асабісты парэміялагічны фонд.

Спробы вызначыць беларускі парэміялагічны мінімум прадпрымаліся не аднойчы і з рознымі мэтамі. Першай такой спробай можна лічыць шырока вядомы “Слоўнік беларускіх прыказак І. Я. Лепшава і М. А. Якалцэвіч (1996), у якім, паводле аўтараў, “апісваецца каля 1000 найбольш ужывальных прыказак” [11], а ў другім выданні гэтага ж слоўніка (2002) – ужо “каля 1500 найбольш ужывальных прыказак” [12, с. 2]. Ужывальнасць прыказак, якія ўвайшлі ў гэты слоўнік, пацвярджаецца тым, што яны былі зафіксаваны аўтарамі ў “мастацкай і публіцыстычнай літаратуры галоўным чынам ХХ ст.”, а таксама тым, што “амаль усе прыказкі” ўжо “зарэгістраваны ў парэміялагічных зборніках або ў лексікаграфічных крыніцах” [12, с. 28]. Аднак тое, што аўтары слоўніка абмежаваліся толькі пісьмовымі тэкстамі, а таксама ніяк не вызначылі ступень ужывальнасці (частотнасці) прыказак, дазваляе лічыць мноства адзінак, якія ўвайшлі ў “Слоўнік беларускіх прыказак”, па-першае, найбольш ужывальнымі толькі ў пісьмовым варыянце сучаснай беларускай літаратурнай мовы, а па-другое, неаднолькавымі паводле іх ужывальнасці і, адпаведна, вядомасці носьбітамі мовы.

Наступныя дзве спробы вызначыць парэміялагічны мінімум беларускай мовы рабіліся эксперыментальным шляхам. Першая – М. Ю. Котавай, якой былі выяўлены і ўдакладнены парэміялагічныя мінімумы славянскіх моў, у тым ліку і беларускай мовы, пры падрыхтоўцы “Русско-славянскага слоўніка слоў і выразаў з англійскімі эквівалентамі” (2000) [9], доктарскай дысертацыі “Славянская парэміялогія” (2004) [10], вучэбнага дапаможніка “Лекцыі па сопоставительной славянской парэміялогіі” [7] і новага выдання руска-славянскага слоўніка прыказак [8]. У выніку было ўстаноўлена, што з 652 беларускіх прыказак (якія адпавядаюць 500 рускім) 281 мае шырокую ўжывальнасць, 308 агульнавядомыя, але не маюць шырокай ужывальнасці, і 63 не ўжываюцца ў сучасным маўленні [9, с. 273–284], а таксама было вызначана ядро беларускага парэміялагічнага мінімуму – 87 прыказак, якія былі вядомы найбольшай колькасці інфармантаў (90–100 %) [7, с. 125–167; 14]. Другая спроба належыць Я. Я. Іванову, які незалежна ад М. Ю. Котавай на падставе мадэрнізаванага парэміялагічнага эксперыменту Г. Л. Пермякова вызначыў парэміялагічны мінімум сучаснай беларускай літаратурнай мовы (каля 400–440 адзінак), у тым ліку і яго ядро (больш за 90 адзінак) [6; 14].

Асобна варта адзначыць спробу вызначэння парэміялагічнага мінімуму беларускай мовы на матэрыяле вытворных ад іх афарыстычных адзінак пераважна парадыйнага або жартоўнага зместу – так званых “антыпрыказак” і “антыафарызмаў” [3]. Такі спосаб з’яўляецца нескладаным, дастаткова прадуктыўным і бяспрэчна аб’ектыўным, паколькі, як вядома, шырока ўжывальныя парадыйныя або жартоўныя перафразаванні прыказак

засноўваюцца на веданні носьбітамі мовы зыходных прыказак, якія з гэтай прычыны павінны быць таксама шырока ўжывальныя і вядомыя.

Вынікі ўсіх спроб вызначэння беларускага парэміялагічнага мінімуму не супадаюць ні колькасна, ні якасна, аднак усе разам яны даюць падставы для акрэслення пэўнага мноства адзінак, якія з'яўляюцца найбольш ужывальнымі і, адпаведна, найбольш вядомымі ў сучаснай беларускай мове (пачатку XXI стагоддзя).

Асноўны парэміялагічны фонд беларускай мовы таксама вызначаўся не адзін раз і на розным моўным і фальклорным матэрыяле. Першай спробай акрэсліць састаў прыказкавых адзінак, якія на працягу стагоддзяў захавалі шырокую ўжывальнасць, не змяніліся паводле формы (з улікам варыянтнасці) і засталіся актуальнымі паводле свайго зместу, можна лічыць вызначаныя Я. І. Парэцкім 150 дакладных і 75 недакладных парэміялагічных адпаведнікаў у першым у славянскім свеце друкаваным зборніку прыказак “*Proverbiorum polonicorum*” (1618) Саламона Рысінскага і ў зборніку беларускіх прыказак М. Федароўскага “*Lud biaioruski na Rusi Litewskiej*” (1935) [13, с. 143–149], а таксама каля 15 парэміялагічных адпаведнікаў у зборніках Ф. М. Янкоўскага “Беларускія, прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы” (1962) і Саламона Рысінскага [13, с. 52–54]. Другая спроба належыць Я. Я. Іванову, які абгрунтаваў прынцыпы і спосабы выяўлення асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы [5] і ў выніку супастаўлення беларускіх парэміяграфічных крыніц вызначыў састаў асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы (каля 456 адзінак) [14, р. 39–81], у тым ліку ядро парэміялагічнага фонду – каля 119 найбольш старажытных беларускіх прыказак [4; 6].

Асобна трэба адзначыць вывучэнне індывідуальнага парэміялагічнага фонду як часткі ідыялекту, якое бярэ пачатак з фалькларыстыкі і ў апошні час мае развіцця ў асобны кірунак даследаванняў парэміялагічнага фонду мовы.

На матэрыяле беларускай мовы асабісты парэміялагічны фонд толькі яшчэ пачынае вывучацца [1; 2] і пакуль не можа выкарыстоўвацца ні як адзін з параметраў дыферэнцыяцыі парэміялагічнага фонду мовы ўвогуле, ні як рэпрэзентатыўны матэрыял для ўдакладнення аб'ёму і якаснага саставу адзінак парэміялагічнага мінімуму і асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы.

Такім чынам, удзельная вага як універсальнага, так і нацыянальнага кампанентаў беларускай мовы можа быць вызначана толькі на матэрыяле парэміялагічнага мінімуму (мінімальнай колькасці прыказак, найбольш вядомых у пэўны перыяд развіцця мовы) і асноўнага парэміялагічнага фонду мовы (корпусу прыказак, якія застаюцца актыўна ўжывальнымі і істотна структурна не змяняюцца на працягу доўгага часу ў гісторыі мовы), у якіх сканцэнтраваны асноўныя ўласцівасці беларускага парэміялагічнага фонду ўвогуле.

Спіс выкарыстаных крыніц

1 Валчок, Л. А. Асабісты парэміялагічны фонд (як вывучаць і выкарыстоўваць?): арганізацыя даследчай дзейнасці вучняў на ўроках літаратуры / Л. А. Валчок // Народная асвета. – 2012. – № 10. – С. 74–75.

2 Валчок, Л. А. Асабісты фонд беларускіх прыказак: на матэрыяле запісаў ад У. П. Ліхтар, вёска Гоцк Салігорскага раёна / Л. А. Валчок, Ц. А. Малахоўскі; [пад рэд. Т. В. Валодзінай, А. В. Сцепулёнка]. – Мінск : МАІРА, 2012. – 58 с.

3 Дубасава, І. С. Да праблемы вызначэння парэміялагічнага мінімуму беларускай мовы (на матэрыяле вытворных афарыстычных адзінак) / І. С. Дубасава // Матэрыялы навукова-методычнай канферэнцыі педагогаў і супрацоўнікаў па выніках НІР в 2008 г., г. Могилев, 3–4 студзеня 2009 г. / МГУ імя А. А. Кулешова; пад рэд. А. В. Іванова. – Могилев, 2009. – С. 203–206.

4 Іваноў, Я. Я. Асноўны парэміялагічны фонд беларускай мовы і “*Proverbiorum polonicorum*” (1618) С. Рысінскага / Я. Я. Іваноў // Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 2006 : зб. навук. прац / рэд. А. Кіклевіч, С. Важнік. – Мінск : Права і эканоміка, 2006. – С. 79–94.

5 Іваноў, Я. Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы / Я. Я. Іваноў // Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка – 2006. – № 3. – С. 103–109.

6 Іваноў, Я. Я. Сацыялінгвістычныя параметры беларускіх прыказак (да праблемы вызначэння парэміялагічнага мінімуму і асноўнага парэміялагічнага фонду сучаснай беларускай літаратурнай мовы) / Я. Я. Іваноў // Мова і соцыўм : зб. навук. прац / пад. рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МТ “Брама”, 2004. – С. 201–224. – (Terra Alba. Т. 3).

7 Котова, М. Ю. Лекции по сопоставительной славянской паремиологии : учеб. пособие для магистрантов / М. Ю. Котова. – Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ, 2010. – 170 с.

8 Котова, М. Ю. От социолингвистического паремиологического эксперимента к многоязычному словарю пословиц (заметки паремиографа) / М. Ю. Котова // Паремиология в дискурсе: [коллективная монография] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Бочина, Е. Е. Иванов [и др.] ; под ред. О. В. Ломакиной. – Москва : URSS : Ленанд, 2015. – С. 233–251.

9 Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями) / М. Ю. Котова ; под ред. П. А. Дмитриева. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.

10 Котова, М. Ю. Славянская паремиология : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.01 – русский язык; 10.02.03 – славянские языки: в 2 т. / М. Ю. Котова. – Санкт-Петербург, 2004. – Т. 2. – 540 с.

11 Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1996. – 352 с.

12 Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 511 с.

13 Порецкий, Я. И. Соломон Рысинский : Solomo Pantherus Leucorussus: конец XVI – начало XVII века / Я. И. Порецкий. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 158 с.

14 Ivanov, E. E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian) / E. E. Ivanov. – Prague : RSS/OSSF, 2002. – 136 p.

УДК 811.161.2.'373.7'373.6:008'39

Л. В. Савченко

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИСТЕМЕ КОДОВ КУЛЬТУРЫ

В свете современных аспектов изучения фразеологии, с учетом специфики исследования, в статье рассмотрены закономерности и характерные особенности исследования этнофразеологических единиц в системе кодов культуры. Основной упор сделан на описание этномакрокода духовной культуры, охватывающего систему кодов, которые классифицированы в группы и подгруппы этнических кодов.

Развитие современной лингвистики движется от моделирования языка как самодостаточной системы к интерпретации ее подсистем в широких антропологических парадигмах. Языкознание на современном этапе занимается разработкой новых направлений, где главная роль отводится человеку как единственному носителю языка. К этим направлениям относятся: этнолингвистика, лингвокультурология, психоллингвистика, этнопсихоллингвистика, когнитивная лингвистика, социоллингвистика и др.

Разделение этих направлений обусловило формирование новых лингвистических методов исследования и понятийного аппарата. Привлечение «культуры» к сфере лингвистического анализа привело к появлению понятия «культурная парадигма» [4, с. 136]. Одним из феноменов культуры являются устойчивые выражения – фразеологические единицы, являющиеся духовным наследием народа. Главным звеном в этнолингвистическом анализе фразеологизмов выступают *коды культуры*. Это название идентично таким терминам, как *пространство культуры, культурные знаки, культурные смыслы, тезаурус культуры, симболий культуры*. В такой перечень базовых понятий должен войти и *культурно значимый концепт*, а также *культурно маркированный компонент* или *культурно*

маркированная единица языка. Код культуры интерпретируется через призму знаковой реализации архетипов сознания (см. труды В. А. Масловой, С. М. Толстой, Т. В. Цивьян, В. Н. Телия, В. В. Красных).

Таким образом, объектом данного исследования являются коды культуры, которые реализуются во фразеологических единицах (ФЕ). Цель работы – описание закономерностей и характерных особенностей исследований фразеологических единиц в системе кодов культуры.

Исследование фразеологического состава языка – это путь к познанию ментальности народа, его психологии, представлений о мире и восприятию человека в обществе. Активный процесс возрождения духовной культуры, которая хранится в коллективной памяти и воспроизводится на вербальном уровне в этнофразеологических единицах, привел к возникновению нового направления современной лингвистики – *этнофразеологии*. В основу классификационного выделения этнофразеологии положен генетический признак, поскольку план выражения и внутренняя форма этнофразеологизмов представляют понятие этнокультуры. В центре этой науки находятся ментальный, акциональный и вербальный срезы пространства культуры, представленные этнофразеологическими единицами (ЭФЕ), основой для возникновения которых стали традиции, обряды, ритуалы, верования, гадания, заговоры, клятвы, проклятия, физические действия или словесные магические формулы. Отображение этнографической стороны фрагментов этнокомпонентов духовной культуры, а также изучение влияния системы номинаций на структурирование акционального действия, является важной задачей исследования духовной культуры этноса как комплексной структуры, сочетающей в себе языковую и внеязыковую реальности [см. 3]. Обращение к этнокультурной действительности в исследовании языковых единиц, в частности этнофразеологизмов, является одним из приоритетных направлений развития современной этнолингвистики, что нашло свое отражение, в первую очередь, в активном укреплении позиций этнофразеологии.

Формирование этнофразеологизмов, относящихся к сфере народной духовной культуры, подчинено определенным объективным закономерностям. В формировании семантики многих ФЕ определяющую роль играют этнокультурные представления и верования, сведения об обрядах, обычаях, ритуалах, различных магических приемах вербального и акционального характера, отраженные в заговорах, гаданиях, проклятиях и т. п.

Этнофразеология отражает традиционную культуру. Эту связь можно считать двусторонней, поскольку факты языка – это источник реконструкции культуры, а изучение фразеологии невозможно без обращения к широкому этно-культурно-историко-языковому контексту. ЭФЕ, «ориентированные на наиболее типичные, хранящиеся в сознании социума образы, выполняют функцию воспроизводимых между поколениями знаков “языка” культуры» [4, с. 14].

Изучение этимологии фразеологических единиц в этнокультурном аспекте не может быть основательным без учета системных связей, в частности явления вариантности, синонимии, антонимии и полисемии. Прибегая к анализу указанных явлений во фразеологии, исследователь во многих случаях выясняет этимон отдельных ФЕ, определяет их точное значение или несколько значений. В частности, при изучении вариантности и антонимии существует возможность выявить компоненты-конверсивы, которые имеют семантику переменного субъекта действия: *дать / забрать (дать тыкву / забрать тыкву)* в значении ‘отказать тому, кто сватается’.

Конверсивы (лат. *conversio* – перемена, вращение, переворот) – это слова, которые показывают различные стороны определенной ситуации и включают в свою структуру не менее двух актантов. Конверсивные отношения между разноуровневыми единицами не могут быть равноценны. ФЕ выражают более сложные семантические отношения, поскольку у них имеется функция оценки. На фразеологическом уровне в конверсивные отношения вступают ФЕ, основанные на различных видах, а одинаковые образы основываются на многочисленных ассоциациях.

За последние годы появилось большое количество публикаций по проблемам фразеологии во взаимосвязи с культурой, в которых освещено много противоречивых взглядов

и терминологических расхождений. Перед современной фразеологией как наукой стоят специфические задачи: исследовать ФЕ в диахронно-этимологическом аспекте, чтобы выявить их этимон; проследить связь культуры с фразеологией посредством обрядов, ритуалов, мифов, клятв и т. п.; определить законы развития фразеологических фондов; выяснить историко-этимологическую почву, изучить этнолингвистические и лингвокультурологические факторы формирования ФЕ. В современных исследованиях ученые выделяют лингвистический подход к определению генезиса ФЕ и этнокультурный, базируемый на экстралингвистических данных. Для реконструкции этногенеза отдано предпочтение экстралингвистическому принципу, учитывающему не только лингвистическую сторону, но и внеязыковую действительность, определенные реальности этноса, комментированием и описанием которых и занимается этнофразеология.

В исследовании упор сделан на пяти типах историко-этимологических справок, которыми пользовались при анализе этимона ЭФЕ. Авторские комментарии в словарных статьях стали первым шагом в изучении генезиса ЭФЕ. Научный потенциал ведущих фразеологов и фразеографов в изучении этнолингвистических и лингвокультурологических основ формирования ФЕ, а также известные этимологические исследования в выявлении этимонов славянской фразеологии явились базой для дальнейших исследований [см. 1; 2; 5]. В результате характеристики наработок современных этимологов в исследовании происхождения ФЕ нами выделены лингвистический и этнолингвокультурологический анализы определения этногенеза этнофразеологических единиц. Описаны современные методики этимологического анализа ФЕ и их корреляция в доминировании того или иного подхода. Современная фразеология фиксирует много ФЕ, происхождение которых для фразеологов до сих пор является загадкой. Славянские фразеологи-этимологи заполнили немало пробелов в изучении этимонов фразеологизмов, создали фундаментальную базу этимологии ФЕ.

Поскольку во фразеологии особенно ярко прослеживается явление этноязычной специфики, знаки этнического кода в языке ориентированы на менталитет этноса, его мировоззрение, систему обрядов, обычаев, верований, клятв, ритуалов, этикета и др.

В исследовании кодов культуры выделяется этномакрокод духовной культуры (ЭМКД), охватывающий систему духовной культуры. Образы этнофразеологических единиц представлены посредством фрагментов этномакрокодов духовной культуры, которые мы классифицируем в группы и подгруппы этнических кодов (ЭК): *ЭМКД* → *ЭК* → *ЭСК* (этносубкод). Мы акцентируем также внимание на трех срезах трансформации этномакрокода духовной культуры: ментальном, акциональном, вербально-акциональном. Ментальный срез концентрирует в своем поле пять этнических кодов: мифологический (укр. *тримати языка за зубами*; рус. *держат рот на замке*), этиологический (укр. *грець з тобою*; рус. *черт с тобой*), поверья (рус. *пусть земля будет пухом*; бел. *сесці макам*), религиозный (укр. *болить душа*; рус. *душа болит*), демонологически-антропоморфный (рус. *не так страшен черт, как его рисуют*) с системой этносубкодов. В векторе акционального плана выражения выделяем четыре этнических кода: традиционно-обрядовый (рус. *накормить березовой кашей*; бел. *даваць бярозавай кашы*), ритуальный (рус. *волосы на себе рвать*; бел. *перамываць костачкі*), обычаев (рус. *забрить лоб*, бел. *замесці сляды*), гадания (рус. *как в воду смотреть*; бел. *вілами на вадзе пісана*) с системой этносубкодов. На вербально-акциональном срезе нами обнаружено четыре ЭК: этикетный (укр. *дай тобі Боже*; рус. *счастливого пути*), проклятия (укр. *нехай тебе Бог забуде*; рус. *пусть бы тебя черт забрал*), заговоров (укр. *як з гуся вода*; рус. *заговаривать зубы*), клятв (рус. *грызть землю*). Этномакрокод духовной культуры состоит из систем этнических кодов, представляющих собой элементы духовной культуры во фразеологической и этнической картинах мира.

В теоретическом плане также предложена иерархическая структура субстанциональных и концептуальных кодов. Базовыми в субстанциональной группе являются антропный (укр. *дівчина на виданні*; рус. *соломенная вдова*), соматический (рус. *предлагать руку и сердце*), зооморфный (укр. *з першими півнями*; рус. *купить kota в мешке*),

фитоморфный (укр. *дати гарбуза*; рус. *найти в капусте*) и предметный (укр. *заварити кашу*; рус. *давать по шапке*) коды культуры с системой субкодов, в концептуальной группе – спатиальный (укр. *на всі чотири боки*; рус. *рукой подать*), темпоральный (укр. *тягнути час*; рус. *с третьими петухами*), геометрический (укр. *заколдоване коло*; рус. *обвести вокруг пальца*), колоративный (укр. *біла ворона*; рус. *как вареный рак*), каузативный (укр. *під гарячу руку*; рус. *дернул черт за язык*) коды культуры.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что этнокодирование тесно взаимодействует с группами кодов культуры. А значит, этнокоды и коды тесно переплетены в единой системе кодирования культуры и трансформируются во фразеосистеме восточнославянских языков. Этнокоды духовной культуры являются продуктивной базой в вопросах реконструкции этимологии этнофразеологизмов.

Список использованных источников

- 1 Коваль, В. И. Славянские этнофраземы как языковой феномен / В. И. Коваль // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах : материалы Междунар. науч. конф., Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель, 2001. – С. 115–120.
- 2 Мокиенко, В. М. Образы русской речи: ист.-этимол. очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 464 с.
- 3 Савченко, Л. В. Етнолінгвістична реконструкція генези фразеологізмів української мови : дис. на здобуття наукового ступеня доктор філол. наук / Л. В. Савченко. – Сімферополь, 2014. – 598 с.
- 4 Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996. – 288 с.
- 5 Ужченко В. Д. Народження і життя фразеологізму / В. Д. Ужченко. – К. : Рад. шк., 1988. – 279 с.

УДК811.161.3'373:398.92:316.613.4

Р. Ф. Сахарова

ЭМАТЫЎНАЯ ФРАЗЕАЛОГІЯ ЯК СКАРБНІЦА КУЛЬТУРНАЙ ІНФАРМАЦЫІ

У артыкуле сапастаўляюцца фразеалагізмы нямецкай і беларускай моў, якія рэпрэзентуюць базавыя эмоцыі чалавека. Аснову моўнай рэпрэзентацыі эмоцый складаюць фізіялагічны і пачуццёвы вопыт чалавека. Нацыянальна-культурную спецыфіку – інтэрпрэта-тыўны, суб'ектыўны, крэатыўны характар пазнавальных і ментальных працэсаў.

Публікацыя выканана ў рамках рэалізацыі навукова-даследчай працы “Кагнітыўныя механізмы фразеалагічнай намінацыі эмоцый у нямецкай і беларускай мовах” за кошт сродкаў грантаў Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь у 2016 г.

Адной з найважнейшых частак нацыянальнай культуры з'яўляецца мова. У ей знаходзяць адлюстраванне здабыткі духоўнай і матэрыяльнай спадчыны народа, яго гісторыя, звычаі і абрады. Яскравым сродкам аб'ектывацыі і моўнай фіксацыі культурнай інфармацыі выступаюць фразеалагізмы, якія, у сваю чаргу, выконваюць ролю “ключа” да спазнання і разумення культуры і чалавека [2].

З пазіцыі сучаснага падыхода да даследавання моўнага матэрыяла як сродку рэканструявання працэсаў разумовай дзейнасці чалавека А. С. Кубракова і Н. У. Фурашова разумеюць фразеалагізмы наступным чынам: як адзінкі, «фіксуруючыя структуры знаання і чалавеческага вопыта, якія в силу определенных причин оказываются воплощенными в соответствующих устойчивых сочетаниях» [3, с. 74], і падкрэсліваюць у гэтай сувязі

неабходнасць пры даследванні фразеалагічных адзінак растлумачыць, «как складывались исторически и культурологически эти структуры знания и какие акценты были сделаны народом в их интерпретации» [Там жа].

Такім чынам, працэсы фразеалагічнай намінацыі ўяўляюць сабой выкарыстанне канкрэтных структур ведаў, г. зн. ведаў аб аб'ектах навакольнага свету, аб дзейнасці чалавека ў гэтым свеце і г. д., для асэнсавання, інтэрпрэтацыі і моўнай рэпрэзентацыі больш абстрактных абласцей – фізічных і псіхічных станаў чалавека, узаемаадносін паміж людзьмі, інтэлектуальнай дзейнасці і да т. п. [4].

Адно з такіх абласцей, якая ў апошні час усё часцей становіцца аб'ектам даследавання лінгвістаў, складаюць эмоцыі чалавека. Пры апісанні чалавекам адчуваемых эмоцый мове належыць асобая роля – зафіксаваць і перадаць іншым адметнасці нябачных псіхічных станаў. Вывучэннем гэтай вобласці ведаў займаецца эматыўная лінгвістыка.

Менавіта асаблівасцям моўнай рэпрэзентацыі эмоцый фразеалагічнымі сродкамі ў нямецкай і беларускай мовах і прысвечана дадзенае даследаванне. Выбар супастаўляльнага аспекта абумоўлены ў першую чаргу тым фактам, што чалавецтва мае адзіную біялагічную прыроду, таму такая катэгорыя, як эмоцыі, павінна мець універсальны характар, і таму ў супастаўляльных мовах павінны быць зафіксаваны аднолькавыя спосабы вербалізацыі эмоцый. Асноўным спосабам рэпрэзентацыі эмоцый у двух супастаўляльных мовах з'яўляецца апісанне іх цялесных рэакцый і праяў. Напрыклад, ням. (*große*) *Augen machen* 'рабіць (вялікія) вочы', бел. *рабіць вялікія вочы* (праяўленне здзіўлення) або ням. *sich die Augen ausweinen* 'выплакаць вочы', бел. *выплакаць усе вочы* (праяўленне гора). Аднак моўная рэпрэзентацыя эмоцый мае і свае культурныя асаблівасці ў супастаўляльных мовах.

Нацыянальна-культурную спецыфіку маюць фразеалагічныя адзінкі з падобным планам выражэння пры намінацыі адной і той жа эмоцыі: напрыклад, ням. *die Flügel hängen lassen* 'опустить крылья' (перажыванне гора), бел. *навесіць нос* (перажыванне гора); ням. *j-m lüftet eine Gänsehaut über den Rücken* 'у каго-н. па спіне бяжыць гусіная кожа', бел. *мурашкі бегаюць па целе* (перажыванне страху). У прыведзеных прыкладах у аснове ўзнікнення моўных адзінак ляжыць аднолькавы вобраз (аднолькавае фізіялагічнае праяўленне), які рэпрэзентуецца рознымі спосабамі ў сапастаўляльных мовах.

Як адзначае У. І. Коваль, "чалавек разглядаў і ацэньваў сябе ў непарыўнай сувязі з навакольным светам, у тым ліку з жывёламі" [1, с. 4]. Назіранне за паводзінамі жывёлаў знаходзіць адлюстраванне і ў фразеалагічных адзінках, якія рэпрэзентуюць эмоцыі чалавека ў нямецкай і беларускай мовах. Напрыклад, у аснове беларускага фразеалагізма *расплакацца як бабёр*, які служыць для рэпрэзентацыі гора, ляжыць фізіялагічнае праяўленне эмацыянальнага стану – слёзы, якое дапоўнена параўнаннем з бабром. Такое параўнанне не з'яўляецца выпадковым. Беларускія навукоўцы пасля доўгачасовых назіранняў за бабрамі прыйшлі да высновы, што яны могуць плакаць. На тэрыторыі, на якой жылі беларусы, здаўна было шмат баброў. Чалавек, які на працягу стагоддзяў жыў побач з імі, заўважыў гэты факт і выкарыстаў гэтыя веды пры апісанні чалавека ў стане гора. У нямецкай мове для апісання перажывання гора існуе моўная адзінка з падобным вобразам, які ляжыць у аснове яе ўзнікнення: *heulen wie ein Schlosshund* 'выць як дваровы сабака'. Чалавек у стане гора параўноўваецца з сабакам, які сядзіць на ланцугу, абмежаваны ў дзеяннях.

Таксама, напрыклад, у фразеалагізмах ням. *wie von der/einer Tarantel gestochen/gebissen* 'быццам тарантул ужаліў / укусіў' і бел. *шалёная муха ўкусіла* (перажыванне гнева) аднолькавым з'яўляецца параўнанне перажывання эмацыянальнага стану з рэакцыяй на ўкус жывёлы, нацыянальна-спецыфічным – выбар жывёлы, які зафіксавала адзінка.

Аналіз фразеалагізмаў беларускай і нямецкай моў са значэннем базавых эмоцый паказаў, што моўныя адзінкі, з аднаго боку, адлюстроўваюць фізіялагічны і пачуццёвы вопыт чалавека, з другога – гэты вопыт інтэрпрэтуецца і асэнсоўваецца чалавекам праз веды аб навакольным асяроддзі, умовах яго пражывання, гістарычных падзеях і г. д. Такім чынам, эматыўныя фразеалагізмы з'яўляюцца крыніцай здабывання культурнай інфармацыі, назапашанай пэўным народам, а таксама важным складнікам самой культуры гэтага народа.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Коваль У. І. Чым адгукаецца слова: Фразеалогія ў павер'ях, абрадах і звычаях / У. І. Коваль. – Мінск : Народная асвета, 1994. – 48 с.
- 2 Ковшова М. Л. Фразеология – ключ к познанию культуры и человека [Электронный ресурс] / М. Л. Ковшова. – Режим доступа : https://ria.ru/sn_edu/20150311/1051998617.html – Дата доступа : 01.08.2015.
- 3 Кубрякова, Е. С. О перспективах исследования фразеологизмов с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова, Н. В. Фурашова // Siowo. Tekst. Czas X: Jednostka frazeologiczna w traucyjnych i nowych paradygmatach naukowych. Pod red. M. Aleksiejenki, H. Waltera. – Szczecin, Greifswald, 2010. – S. 74–81.
- 4 Фурашова, Н. В. Метафтонимия в процессах фразеологической номинации (на материале немецких глагольных сочетаний) / Н. В. Фурашова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. Вып. 19 (625). Лексикология и фразеология: актуальные проблемы и решения. Ч. 2. – Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 86–93.

УДК 811.161.3'373:398.92:811.161.1'373:398.92:811.112.2

В. Н. Сергей

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ БЕЛОРУССКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются проблемы и способы интерпретации и перевода на немецкий язык отдельных белорусских и русских фразеологических единиц. Анализируются отдельные семантические особенности в языке перевода. В процессе анализа фразеологических единиц в сопоставляемых языках выделяется три типа соответствий: фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги и калькирование.

Все фразеологические единицы (ФЕ) любого языка можно классифицировать по их происхождению на ФЕ собственного происхождения и заимствованные ФЕ. Совокупность всех ФЕ в языке – это своеобразная история жизни и творческой активности носителей языка в разные исторические времена и эпохи. Подавляющее большинство анализируемых фразеологизмов возникло в самих языках или достались им от языка предков: *гол як сакол* (бел.); *в чем мать родила 'без одежды'* (рус.); *splitternackt* (нем.) – (букв.: *splittern 'распасться, разрушиться', nackt 'голый', т. е. в разрушившейся одежде (голый без одежды); народзіцца у кашулі* (бел.), *родиться в рубашке* (рус.), – *unter einem glücklichen Stern geboren sein* (нем.) – (букв.: *родиться под счастливой звездой*) и многие другие.

В афористическом творчестве славян ФЕ пользуются особой популярностью. Ярко окрашенные стилистически, выделяющиеся своей особой образностью по содержанию они отражали и отражают морально-этнические и духовно-эстетические идеалы народа – носителя языка. ФЕ отражают взгляд на труд и досуг, на окружающий нас порядок вещей, они воплощают в себя жизненный опыт, народную мудрость, смекалку и взгляд на окружающий нас мир. Устойчивые ФЕ имеют, как правило, поучительный характер и вызывают определённые затруднения при переводе.

Т. А. Казакова [1] предлагает следующие способы перевода фразеологизмов:

1. Поиск *идентичной фразеологической единицы* в переводящем языке;
2. Поиск *аналогичной единицы*, построенной на иной словеснообразной основе;
3. *Калькирование*, т. е. пословный (дословный) перевод;
4. *Двойной или параллельный перевод* фразеологизмов (когда в одной фразе сочетается фразеологическая единица (например, переведенная посредством калькирования) и объяснение ее переносного значения в возможно более кратком виде);

5. *Перевод-объяснение* переносного значения фразеологизма, т. е. трансформация устойчивого словосочетания в свободное.

Мы будем придерживаться термина интерпретация, а не перевод, поскольку соответствующие эквиваленты и аналоги, выработанные поколениями и отмеченные национально-этническим колоритом языка перевода, можно найти или подобрать. При других способах речь пойдет именно о переводе.

Каждое занятие, вид деятельности или ремесло в славянском или германском пространстве оставляло след во фразеологии. На каждое ремесло необходимо было тратить время, которое очень ценилось:

Дарагое яечка да Вялікадня. Дорога ложка к обеду. 'Vorsicht ist besser als Nachsicht' (букв.: *лучше предусмотрительность, чем снисхождение*) [2, 3].

Гуляй, гуляй, ды дзела не кідай. Делу время – потехе час. 'Erst die Arbeit, dann (das Vergnügen) das Spiel' – (букв.: *сначала работа, затем (удовольствие) игра*) = *Скончыў работу — гуляй у ахвоту. Сделал дело – гуляй смело.*

Как видно из приведенных примеров, в славянской традиции вариантов-аналогов больше, чем в германской. Это обусловлено большей выразительностью и экспрессивностью славянского характера, изобретательностью и находчивостью славян по сравнению с педантичными, стремящимися к точности и перфекционизму немцами.

Сам труд всегда облагораживал человека, давал средства для жизни, что актуально и сегодня: *Дзе кухарак шэсць, там няма чаго есць. У семи нянек дитя без глаза. 'Viele Köche verderben den Brei'* (букв.: *Много поваров портят кашу*).

Приведенный пример демонстрирует несовпадение референтов (кухарки – няньки – повара) и несовпадение численности данных субъектов при переводе в разных языках. Однако семантический план всех трёх высказываний адекватно интерпретируется адресатом речи.

Анализируя наши фразеологизмы, мы будем придерживаться точки зрения В. Н. Комиссарова [4], который выделяет три типа соответствий образным фразеологическим единицам оригинала: *фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги и калькирование*, поскольку параллельный перевод и перевод-объяснение не совсем уместны при переводе вполне конкретных ярко окрашенных и образных ФЕ.

Установить время и место возникновения многих фразеологизмов весьма трудно. Можно лишь предположить о том, где они возникли и на какой основе. В славянской традиции забота о детях (да и о внуках тоже) всегда была и остаётся до сих пор главной задачей старшего поколения. У немцев же, наряду с этим, немаловажную роль играли и играют гастрономические предпочтения. Однако всегда есть и будут общечеловеческие ценности и предпочтения. И данный факт находит своё отражение во фразеологии практически всех языков. Возьмем, к примеру, *дом и семью*, о которых практически у всех народов существуют общие представления и ассоциации:

Добра на Доне, ды лепей у сваім доме. В гостях хорошо, а дома лучше. 'Osten und Westen, zu Haus ist es am besten' (букв.: *Будь то Восток, будь то Запад, а дома – лучше всего*).

Няма роду без выроду = У балоце не без чорта, а ў роду не без выроду = I на здаровай яблыні гнілы яблык знойдзеца = I ў добрай сям'і вырадак бывае = Няма лесу без воўка, а сяла без злодзея. В семье не без урода. 'In jeder Herde findet sich ein schwarzes Schaf' (букв.: *В каждой отаре находится черная овца*).

Якое карэнне, такое і насенне = Які куст, такі і парстак = Які род, такі й плод. Каково семя, таково и племя. 'Wie der Baum, so Frucht'. 'Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm' (букв.: *Какое дерево, такой и фрукт. Яблоко падает недалеко от ствола (от яблони)*).

Приводимые примеры демонстрируют преимущество перевода ФЕ с помощью аналоговых устойчивых сочетаний в языке перевода.

Общечеловеческими ценностями для всех народов являлось и является наличие ума и знаний. И этот аспект находит своё выражение в ФЕ:

За дурною галавою і нагам няма спакою = Скупы двойчы плоціць, а дурны двойчы ходзіць = Бестолковая голова ногам покоя не даёт. 'Was man nicht im Kopf hat, muss man in den Beinen haben' (букв.: Чего не хватает в голове, нужно иметь в ногах).

Свой розум мець = Сваім одумам (сваім розумам) жыць. Жить своим умом. 'Bei vollem Verstande sein, seine fünf (sieben) Sinne haben' (букв.: быть при полном понимании, иметь свои пять (семь) смыслов).

Без мукі няма навукі. Цяжка ў школе, дык лёгка ў полі. Тяжело в учении, легко в бою. Век жыві — век вучыся. Век живи — век учись. 'Zum Lernen ist niemand zu alt' (букв.: Для учебы никто не является слишком старым).

Хто без навукі, той як бязрукі. 'Ohne Fleiss, kein Preis' (букв.: без прилежания нет поощрения).

В приведенных примерах при примерно одинаковой семантике, наблюдаются различия в лексическом оформлении высказываний, а, следовательно, подмена референтов. Однако адресат речи адекватно идентифицирует посыл автора, опираясь на референты-синонимы: без навукі – ohne Fleiss, як бязрукі – kein Preiss (нельзя чего-либо сотворить, не имея рук).

Коль скоро человек трудится, он постепенно обретает благосостояние и богатство как духовное, так и материальное:

Бог не цяля, бачыць (пазнае) круцяля = Бог не Мікітка, павыламіць лыткі = Бог бачыць з неба, што каму трэба = Бог ведае, хто што робіць і хто як абедае = Бог не гуляе, шмат палатна мае, ды багатым торбы нагатаўляе. Бог видит, кто кого обидит. 'Weiss der Himmel' (букв.: знает небо...).

Не будзь ласы на чужыя каўбасы. На чужой каравай рот не разевай. 'Neid ist die Wurzel alles Übels' (букв.: Зависть – корень любого зла).

И, наконец, имея ремесло, работая и таким образом обогащаясь духовно и материально, человеку свойственно обращаться и благодарить за свои успехи всевышнего.

І сена цэлае, і козы сытыя. І волкі сыты, і козы цэлы. 'Die Ziege ist satt und der Kohl unberührt' (букв.: И коза сыта, и капуста не тронута).

Ведаў Бог, што не даў свінні рог = Не дай Бог свінні рог = Бачыў Бог, што не даў свінні рог, бо ўвесь свет спарола б. Бодливой короле Бог рог не даёт. 'Gott lässt der Ziege den Schwanz nicht zu lang wachsen' (букв.: Бог не позволяет козе отращивать слишком длинный хвост).

Лексическое наполнение фраз вновь отсылает нас к разным референтам, обозначенным десемантизированными существительными, которые не совпадают во всех трёх языках (свинья – корова – коза). В плане семантики во всех трех языках присутствует сема «недопустимости, недозволенности».

Калісьці й наш Бог праспіцца. Будет и наше время. Прыйдзе, тата, і наша свята = Будзе і на нашай вуліцы кірмаш = Будзе і на маім рынку торг (кірмаш). Будет и на нашей улице праздник. 'Auch unser Weizen wird einmal blien, auch wir werden es einmal besser haben' (букв.: Однажды зацветет и наша пшеница, будет однажды и у нас всё лучше)..

Фразеологические единицы, заимствованные из западноевропейских языков включают в себя самые древние заимствования из латинского или древнегреческого языка, например, «терра инкогнита», что поддаётся интерпретации на славянские языки только посредством калькирования. Более поздними по времени являются заимствования из немецкой фразеологии (разбить наголову – aufs Haupt schlagen), где перевод на русский язык полностью десемантизирован, ведь основной смысл данной единицы – нанести полное и окончательное поражение, а не ударить по голове в буквальном переводе.

Стоит помнить, что выбор способа интерпретации ФЕ во многом зависит от места, занимаемого той или иной группой устойчивых словесных комплексов во фразеологической системе языка оригинала и/или языка перевода по различным показателям: метафоричности, лексико-синтаксической структуре, структурно-компонентным особенностям, синтаксической функции, по происхождению, колориту, авторству, стилистической окраске [5, с. 190].

С. И. Влахов предлагает две группы перевода: фразеологический и не фразеологический и делит их на подгруппы, опираясь при этом на основное требование

«фразеологизм переводят фразеологизмом», «перевод фразеологического единства должен, по возможности, быть образным» [5, с. 187–188].

Интерпретация фразеологических единиц связана со значительными трудностями, связанными с передачей традиционной окраски фразеологизмов в родном языке на языке перевода без существенных потерь колорита и стилистических оттенков лексики языка перевода. Поэтому особенно важно для переводчика хорошо знать основные типы фразеологических соответствий и способы их применения в определенном коммуникативном пространстве той или иной страны, учитывая национально-этнический компонент значения фразеологизма. Ошибки при поиске соответствий фразеологизмам могут возникать в связи с тем, что переводчик не распознает фразеологическую единицу, не может интерпретировать её адекватно ситуации общения и коммуникативным установкам, а пытается перевести ее как свободное сочетание слов.

Список использованных источников

- 1 Казакова, Т. А. Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб. : Изд-во «Союз», 2001. – 320 с.
- 2 Большой русско-немецкий словарь / под ред. К. Лейна. – 16-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2002. – 1216 с.
- 3 Беларускія прыказкі і прымаўкі [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://allby.tv/article/2629/belarusky-a-pryikazk--prymak>. – Дата доступа : 30.10.2016.
- 4 Комиссаров, В. Н. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / В. Н. Комиссаров. – М. : Международные отношения, 1978. – 232 с.
- 5 Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1989. – 343 с.

УДК 811.512.164`366:821.512.164-343.4

И. В. Серикова, Б. Р. Мухадов

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА ТУРКМЕНСКИХ СКАЗОК ОБ ЯРТЫ-ГУЛОКЕ)

В статье анализируется конструкция туркменской волшебной сказки на основе её разложения на морфологические элементы: сказочное начало, чудесное появление героя, атрибуты. Подробно анализируется мотив чудесного рождения сказочного героя – Ярты-гулока – у бездетных стариков, его внешний вид и внутренние качества.

Туркменские сказки, самобытный характер которых определяется исторической судьбой туркменского народа и особенностями его быта, как и сказки других народов, подразделяются на три типа: 1) сказки о животных, 2) волшебные сказки, 3) бытовые сказки; к последним близко примыкают анекдоты. Некоторые сказки сочетают в себе элементы нескольких типов и могут быть представлены циклами, сгруппированными вокруг какого-нибудь известного имени или сказочного героя. В данной статье предпринята попытка рассмотреть особенности строения волшебной туркменской сказки.

В. Я. Пропп в начале своей работы «Морфология волшебной сказки» в качестве «необходимой рабочей гипотезы допускает существование волшебных сказок как особого разряда» [1, с. 20], называя их «сказками «в собственном смысле слова» [1, с. 4] и указывая, что «волшебные сказки обладают совершенно особым строением, которое чувствуется сразу и определяет разряд, хотя мы этого и не сознаем» [1, с. 8], и далее, подробно изучив функции действующих лиц и предприняв межсюжетное сравнение волшебных сказок, дает

им следующее определение: «*Морфологически волшебной сказкой* может быть названо всякое развитие от вредительства (А) или недостачи (а) через промежуточные функции к свадьбе (С*) или другим функциям, использованным в качестве развязки. Конечными функциями иногда являются награждение (Z), добыча или вообще ликвидация беды (Л), спасение от погони (Сп) и т. д.» [1, с. 84–85]. «С точки зрения исторической этот класс сказок заслуживает старинное, ныне отброшенное название мифических сказок» [1, с. 91–92].

К волшебным народным сказкам относятся «Туркменские сказки об Ярты-гулоке» [3], продолжающие список сказок, в которых создан образ крохотного человечка. В «Туркменских сказках об Ярты-гулоке», которые образуют цикл из 14 сказочных новелл об отважном, находчивом и трудолюбивом мальчике ростом в половину верблюжьего уха, описываются приключения Ярты-гулока, защищающего своих друзей-бедняков от мулл, всемогущего хана, жадного бая, и осмеиваются человеческие пороки – тупость, жадность, лицемерие, вероломство и т. д. Действие всех сказок происходит в одном из бедных аулов.

Исследователи туркменских волшебных сказок указывают на тесную связь этих сказок с жизнью и бытом народа и говорят о том, что ряд волшебных сказок содержит такое малое количество волшебного, что по существу они могут считаться скорее *бытовыми сказками с фантастическим элементом* [2].

На наш взгляд, «особое строение, которое чувствуется сразу и определяет разряд, хотя мы этого и не сознаем» [1, с. 8], помогает сказки об Ярты-гулоке отнести к волшебным. Анализ же данного цикла туркменских сказок позволяет говорить о том, что они, скорее всего, находятся на границе между волшебными и бытовыми сказками с фантастическим элементом.

Исследование морфологии указанного сказочного цикла, т. е. «описание сказки по составным частям и отношению частей друг к другу и к целому» [1, с. 20], опирается на работу В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки» [1].

По В. Я. Проппу, для разложения сказки на составные части необходимы «пять разрядов элементов, которые определяют собой уже не только конструкцию сказки, но и всю сказку в целом» [1, с. 88]: основные составные части – это функции действующих лиц, затем связующие элементы, мотивировки, формы появления действующих лиц, атрибутивные элементы или аксессуары.

Наряду с функциями («поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [1, с. 22]), представляющими морфологическую основу волшебных сказок, ученый считает важными морфологическими элементами, требующими специальных исследований, сказочное начало (исходную ситуацию), чудесное рождение героя, атрибуты.

Эти морфологические элементы составляют основу первой сказки «*Как Ярты-гулок нашёл и отца и мать*» из цикла «Туркменские сказки об Ярты-гулоке». Исходная ситуация (условный знак – *i* [1, с. 26]) предполагает перечисление членов семьи или введение будущего героя путем приведения его имени или упоминания его положения. Необходимо отметить, что в туркменской народной сказке, как и в русской, композиционно организующую роль выполняют устойчивые формулы, так называемые «общие места» (*loci communi*).

В анализируемой туркменской сказке, которая разделена на три части, члены семьи представлены стариком и старухой. Первая часть начинается инициальной формулой *Было это или не было – ехал по раскалённым от солнца пескам старик*. Далее идет описание верблюда, ишака и пустыни Кара-кумы. Необходимо отметить, что все туркменские волшебные сказки отражают жизнь и быт народа, поэтому в них всюду присутствует упоминание о пустынях и безлюдных степях, о ветрах и пыльной буре. Вторая часть вводится характерной для туркменской сказки устойчивой формулой *Пускай они едут, а ты слушай, что было со старухой* (сравн. *Жили-были старик со старухой*).

В. Я. Пропп указывает, что вслед за начальной ситуацией следуют функции, первая из которых *Один из членов семьи отлучается из дома* (определение: отлучка, обозначение – е). Могут быть разными как формы отлучки, так и те, кто отлучается. В сказке «Как Ярты-гулок нашёл и отца и мать» сразу упоминается об отлучке (отлучается старшее поколение, форма отлучки – работа): *Старик до света работал на мельнице и очень устал.*

Далее, с третьего абзаца первой части сказки (*Он ехал и пел песню, длинную, как его жизнь, и печальную, как его мысли, потому что он был уже очень стар и борода его стала белой, как груды хлопка, но у него не было сына – помощника в старости*) и второго абзаца второй части (*Старуха сидела посреди двора на белой кошме-подстилке и ткала ковёр. Она завязывала маленькие шерстяные узелки и думала о своём горе. А когда у человека горе, он или плачет, или поёт. Вот старуха и пела*), указывается на недостачу, т. е. одному или нескольким членам семьи чего-либо не хватает, им хочется иметь что-либо (определение – недостача, обозначение – а). «Вообще же элементы а обязательны для каждой сказки изучаемого класса. Иных форм завязок в волшебной сказке не существует» [1, с. 35]. Беда и недостача сообщаются, и эта функция вводит в сказку героя. В. Я. Пропп пишет: «Начальная нехватка или недостача представляет собою ситуацию. Можно себе представить, что до начала действия она длилась годами. Но настает момент, когда отправитель или искатель вдруг понимает, что чего-то не хватает, и этот момент подлежит мотивировке» [1, с. 70]. В данном случае старик и старуха думают о том, что у них нет сына, и поют об этом, из этого и развивается действие, а объект недостачи появляется мгновенно и сам сообщает о себе. Так происходит чудесное появление сказочного героя Ярты-гулока.

Как указывает В. Я. Пропп, «чудесное рождение героя – очень важный сказочный элемент. Это – одна из форм появления героя с включением ее в начальную ситуацию. Рождение обычно сопровождается пророчеством о его судьбе. Еще до завязки проявляются атрибуты будущего героя» [1, с. 78]. Под атрибутами В. Я. Пропп понимает «совокупность всех внешних качеств персонажей: их возраст, пол, положение, внешний облик, особенности этого облика и т. д.» [1, с. 80]. Изучение атрибутов персонажа создает лишь следующие три основные рубрики: облик и номенклатура, особенности появления, жилище. К этому прибавляется ряд других, более мелких, вспомогательных элементов [1, с. 81]. В песне, которую поет именно старик, рисуется образ будущего сына: рост (*Был бы у меня сынок, Сынок хотя бы с ноготок*), внешность (*Лицом подобный цветущему маку*), характер (*Нравом подобный весёлому солнцу*), отношение к работе (*А трудолюбием подобный пчеле*). В песне старухи тоже содержатся слова *Был бы у меня сынок, Сынок хотя бы с ноготок*. Однако еще она хочет, чтобы жизнь сына была счастливой и благополучной (ковёр как символ благополучия и достатка): *Выткала бы я для него ковёр – Алый, как лепестки звезды, Золотистый, как солнце на закате, Синий-синий, как ночное небо.*

Характерными особенностями Ярты-гулока является способ его появления (*из верблюжьего уха*), его название (Ярты-гулок – «половина уха»), его рост (умещался на ладони и был не больше половины верблюжьего уха), при маленьком росте герой обладает недюжинной силой, ловкостью и хитростью.

Однако его внешний вид (*красивый, румяный*) и причёска героя не имеют ничего сказочного: *Голова его спереди была гладко выбрита, как у всех туркменских мальчишек, а за ушами торчали две тугие чёрные косички*. С одной стороны, одежда героя специфична из-за его маленького роста (фантастический элемент), с другой стороны, такую одежду носит любой дехканин (реальный элемент): *три халата сшиты из маленького платочка, тюбетейка из коробочки хлопка, а туфли-ичиги стачаны из нежной кожи цыплёнка*.

В конце первой сказочной новеллы (третья часть сказки) Ярты-гулок получает весьма земной, а не волшебный статус – статус джигита. Снова совмещается реальное и фантастическое: образ джигита вызывает соответствующие ассоциации (высокий, стройный), что не соответствует облику Яртыку-гулока.

В финале сказки счастливые родители собирают гостей, чтобы отпраздновать появление долгожданного сына: *Старуха обошла всех своих соседок и позвала их на «уме» –*

помощь по хозяйству. Она ничего не пожалела для гостей: наварила плову большой кунган, напекла сдобных лепёшек и поставила на стол деревянное блюдо, полное кишмиша и ломтиков сладкой дыни. Целый вечер пели соседки, до поздней ночи звенела дутара.

Как видим, туркменская сказка «Как Ярты-гулок нашёл и отца и мать» заканчивается вполне реалистично в отличие от русских народных сказок, которые в своей структуре содержат «формулы невозможного»: *Пир на весь мир; И я там был, мёд, пиво пил. По усам стекло, а в рот не попало.*

Необходимо отметить, что в остальных 13 новеллах сказочного цикла речь идет о различных подвигах Ярты-гулока. Каждый раз он выходит из любой ситуации победителем, не прибегая при этом к помощнику (если и есть помощник, то он вполне реальный, а не волшебный) и не используя волшебных средств. «При отсутствии помощника на героя переходят не только функции помощника, но и его атрибуты. Один из важнейших атрибутов помощника – это его вещая мудрость: вещий конь, вещая жена, мудрый мальчик и др. Получается образ вещего героя» [1, с. 76].

Таким образом, первая новелла «Как Ярты-гулок нашёл и отца и мать» представляет собой сказочное начало (исходную ситуацию) цикла волшебных «Туркменских сказок об Ярты-гулоке», в ней тесно переплетается реальное и фантастическое, и представить ее можно формулой: «*бездетные старик и старуха, чудесное рождение сына – i*».

Список использованных источников

- 1 Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2001. – 192 с.
- 2 Стеблева, И. Туркменские сказки / И. Стеблева / Проданный сон : Туркменские народные сказки. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. – 674 с.
- 3 Туркменские сказки об Ярты-гулоке / отв. ред. Р. И. Филиппова. – Ленинград : Детгиз, 1956. – 132 с.

УДК 811. 163.2'37 : 398. 92

Я. Л. Сивилова

ИЗХОДНА СЕМАНТИКА НА ФРАЗЕОЛОГИЗМА КОГАТО ВЪРБАТА РОДИ ГРОЗДЕ/КРУШИ

Статья посвящена выявлению внутренней формы болгарского фразеологизма когато върбата роди грозде/круши, имеющего параллели в других славянских языках. В процессе этнолингвистического анализа используются относящиеся к свадебной обрядности фольклорные источники, указывающие на символическое значение слов верба, грозде (виноград), круши (груши).

Фразеологизмът *Кога(то) върба(та) роди грозде* в съвременния български език се използва със значение ‘никога’, той е иронично маркиран и служи за „подчертаване, че нещо е невъзможно да стане“. Във фразеологичния речник на българския език е отбелязан и симетричният израз: *Кога(то) върба роди дренки* с бележка „ирон.“ и същото значение. В края на XIX и началото на XX в. фразеологизмът е регистриран от българските фолклористи сред пословиците и поговорките, като е отбелязан основно в материали от Западна България в следните варианти: *Върба грозде ражда ли, че от него хубаво да излезе; Йи нашата върба че роди гроздье; Йи нашата върба че роди круши; Зер от върба чакаш да роди маслини (или ябълки); Върбата маслини родила* (диал. ‘употребява се, когато някой говори невероятни неща, лъжи’); *Див глок гроздье не ражда.*

Явна близост показват и аналогично построените фразеологизми от новите речници, издавани в Република Македония: *Кога лозјето ќе роди дињи* и *Кога габерот ќе роди сливи*. Изразът е познат и в други славянски езици, напр. на сръбски: *Кад на врби роди грозђе*. Разпространен е също в руски: *Он казываетъ на вербе грушу* (= лъже) и *Дождешься, как от вербы яблок* (т.е. няма да дочакаш); *От рябины яблок не жди*; *От терновника не жди крыжовника* (или: *винограду*) ‘От трънка не чакай цариградско грозде/грозде’. Известен е и в украински: *у його на вербі груші ростуть* ‘Онъ вретъ, онъ говоритъ небылицы’; *грушки на вербі ‘лъжи’*. В полски: *To jak obiecywać gruszki na wierzbie* (‘Все едно да обещаеш круши на върбата’), се използва в разговорната реч за означаване на нещо полезно, което заслужава внимание, но не може да бъде изпълнено. *Gruszki na wierzbie* ‘мечти, непостижими, нереални неща’. По-специфично място заема чешкият израз *Malovat straky na vrbě* ‘Да рисуваш свраки на върба’ = да омайваш някого с думи, да го лъжеш. Макар и по-рядко сред чехите се употребява и *porostou jablka na dubě*.

Ето и още няколко примера от по-екзотични езици в руски превод: *Баклажан на стебле дыни не вырастет* (яп.); *На колючке гроздь винограда не вырастет* (кюрд.); *Посадил тыкву – персиков не жди* (виет.); *На треновике груша не растет* (дигор.); *На колючке гроздь винограда не вырастает* (кюрд.); *На треновнике груша не растет* (дигор.); *Куст шиповника грушевых побегов не выбросит* (дарг.); *От осины яблонька не вырастет* (мари); *Яблоки на ели не растут* (карел.); *Не собирают смокв с треновника, и не снимают винограда с кустарника* (Лука 6,44) [4, с. 491–493].

Моделът, по който са изградени всички тези фразеологизми, е един и същ: дърво (върба, лоза, глог, топола) ражда нетипичен за него плод (грозде, круша, ябълка, маслина, и др.). Въпреки явните успоредици фразеологичните единици имат различна семантика и могат да бъдат поделени в три основни групи. Първата обхваща изразите със значение ‘никога’ – гроздето на върбата тук се схваща като логически абсурд, следователно се осъзнава като нещо невъзможно. В структурата на изречението заема място на подчинено обстоятелствено изречение, служи за експресивно означаване на нещо, което няма да се състои. Изразът е разговорно маркиран с известен оттенък на грубост. Вижда се, че това значение е широко разпространено у всички цитирани по-горе народи, които го познават, и затова можем да смятаме, че днес е основно: *Кога(то) върба роди дренки*; сръб. *Кад на врби роди грозђе*; рус. *Дождешься, как от вербы яблок*.

Втората група значения се поделя вътрешно – раждането на нетипичен плод тук се осъзнава като нещо невероятно и от тази семантика се развиват значенията: а) опашата лъжа – *Обещавам круши на върбата* (пол. = ‘лъжа’), *Върбата маслини родила* (диал. ‘за някой, който много лъже’), или б) съмнение, липса на оптимизъм – *И нашата върба ще роди грозде* (София); *И нашата върба ще роди круши* (Видин). Изразите се използват диалектно, когато говорещият желае да покаже, че се съмнява в настъпването на щастливите дни или на някакъв успех, сполука. В рамките на изречението фразеологизмът изпълнява функция на допълнение или се използва като затворено клише, т. е. вече не е фразеологизъм (т. е. поговорка), а метафоричен коментар към определена ситуация (т. е. пословица).

Първите две групи – невъзможното и невероятното – се развиват от общата представа за чудния плод като логически абсурд, докато последната заема по-особено място. Тя включва пословици с общо значение ‘неоправдано очакване’, които се използват, за да обозначат метафорично приликата между деца и родители, но в негативен аспект: *Върба грозде ражда ли, че от него хубаво да излезе*; *Зер от върба чакаш да роди маслини*; *Див глог гроздь не ражда*. Тези изрази могат да бъдат разглеждани като успоредици на други пословици, които включват същите дървета или плодове, но при които липсва логическият абсурд, т.е. раждането на нетипичен плод (*Каквато е лозата, такава е гроздето*; *Крушата не пада по-далеч от дървото*).

Освен в пословиците и поговорките, мотивът за чудния плод е познат и в други фолклорни жанрове. В Дупнишко например е отбелязан сред клетвите и благословиите, без

указание към коя от двете групи принадлежи: *Че да стекле (добие) како върбе грозде!; Рот да родиши, колку фрба грозје*. Подобна употреба свидетелства за старата заклинателна функция, която може да бъде проследена и в някои обредни практики по време на фолклорната сватба. Трансформиран, и вече с иронично звучене, мотивът ‘раждане на нетипичен плод’ е ключов елемент в анекдоти за невярната попадия (съпруга), която се преструва на болна и изпраща мъжа си за липови ябълки (върбови ябълки, миндали, презморска трева), освобождавайки се от присъствието му, за да покани любовника си. По пътя съпругът среща друг по-възрастен мъж, който го кара да се усъмни в казаното от невярната му жена. Старецът предлага на измамения да го върне у дома, завит в шаек (чувал и пр). Двамата стават свидетели на богата гощавка и бесовски танци на съпругата (попадията), в които участва любовникът (в други варианти четирима попове), а младо момче свири на кавал (гъдулка). Семантика на върбата и гроздето във фолклорната традиция да възстановим първоначалната семантиката на израза, нека се вгледаме поотделно в двата основни елемента – върбата и гроздето, въпреки че в много от изразите те са заменени с различни други растения, които дублират техния символичен смисъл. Във фолклорната традиция на славяните върбата е символ на девойка, която се момее или на млада невеста.

Схващането за върбата като човешко същество се корени в стари анимистични представи, които са оставили следи във фолклора на всички славяни. Чешкият фолклорист от XIX век Примус Сobotка дава редица интересни сведения за мястото ѝ в славянските песни, приказки и обредни практики. Например, девойката избира върбата за довереница, с която споделя вълненията на своята младост. Фактът, че приятелството замества една по-ранна идентичност между момичето и дървото, личи в схващането, че когато върбата зеленее и цъфти, момата е щастлива, но съхне ли върбата, вехне и девойката [6, с. 129]. Чрез синтактичния паралелизъм в песните словаците сравняват старите моми с изгнили върби. А в една полска песен младият мъж, женен за по-възрастна жена, е представен като зъзнещо птиче на стара върба. В чешкия фолклор е позната приказката за невеста, която денем се грижи за семейството си, но нощем тялото ѝ се отпуска като мъртво, а душата ѝ влиза в клоните на върбата край потока. Опитвайки се да разбере защо тялото на жена му лежи безжизнено нощем, съпругът ѝ отива при вещица, която му разкрива, че съпругата му прекарва с него само половината си живот. През нощта душата ѝ се приютава в жълтите клони на белокората върба. Мъжът отсича дървото и жена му умира като посечена с коса. Но и след смъртта тя продължава да се грижи за рожбата си – върбова е люлката, в която спи детето. Когато пораства, момчето си прави върбова свирка и в нейната песен се обажда гласът на майката. В Словакия плодовете на върбата се наричат „цички“, а момичетата носят клончета под мишници на Връбница. Върбата е дърво, което лесно се прихваща, поради тази особеност се възприема като символ на невестата, те. като дърво (но посадено в чужд двор). Обилният ѝ сок е причина да се смята и за кърмеща майка, затова по Цветница домашните животни се бият с върбови тояги – за да имат мляко. Свирката и шумоленето на клоните от друга страна се разпознава като човешки глас [6, с. 130–136].

Приведохме достатъчно примери, които насочват към синонимията между върбата – девойката – годеницата – невестата (дори старата мома). Сред славяните върбата се свърза с пролетния обреден цикъл, тя е символ на плодородие, цъфтеж, подмладяване. Символизира като цяло всички аспекти от възраждането на природата за нов живот. В сватбената обредност е един, макар и не единствен, символ на невестата, заради дългите си като коси клони, способността ѝ лесно да се прихваща, ароматният ѝ сок. Тя е един от знаците за плодovitост и участва в различни магически практики при неплодни жени за осигуряване на потомство. Разгледахме върбата като женски символ заради граматическия ѝ род, трябва обаче да посочим, че във фолклорното съзнание тя не рядко се съотнася с мъжа, например чехите вярват, че когато момъкът, излизайки от двора на своята любима задиря други моми, девойката трябва да посади до вратата върба и той ще се заседява при нея [6, с. 129]. В българските баяния за едномесечие върбовите клони се погребват в земята като ритуален двойник на болния, без значение дали се лекува мъж или жена [5, с. 254–255].

В някои български народни песни, от друга страна, се среща мотивът за лозата (лозите), израсли на гроба на млади влюбени, които са разделени от непреклонната воля на момковата майка и не могат да се венчаят приживе. С други думи в славянския фолклор символиката на лозата като увивно растение се доближава до тази на върбата. Според Д. Маринов пък виното от грозде участва при всички важни обреди – на младоженците дават вино, преди да влязат в дома на момъка, за да имат любов и съгласие и да живеят в сговор, при раждане на родилката дават пак винце, а децата ритуално се запойват с вино до огнището, за да имат червени бузи [2, с. 99–100].

От направения преглед се вижда, че е налице известна синонимия между върбата и лозата като символи на невестата (увивни растения), възплъщение на плодородието, от своя страна при върбата е по-ясно изразена символиката на младата, възраждаща се за живот природа и избуяващата женственост, докато гроздето е по-скоро символ на сладост и упойно съпружество. И двете дървета са свързани с представи за чудно добиване на дете и майчинството, като плодовете на лозата се използват за означаване на красива мъжка рожба.

Прави впечатление, че мотивът „раждане на нетипичен плод” се среща в сюжети свързани със семейно родови отношения, дори пословиците коментират приликата между родители и деца, по тази причина при търсенето на неговата изходна семантика се насочвам към сватбената и родилната обредност. Сватбата е сложен ритуал, включваща множество обреди, чиято семантика в известна степен е редундантна. За фолклорното съзнание е налице единство в света, реципрочност между социалния, природния ред и предметния свят, което позволява чрез въздействие върху елементи от единия да се окаже влияние върху другите, да се гарантира насочването на събитията в желаната посока, постигане на искания резултат, установяването на хармонични отношения и запазването на реда. В отделните обредни практики е налице преплитане на различни кодове – зооморфен, растителен, кулинарен, предметен и пр. Тук поради ограниченото място се спирам само на растителния.

Според Р. Иванова преминаването към чуждото семейство се символизира чрез представянето на невестата като увивно растение, от своя страна момъкът е устойчиво плодно дърво, което символизира неподвижния патриархален род, в който тя влиза [1, с. 226]. Дървото, раждащо нетипичен плод, има обреден аналог в сватбеното знаме. Според сведенията на Р. Иванова, за него се подбират младо дърво (здрав, дълъг и суров прът), отрязан от един от трите типа дървета: (1) притежаващи якост и здравина (бук, габър, дрян, ясен); (2) плодно дърво (круша, ябълка, дюля, слива); (3) бодлив храст (шипка, трендафил). На редица места в страната се гледа дървото да е леко, за да може да се носи по време на хорото, тук често то е върба, топола, леска [1, с. 59–60]. При украсяването му най-напред се поставя на върха златна, варакосана ябълка. На други места – жълт плод, например дюля, по-рядко лук, в по-ново време – лимон [1, с. 62].

Дървото символизира мъжкото начало, но едновременно с това то е символ на брака и устойчивата връзка между младоженците. Сватбеното знаме съвместява в себе си мъжкия и женския принцип – здравина и плодородие. Прътът и плодът се свързват съответно с мъжкото и женското начало поради формата на самите предмети. (Иванова 1984: 186) Тяхното съчетаване (стеблото и плода) дублира с езика на обреда мита за сътворението на първата човешка двойка от две дървета [3, с. 397].

При нас сватбеното знаме се носи по време на прехода за вземането на невестата и отвеждането ѝ в дома на момъка. То е в ръцете на стария сват, който гарантира връзката с мъртвите предци. В този смисъл следва да се разглежда като дървото на рода, символ на здравето, дълголетието и вечността, тъй като обикновено се отсича прът от дърво, чийто жизнен цикъл надвишава многократно човешкия живот – дъб, ясен, явор, клен (Иванова 1984: 185). То дублира световното дърво, т. е. подредената вселена, златните плодове се съотнасят с небесната шир и слънцето [1, с. 184, 187].

Смятам, че такъв е и символът на върбата, която ще роди круши, т. е. рожба в чуждото семейство, едновременно символ на сладостно и плодовито съпружество, на патриархалния род,

на неговата устойчивост и продължение. Върбата, раждаща грозде, е дървен конструкт. Тя се отнася към онзи период в развитието на мисленето, когато то все още не е извършило прехода от конкретно към абстрактно, но въпреки това отделните представи са достатъчно устойчиви и елементи от тях могат да се отделят във въображението и да се смесват с елементи от други същности и да създават хибридни цялости, които нямат аналог във външния свят. Дървото, родило необикновен плод, е подобно на чудните животни, съставени от елементи на няколко животински вида, които са познати в различни митологии – например кентавърът, сфинксът, козата, даваща мед, от речите на Гримнир. Изследователите на световната митология откриват и смесване между животински и растителни видове, чиито далечен отглас са може би кравите ябълки в българската анекдотична приказка.

Исходната семантика свързва върбата, раждаща грозде, с устойчивостта на човешкия (патриархалния) род и неговото продължение. Постепенно смисълът на този символ започва да става неясен и в народните песни мотивът придобива елегично звучене, означавайки нещо невъзможно, макар и бленувано. Някои автори свързват този етап в семантичната трансформация с представата за изгубения рай, отминалото митично време, когато чудесата са се случвали в нашия свят.

Все пак мотивът продължава да се среща в сватбените песни, въпреки че семантика му се трансформира и благословията „да родиш род като върба грозде, да цъфнеш като ясеник” започва да се интерпретира негативно като клетва. Следващият етап е свързан с укрепване на рационално съзнание, което се отнася иронично към старите магически практики и съдържащия се в тях символизъм. Магическите действия се буквализират, изчистват се от допълнителни значения и получават нова светска мотивация. Така жертвоприношението и придружаващите го танци, съответно обредни храни, се тълкуват като изневяра на хитрата попадия. Показателно е обаче, че приказките (анекдотичните приказки) с този сюжет се разказват също във връзка със сватбения обред. В последния етап на тази семантична трансформация е налице в буквалното прочитане на израза, т. е. унищожаването на образността на фразеологизма.

Списък на използваните източници

- 1 Иванова, Р. Българската фолклорна сватба / Р. Иванова. – София: Издателство на БАН, 1984. – 265 с.
- 2 Маринов, Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи / Д. Маринов. – София: Издателство на БАН, 1994. – 816 с.
- 3 Мифы народов мира. Т. I. Гл. ред. С. Токарев. – Москва: Советская энциклопедия, 1980.
- 4 Пермяков, Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока / Г. Пермяков. – М.: Наука, 1979. – 671 с.
- 5 Тодорава-Пиргова, И. Баяния и магии / И. Тодорова-Пиргова. – София: Издателство на БАН, 2003. – 558 с.
- 6 Sobotka, P. Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích obřadech a pověrách slovanských / P. Sobotka. – Praha: Matice česká. 1879.

УДК 811.161.1'373:398.92

И. С. Сидорович

ФРАЗЕОЛОГИЗМ СОБАКУ СЪЕСТЬ: ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ

В статъе рассматривается внутренняя форма фразеологизма съестъ собаку с учетом его использования в художественных и публицистических текстах. Приводятся

примеры дефразеологизации данного устойчивого словосочетания, раскрывает ее мантический потенциал именного компонента.

Фразеологизм *собаку съесть* ‘стать знатоком чего-либо, приобрести большой опыт, навыки в чем-либо’ принадлежит к числу активно употребляемых устойчивых словосочетаний, которые воспроизводятся в готовом виде, имеют сжатую форму и обладают яркой экспрессией.

Внутренняя форма этого фразеологизма понималась (и понимается сейчас) различными специалистами по-разному. В наиболее авторитетном источнике – историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» приводится восемь высказанных в течение последних 150 лет гипотез относительно происхождения оборота *собаку съел*: он мог появиться в крестьянской среде («устанешь так, что с голоду и собаку бы съел»); источником фразеологизма могла быть латинская поговорка *Lingua caniam comedit* «Язык собачий съел» – о том, кто разглагольствует без меры и без устали; фразеологизм восходит к свободному сочетанию слов – в насмешку над теми, кто на свадьбе едва не съели щи из собачьего мяса; выражение родилось в результате сокращения поговорки *Собаку съел, а хвостом подавился*; фразеологизм возник из свободного словосочетания («О начале употребления собачьего мяса рассказывает древнегреческий писатель Порфирий»); «внутренняя логика» фразеологизма основана на понимании переносного значения каждого из компонентов: *собака* ‘знающий, искусный в своем деле человек’ и *съесть* ‘получить, приобрести определенные качества’; слово-компонент *собака* являлся символом игры (первоначально ритуальной) и обозначал неудачный бросок при игре в кости; фразеологизм восходит к одному из этапов юношеских возрастных инициаций – к ритуальному употреблению в пищу мяса тотемного животного [1, с. 651-653].

Обращение к Национальному корпусу русского языка (www.ruscorgo.ru) позволило выявить «привязку» рассматриваемого фразеологизма к самым различным сферам деятельности человека.

Лишь в некоторых случаях оборот *собаку съел* используется для позитивной оценки опыта, накопленного в сфере производства или профессии, требующей большого психо-эмоционального и физического напряжения: *Дядя Ипатыч уважал «Карлу», потому что по всякому фабричному делу он собаку съел, особенно по доменному производству* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Под домной); *Прохор приглашал и Протасова: тот универсально образован и в горном деле собаку съел* (В. Я. Шишков. Угрюм-река); *В субботу утром чемпион CART, который собаку съел на овальных американских гонках, проводящихся против часовой стрелки, полетел как на крыльях, уже за полчаса до конца сессии обновив рекорд трассы* (В. Макавеев. Гран-При Бразилии: эпоха возрождения); *Я знаю, что на кинотрюках ты собаку съел* (Н. Шлиппенбах. И явил нам Довлатов Петра).

В остальных случаях рассматриваемый фразеологизм употребляется применительно к сфере интеллектуальной деятельности:

– издательское дело и журналистика: *В издательском деле, в книжном, в художественной части, в оформлении, я, можно сказать, собаку съел* (Д. Аминадо. Поезд на третьем пути); *Выделить можно разве что две группы: в первой – те, кто собаку съел на черном пиаре, во второй – оказавшиеся у власти неожиданно, вопреки всем прогнозам и предположениям* (А. Кузьмин. Выбери меня);

– юриспруденция: *Зачем это нужно, ведь судья, рассматривающий подобные дела, наверняка в них собаку съел и способен разобраться сам?* (К. Глинка. Снесла курочка яичко); *Шемяка возмечтал о себе и стал сам себя хвалить и воспевать. Я-де старого лесу кочерга, меня не проведешь и на кривых оглоблях не объедешь; судить да рядить я и сам собаку съел* (В. И. Даль. Сказка о Шемякином суде, о воеводстве и о прочем);

– научная и учебная деятельность: *Я сам никогда над синтаксической фонологией серьезно не думал. А Карцевский на этом собаку съел* (Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону); *Кроме*

древних языков, в которых ты собаку съел, – перебил его Гоголь (В. П. Авенариус. Гоголь-студент);

– театральная и культмассовая работа: *За свои сорок лет служения театру я собаку съел*. План пьесы уже есть в либретто, образ героини тоже создан, как я понимаю, он писался на вас (Т. Окуневская. Татьяна день); *Я слушаю, думаю – может быть, Николай Павлович и прав, он на интригах в театре собаку съел, и сам он человек злой, странный, темный...* (Т. Окуневская. Татьяна день); *Капитан, чтоб вы знали, на новогодних праздниках собаку съел* (В. Гулин, С. Шерстенников. Тепурджиди и Новый год);

– мистика, магия, религия: *Автор, который собаку съел на тайных обществах и магической подоплеке искусства, начинает разговор так: «Африканское искусство в значительной мере является отражением многовековой борьбы народов Африки за свободу»* (К. Ефремов. Портрет господина Черепа); *Ну, наша вера хоть и поганая, а наш Муфтий Иваныч его переспорил, потому он насчет веры собаку съел* (Н. А. Лейкин. Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова).

Как видим, довольно часто фразеологизм *собаку съел*, подчеркивающий большую опытность, искушенность в чем-либо, употребляется в конструкции «на + Предложный падеж имени существительного». Сравн.: *Настя знает, что я собаку съел на женской красоте, и ценит во мне это вполне мужское качество* (Г. Алексеев. Зеленые берега).

В ряде случаев интересующий нас фразеологизм, употребляясь в том или ином тексте, в значительной мере «оголяет» свою внутреннюю форму, вследствие чего «оживает» омонимичное свободное словосочетание, которое содержит «намеки» на возможность съедения собачьего мяса. Подобное явление, называемое дефразеологизацией, т. е. возвращением фразеологизма к его деривационной базе «на основе стилистического приема буквализации» [2, с. 3424], обычно является средством создания юмора. Так, в следующем случае компонент *съесть* в условиях контекста легко наполняется исходной семантикой ‘принять в пищу’, поскольку речь идет здесь о банкете: *Но Рязанов меня успокоил – устроят. Он на этих делах собаку съел. Да не на банкете съел, а вообще* (В. Катанян. Лоскутное одеяло).

Дефразеологизация рассматриваемого оборота может осуществляться и за счет его дальнейшего «развертывания», «наращивания» других (как правило, тематически близких) слов-компонентов: *Мой винницкий дядя Сёма в таких случаях говорил: «Я ж на этом собаку съел и вторую доедаю»* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); *Он у нас на этом деле собаку съел и щенком закусил...* (В. П. Катаев. Время, вперед); *Я специалист, на этом не только собаку съел, а, пожалуй, целую псарню* (В. И. Немирович-Данченко. Сластиновские миллионы).

К сфере «черного юмора» можно отнести следующий шуточный диалог, основанный на расхожем представлении о собачьем мясе как возможном ингредиенте шаурмы: – *А вы в шаурме разбираетесь?* – *Да я в этом деле собаку съел!* Сравн. интернет-реплики: – *Из чего шаурму делают?* – *Из чего поймают, из того и делают* [<https://otvet.mail.ru>]; *Купи 3 шаурмы и собери собачку* [<http://poli-tika.com/viewtopic>].

Вполне очевидно, что смысловым центром рассматриваемого фразеологизма является его именной компонент *собака*, который, в свою очередь, будучи словом свободного употребления, связан с разнообразными – как позитивными, так и негативными – ассоциациями.

В русском языке слово *собака* имеет основное значение ‘домашнее животное семейства псовых, родственное волку, которое используется для охраны, охоты, езды в упряжке и т. п.’ (*охотничья собака, ездовая собака*). Менее регулярно (в основном в профессиональной сфере) слово *собака* употребляется в составе названий хищных млекопитающих семейства псовых (*енотовидная собака, дикая собака динго*). В живой разговорной речи это слово развивает амбивалентную семантику. С одной стороны, оно употребляется для характеристики злого, жестокого, грубого человека (*Такого грубияна, такой собаки, как ты,*

в жизни не встречал), а также (в функции обращения) как бранное слово (*Отойди с дороги, собака паршивая!*); с другой стороны, оно используется название знающего, ловкого, искусного в каком-либо деле человека, знатока.

В большинстве выявленных нами контекстов слово *собака* реализует негативную окраску: *Единственное, в чём Пахан мог нам навредить – это лишить нас женщин! И он это сделал. На двадцать пять лет! Собака!* (А. Солженицын. В круге первом); *А, собака! – вдруг закричал Ганка и кулаком погрозил портьерам. – Немецкий шакал! Ты сюда пришёл грабить! погоди, погоди!* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).

Вместе с тем, наблюдаются случаи такого употребления данного слова, в которых его оценочный потенциал смещается в большей мере к позитивному полюсу: *И сразу все за столом заговорили об одном – какой умный этот Лев Казимирыч, сколько он, собака, знает всякой всячины, выращивает даже яблоки и выписывает книги* (В. Шукшин. Печкилавочки); *Ну, а Быков? – вдруг спросил Новиков. – Быкову – что? Возник у Ватутина, в том же качестве. – Силен, собака* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

Отдельного комментария заслуживает один из эпизодов рассказа И. С. Тургенева «Певцы». Обалдуй и Моргач – завсегдатаи кабачка, в котором соревнуются в мастерстве певцы, – выкрикивают в адрес исполнителя народной песни оскорбительные по форме, но выражающие восторг и восхищение слова, среди которых употребляется и слово *собака*: *Забирай, шельмец! Забирай, вытягивай, аспид! Вытягивай ещё! Накаливай ещё, собака ты этакая, пёс! Погуби Ирод твою душу!* Очевидно, что слово *собака*, используемое в приведенном контексте в качестве обращения, обладает значительным позитивным потенциалом.

Приведенный материал позволяет наглядно увидеть и исследовать особенности фразеологического оборота *собаку съест* и составляющих его компонентов в условиях их использования в речи.

Список использованных источников

- 1 Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М.: Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
- 2 Иерусалимская, А.А. Дефразеологизация как способ самопрезентации в интернет-коммуникации / А. А. Иерусалимская // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2. – Филологические науки. – С. 3422–3425.

УДК 811.161.3'362:398.91

А. А. Станкевіч

ТЭКСТАЎТВАРАЛЬНАЯ РОЛЯ ПАРАЎНАННЯЎ У ПРЫКАЗКАХ І ПРЫМАЎКАХ

В статье описываются белорусские народные пословицы и поговорки, в составе которых содержатся сравнительные обороты и конструкции, определяется семантика и структура сравнений, их функциональная, текстообразующая и изобразительно-выразительная роль в контексте паремиологического дискурса.

Прыказкі і прымаўкі, у якіх абагульняецца багаты жыццёвы вопыт народа, з'яўляюцца сапраўднай скарбніцай народнай мудрасці і маюць адметную павучальна-выхаваўчую функцыю. У лаканічных і выразных па форме крылатых народных выслоўях выражаецца ёмісты і глыбокі змест, выказваюцца агульнапрынятыя меркаванні пра аб'ектыўную рэчаіснасць, даецца ацэнка ўсіх сфер дзейнасці чалавека.

Як слушна заўважае У. Калеснік, “нацыянальная прыказка – скарбонка духоўнай сілы народа, ... як узор на кашулі-вышыванцы, ажыўляе, расквечвае, узбагачае выказванне падтэкставымі намёкамі, ператварае інфармацыю ў самавыяўленне асобы, гаворку ў зносіны характараў, а не інфарматараў” [1, с. 8– 9].

І. І. Насовіч, вывучаючы набыткі духоўнай культуры беларускага народа, адзначаў: “Беларусы ўсе факты, усе выпадковасці чалавечага жыцця, усе ўчынкі, як добрыя, так і дрэнныя, і ўсякае меркаванне падводзяць пад мерку прыказак сваіх. Паміж простых людзей ёсць шмат такіх здольных, якія на ўсякую падзею, усякі выпадак, вясёлы, спрэчны, сумны, – адразу і дарэчы падаюць прыказку, нібы знарок іх завучвалі” [2, с. 3].

Як адзначаецца ў навуковай літаратуры, “прыказка – ...афарыстычны выраз, які адлюстроўвае шматвяковы жыццёвы вопыт і мудрасць народа часцей за ўсё ў мастацка-вобразнай форме і ўжываецца пераважна ў пераносным значэнні” [3, с. 398]. Мастацка-вобразная форма адлюстравання аб’ектыўнай рэчаіснасці ў парэміях прадугледжвае выкарыстанне разнастайных моўных спосабаў стварэння выяўленчай выразнасці. Даволі прыкметнае месца ў сістэме слоўна-вобразных сродкаў парэмій займаюць параўнальныя звароты і канструкцыі. Вядомае выказванне “Усё пазнаецца ў параўнанні”, заснаванае на супастаўленні розных прадметаў і з’яў у працэсе пазнання чалавекам аб’ектыўнай рэчаіснасці, яскрава выражаецца ў народных прыказках і прымаўках, у якіх падагульняюцца шматлікія назіранні грамадства над рознымі праявамі жыцця.

Усе сродкі вобразнага выражэння, як вядома, заснаваны на пэўнай сумежнасці, паралельнасці існавання з’яў і прадметаў, здольных стварыць асацыятыўную сувязь. А. П. Квяткоўскі выдзяляе параўнанне з сістэмы ўсіх выяўленча-выразных сродкаў і адзначае, што “параўнанне – вобразны выраз, пабудаваны на супастаўленні двух прадметаў, паняццяў або станаў, якія валодаюць агульнай прыкметай, за кошт якой узмацняецца мастацкае значэнне першага прадмета ... У сістэме разнастайных паэтычных сродкаў выразнасці параўнанне з’яўляецца пачатковай стадыяй, адкуль у выглядзе градацыі і разгалінавання выходзяць амаль усе астатнія тропы – паралелізм, метафара, метанімія, сінекдаха, гіпербала, літота і іншыя. У параўнанні – вытокі паэтычнага вобраза” [4, с. 280].

У кантэксце беларускіх парэмій з параўнаннямі адлюстроўваюцца акаляючая чалавека рэчаіснасць: *Гэты свет як макаў цвет: зранку расцвітае, да вечара ападае* (ПП-2, с. 405); яго сацыяльнае становішча: *Голы, як бізун: няма ні хаткі, ні градкі* (Янк., с. 210); сямейнае жыццё: *Жывуць, як аднае маткі дзеці* (Янк., с. 66); *Першая жоначка, як на небе зорачка, а другая жоначка, як у садзе пчолачка, а трэцяя жанішча, як у лесе савішча* (Янк., с. 130); міжасобасныя адносіны ў сям’і: *Свякроў любіць нявестку, як сабакі дзеда* (ПП-2, с. 96) і грамадстве: *На чужыне чужы да чужога, як у лесе сляпы да сляпога* (Янк., с. 59); філасофскія погляды на жыццё: *Век пражыць – не кашулю пашыць* (ПП-2, с. 405); *Час – не конь: не падгоніш і не прыпынеш* (Янк., с. 203); метэаралагічныя назіранні: *На Пятра дождж – будзе жыта, як хвошч* (Янк., с. 89); *Сухі марац, мокры май, будзе жыта, нібы гай* (Янк., с. 98);

услаўляюцца адукаванасць: *Чалавек вучоны як хлеб пячоны* (ПП-2, с. 178); любоў да радзімы і бацькоў: *Родная зямелька – як зморанаму пасцелька* (Янк., с. 59); *Свая хатка – як родная матка* (Янк., с. 59); дзейнасць: *Тады слова – серабро, калі справы – золата* (Янк., с. 157); працалюбства: *Зямля – талерка: што пакладзеш, тое і возьмеш* (Янк., с. 82); красамоўства: *Кінуў слаўцом, як пярком* (Янк., с. 154); *Прыказку скажа, як вузлом завяжа* (ПП-2, с. 189);

высмейваюцца балбатлівасць: *Распусціў язык, як фурманскі біч* (Янк., с. 313); знешняя непрывабнасць: *Вочы на яблыку, а галава з арэх* (Янк., с. 174); няграбнасць: *Такі здатны, як вол да карэты* (Янк., с. 283);

асуджаюцца безгаспадарчасць: *Чужую страху латае, а свая, як рэшата* (Янк., с. 285); п’янства: *Набраўся, як свіння брагі* (Янк., с. 340); глупства: *З дурным сварыцца, як з вадою біцца* (Янк., с. 277); двурушніцтва: *У вочы лісам, а за вочы воўкам* (Янк., с. 326);

няшчырасць: *На языку мёд, а на сэрцы лёд* (Янк., с. 324); нядобразычлівасць: *Благі чалавек – што вуголле: або апячэ, або абмарае* (Янк., с. 274) і інш.

Такім чынам, як паказваюць прыклады, якая б сфера ні закраналася ў парэміях, у цэнтры іх – чалавек. І гэта абумоўлена, як адзначаюць парэміёлагі, тым, што “антрапацэнтрычнасць з’яўляецца важнейшым фактарам упарадкаванасці парэміялагічнай карціны свету”, які пазнае і пераўтварае чалавек [5, с. 27].

Параўнанні з’яўляюцца сэнсава-кампазіцыйным цэнтрам сінтаксічнай канструкцыі парэмій. Большасць з іх маюць трохкампанентную структуру, у якой прадстаўлены суб’ект, аб’ект параўнання і модуль – прыкмета, паводле якой адбываецца супастаўленне: *Хата чужая – як сваякруха ліхая* (Янк., с. 40); *У сваім краі, як у раі* (Янк., с. 61); *Хлусня, як аліва, выйдзе наверх* (Янк., с. 316).

Адметнасцю многіх народных афарызмаў з’яўляецца ўключэнне модуля ў структуру парэміі – расшыфроўка прыкметы супастаўлення, што павышае яго выяўленчую выразнасць: *Мачыха – як зімовае сонца: свеціць, ды не грэе* (Янк., с. 124); *Жыве, як вол на бровары: ёсць, што есці, ёсць, што піць* (Янк., с. 276); *Як у полі асіна – так і сіраціна: яе вецер гне і мачаха б’е* (ПП-2, с. 102); *Сірочае жыццё – як гарох пры дарозе: хто ідзе, той скубне* (Янк., с. 132); *Серадзінка, як аўчынка: і летам, і зімой добра* (ПП-2, с. 484) .

Семантычны спектр аб’екта супастаўлення ў правербіяльных выказах надзвычай разнастайны. Быццё чалавека, яго дзеянні, духоўны свет, эмацыянальна-псіхічны стан, прадметы і рэаліі акаляючай рэчаіснасці, абстрактныя паняцці параўноўваюцца найчасцей са з’явамі прыроды: *Грымнуў, як пярун* (Янк., с. 376); *Без гаспадынькі хата, што дзень без сонца* (ПП-2, с. 68); рэаліямі жывёльнага: *Байка без канца, як кабыла без хваста* (ПП-2, с. 191); *Слова, як птушка: выпусціў – не вернеш* (ПП-2, с. 188); *Языкам меле, як хвостом целе* (Янк., с. 329); *Сядзіць нядуж, налізаўся, як вуж* (Янк., с. 341) і расліннага свету: *Жывучы, як палын* (Янк., с. 163); *Дзеўкі – як вярба: іх усюды перасаджваюць* (Янк., с. 118); *Сорам не ёлка, вачам не колка* (Янк., с. 199); канкрэтнымі прадметамі: *Распусціўся, як дзедава пуга* (Янк., с. 368); *Умелая прыказка, як пры мяшку завязка* (ПП-2, с. 189) і рэчывамі: *Быль, як смала, а небыліца, як вадзіца* (Янк., с. 152); *Благая благата горш, як тая кіслата* (Янк., с. 288); *Завіднаму чужая бяда, як цукар* (ПП-2, с. 263); *Праўда – як соль у вочы* (Янк., с. 156); асобамі: *Гарэлка не дзеўка, не саромеючыся п’ецца* (Янк., с. 338); *Хлеб не нявестка, які ўдаўся, такі з’есца* (Янк., с. 171) і адцягненымі з’явамі: *Не заўсягды, як на дзяды* (Янк., с. 224); *Старасць – не радасць, а смерць – не пацеха (вяселле)* (Янк., с. 144).

Параўнанні ў прыказках і прымаўках надзвычай разнастайныя як па семантыцы, так і па структуры. Выключную большасць з іх складаюць злучнікавыя параўнальныя звароты і канструкцыі са злучнікам як: *Пажаніліся, як малады конь і стары вол спрэгліся* (Янк., с. 129); *Ні роду, ні плоду, як той камень у воду* (Янк., с. 311); *бы: Бы сыр у масле качаецца* (Янк., с. 360); *быццам: Быццам хто языком злізаў* (Янк., с. 369); *што: Кніжка чалавеку, што ліпа пчолцы* (Янк., с. 147); *то: Муж стары, жонка малада, то агонь да вада* (ПП-2, с. 49); выражаныя ступенню параўнання + за: *Добрая жонка цяплей за валёнкі* (ПП-2, с. 66); *Сваё хазяйства мілей за чужое царства* (Янк., с. 59).

Значна радзей сустракаюцца бяззлучнікавыя параўнанні, выражаныя прыдаткам: *Жызь – маліна, а раскусіш – журавіна* (ПП-2, с. 408); *Госць першы дзень – золата, другі – серабро, а трэці – медзь, хоць і дадому едзь* (Янк., с. 65); *Брат брату – сусед, а нявестка сястры – саламяны друг* (Янк., с. 114)]; творным параўнання: *Над сваім таварам усякі панам* (Янк., с. 222); *Лістам сцелецца, а ўкусіць цэліцца* (Янк., с. 323); *З ліхім чалавекам і гадзіна векам* (Янк., с. 290).

У складзе беларускіх правербіяльных выказаў прадстаўлены таксама і адмоўныя параўнанні: *Матка – не грамадка – за золты не купіш* (ПП-2, с. 82); *Век звекаваць – не пальцам паківаць* (ПП-2, с. 406); *Жонка не бот – не скінеш* (ПП-2, с. 101); *Сваё дзіця не кацяня – за плот не выкінеш* (Янк., с. 131); *Праўда – не скварка, з кашаю не з’ясі* (Янк., с. 156); *Душа – не птушка: праз акно не вылеціць* (ПП-2, с. 218).

Паводле граматычнай пазіцыі аб'екта параўнання ў прыказках і прымаўках выдзяляюцца розныя тыпы. Найчасцей гэта прыдзеяслоўныя параўнанні, якія ўдакладняюць разнастайныя дзеянні і стан чалавека: *Сказаў, як цвіком прабіў* (Янк., с. 157); *Стаў на парозе, як пень на дарозе* (Янк., с. 268), і прысубстантыўныя, што адзначаюць асобу паводле знешніх або ўнутраных уласцівасцей: *Бог даў жонку, як мурашачку* (Янк., с. 114); *Адзін сыноч Юзік, і той – як гарбузік* (Янк., с. 112); *Няхай сабе мужык, як ішкарпэтка, абы я была, як кветка* (ПП-2, с. 60). Радзей сустракаюцца прыад'ектыўныя параўнанні, якія вобразна характарызуюць суб'ект: *Залоўка злая, як свякроўка ліхая* (Янк., с. 120); *Мой хвор мужычок, да красён, як бурачок; а я здарова, да жоўта, як маркова* (ПП-2, с. 71); *Як кот ішкарпэтка, а як заяц баязлівы* (Янк., с. 329), і прыадвербіяльныя, што ўдакладняюць акалічнасны дэтэрмінант: *Ціха, як у магіле* (Янк., с. 304); *Смела, як за дружным дзедам (мужам)* [Янк., с. 405].

У некаторых выпадках сапраўдны змест парэміі, у якіх выкарыстоўваюцца параўнанні, перадаецца праз намёк: *Атрымаў, як фрыц у Прапойску* (Янк., с. 55) 'атрымаў заслужанае пакаранне'; *Броўкі, як сярпчкі, а ніўка няжатая стаіць* (ПП-2, с. 270) 'прыгожая, але гультаяватая'; *Шчасце на дне мора рыбаю плавае* (Янк. с. 242) 'нялёгка дасягнуць поспеху'.

На здагадцы адрасата заснаваны таксама змест асобных прыказак і прымавак з параўнаннямі, у якіх парушаецца лагічны закон тоеснасці, што прыводзіць да двухсэнсавасці выказвання, супярэчнасці формы і зместу выкладу і стварае гумарыстычны эффект. Пры гэтым характарызуюцца паводзіны чалавека, яго стан: *Паправіўся, як скурат на агні* (Янк. с. 312) – 'сапсаваўся, згарэў'; *Разышоўся, як халодны самавар* (Янк., с. 131) – 'без прычыны расхвальяваўся'; абставіны дзеяння: *Тады Юзік ажэніцца, як лысы вол ацеліцца* (Янк., с. 134) – 'ніколі'; *З дурным сварыцца, як з вадою біцца* (Янк., с. 277) 'не мае сэнсу'; колькасць чаго-н.: *У манькута праўды, як у тых рэшатах вады* (Янк., с. 315) 'няма, адсутнічае'.

Іранічнае гучанне парэміялагічны кантэкст набывае, калі фармальна адабральны сэнс выразу супярэчыць яго неадабральнаму ўнутранаму значэнню, якое надае параўнанне: *Патрэбен, як у мосце дзірка* (Янк., с. 168) – 'не патрэбен'.

Такім чынам, у шматлікіх беларускіх правербіяльных выказах актыўна выкарыстоўваюцца разнастайныя па семантыцы і структуры параўнальныя звароты і какструкцыі, заснаваныя на супастаўленні двух прадметаў, паняццяў або станаў паводле іх агульнай прыкметы, якія выконваюць ролю сэнсава-кампазіцыйнага цэнтра народнага афарыстычнага выслоўя і садзейнічаюць павышэнню яго выяўленчай выразнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Калеснік, У. Руплівец у матачніках роднага слова / У. Калеснік // Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 2 / Рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : "Навука і тэхніка", 1976. – С 3–14.
- 2 Сборник белорусских пословиц, составленный И. И. Носовичем // Сб. Отд. рус. яз. и словесности Импер. АН. Т. XII, № 2. – Спб., 1874.
- 3 Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. Т. 4 / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 742 с.
- 4 Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М. : Сов. Энцикл., 1966. – 376 с.
- 5 Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / Е. В. Ничипорчик. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

Умоўныя скарачэнні

ПП-2 – Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 2. / Рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : "Навука і тэхніка", 1976. – 616 с.

Янк. – Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : "Навука і тэхніка", 1992. – 491 с.

А. Г. Суколен

СЕМАНТИКА СЛОВА-КОМПОНЕНТА *СОБАКА* ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье выявляются особенности семантики и символики, которую реализует слово собака как компонент русских и китайских фразеологизмов. Обосновывается мысль о том, что фразеологизмы типологически и генетически разных языков являются источником энциклопедических знаний о жизни этноса, примером художественной выразительности его творчества.

Зооним *собака* как в русском, так и в китайском языках является многозначным и используется не только для называния животного как зоологической единицы, но и для характеристики человека. Слово *собака* употребляется в русской речи в значении 'знаток, ловкий в каком-нибудь деле человек' [1] и сопровождается в словарях стилистической пометой «просторечное». Рассматриваемое словозначение зоонима *собака*, несомненно, связано с фразеологизмом *собаку съел* – 'приобрел большой опыт, основательные знания в чем-либо, стал мастером в каком-либо деле': *Ты кучу всякой литературы прочёл, на диспутах собаку съел, это уж точно...* (Я. Кудлак. Симбиоз). А. А. Потёбня в труде «К истории звуков русского языка» описывает услышанную им историю о молодом и неопытном косаре, который за день работы на сенокосе от голода съел свою собаку. Выражение *собаку съел* означает, что человек приобрел определенный опыт в земледельческой работе: «тот, кто искусился в этом труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съел» [2, с. 83]. В свою очередь фразеологизм *собаку съел* можно рассматривать как сокращение поговорки *Собаку съел, а хвостом подавился* [3, с. 257] 'о человеке, который сделал что-то очень трудное и споткнулся на пустяке'. Существует мнение, что глагольный компонент фраземы *собаку съел* также имеет особое значение – 'получить, приобрести (определенные навыки)'. Исходная мотивирующая база фраземы в таком случае представляется в следующем виде: «получить, приобрести умения, навыки ловкого, искусного в каком-либо деле человека, т. е. стать в определенной сфере деятельности таким, как собака, – выученным, ловким, искусным» [4, с. 538–539].

Словом *собака* русские называют также негодяя, презренного человека. Сравн. при этом кит. 狗肺(= собачья душа) [5, с. 448] 狗才(= собачья природа) 'подлый, низкий' [5, с. 448]. О человеке, прожившем недостойную жизнь и не заслужившем достойного конца русские говорят *Собаке – собачья смерть: Да уж и человек был, – вполголоса проговорил Конста, как бы отвечая Зине на тайное недоумение, – зверюга, разбойник... Собаке – собачья смерть.* (А. В. Амфитеатров. Княжна). В данном предложении говорится с пренебрежением и удовлетворением о скорой смерти плохого, с точки зрения говорящей, человека. Рассмотрим другой пример: *Аспида Шуйского выгнать из дворца, вырвать ему жало свирепое и бросить в мою псарню! Собаке – собачья смерть! Ложе, им оскверненное, сжечь!* (А. Пашкевич. Сим победиши). Зооморфизмом *собака* здесь назван злой, свирепый человек, а выражение *собачья смерть* употреблено в прямом значении – 'некогда применяемая на Руси казнь путём затравливания собаками'. «Зашивание осужденного в медвежью шкуру и затем затравливание его собаками («обшить медведно»)» было одним из любимых видов смертной казни Ивана Грозного. Так был казнен Новгородский епископ Леонид» [6, с. 254]. Выражение *собачья смерть* может также означать смерть без покаяния. Б. А. Успенский отмечает, что «как иноверцы, так и погибшие «на поле», т. е. умершие не по-христиански, относятся к общей категории нечистых (заложных) покойников. Предполагается, что такие покойники, будучи лишены общения с Богом, не попадают

на Страшный суд, и, соответственно, они отдаются не Богу, но псам» [7].

С собакой также часто сравнивают крайне усталого, изнеможенного человека: *замёрз как собака, устал как собака: С огромным удовольствием, – воскликнула я, – ооченела как собака, пока от метро доскакала!* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); *А когда, усталый как пёс, я приходил домой, Ирина всегда старалась приготовить мне что-либо повкусней, устроить так, чтобы я расслабился и отдохнул.* (В. Голяховский. Русский доктор в Америке). На Руси собаки как охранники традиционно жили на улице в конуре. Дворовых псов держали на цепи, часто на холоде. Жизнь же бездомных собак на порядок тяжелее: необходимо бороться с голодом и холодом каждый день. Поэтому об очень плохой, трудной, тяжёлой жизни русские говорят *собачья жизнь* (сравн. кит. 狗命 (= собачья жизнь (судьба) 'жалкое (презренное) существование') [5, с. 448]. Вспомним персонажа повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» бездомного пса Шарика: *О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне ревет мне отходную, и я вою с ней. Пропал я, пропал. Негодяй в грязном колпаке – повар столовой [...] – плеснул кипятком и обварил мне левый бок. Господи, боже мой – как больно! До костей проело кипятком. Я теперь вою, вою, да разве воем поможешь* (М. А. Булгаков. Собачье сердце). Признаком собачьей жизни может быть чрезмерная худоба: *Чего вы все такие худые... как собаки* (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма), наличие болезней: *Я болен, как собака, и борюсь со смертью и болями, как кошка; кошки, к сожалению, живучи...* (П. И. Вейнберг. Генрих Гейне. Его жизнь и литературная деятельность), несоблюдение элементарных правил гигиены: *А ходит грязный, как собака, и спит не раздеваясь* (Г. Владимов. Три минуты молчания) и др.

Крайняя степень проявления пейоративного признака обнаруживается также в устойчивых выражениях *зол как собака, голоден как собака: Пьяница был, злой, как собака, мрачный, никого не любил, над матерью издевался, но мы зато из-за этого были сообщца, ведь правда?* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен); *Придешь со службы домой голодный, как собака, а они черт знает чем кормят!* (А. П. Чехов. С женой поссорился). Позицию семантического ядра зооморфизма *собака* в данных фразеологизмах занимает потенциальная сема 'хищник', которая ассоциируясь с агрессией и опасностью, оценивается негативно. Сравн.: *голоден как собака = голоден как волк*. Между голодом и злостью есть определенная взаимосвязь: сильный голод, вызывающий дискомфорт, порождает злобу и агрессию, которые нехарактерны для человека или животного в привычной ситуации.

Такая отличительная особенность животного, как лай, является основанием для возникновения нескольких оценочных значений зооморфизма *собака*. Например, *собакой* называют пустозвона, человека, распространяющего слухи, сплетни: *Пусть лают со всех сторон, наш караван идет!* (С. Панасенко. Колонка редактора). В данном примере мы наблюдаем реминисценцию, своеобразное воплощение общеизвестного афоризма *Собака лает, караван идет*. Так как круг ситуаций, в которых собака издает лай, довольно широк: от вполне объяснимых причин (при приближении незнакомца, в ответ на лай других собак, для угрозы или защиты и др.) до ситуаций, когда побуждающие мотивы неясны, то собачьим лаем стали называть пустые угрозы: *Посему и не весьма опасаясь Санкт-петербургского праздноглаголания: собака лает, ветер носит* (Д. С. Мережковский. Александр Первый).

Собачий лай, как и в русском языке, стал основой для возникновения в китайском языке нескольких оценочных значений зооморфизма 狗 (= собака): 狗屁 (= собачье враньё) 'чушь, ерунда, вздор' [5, с. 449]; сравн. русск. *Чушь собачья: 狗屁! 忠孝, 都是骗人的胡说八道.* (= Чушь! Преданность и сыновья почтительность обмануты этой ерундой.) \当代\文学\大陆作家\雪克 战斗的青春.txt; *Когда кто-то говорит, что преподает по системе Станиславского, – не верьте, это чушь собачья* (В. Рыжаков. «Система Станиславского – это большой миф»). Как и в русском языке, в китайской традиции собачий лай ассоциируется с бранью: 狗嘴里吐不出象牙 (= из собачьей пасти не

жди слоновой кости) ‘не жди доброго слова от плохого человека’ [5, с. 448]; 狗血喷头(= собачья кровь брызжет на голову) ‘жестокая брань’ [5, с. 448]; 狗咬狗 (= собака кусает собаку) ‘собачья грызня, внутренние раздоры’ [5, с. 448].

В ряде китайских фразеологизмов зооморфизм 狗 (= собака) используется для обозначения угодливого, лебезящего подхалима, выражает негативную оценку: 狗苟蝇营 (= пресмыкаться как собака, увиваться как муха ‘подлец, пробивающий себе дорогу’ [5, с. 448]; 狗眼看人低 (= смотреть на людей глазами собаки) ‘определять своё отношение к людям в зависимости от их могущества и богатства’ [5, с. 449]; 狗仗人势 (= собака, пользующаяся покровительством человека) ‘тот, кто распоясался под защитой сильного покровителя’ [5, с. 449]; 狗颠屁股儿 (= вилять задом по-собачьи) ‘ходить на задних лапках; угодливо, с подобострастием; пресмыкаться, угодничать’ [5, с. 449].

В других же фразеологизмах 狗(= собака), означая верного и преданного слугу, оценивается положительно: 效犬马之劳(= служить, как служат собака и конь) ‘служить верой и правдой, быть верным слугой’; 犬马之劳(= трудиться как собака и лошадь) [5, с. 647] ‘верно служить; трудиться изо всех сил’. Данное значение зоолексемы, видимо, возникло в результате переосмысления отношений «собака-хозяин», в которых собака выступает в качестве помощника, охранника и даже слуги, так как идеальный слуга должен выполнять все, что прикажет хозяин (сравн. русск. *собачья верность*; *собачья преданность*). Беспрекословное выполнение собакой приказов хозяина в Китае стало эталонным поведением исполнительного и верного человека: 吠尧 (= лаять на императора Яо), то есть огрызаться даже на совершенного человека, верно повиноваться хозяину, даже если он преступен [5, с. 647]. 唐尧(= Тан Яо) – легендарный император Китая, якобы 2357–2255 гг. до н. э., который «построил многочисленные дамбы и каналы, с помощью которых сумел остановить и утихомирить мировой потоп, возникший вследствие разлива реки Хуанхэ и грозивший уничтожить на Земле всё живое» [8]. Кроме того, в китайской традиции 尧(= Яо) известен как воплощение личной скромности, заботы о подданных и жертвенности. В русском же языке зооним *собака* в значении ‘человек, с излишним рвением охраняющий интересы кого-либо, служащий кому-либо, чему-либо’ [9] получает отрицательную коннотацию и ассоциируется с беспринципным низкопоклонником.

Таким образом, сопоставление значений слова-компонента *собака* в русских и китайских фразеологизмах позволяет сделать выводы о наличии не только закономерных расхождений, обусловленных культурной спецификой, но и большого количества соответствий, отражающих универсализм человеческого мышления.

Список использованных источников

- 1 Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2008. – 1200 с.
- 2 Потебня, А. А. К истории звуков русского языка. Этимологические и другие заметки / А. А. Потебня. – Варшава : в тип. М. Земкевича и В. Ноаковского, 1883. – Т. 4. – 98 с.
- 3 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 4: Р–V / В. И. Даль. – 2-е изд., «исправленное и значительно умноженное по рукописи автора». – Спб.– М. : «Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа», 1882. – 704 с.
- 4 Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1988. – 704 с.

5 Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1984. – Т. 3. – 1104 с.

6 Толмачева, О. А. История развития смертной казни в России / О. А. Толмачева // Российское законодательство: современное состояние и перспективы развития : сборник научных трудов II Всероссийской студенческой научной конференции, Вологда, 28 апреля 2014 г. / М-во образования и науки РФ, Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Сев.-Зап. ин-т (Филиал) ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – Вологда : ИП Валеева В. Н., 2014. – С. 253–257.

7 Успенский, Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ec-dejavu.ru/m-2/Mat-3.html> – Дата доступа : 20.09.2016.

8 Китайская мифология, часть 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pikabu.ru/story/kitayskaya_mifologiya_chast_3_4053869?dv=1 – Дата доступа : 20.09.2016.

9 Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovar.cc/rus/efremova/236518.html> – Дата доступа : 20.09.2016.

10 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 20.09.2016.

11 Center for Chinese Linguistics PKU (CCL) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ – Дата доступа : 20.09.2016.

УДК 811. 161' 04: 81' 373

Т. Г. Трофимович

К ОСОЗНАНИЮ РОЛИ ФРАЗЕОЛОГИИ В ДЕЛОВОЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Автор обращается к собственному многолетнему опыту изучения языка старорусской и старобелорусской деловой письменности и делится наблюдениями над тем, какую роль играла фразеология в средневековом деловом письменном общении. Фразеологизмы, встречающиеся в древних деловых текстах, рассматриваются как трансляторы важной культурной информации.

Общеизвестно, что период позднего средневековья (XIV–XVII вв.) является временем существования самостоятельных восточнославянских языков. В это время на территории, занятой восточными славянами, существуют два мощных государственных образования – Московская Русь и Великое княжество Литовское. Уровень их социально-экономического развития подразумевал наличие совершенной правовой системы, сложившейся практики правообеспечения и правоприменения. Это определило создание и использование огромного количества документов, обобщенно называемых в историческом языкознании *деловой письменностью*.

Древние тексты делового содержания, по нашему мнению, могут рассматриваться как коммуникативные события, т. е. как факты трансляции и обмена информацией, которые осуществляются с определенной целью [1, с. 7]. Эти тексты фиксируют особую, письменную форму деловой коммуникации, к основным преимуществам которой относят, как известно, возможность более тщательной подготовки и обдумывания сообщения [2]. Отсюда следует, что тексты памятников деловой письменности могут быть проанализированы как факты деловой коммуникации, фиксирующие определенную коммуникативную стратегию и тактику, а также позволяющие установить место и роль в их реализации различных языковых единиц.

Наиболее ценными в этом смысле представляются нам памятники письменности малых жанров: различные частные грамоты, акты местного самоуправления, акты феодального землеуправления и хозяйствования и т. п. Понятно, что они создавались, как и своды законов, по определенным схемам, с опорой на традиции делопроизводства. Однако именно такие тексты характеризуются большей коммуникативной свободой, обусловленной их предназначением и личностью создателя. Есть основания полагать, что эти тексты максимально приближены к тогдашней «живой» коммуникации. Языковеды неоднократно указывали на то, что язык деловой письменности близок к народному языку, хотя и не равен ему [3, с. 111].

Для того, чтобы предположительно определить место и роль фразеологии в средневековой деловой коммуникации, обратимся к памятникам старорусской и старобелорусской деловой письменности, точнее, к собственному многолетнему опыту их изучения.

Можно считать аксиоматичным вывод о том, что фразеология в языке деловой письменности представлена. Оценка степени ее представленности наталкивается на «вечный» вопрос об объеме фразеологии. Мы согласны с теми, кто считает, что фразеология исследует несвободные сочетания слов с размытой системой отличительных свойств, поэтому ее границы условны и подвижны [4, с. 81]. При таком подходе укажем, что наиболее представленной в средневековой деловой коммуникации является группа так называемых «серийных выражений» – субстантивно-атрибутивных словосочетаний устойчивого типа. Подсчеты показали, что, например, на 1384 старорусских бивербальных предметных наименования приходится 114 базовых имен. Это значит, что в среднем одно базовое слово может входить в состав более чем 12 неоднословных наименований. Красноречивыми оказываются факты активности базовых имен. Например, с компонентом *люди* нами зафиксировано около двухсот старорусских неоднословных наименований (*люди беглые, бедные, бессемейные, ближние, богатые, боярские, бродячие, воинские, волостные, воровские, выборные, городовые, дворовые, добрые, домовые, думные, деревенские, дворянские, дозорные, духовные* и т. д.), с компонентом *грамота* – 114, *книга* – 137, *двор* – 56, *запись* – 49 и т. д.

Фактов использования коммуникативных конструкций с такими единицами много, при этом для экономии речевых усилий может редуцироваться до нуля субстантивный компонент (базовое имя). Так, в Жалованной грамоте Ивана IV 1548 г. [5] читаем: *... И тем его людем ... не надобе моя дань... ни ямские, ни туковые денги, ни посошная служба, ни городовое дело, ни наместничь, ни волостелин, ни тиун корм, ни праветчиков, ни доводчиков побор, ни подымное...* В Полоцкой указной грамоте 1475 г. [6] находим: *А поведал нам деи тот Мякало человек служебный путный, а тяглый, а з сынами своими не делился... даи ему справедливость доброму человеку отцукому сыну...* В приведенных текстах без труда прочитываются субстантивно-атрибутивные единицы, ставшие незаменимыми средствами номинации фразеологического или фразеологизированного типа. Наша оценка статуса указанных единиц совпадает с оценкой словарей. Так, «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» в ромбовой части словарной статьи фиксирует *золотый польский, португальский, угорский, червонный* [т. 13, с. 143]; *огород дворный, красный, сеножатный* [т. 21, с. 371], а «Словарь русского языка XI–XVII вв.» – *запись жилиая, жилиецкая* [в. 5, с. 112]. Есть основания полагать, что воспроизводимость таких и подобных им единиц, устойчивость модели, даже при отсутствии транспозиции лексико-грамматического состава и образности как ее следствия, создавали условия для их активного использования в коммуникации.

Говоря о месте и роли фразеологии в деловом общении, следует в качестве одного из выводов привести следующий: старорусская и старобелорусская деловая фразеология располагала неким «дежурным» фондом устойчивых единиц, которые часто использовались как готовые штампы. Приведем некоторые: *бить челом* ‘просить, жаловаться, предъявлять иск’, *крест целовать* ‘присягать, клясться’, *руку приложить* ‘подписать’, *дать знать*

‘сообщить’, *мир взятии* ‘помириться, договориться’, *отходить сего света* ‘умереть’ и др. Показательно, что большинство таких единиц являются общими для старорусского и старобелорусского языков. Например, в Губной белозерской грамоте 1539 г. читаем: *Били естя челом о том, что в тех ваших волостях многие села и деревни розбойники розбивают...* В Полоцкой грамоте 1458 г.: *А мы вам своим приятелем чолом бьем.* В Земской крестоцеловальной записи 1557 г.: *Целуем крест своему государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси...* В Торговом договоре Полоцка и Риги 1405 г.: *А весцем нашим и вашим крест целовати, што же им право весити на обе стороне.*

Несомненным богатством старорусских и старобелорусских текстов являются фразеологизмы с высокой степенью семантической спаянности компонентов. Пройдя длительный путь фразеологизации, связанный с переосмыслением в народном сознании генетически свободных словосочетаний, такие единицы стали органической частью средневековой деловой речи. Так, в старорусском деловом языке много фразеологизмов с компонентом *рука*. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует: *большой, малой, средней руки* – о размере чего-либо; *не на одну руку бьет* – о ловкости в делах; *бить / ударять по рукам* – договариваться; *на торговую руку* – хорошего качества; *брать / взять руку* – договориться и др. Старобелорусские тексты содержат похожий на старорусский фразеологизм *вдарить у руку* – договориться: *И вдарили оу руку Олександра с Чернятою* (Полоцкая грамота № 52). Собственно старобелорусскими можно считать фразеологизмы *пустить на чьи-то руки, просить на чьи-то руки* – передать кому-либо, *руку / руки дать* – подписать и др. Интересные факты их использования содержит текст Грамоты полоцкого воеводы Прижжинта магистру ливонского ордена и рижскому городскому совету об освобождении рижанина Еремея с просьбой отпустить трех полочан 1439 г. *Што же у нас просил Еремея на свои руки и всех ратман, и мы его пустили на местеревы руки и всех ратман...просим и молим... што же бы есте пустили на наши руки тако же трех человек* (грамота № 53). В другом тексте находим: *А на том есмо и руки дали Федору, и печати свои приклали* (грамота № 40).

Отличительной особенностью деловой письменности как вида коммуникации является, как известно, наличие формул: *К сей записи и яз, Макар Федоров, руку приложил... Се яз, Стефан Васильев сын Кологривов... А на то послуши...Вотчина нигде не продана, не заложена... Впрок без выкупа и без отмены... С пашенной землею и не с пашенною... и т. п.* [7]. Среди формул нечасто, но встречаются устойчивые выражения, приближенные по структуре и функциям к паремииологии. Так, в Меновной 1560 г. читаем: *Се яз, Девятой Дмитриев сын Ржевского ...выменил есмы (перечисляется вымененное) ... и со всеми угодыями, что к тому селу исстари потягло, куды ходил топор и коса и соха.* В данной грамоте А. С. Кутузова 1562 г. находим немного другой вариант: *Се аз...дал есми в дом... со всеми угодыями, покаместа ходила коса и соха и топор истори...* Эти выражения означали, что передается вотчина со всеми относящимися к ней угодыями.

Наши размышления над местом и ролью фразеологии в средневековом деловом общении хотелось бы дополнить еще одним наблюдением. Древние тексты делового содержания оставляют устойчивое ощущение того, что фразеология в них не экспрессивна. Есть основания полагать, что экспрессивность как компонент коммуникативного события такого рода не подразумевалась вообще, а если и подразумевалась, то выражалась другими, не фразеологическими средствами. Например, адресантно-адресатная часть лишь некоторых Полоцких грамот представляет собой образец средневекового делового красноречия. Так, например, читаем: *А се мы полочане вси добриши люди надеючеса на бога святого, софея милость и князя великого Витовта здоровье, хочем с тобою князь местерю любовь держати* (№ 35); *Добродному и почестливому, велебному и шляхетному, ростропному и опатрьеному мужу, пану Ганусу Пилиповичу, бурмистру Рижского места наша верная приязнь, што коли можем учинити с препоможеньем нашим и розмножением всего доброго* (№ 141) и др.

Подводя итоги нашим, в известном смысле, спорадическим размышлениям, скажем, что фразеология в старорусской и старобелорусской письменности являлась неотъемлемым компонентом коммуникативной тактики. Использование устойчивых воспроизводимых выражений позволяло обеспечивать результативное общение, делать его лаконичным, но емким по содержанию. Большей частью в деловой письменности используется периферия фразеологии с низкой или нулевой степенью экспрессивности.

Список использованных источников

- 1 Голуб, О. С. Теория коммуникации / О. С. Голуб, С. В. Тихонова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mdk-arbat.ru/bookcard?book_id=2418766.
- 2 Цыпленкова, М. В. Основы менеджмента / М. В. Цыпленкова, И. В. Моисеенко, Н. В. Гурмина, Ю. А. Бондарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-menedzhmenta-uchebnoe-posobie>.
- 3 Филин, Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1981. – 326 с.
- 4 Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 285 с.
- 5 Памятники русского права. В. 4 / Под ред. Л. В. Черепнина. – М. : ГИЮЛ, 1956. – 630 с.
- 6 Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Сборник документов / сост. Г. Л. Хорошкевич. – Вып. 1–5. – М., 1977–1985.
- 7 Никитин, О. В. Традиции деловой письменности в языке древнерусской литературы и художественных произведениях XV–XVI вв. / О. В. Никитин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru/philology/44847.php>.

УДК 811.161'367.3'42:398.61(=161.3)

К. Л. Хазанова

АБ БЕЛАРУСКІХ ЗАГАДКАХ СА СТРУКТУРАЙ ЭЛІПТЫЧНАГА СКАЗА ВА ЁСХОДНЕСЛАВЯНСКІМ КАНТЭКСЦЕ

Пашыранасць ва ўсходнеславянскім фальклоры загадак са структурай эліптычнага сказа абумоўлена імпліцытнасцю намінацыі дзеяння, накіраванай на абуджэнне фантазіі аўдыторыі. Пры наяўнасці канструкцыі ў рускіх і ўкраінскіх загадак беларускія народныя загадкі праяўляюць большую схільнасць да ўказанай сінтаксічнай будовы.

У фальклоры ўсходніх славян загадкі складаюць невычэрпныя багацці, выяўляючы адметнасці змястоўнага нападнення і фармальнага паказчыкаў. Загадкі маюць простыя і не вельмі, і зусім цямяныя апісанні прадметаў, прыродных з'яў, многіх жыццёвых рэалій і адрозніваюцца рознаструктурнасцю. У фальклоры беларусаў, рускіх і ўкраінцаў можна адшукаць прыклады сінтаксічных структур шматлікіх тыпаў.

Даследчыцкая ўвага да структуры беларускіх загадак дазваляе выявіць канструкцыі, у якіх адсутны член не ўзнаўляецца з кантэксту (або з адгадкай) і не падказваецца сітуацыяй. Такія сказы з'яўляюцца пераходным тыпам ад няпоўных двухсастаўных да поўных і называюцца эліптычнымі [1, с. 248]. Пры гэтым адсутны выказнік не з'яўляецца неабходным для перадачы паведамлення: *Пад адным брыльком семсот казакоў* (мак) [2, с. 313]; *У аднаго парсюка два лычы* (начоўкі) [2, с. 313].

У граматыка-сінтаксічным плане эліптычныя загадкі займаюць прамежкавае становішча паміж няпоўнымі і намінатыўнымі сказами. Даданыя члены сказа яшчэ

захоўваюць залежнасць ад дзеяслова, якая ўсведамляецца гістарычна. У эліптычных сказах субстантыўны ўплыў даволі моцны і часам выцясняе дзеяслоўны, што можа наблізіць эліптычныя сказы да намінатыўных з недапасаваным азначэннем: *З-за куста цыбуля, за нагу шчыпуля* (змья) [3, с. 175]; *У адной яме сем ям з ямай; На адной яме сто ям* (напарстак) [3, с. 226].

Ад намінатыўных сказаў эліптычныя адрозніваюцца наяўнасцю даданных членаў – падпарадкавальных словаформаў, якія ўказваюць на залежнасць іх ад адсутнага дзеяслова-выказніка: *Пад вакном дзяўчына ў чырвоных завушніцах* (рабіна) [4, с. 175].

На думку даследчыкаў, эліптычныя сказы – “не столькі вынік эканоміі моўных сродкаў, колькі вынік пашырэння камунікатыўных магчымасцей мовы” [1, с. 248]. Асабліва гэта слушна ў адносінах да загадак з указанай структурай: *Чатыры дзяды назад бародамі* (капыты) [2, с. 316]; *Ва ўсіх дзетак адзенне з манетак* (рыба) [2, с. 316].

Беларускія загадкі з будовай эліптычных сказаў складаюцца з дзейніка з магчымымі дапасаванымі ці недапасаванымі азначэннямі і акалічнасці месца: *Сярод хаты вярбовы корчык* (калыска) [3, с. 281]; *З акна ў акно – залатое верацяно* (прамень сонца) [3, с. 26]; *У адной дзежцы два хлебцы; У адной лыжцы дваіное цеста; У беленькай бочцы два розныя півы* (яйцо) [3, с. 150]; *У маёй свінкі тры спінкі* (грэчка) [3, с. 87].

Як відаць з прыкладаў, даданая акалічнасць у эліптычных загадках часткова выконвае функцыю выказніка, бо мае ўказанне на факт дзеяння, але захоўвае і акалічнаснае значэнне. У структуры загадак-эліптычных сказаў выразна праяўляецца двухчленнасць, паколькі яны маюць паходжанне з двухсастаўных сказаў. На такую этымалогію ўказваюць варыянты загадак, розныя па структуры. Многія эліптычныя загадкі маюць варыянтамі двухсастаўныя канструкцыі: *Праз мора кашачы хвост* (почапка) – *Цераз мора каціны хвост плыве* [3, с. 291]; *За цёмным лесам белы бярэзнічак – Пад нізенькім небам белы бярэзнічак расце* (зубы ў роце) [3, с. 121]; *У маленькім гаршчэчку кашыца смачная – У маленькім гаршчочку каша смашненькая на сонцы варылася* (арэх) [3, с. 69].

Канструкцыя эліптычных сказаў сустракаецца ў рускіх народных загадках: *Посреди двух озерков – горушка* (глаза и нос); *Курица – на курице, а хохол – на улице* (изба); *У нас в избушке красны бабушки* (ложки); *У нас под лавкой медвежья лапка* (полено); *С одной стороны лес, с другой – поле* (шуба) [5].

Аднак многія рускія загадкі пры падобнай будове праяўляюць імкненне да экспліцытнасці дзеясловаў быцця, наяўнасці, руху, дзеяння, у выніку чаго сказ становіцца двухсастаўным: *Две галки сидят на одной палке* (ведро и коромысло); *От одного озера до другого мост лежит* (вёдра и коромысло); *Вокруг озера камыш растёт* (глаза и ресницы); *В безлюдной тайге котелок кипит* (муравейник); *На поле ногойском, на рубеже татарском стоят столбы точеные, головки золоченые* (рожь); *Вокруг проруби сидят белые голуби* (рот и зубы); *Под большим камнем много камешков поют* (цыплята под курицей) [5].

Многія загадкі маюць міжмоўныя варыянтныя паралелі. У беларуска-рускіх парах менавіта беларуская загадка мае будову эліптычнага сказа, а рускі варыянт з’яўляецца двухсастаўным сказам: *Каля ямы ўсе з кіямі* (людзі з лыжкай каля міскі) [3, с. 245] – *Над ямой, ямой сидят деды с киями* [6, с. 171]; *Каля луначкі ўсё вутачкі* (міска з лыжкамі) [3, с. 246] – *Около прорубки сидят сизые голубки* [6, с. 171].

Беларускі фальклор захаваў вялікую колькасць варыянтаў загадкі пра ежу, посуд і лыжкі, чаму, верагодна, садзейнічала папулярнасць адпаведнага дзеяння. У гэтым мностве адзначаюцца і адзінкі са структурамі двухсастаўнага сказа: *Каля ямы стаяць людзі з кіямі* [3, с. 246] і няпоўнага дзеяслоўнага сказа: *Над галавамі сядзяць з булавамі* [3, с. 247]. А колькасна пераважаюць варыянты са структурай эліптычных сказаў: *Каля адной ямы ўсе з кіямі; Над адной ямай усе з кіямі; Каля ямы з булавамі; Кругом ямы дзеці з каламі; Кругамі старцы з кіямі; Кругом ямы з качаргамі; Сярод мора – калодзеж* [3, с. 246].

Загадкі з канструкцыяй эліптычнага сказа адзначаюцца ва ўкраінскай народнай творчасці: *В синьому мішечку золотих гудзиков багато* (начное неба, зоркі); *Надворі горою,*

а в хаті водою (снег); *І в дзень, і вночі у кожнасі на печі* (кот) [7]. Але двухсастаўны сказ – больш частая структура загадак ва ўкраінскім фальклоры: *Кругом бочки бігають клубочки* (кураняты і курыца); *Чорне сукно лізе в вікно* (ноч); *Червоне коромисло через річку повисло* (вясёлка) [7].

Структура эліптычнага сказа ў загадках мае вытокі ў далёкай усходнеславянскай старажытнасці. Асаблівая недасказанасць, замоўчанасць наймення дзеяння стварае патрэбу аўдыторыі “прыдумаць” выказнік: *Чорнае сукно прама ў вакно* (ноч) [4, с. 174]; *У бацькоў на лапках сыны ў плячнёных шляпках* (жалуды) [4, с. 175]. Гэта садзейнічае трываласці ўказанай канструкцыі ва ўсходнеславянскіх загадках: *В году у дедушкі чатыры імени* (весна, лето, осень, зима) [8]. Загадка – адзін з нямногіх фальклорных жанраў, які не толькі захоўваецца са старажытнасці, але і папаўняецца новымі адзінкамі, загадкамі пра адносна новыя рэаліі. Некаторыя з нядаўна ўзнікшых рускіх загадак маюць структуру эліптычнага сказа: *Возле уха завитуха, а в середине разговор* (радионаушнікі) [9].

У беларускім фальклоры ў параўнанні з рускім і ўкраінскім канструкцыя эліптычных сказаў для загадак заўсёды была надзвычай прадуктыўнай структурай. Значная пашыранасць канструкцыі эліптычных сказаў сярод беларускіх загадак абумоўлена іх стылістычнай перавагай. Эліптычныя сказы аддаляюцца ад канкрэтных дзеясловаў пры захаванні сувязі з імі, чым перадаецца і канцэнтруецца семантыка дзеясловаў у эліптычным сказе. Структура эліптычнага сказа сумяшчае агульнае ўказанне на рух, знаходжанне, існаванне, наяўнасць з дакладным вызначэннем месца, напрамку, аб’екта. Гэта спалучанасць стварае экспрэсіўнасць і вобразнасць такіх загадкавых структур, што неабходна гэтаму фальклорнаму жанру. Дзеяслоў у эліптычным сказе не называецца, але яго семантыка вызначаецца з усяго сказа, чым нараджаецца лаканізм і схаваная энергія эліпсісу, які, у сваю чаргу, спрыяе дынамічнасці і экспрэсіі аповеду: *На хляве два дубкі* (рогі ў жывёлы) [3, с. 132]; *Каля печы дзве бухавечы* (пячуркі) [3, с. 257]; *У добрага мужа сярод хаты лужа* (чарпак); *Сярод хаты кусок мяты* (венік) [3, с. 294]; *У майго браціка на сем сажон кішка* (бацвінне, цяўнік) [3, с. 101]; *У чэрапе смерць* (стрэльба) [3, с. 214]; *У нашай малодачкі чатыры калодачкі* (стол) [3, с. 275].

Матэрыяльная выражанасць наймення дзеяння ў загадцы ў некаторай ступені запавольвае аповед, спыняе ўспрыманне інфармацыі. У многіх выпадках наяўны ў загадцы выказнік, выражаны дзеясловам быцця ці наяўнасці не з’яўляецца рэлевантным і можа быць лёгка апушчаным пры загадванні твора: *У лесе-бералесе залатая палка ляжыць* (гадзюк) [4, с. 174]; *У адной драбязе стаіць казак на адной назе* (грыб) [4, с. 175]; *Пад адным капяжом чатыры цыганкі стаяць* (стол) [4, с. 177]; *Ляжыць ля хаты жывот паласаты* (гарбуз) [4, с. 179]. Канструкцыя няпоўнага сказа за кошт імпліцытнасці, схаванасці наймення працэсу і дзеяння стварае ў загадкавым аповедзе вобразы, пры ўяўленні якіх аўдыторыя актывізуе ўласную фантазію: *У чубатых дочак па сямсот сарочак, па сямсот спаднічак, а без чаравічак* (куры) [4, с. 176]; *У вас і ў нас сярод хаты бас* (брус на столі) [4, с. 176]; *У небе дуга, у зямлі дзірка, а пасярэдзіне агонь ды вада* (самавар) [4, с. 177]; *Два браткі ля аднае хаткі* (вочы каля носа) [4, с. 178]; *Пад лістом дагары хвостом* (агурок) [4, с. 178].

Паказаны фактычны матэрыял выяўляе характэрнасць структуры эліптычнага сказа для сінтаксічнай будовы ўсходнеславянскіх загадак, чаму садзейнічае імпліцытнасць намінацыі працэсу і дзеяння, накіраваная на абуджэнне фантазіі аўдыторыі, што неабходна загадкам па адметнасцях жанру. Хаця канструкцыя эліптычных сказаў сустракаецца і ў рускіх і ўкраінскіх загадках, беларускія народныя загадкі праяўляюць большую схільнасць да даследаванай сінтаксічнай будовы, аб чым сведчаць міжмоўныя паралелі адзінак указанага фальклорнага жанру.

Спіс выкарыстаных крыніц

1 Беларуская граматыка: у 2 ч. / М. В. Бірыла, П. П. Шуба. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. Частка 2: Сінтаксіс. – 327 с.

- 2 Беларускі фальклор : хрэстаматыя / склад. К. П. Кабашнікаў, А. С. Ліс, А. С. Фядосік, І. К. Цішчанка. – Мінск : Вышэйшая школа, 1985. – 749 с.
- 3 Загадкі / склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 448 с.
- 4 Беларускі фальклор у сучасных запісах: Традыцыйныя жанры Гомельскай вобласці / уклад. В. А. Захарава і інш.; уклад. муз. часткі У. І. Раговіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1989. – 384 с.
- 5 Русские народные загадки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zagadka.pro/team-33.html>. – Дата доступа : 25.08.2016.
- 6 Кабашнікаў, К. П. Малыя жанры беларускага фальклору ў славянскім кантэксце / К. П. Кабашнікаў. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – 188 с.
- 7 Загадки [Слектронний ресурс]. – Режим доступу : <http://abetka.ukrlife.org>. – Дата доступу : 28.08.2016.
- 8 Детские загадки, сборник русских народных загадок для детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://school-work.net/zagadki>. – Дата доступа : 28.08.2016.
- 9 Загадки о технике и труде [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://2уха.ru/veselo/skorogovor.php>. – Дата доступа : 22.09.2016.

УДК 811.161.1: [81'373:398.9]: 001.891

Е. И. Холявко

***ХОТЬ И НЕ ХОРОШО, ДА ЛАДНО:*
К СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ РУССКОГО ЛАДА**

Статья посвящена выявлению глубинной семантики русской поговорки. Семантическая реконструкция выполнена с привлечением лингвокультурологических фактов. Концептуальное наполнение исследуемой поговорки можно считать генетически обусловленным. Семантика слова лад рассматривается в контексте культурно-философской значимости соответствующего понятия.

Не требует доказательства авторитетное утверждение В. Н. Телия: «Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [1, с. 9]. Синтезирующий лингвокультурологический подход, опираясь на идею кумулятивной функции языка, согласно которой происходит накопление народного опыта, может быть инструментом постижения языковой картины мира. В связи с этим важно отношение к языку как универсальной форме первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразителю и хранителю бессознательного стихийного знания о мире [2, с. 19]. Семантическая реконструкция русской поговорки *хоть и не хорошо, да ладно* [3, с. 233], иллюстрирующая связь между природным и культурным, чувственным и рациональным, реальным и идеальным, представляет несомненный интерес.

Русская поговорка *хоть и не хорошо, да ладно* принадлежит к числу единиц с четкой структурой, смысл которых не исчерпывается значением их компонентов. Современную интерпретацию затрудняют лексическая синонимия основных компонентов и уступительные синтаксические отношения между ними. В словаре В. И. Даля *ладный* входит в синонимический ряд с доминантой *хороший*, однако не с дифференцирующим внешним признаком (*красивый, видный, пригожий* и т. д.), а с признаком ценности по «внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству» (*добрый, путный, ладный, способный, добротный, дорогой*) [4, с. 561–562]. Слово *хорошо* выражает одобрение: *Что хорошо, то хорошо, а что лучше, то лучше; Хорошему все хорошо; Не то хорошо, что хорошо, а то хорошо, что идет к чему; Оно бы и очень хорошо, да никуда не годится; Что хорошо, то не скоро; Все мы любим хорошо, да хорошо-то нас любит по выбору* [4, с. 562]. В выражении

согласия *хорошо* соответствует *ладно*. В большинстве приведенных паремий исследуемые лексические единицы взаимозаменяемы: *Нескладно, да ладно; И не в лад, да ладно; Не ладно скроен, да крепко шит; Что ладно, то ладно, а что ладнее, то плотнее; Ладно, коли все сам умеешь, да неладно, коли все сам делаешь* [3, с. 233]. На этом фоне нуждаются в объяснении уступительные отношения, часто являющиеся проявлением нарушенных причинно-следственных связей между основными компонентами.

Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с уступительными отношениями как выражением целевой причины, или целесообразности. Тогда смысл паремии не сводится к изъятию перемежающегося состояния, реверсивности, а проясняется через синонимичную устойчивую единицу *Не то хорошо, что хорошо, а то, что ладно* [3, с. 233]. Такое понимание будет обоснованным, если принять во внимание национальное своеобразие понятия лада и глубинную семантику соответствующего корня.

О значимости лада в организации русской народной жизни, в традиционном укладе писал В. И. Белов [5]. Лад, по мысли писателя, есть стремление к гармонии, совершенству, красоте и порядку. Лад есть основа традиционной устойчивости народного быта и бытия. «Гармония как духовная и физическая по отдельности, так и вообще – это жизнь, полнокровность жизни, ритмичность. Сбивка с ритма – это болезнь, неустройство, разлад, беспорядок» [5]. Основой труда и жизни писатель называет ритм. «Ритмичная жизнь, как и музыкальное звучание, не подразумевает однообразия. Наоборот, ритм высвобождает время и духовные силы каждого человека в отдельности или этнического сообщества, он помогает прозвучать индивидуальности и организует ее, словно мелодию в музыке. Ритм закрепляет в человеке творческое начало, он обязательное, хотя и не единственное условие творчества» [5]. Ритм – в основе порядка, лада народной жизни. Понятия, выраженные словами *ритм, лад, строй*, как и заимствованными *«такт и тембр*, принадлежат миру музыки. Но *такт* в современном русском языке употребляется в более широком бытовом смысле и служит для характеристики хорошего поведения» [5]. Мирмузыки первоначально принадлежали и однокоренные термины *настроение* и *настрой*, в переносной семантике которых еще ощущается метафоричность музыкального образа. В древнерусский период исходный глагол *строить* был синонимом глагола *ладить*, а *лад* было ключевым словом русской духовной культуры, обозначая ‘мир, согласие’, ‘любовь’, ‘порядок’ [6].

Н. Н. Миклина дает философскую интерпретацию музыкальных терминов и называет лад смыслообразующим принципом философии и теории культуры. «Национальная специфика понятия лада, опирающаяся на «коллективное бессознательное», состоит в его одушевлении и одухотворении, наделении его высшими этическими и эстетическими смыслами, в понимании лада как процесса «сердечного делания», «душевного переживания в музыкально-звуковой сфере». Познаваемый в единстве процессов звуковыражения и звуковосприятия, лад – это нерасторжимость смысла и структурных норм мироустройства, где ведущими являются духовно-душевные, а не структурно-математические принципы, детерминированные коллективным, «соборным» сознанием народа и социально-историческими условиями народной жизни. Иерархичность понятия лада есть отражение иерархической сущности бытия, миропорядка с его пространственно-временными константами. <...> В смысловом отношении лад есть духовно-душевная организация энергии звуковых «тел» в пространстве и во времени, а в структурном – единство горизонтальных, вертикальных и глубинных параметров звукового материала; и в том, и в другом аспекте организующим началом является принцип взаимотяготения, рассматриваемый сквозь призму устойчиво-неустойчивых отношений элементов музыки с их особыми тембро-фоническими характеристиками» [7]. Становится понятным, почему в музыкознании лад трактуется как основной закон музыки, «делающий звуковое явление музыкой» [7]. Этот закон заключается в «скоординированности структурно-смысловых элементов музыки по этицированно-эстетизированному принципу взаимотяготения («принципу любви» как квинтэссенции добра, красоты и порядка)...» [7].

История семантики слова *лад* подтверждает культурно-философскую значимость соответствующего понятия. Специфика проявляется только в уровне его реализации и восприятия. Помимо музыкальных терминологических значений основные значения слова *лад* группируются вокруг 'согласие, мир, порядок' и 'образец, способ', например: *быть в ладу, в ладах с кем-чем-н.* 'в полном согласии, в дружеских отношениях': *жить в ладу с кем-н.*; *Он с ним не в ладах*; *Ум с сердцем не в ладу у кого-н.* 'о том, кто разумом понимает одно, а сердцем чувствует другое'; *на другой лад сделать* 'по-другому'; *на все лады* 'по-всякому, по-разному'; *на лад (идти, пойти)* (разг.) 'успешно': *Дело пошло на лад*; *Ни складу ни ладу нет в чем* (разг.) 'нет ни ясности, ни порядка (обычно о рассказе, речи)'.

Конечно, этимология корня сложная, но изучение семантики корня в составе производных на разных хронологических срезах позволяет вернуться к идее О. Н. Трубачева, реконструировавшего *лада* 'муж, супруг'. Ученый видит в слове следствие метатезы плавного и возводит *лада* к **ald-* из и.-е. **aldh-*, в котором выделяется аффикс *-dh-*, выражающий завершённое состояние, и корень **al-* 'расти'. В результате этимологом русского *лада* О. Н. Трубачев считает **al-dho-s* 'выросший, зрелый'. Гипотетическое значение могло быть основой названия человека, мужа, что было свойственно отдельным индоевропейским диалектам [8, с. 99–102]. Важно, что к этому же корню можно возвести готск. *alan* 'расти', др.-сев.-зап. *old* 'жизнь, время господства', др.-исл. *old*, готск. *aids* 'жизнь', производное лат. *altus* 'высокий'. Этот же корень из **al-dh-* можно выявить в русск. *лад* 'порядок, согласие', *ладить* 'жить в согласии', 'устраивать' [8, с. 99–102]. Таким образом, глубинная семантика *лада* восходит к идее роста, развития, становления. Интересные семантические параллели можно наблюдать в структуре русск. *воз-раст*, *старый* / *сталый*, *настрой* / *настроение*.

Изучение глубинной семантики корня *лад* дает основание для экзистенциального понимания. По мысли В. И. Белова, «можно лишь сократить или удлинить какое-либо возрастное состояние, но ни перескочить через него, ни выбросить из жизни невозможно». Постепенность жизни подразумевает «обязательную новизну и многообразие жизненных впечатлений» [5].

«Всеобщий принцип лада по-разному преломляется в музыкальной культуре индивида, половой, возрастной, социальной, национальной, исторической общности людей. С точки зрения этого принципа можно успешнее решать проблемы лада «внутреннего» и «внешнего», «реального» и «идеального», «своего» и «чужого», их соотносительности в конкретных явлениях музыкальной и общей культуры. Лад есть универсум культуры, посредством которого каждый человек, каждый субъект истории ищет «свой» лад не только «в», но и «с» природой, другим человеком, обществом, искусством, наукой, религией» [7].

Смысловые истоки понятия «лад» как согласия с миром, с человеком и с самим собой обусловлены первичной семантикой корня слова. Лад возвращается, строится, налаживается. Состояние гармонии, цельности, согласия (сравн. русск. *ладина* 'счастье') ощущается субъективно, но базируется на объективной основе. В таком случае нет противоречия в паремии *Хоть не хорошо, да ладно*. Субъективное восприятие нехорошего в первой части восполняется и регулируется целесообразностью субъективно-объективного *ладно* во второй.

Семантика русской паремии *Хоть не хорошо, да ладно* подтверждает справедливость классической мысли Ф. И. Бушлаева: «Это – художественный образ, в котором запечатлелось наблюдение народа над самим собой и над окружающим миром. В первых своих очертаниях этот образ заключился в корне слова. По мере накопления опыта и наблюдения, по мере осложнения впечатлений и отношений и первичный образ разрастается в верование, в идею божественной силы, незримо присутствующей в видимом мире, потом в миф, в представление о видимом, ощутительном проявлении этой незримой силы, в закон или житейское правило, устанавливаемое этим верованием и представлением, наконец, в обычай и предание, создаваемые верованиями, мифами и законами путем их передачи из поколения в поколение» [9, с. 355].

Список использованных источников

- 1 Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты русской культуры / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- 2 Санлыер, Д. Ф. Культурно-национальное мировидение через единицы фразеологического уровня: (на материале татарской, турецкой и английской лингвокультур) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Д. Ф. Санлыер ; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2008. – 49 с.
- 3 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989–1991. – Т. II : И–О. – 1989. – 779 с.
- 4 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989–1991. – Т. IV : Р–V. – 1991. – 684 с.
- 5 Белов, В. И. Лад : очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – М. : Молодая гвардия, 1982. – 293 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.litmir.co/br/?b=203245>. – Дата доступа : 14.10.2016.
- 6 Холявко, Е. И. *Настрой настроение*: путь развития семантики / Е. И. Холявко // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре : сб. научн. статей. Вып. 9 / редкол.: Т. Н. Усольцева (гл. ред.), И. Н. Афанасьев, Н. В. Сулова; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 148–153.
- 7 Миклина, Н. Н. Феномен лада: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Н. Н. Миклина ; Ставропол. гос. ун-т. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2000. – 18 с.
- 8 Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 99–102.
- 9 Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. – Спб, 1861. – 648 с.

УДК 811.161.3:398.9*І. П. Шамякін

А. А. Целепнёва

ВЫКЛІЧНИКАВЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ Ё МОВЕ РАМАНАЎ “СНЕЖНЫЯ ЗІМЫ” І “АТЛАНТЫ І КАРЫЯТЫДЫ” І. П. ШАМЯКІНА

У артыкуле даецца характарыстыка выклікавых фразеалагізмаў, што ўжыты ў мове раманаў “Снежныя зімы” і “Атланты і карыятыды” І. П. Шамякіна, устанаўліваюцца іх тыпы на аснове мэты выкарыстання (эмацыянальныя, эмацыянальна-валявыя, моўнага этыкету, пабуджальныя) і адметнасці ўжывання мастаком.

Фразеалагічныя адзінкі складаюць адметны пласт мовы, яны з’яўляюцца ўніверсальным сродкам зносін, увасабляюць адметнасці творчага стылю і разам з тым з’яўляюцца сродкам адлюстравання рэчаіснасці. Наяўнасць у мове мастацкага твора фразеалагізмаў робіць яе амаль заўсёды вобразнай, жывой і адрознай ад мовы іншых аўтараў.

Аналіз мовы двух раманаў “Снежныя зімы” [1] і “Атланты і карыятыды” [2] І. П. Шамякіна адносна месца і ролі ў іх фразеалагізмаў як аднаго са сродкаў вобразнасці і выразнасці дазваляе сярод гэтых адзінак выдзеліць у асобную групу выклікавыя фразеалагізмы.

Выклікавыя фразеалагізмы не валодаюць намінацыйнай функцыяй, але яны, як і словы-выклічнікі, “з’яўляюцца своеасаблівым маўленчым знакам” [3, с. 413] і “маюць усвядомлены калектывам сэнсавы змест” [4, с. 611] – выражаюць разнастайныя эмоцыі. Перадаваць пачуцці, волевыяўленні, даваць экспрэсіўную ацэнку, але не называць іх – асноўная функцыя выклікавых фразеалагізмаў.

Зразумела, што тычыцца граматычных паказчыкаў, то выклікавыя фразеалагізмы не маюць “значэнняў роду, ліку, склону, часу, асобы і г. д.” [5, с. 138]. Яны нязменныя, сінтаксічна не звязваюцца са сказам і не з’яўляюцца членамі сказа. Выклікавыя фразеалагізмы перадаюць экспрэсію, яны надаюць мове герояў свежасць, сакавітасць, яркасць і выразнасць іх эмацыянальнага стану, што робіць мову пэўных герояў і іх саміх адрознай ад іншых.

У рамане “Снежныя зімы” з ўсёй колькасці фразеалагічных адзінак, а іх налічваецца каля 300, вылучана 16 адзінак, якія паводле марфалагічнай класіфікацыі суадносяцца з выклікавымі: *бог з вамі!*; *бог яго ведае што*; *божа мой!*; *вось табе і на!*; *каб духу не было!*; *крый божа!*; *к чортавай мацеры!*; *к чорту!*; *ліха на іх!*; *на табе!*; *смеху варта*; *чорт вазьмі!*; *чорт з ім / чорт з вамі / чорт з табой / чорт з імі*, *чорт на яго / чорт на цябе*; *чорта з два!*; *што за чорт!*. Што тычыцца фразеалагічных адзінак у мове рамана “Атланты і карыятыды”, то аўтар з амаль 400 адзінак выкарыстаў 13: *чорт вазьмі!*; *крый божа!*; *на табе!*; *скажы*, *калі ласка*; *чорт на цябе*; *не можа быць!*; *чорт з табой / з вамі / з ім / з імі*; *бог з табой / з ім*; *чорт на яе!*; *добры дзень*; *усяго добрага*; *будзь здароў*; *нішто сабе*.

Выклікавыя фразеалагізмы ў мове раманаў прадстаўлены 4 семантычнымі групамі: эмацыянальныя, эмацыянальна-валявыя, пабуджальныя і моўнага этыкету.

Аналіз выклікавых фразеалагізмаў паказвае, што самай колькаснай з’яўляецца група эмацыянальных выклікавых фразеалагізмаў (*вось табе і на!*; *каб духу не было!*; *к чортавай мацеры!*; *к чорту!*; *ліха на іх!*; *на табе!*; *смеху варта!*; *чорт на цябе*; *скажы*, *калі ласка*). Выклікавыя фразеалагічныя адзінкі выражаюць эмоцыі тых, хто гаворыць, не называючы канкрэтна гэтыя эмоцыі, як незадавальненне: *што за чорт!* (*Што гэта значыць, як гэта зразумець?! А зця за пяць год ніколі не абчасаў, не працыціў мазгоў – такі ж кулак, прыватнік, а можа, нават горшы стаў. Што за чорт!* [1, с. 236]); абурэнне: *ліха на іх!* (*Лада абуралася, што мастакі – ліха на іх! – не пускалі пансіёнчыкаў і “дзікуноў” у свой сад* [1, с. 93]); *чорт на цябе!* (*– Таварыш, не перашкаджайце працаваць. “Працаўніца, чорт на цябе! Ашчаслівіла свет сваёй працай”* [2, с. 135]); злосць: *к чортавай мацеры* (*Ну і каціся на ўсе чатыры!* *К чортавай мацеры!* [1, с. 82]); *к чорту* (*Пайшоў ты к чорту са сваім інтэр’ерам! Абрывла. Дызайнер няшчасны! – Слова «дызайнер» Віктар даўно зрабіў лаянкай.* [2, с. 18]); выказванне адмоўных адносін: *смеху варта* (*Кляпнёў – будучы кандыдат! Смеху варта!* [1, с. 225]).

Найбольш у мове раманаў выкарыстоўваюцца выклікавыя фразеалагізмы, якія перадаюць эмацыянальны стан у спалучанасці, напрыклад, здзіўленне і расчараванне: *на табе!* (*І смех і грэх. Была я без роду, без племені – і на табе. Адразу разбагацела* [1, с. 333]); *вось табе і на!* (*Думала ж, што мне ўсё роўна, хто мой бацька, ёсць ён ці няма. Ажно, выходзіць, не. Вось табе і на!* [1, с. 332]); здзіўленне і абурэнне: *скажы*, *калі ласка* (*Яму не хацела сварыцца, больш таго, здавалася нізкім і абразлівым сварыцца з-за такой драбязы. Скажы, калі ласка, трагедыя – не памог апрацуца!* [2, с. 38]).

Эмацыянальна-валявыя фразеалагізмы выражаюць рэакцыю на маўленне суразмоўніка ці яго рухі, учынкi: гэта выказванне згоды, прымірэння, уступкі і пад.: *бог з вамі* (*Бог з вамі, дарую: усе мы людзі, усе мы чалавекі* [1, с. 358]); *чорт з табой* (*Пакрыўдзіўся? – зноў заспакоена спытаў Шугачоў і, пажаваўшы і пракаўтнуўшы кілбасу, добразычліва заключыў: – Чорт з табой. Крыўдуй* [2, с. 24]), *бог з табой* (*– Будзь здароў, Барон. А што, калі паспрабаваць жыць на тваёй, кацячай філасофіі? Як думаеш: атрымаецца? Але ж і згаладаўся ты, гультай. Ніякай увагі. Ну, бог з табой. Канчай сваю вячэру* [2, с. 48]), *чорт на яе* (*– Вы што – п’яны? Куды вы звоніце? – голас чужы, незнаёмы. Па логіцы, якая – чорт на яе! – заўсёды з’яўляецца запознена, яму варта было тут жа пакласці трубку. А ён, дурань, раздражнёна гыркнуў: – Ніну Іванаўну* [2, с. 79]); здзіўленне і недавер: *не можа быць!* (*І адразу супакоілася, упэўненая, што яна не проста так адказала Шугачовай, што яна сапраўды-такі зробіць усё, нават калі Ігнатовіч... Не, не. Не можа быць!* [2, с. 419]).

Асобную групу складаюць фразеалагізмы моўнага этыкету. Адны з іх ужываюцца пры развітанні, як, напрыклад, развітальныя звароты з добрымі пажаданнямі *будзь здароў (Ну, лясцы. Мы пойдзем. Будзь здароў [1, с. 45])* ці *ўсяго добрага (Не хвалюйцеся, рашэнне будзе прынята правільнае, – у зале засмяяліся. – Дзякуй за ўдзел. Усяго добрага, – і падняўся энергічна, па-маладому, з паспешлівасцю чалавека, які даражыць кожнай хвілінай [2, с. 308])*. Другія ужываюцца ў якасці прывітальнага звароту пры сустрэчы, як, напрыклад, *добры дзень (Кінуўшы “добры дзень” усім, хто быў у прыёмнай, ён пайшоў у дальні кут і сеў на вольнае крэсла, амаль побач з дырэктарам кандытарскай фабрыкі, таму і падумаў пра яго справу [3, с. 386])*.

Найменшую колькасную групу сярод выклічнікавых фразеалагізмаў у мове раманаў складаюць пабуджальныя фразеалагізмы. Гэта ўсяго адзін фразеалагізм *крый божа* для выказвання папярэджання, засцярогі ад чаго-небудзь, які выкарыстоўваецца ў абодвух раманах з мэтай засцярогі ад чаго-небудзь недапушчальнага: *Ды і самі работнікі, асабліва тыя, хто ішоў “на кавёр”, праборку, стараліся з’віцца раней, каб, крый божа, не спазніцца і не даць лішні повад для крытыкі [2, с. 385]; Разоў колькі Іван Васільевіч зрываўся – выдаваў “на высокіх нотах” і яму, Генадзю, і Маі, і добрай цешчы, якая дрыжала, каб, крый божа, не пакрыўдзіць дарагога зяцька [1, с. 34]*.

Асаблівасцю выкарыстання выклічнікавых фразеалагізмаў у мове раманаў з’яўляецца іх паўтаральнасць, ці частотнасць ужывання. Напрыклад, фразеалагічная адзінка *чорт вазьмі* адзначана ў рамане “Атланты і карыятыды” больш за 20 разоў, фразеалагізм *крый божа* ў рамане “Снежныя зімы” – 5 разоў, што сведчыць пра высокую ступень эмацыянальнасці персанажаў.

Яшчэ адной асаблівасцю выкарыстання выклічнікавых фразеалагізмаў у мове раманаў з’яўляецца іх паўтаральнасць у розных творах. Параўнанне толькі выклічнікавых фразеалагізмаў, ужытых у мове раманаў “Снежныя зімы” і “Атланты і карыятыды”, паказвае, што з агульнай колькасці іх у кожным творы (16 адзінак і 14 адзінак), 5 выклічнікавых фразеалагізмаў з’яўляюцца агульнымі для абодвух раманаў: *бог з вамі!; крый божа!; на табе!; чорт вазьмі!; чорт з ім / з табой / з вамі*.

Трэцяя асаблівасць ужывання выклічнікавых фразеалагізмаў у мове раманаў І. П. Шамякіна – іх варыянтнасць, г. зн. адзначаюцца адзінкі, кампаненты якіх змяняюцца ў залежнасці ад маўленчай сітуацыі ці ў залежнасці ад таго, да асобы якога пола, да адной ці некалькіх асоб адносіцца выражэнне пэўных эмоцый. Так, фразеалагізм *бог з табой* мае адпаведныя формы (– *Будзь здароў, Барон. А што, калі паспрабаваць жыць па тваёй, кацячай філасофіі? Як думаеш: атрымаецца? Але ж і згаладаўся ты, гультай. Ніякай увагі. Ну, бог з табой. Канчай сваю вячэру [2, с. 48]; А тут неяк вельмі хутка звывалася з думкай: калі каштанавы прыгажун гэты, Вадзім, і не ажэніцца – бог з ім, няхай гэта будзе на яго сумленні, мець дзіця для жанчыны – заўсёды ічасце [2, с. 217]), фразеалагізм *чорт з табой* у залежнасці ад сітуацыі выступае ў выглядзе лексічных варыянтаў, дзе варыянтным кампанентам з’яўляецца займеннік: толькі тут адзначаюцца два віды варыянтнасці: лексічная – *чорт з ім (Чорт з ім, няхай сцэле саломку, падушкі – што хоча! [1, с. 50])* і *чорт з табой (Хлопцам ён казаў: – Чорт з табой! Ты бяздарны тып [1, с. 284])* і граматычная – *чорт з ім (Чорт з ім, няхай сцэле саломку, падушкі – што хоча! [1, с. 50]) – чорт з імі (Свярбелі рукі, гарэла сэрца... Але – чорт з імі! – абы Пеця быў жывы! [1, с. 133]); чорт з табой (Хлопцам ён казаў: – Чорт з табой! Ты бяздарны тып [1, с. 284]) – чорт з вамі (Ну, чорт з вамі! На якое ліха мне, заўчаснаму пенсіянеру, заядацца!)” [1, с. 23])*.*

Такім чынам, выклічнікавыя фразеалагізмы ў мове рамана складаюць адметную групу моўных сродкаў як сярод усіх моўных адзінак, так і сярод фразеалагізмаў, што выступаюць сродкамі вобразнасці і эмацыянальнасці. Яны выконваюць не менш важную ролю, чым іншыя фразеалагічныя адзінкі, але іх функцыя ў адрозненне ад іншых марфалагічных тыпаў фразеалагізмаў, адрозная, паколькі выклічнікавыя фразеалагізмы служаць для выражэння розных пачуццяў, волевыяўленняў, не абазначаючы і не называючы іх пры гэтым.

Разам з іншымі фразеалагічнымі адзінкамі выклікавыя фразеалагізмы служаць, з аднаго боку, дадатковымі і выразнымі сродкамі выражэння эмацыянальнага стану герояў, іх асаблівасцей, з другога боку, характарызуюць і выяўляюць такія ідыястылёвыя рысы мовы мастака, як шырокае выкарыстанне выклікавых фразеалагізмаў, частотнасць іх ужывання, але, як правіла, праз паўтор адных і тых жа фразеалагізмаў ці праз варыянтнасць адной і той жа адзінкі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Шамякін, І. П. Снежныя зімы / І. П. Шамякін // Шамякін Іван. Збор твораў у шасці тамах. Т. 5. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1979. – 380 с.
2. Шамякін, І. П. Атланты і карыятыды / І. П. Шамякін // Шамякін Іван. Збор твораў у шасці тамах. Т. 6. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1979. – 588 с.
3. Сучасная беларуская мова : вучэб. дапам. / Л. М. Грыгор’ева [і інш.] ; пад агул. рэд. Л. М. Грыгор’евай. – 4-е выд., выпр. – Мінск : Выш. шк., 2011. – 622 с.
4. Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов ; под ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
5. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.

УДК (811.111+ 811.133.1+811.161.1)’44

А. Н. Шестернёва

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Рассматриваются критерии сравнительной типологии фразеологических единиц русского, английского, французского языков, выявляются сходства и различия между фразеологизмами данных языков на основе мотивированности связи компонентов и на основе семантических наслоений.

Фразеология каждого языка имеет свои уникальные особенности, однако существуют сходные черты, на основе которых можно выделять универсальные особенности фразеологических единиц разноструктурных языков [1].

При рассмотрении различных принципов изучения сверхсловных единиц английского, русского и французского языков можно сделать вывод, что подходы к изучению их фразеоматики во многом похожи. Несмотря на то, что фразеологи разных стран используют национальную терминологию, изучение некоторых аспектов плана содержания фразеологических единиц обнаруживает известную универсальность [2].

Так, мотивированность связи компонентов фразеологических единиц при всех своих различиях в интерпретации разных национальных фразеологических научных школ можно свести всего к трем следующим универсальным типам.

Застывшие фразеологические единицы – это единицы с фиксированными компонентами, немотивированные, неразложимые, все компоненты которых переосмыслены. Напр.: *бить баклуши, карачун пришел, как сидоровой козе* и др.

Варибельные фразеологические единицы – это единицы, имеющие в своем составе один опорный компонент и как минимум один незакрепленный компонент, имеющий прямое значение. Такие фразеологизмы имеют определенное значение, но только при условии, что они находятся в составе подходящего лексического окружения. Компоненты, входящие

в такие фразеологические единицы, имеют ограниченную сочетаемость и могут заменяться синонимами. Напр.: *всем кагалом – всем табором – всей толпой; абы как – абы где – абы с кем, сгорать со стыда – сгорать от любви* и др.

Незакрепленные (неустойчивые) фразеологические единицы – это такие фразеологизмы, в состав которых входят слова со свободным значением. Они имеют как прямое, так и переносное значение. И контекст помогает выявить значение такого рода выражений. Напр.: *рыть (себе, другому) яму* (можно употребить как в прямом, так и в переносном значении).

Межъязыковые сходства и различия фразеологических единиц (на основе мотивированности связи компонентов) русского, английского, французского языков можно представить в следующей таблице.

Тип единиц	Русский язык (в %)	Английский язык (в %)	Французский язык (в %)
Застывшие фразеологические единицы	45,7	40,7	36
Вариабельные фразеологические единицы	32,3	37	48,7
Незакрепленные фразеологические единицы	22	22,3	15,3

По критерию семантических наслоений (по отношению фразеологической номинации к действительности) можно выделить следующие основные типы фразеологизмов: с номинативным значением, пословичные и непословичные фразы, модальные, междометные и служебные.

Межъязыковые сходства и различия фразеологических единиц (на основе семантических наслоений) русского, английского, французского языков можно представить в следующей таблице.

Тип	Русский язык (в %)	Английский язык (в %)	Французский язык (в %)
Номинативные	68,3	71,7	74,3
Пословичные	15,6	10	12
Непословичные	1,7	1,6	6
Модальные	8,7	6,4	2,7
Междометные	5	4,3	1,6
Служебные	0,7	6	3,4

Таким образом, количество незакрепленных фразеологических единиц оказалось практически равным в английской и русской фразеологии, процент указанного типа несколько меньше во французском языке, что говорит о том, что для французских фразеологизмов характерна более фиксированная структура.

подавляющее большинство фразеологизмов русского, английского и французского языков являются номинативными, тем самым еще раз указывая на то, что первоначальная, основная функция фразеологических единиц – называть (с различной степенью экспрессивной оценки) реалии окружающего мира.

Список использованных источников

1 Иванов, Е. Е. Сравнительная типология фразеологии английского и белорусского языков (актуальность, методология, перспективы исследования) / Е. Е. Иванов, Ю. С. Зверева, А. Н. Шестернева //

Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015 : сб. науч. статей / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 164–168.

2 Шестернева, А. Н. О сравнительной типологии фразеологии английского, русского и белорусского языков / А. Н. Шестернева // Студії з філології та журналістики: зб. наук. праць / редкол.: В. В. Барчан, Л. О. Белей, Н. Ф. Венжинович (відп. ред.) та ін. – Ужгород : Гражда, 2016. – Вип. 4. – С. 212–214.

УДК 811.16`373.612.2:398.9:821.16-3

В. В. Шур

ФРАЗЕАЛАГІЗАЦЫЯ І МЕТАФАРЫЗАЦЫЯ ЗАГАЛОЎКАЎ У ТВОРАХ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці ўжывання некаторых фразеалагізмаў у якасці загатоўкаў мастацкіх тэкстаў, а таксама метафарызацыя некаторых словазлучэнняў і асобных слоў з выразным іншасказальным зместам, што выкарыстаны ў якасці загатоўкаў твораў мастацкай літаратуры. Абгрунтоўваецца сувязь сэнсаў такіх загатоўкаў з тэмай і ідэяй пэўнага твора.

Назва мастацкага тэксту любога жанру – самая актуальная яго прыкмета, гэта славесны комплекс з аднаго або некалькіх надзвычай актуальных слоў, значэнне якога імпліцытна праектуецца на змест усіх тэкставых узроўняў і яго частак, на яго агульную, скразную ідэю. Мы разглядаем усе разнавіднасці загатоўкаў як онімы – уласныя імёны мастацкіх тэкстаў. На думку псіхолагаў, якія вывучалі ўздзеянне загатоўкаў на схільнасці чытача да ўспрымання ўсяго тэксту, прыблізна 80 % чытачоў наогул звяртаюць увагу толькі на загаловак, які, як прасочана і эксперыментальна пацверджана, дае магчымасць абудзіць цікавасць да ўсяго твора.

У загатоўку зашыфравана даволі важная і істотная інфармацыя для правільнага ўспрыняцця твора, *загалолак-онім* у тэксце, безумоўна, уяўляе асаблівы код, асаблівую разнавіднасць уласных імёнаў. Тэкст мастацкага твора ў адносінах да яго загатоўка выступае як *“індывідуальная распаўсюджаная перыфраза”*, а загаловак у сваю чаргу ўяўляе *“жахліва ўшчыльненую абрэвіятуру тэксту”* (В. П. Грыгор’еў).

Часткова фразеалагізмы-загатоўкі намі ўжо разглядаліся на навуковай канферэнцыі “Славянская фразеалогія в синхронии и диахронии” (Гомель, 2011, С. 231–235), дзе на прыкладах з беларускай мастацкай літаратуры прасочана, што ў якасці галоўных онімаў мастацкіх тэкстаў могуць выступаць некаторыя агульнавядомыя фразеалагізмы і параўнальна новыя метафарызаваныя словазлучэнні, перыфразы – патэнцыяльныя ўстойлівыя выразы, з’яўляючыся вельмі арыгінальнымі, змястоўнымі выразамі пераважна з іншасказальным зместам. Намі ўжо разгледжаны наступныя фразеалагізмы і перыфразы, якія пісьменнікамі выкарыстаны як загатоўкі мастацкіх тэкстаў: *“На ростанях”*, *“На ростані”*, *“Лявоніха на арбіце”*, *“Зямля пад белымі крыламі”* (гл., напрыклад, манаграфію “Уласнае імя ў соцыуме і мастацкім тэксце” (Мінск, 2015. С. 47–77).

І. Я. Лепешаў прасачыў, што ў беларускай мастацкай літаратуры ў выніку метафарызацыі і іншых лінгвістычных працэсаў сталі загатоўкамі мастацкіх твораў фразеалагізаваныя крапіваўскія выразы *“Жаба ў каляіне”*, *“Хто смяецца апошнім”*, гэтым даследчыкам таксама пераканальна растлумачана, як фразеалагізаваліся і нават ідэалагізаваліся загатоўкі апавядання В. Быкава *“Ружовы туман”*, аповесці *“У тумане”*, а Кузьма Чорны адно свае апавяданне, стаўшае хрэстаматычным, назваў *“Вялікае сэрца”*. Гэты

даследчык у асобным артыкуле падрабязна растлумачыў, як шырокім мастацкім фонам метафарызуецца, рэалізуецца значэнне гэтага параўнальна новага фразеалагізма, які ўзнік на аснове свабоднага словазлучэння (пра таго, хто здольны моцна адчуваць, быць добрым, чулым, спагадлівым), і як некаторыя, нават спецыялісты-філолагі, няправільна, часам памылкова выкарыстоўваюць гэты выраз ужо як кампанент загаловка навуковага тэксту (напрыклад, у “Родным слове” (№ 6, 2013) быў змешчаны артыкул з няўдалай назвай “*Васіль Быкаў – Вялікае сэрца народа*”) [1, с. 107].

Патрабавальны да сябе пісьменнік не заўсёды можа адразу падабраць удалы онім-загалолак да свайго новага твора. І такіх прыкладаў нямала. Вядома, што вельмі ўважлівым і асцярожным да загаловкаў быў Леў Талстой. Канстанцін Федзін таксама ў гэтай сувязі адзначыў, што выбраць добры загололак – даволі цяжкая задача: прыйдуць у галаву цудоўныя варыянты, але выяўляецца, што яны ўжо былі ў іншых пісьменнікаў. Напрыклад, Іван Мележ, прынёсшы ў рэдакцыю “Полымя” свой чарговы рукапіс, як успамінаў яго зямляк Барыс Сачанка, падрыхтаваў спачатку 15 варыянтаў загаловкаў да новага рамана з “*Палескай хронікі*”, які цяпер добра вядомы пад назвай “*Людзі на балоце*”, але найбольш тады яму падабаліся дзве – “*Людзі на балоце*” і “*Туман над багнай*”... А прапаноўваліся і “*Людзі ў балоце*”, і “*Людзі сярод балот*”, і “*Балотныя людзі*” і інш. У рэдакцыі пачалося непаспешлівае, павольнае абмеркаванне то адной, то другой назвы. У кожнай з іх было нешта мілае, прывабнае і разам з тым... Другі раман гэтага аўтара, як прадаўжаў Б. Сачанка, з цыкла “*Палеская хроніка*” ў канчатковым варыянце быў названы “*Подых навальніцы*”, а папярэдне, як успамінаюць сябры пісьменніка, меў рабочую назву “*Навальніца над полем*”. Сэнс некаторых загаловкаў мастацкіх тэкстаў, як вядома, лёгка ўсведамляецца, у іх звычайна выяўляецца аўтарская ідэя, асабліва тады, калі загортваецца апошняя старонка твора.

Даволі часта літаратурныя крытыкі, аналізуючы мастацкі твор, найперш у самым агульным выглядзе спрабуюць тлумачыць яго назву. Так, У. Юрэвіч у артыкуле “*Вяртанне ў маладосць*” каменціруе некаторыя загаловкі раманаў, зборнікаў І. Навуменкі “Кожны раз, калі я сустракаю Івана Якаўлевіча Навуменку, гляджу на яго высокую, мажную постаць, на тое, як ён штораз прывычным жэстам рукі адкідвае непаслухмяную копачку цёмных, не кранутых яшчэ як след узростам валасоў, чую яго прыглушаную гаворку, мне прыгадваецца сасна на сухім грудку ля чыгуначнага пераезда, якіх давялося шмат бачыць на радзіме пісьменніка, на Палесі. Адно з такіх дрэваў дасць назву першаму рамана “*Сасна пры дарозе*”, і вобраз гэты запомніцца надоўга як сімвал сонечнага характа на зямлі, якое нікому не па сіле адолець. “Гэты раман Янка Брыль вобразна і метафарычна назваў “*песняй адной моладасці*”, а Максім Танк – “*Прайсці праз вернасць. “Сямнаццатай вясной*” – так называўся першы зборнік І. Навуменкі, выдадзены ў 1957 годзе ў серыі “Бібліятэчка беларускага нарыса і апавядання”. У назве зборніка як бы канцэнтравалася абсяг тагачасных задум маладога аўтара – узнавіць вобраз таго пакалення, якое ў няпоўных сямнаццаць вымушана было сутыкнуцца з вялікай бядой, што навалілася на нашу краіну. Большасць яго сюжэтаў – гэта ўспаміны, пераважна своеасабліва перанесенае праз мастацкія ўмоўнасці, вяртанне ў маладосць і юнацтва: “*Вераніка*”, “*Таполі юнацтва*”, “*Сямнаццатай вясной*”, “*Хлопцы самай вялікай вайны*”, “*Вайна каля Цітавай копанкі*”, “*Замяць жаўталісця*”, “*Хлопцы-равеснікі*”, “*Падарожжа ў юнацтва*”, “*Пераломны ўзрост*”, “*Сасна пры дарозе*”, “*Вецер у соснах*”, “*Сорак трэці*” і інш. Такія назвы выразна ілюструюць аўтабіяграфізм твораў Івана Навуменкі. Героі яго апавяданняў, аповесцей і раманаў, як падкрэсліваюць даследчыкі творчасці пісьменніка, – у большасці летуценнікі, максімалісты, рамантыкі, верныя вечным каштоўнасцям – дабрыні, сяброўству, справядлівасці. Такія загаловкі даюць магчымасць чытачу прасачыць асаблівае выяўленне фактаў “знешняй” і “ўнутранай” біяграфіі пісьменніка. Загаловкі мастацкіх твораў Івана Навуменкі ўмела абыграў паэт Уладзімір Верамейчык у вершы “Таполі юнацтва”: “*Вы сталі народным. / Высокае званне. / Ля Цітавай копанкі – мір. / Лятуць з Васілевіч да Вас віншаванні, / Бо Вы і зямляк і кумір. / Хоць хлопцы-равеснікі моцна ссівелі, / Таполі юнацтва шумяць. / Ды Вы, летуценнік, не*

пастарэлі, / Мы просім пісаць і пісаць. / Няхай не паўторыцца той сорок трэці. / Хай бульба раскошна цвіце, / Няхай на планеце не ведаюць смерці, / Дзяцінства хай шчасна расце. / Не быць Вам ніколі ў зморы і скрусе, / Часцей к землякам прыезджаць, / Бо ў Васілевічах і ў Беларусі / Таполі юнацтва шумяць". У апавяданнях, аповесцях, раманах Івана Навуменкі выяўляюцца спецыфічныя блокі – загалёўкі, якія ў канцэнтраваным згустку настальгічных кампанентаў успамінаў лірычнага героя, з пазіцый пэўнага жыццёвага вопыту, з перспектывы аддаленасці ў часе і прасторы вяртаюць чытача ў маладосць і юнацтва галоўных персанажаў, а найперш самога пісьменніка.

Некаторыя загалёўкі як алюзійны кампанент усяго тэксту паўторна выкарыстоўваюцца ў новым тэксце для стварэння пэўнага культурна-гістарычнага каларыту, які засноўваецца на кампетэнцыі стваральніка новага тэксту (пісьменніка) і інтэлектуальна дасведчанага чытача. Алюзійны кампанент, г. зн. паўтор вядомага чытачу ў новым тэксце, напрыклад, у вершы С. Чыгрына *“Васілю Быкаву”* уяўляе сабой тэкставы фрагмент з твораў В. Быкава, які адрозніваецца ад звычайных тым, што ён здольны ўскладняць новы вершаваны тэкст дзякуючы магчымасці сумяшчаць, спалучаць у адным азначэнні два, з іх адно належыць іншай сяміятычнай прасторы. Такім чынам, алюзійны кампанент, у нашым выпадку – гэта загалёўкі або іх кампаненты з твораў В. Быкава, набывае выразна акрэсленую мастацка-эстэтычную напоўненасць, якая паўтараецца і актуалізуецца ў наступных вершаваных радках паэта С. Чыгрына: *Вайна – гэта знак бяды, / яе немагчыма забыць. / А мёртвым не трэба вады, / А мёртвым ужо не баліць. // Праз порах і дым вайны, / Праз пасткі / І праз вышыні / Ішлі батальёна сыны / І воўчую зграю крушылі. // Абеліскі вітаюць зару, / Жураўліныя крыкі ачнуцца... / Праз Альпы ў Беларусь / Пайсці, дажыць і вярнуцца* (С. Чыгрын *“Васілю Быкаву”*).

Выраз *“Вайна над стрэхамі”*, які Алесь Адамовіч зрабіў алагічна вобразным загалёўкам мастацкага твора – назвай аднайменнага рамана, у нашай літаратуры стаў таксама сімвалам, узнёсла называючы ўсенародную партызанскую барацьбу. Не выпадкова ж даследчыкі ваеннай прозы Івана Навуменкі пісалі, што ён, як і А. Адамовіч, “узnavіў пераважна *“вайну над стрэхамі”*, ...што, пэўна, выцякала з імкнення пісьменніка стварыць у сваёй трылогіі панараму ўсенароднай вайны на акупіраванай ворагамі тэрыторыі” (Т. Грамадчанка). Скульптар Заір Азгур, маляючы творчыя партрэты дзеячоў беларускай культуры, Алеся Адамовіча, Рыгора Шырмы, Стэфаніі Станюты, Фларыяна Жыновіча і інш., падрабязна выказаўся і пра творчасць Алеся Адамовіча. У прыватнасці, пракаменціраваў некаторыя загалёўкі твораў пісьменніка: лаканічная назва аповесці *“Карнікі”* дакладна перадае яго агульны змест, бо *карнік*, як піша Азгур, гэта вораг чалавека, кат, узброены хам, крывапіўца... У вайну зразумелі мы гэта, і, мусіць, ніколі ўжо наша пакаленне не ўбачыць і не адчуе іншага сэнсу ў слове *“карнік”*... “Карнікі” – своеасаблівая духоўная анатомія бесчалавечнасці, а аўтар гэтай кнігі – сапраўдны савецкі чалавек. Другі твор гэтага аўтара *“Хатынская аповесць”*, набатная назва спаленай вёскі – *Хатынь*. Гэтыя кнігі – высновы і развагі, выказаныя вельмі пераканальна, пра самую бесчалавечную і пачварную сілу фашызму – пра выканаўцаў волі фюрэра (Заір Азгур. Тое, што помніцца // Польшча – 1981. – № 9. – С. 195–226).

Іван Шамякін таксама ўважліва ставіўся да выбару загалёўкаў сваіх твораў. Даследчыкі яго прозы ўжо ў першых раманах, аповесцях выяўляюць сімвалізм, сэнсавыя прырашчэнні, наватарства, узбагачанае традыцыямі сусветнай літаратуры ў выбары бібліонімаў. Так, загаловак аповесці *“Помста”* (параўн.: *помста* – адплата за прычыненое зло) выразна прэтэндуе на шматзначнасць. Змест жа гэтай аповесці, як падкрэслівалі ўважлівыя, самыя першыя крытыкі яго твораў, наадварот, заклікаў да чалавечнасці і разважлівасці, нагадваў пра неабходнасць гуманнага, разумнага і справядлівага размежавання вінаватых і невінаватых. Удамы і метафарычна ўзбагачаны выраз *“глыбокая плынь”*. Стаўшы загалёўкам, назваю першага ў гэтага маладога аўтара потым знакамітага рамана, ён набыў асаблівую яскравасць і новае семантычнае напаўненне. Як пісалі

даследчыкі, “*глыбіня*” выклікае цэлы ланцуг самых рознах асацыяцый, выводзячы на сэнс сакральны, метафізічны: “*глыбокі*” – значыць, важны, неадназначны, мудры. Так, дачка пісьменніка, прафесар Таццяна Шамякіна, якая крытычна ставілася да асобных загаловаў бацькі-пісьменніка, адзначала: “...назва выключна ўдалая. Сам выраз – “*глыбокая плынь*” – хоць і не крылаты, але сустракаецца ў народным уяўленні... Назва прама падказвала пра народны характар партызанскай барацьбы”. Пад “*глыбінёй*” разумеюць і ваду, і зямлю з яе падводнымі рэчышчамі, і падсвядомасць самога чалавека. Пісьменніка хвалявалі *глыбіня* (сутнасць) і першавыток розных з’яў, сімвалічна звязаных перш за ўсё з вобразам вады, пра што сведчыць заглавак яшчэ аднаго рамана – “*Крыніцы*”..., крыніцы як вядома, “*б’юць з глыбінь*”, так што назва, такім чынам, працягвае сімвалічную лінію першага рамана [2, с. 138–139].

Лінгвагеаграфічныя асаблівасці апелятыва *крыніца* даволі падрабязна прасачыла А. Манаенкава, узяўшы за аснову зыходныя формы і значэнні гэтага слова з родных для Шамякіна добрушскіх і веткаўскіх гаворак. Вось некаторыя абагульненні, зробленыя даследчыцай, важныя ў нашым кантэксце. Калі ваду жывёле і для гаспадарчых патрэб бяруць з калодзежа (або копанкі), то для піцца і падрыхтоўкі ежы жыхары некаторых сёл Гомельшчыны выкарыстоўваюць крынічную: з крыніцы (у русле спецыяльна выкапана паглыбленне, дзе збіраецца вада, або ў той мясціне ставяць калодзеж). Слова *крыніца* са значэннем ‘калодзеж’ вядомае як “абласное” ў курскіх, смаленскіх, пскоўскіх, данскіх, варонежскіх, бранскіх гаворках. Наяўнасць яго ў названых рускіх гаворках, як лічаць Ф. Філін і А. Манаенкава, тлумачыцца ўплывам на іх беларускай і ўкраінскай моў [3, с. 81].

Сімвалізмам, шматзначнасцю вызначаюцца і іншыя загаловкі твораў гэтага класіка. Так, *сэрца на далоні* – гэта не анатамічны экспанат, не алагічнае словазлучэнне, а з лёгкай рукі пісьменніка назва рамана – сімвал дзейснага гуманізму. Назва яшчэ аднаго рамана І. Шамякіна “*Злая зорка*” таксама выразна сімвалічная: твор пра самую вялікую катастрофу XX стагоддзя, якую найбольш спазнала наша Беларусь і асабліва малая радзіма пісьменніка, – пра падзеі, звязаныя з аварыяй на Чарнобыльскай АЭС. Вобраз палынай зоркі, як сведчаць даследчыкі, узяты з *Апакаліпсісу*, прарочыць канец свету, гэта назва – полісемант, яна сімвалізавала вынікі і “брэжнеўскага застою”, і пачатак катастрофізму “дэмакратычнай эпохі”, і “перабудовы”, уласцівай дзевяностым гадам XX ст. у былым СССР. Стварэнне гэтага заглаўка каменціруе сам пісьменнік: “... *ездзілі з хойніцкімі хлопцамі, маімі маладымі сябрамі – Міколам Мятліцкім і Барысам Сачанкам. Трапілі на другое адсяленне: галасіла родная вёска Міколы Бабчын. Не помню, з якога факта завязаўся сюжэт... Ці не з рэплікі нейкага з кіраўнікоў, што жаніў сына ў страшны красавіцкі дзень. А другі вельмі хваляваўся, што сына-афіцэра з Грузіі паслалі ў Афганістан. Звязаў у адно, пісаў ліхаманкава, як, можа, некалі ў маладосці “Глыбокую плынь”. Ажно сэрца забалела. Напісаў хутка. Назву ўзяў з Бібліі. з “Адкрыцця Святога Іаана Багаслова”: “Трэці ангел вострубил и упала большая звезда. Имя той звезды Полынь...” Па-ўкраінску палын – чарнобыль [Полымя – 2003. – № 9. – С. 49]. Такім чынам, у аснове назвы спецыфічная метафарызаваная перыфраза, а назва горада *Чарнобыль*, знішчанага радыяцыйным забруджваннем, якая стала сімвалам самай буйной тэхнагеннай катастрофы XX ст., вядомая ва ўсім свеце. Станаўленне назвы можна ілюстраваць наступнай схемай: *чарнобыль* (назва разнавіднасці палыну) → *Чарнобыль* – айконім, назва горада на беразе Прыпяці, дзе, відаць, раней было многа гэтага палыну) – *Чарнобыль* (ЧАЭС) – метафарызаваная назва, якая сімвалізуе сусветную глабальную катастрофу, вынікі якой найбольш закранулі Беларусь, асабліва паўднёва-ўсходнія раёны беларускага Палесся, малую радзіму пісьменніка. Удалым атрымаўся і заглавак “*Сэрца на далоні*”, бо такі выраз стаў сімвалам чалавечнасці, чуласці да чужога болю, любові да людзей. Твор пісаўся на хвалі аднаўлення савецкай краіны пасля культу асобы Сталіна. Людзі, як пісаў пра гэты раман Алесь Бельскі, верылі ў “*добры час*”, справядлівасць, змены да лепшага і сваю будучыню. Такім чынам, шырокім фонам, не толькі сапраўднай аперацыяй на траўміраваным сэрцы дачкі Савіча, якую правёў доктар Яраш, іншымі апісаннямі пра*

гуманізм І. Шамякін падводзіць чытачоў да думкі, што толькі сумленнасць, спагада, міласэрнасць, чалавекалюбства, служэнне людзям могуць зрабіць духоўна трывалым наша грамадства [4, с. 17].

Некаторыя загалюкі ствараюцца на незвычайным спалучэнні слоў-кампанентаў, утвараючы такім чынам такую стылістычную фігуру, як *аксюмаран* – узаемадзеянне супрацьлеглых дэфініцый, якія лагічна выключаюць адна другую, але, ужытыя разам, даюць новае патрэбнае пісьменніку па яго задуме мастацкае ўяўленне [5, с. 78]. Параўн.: “*Гарачы снег*”, “*Жывы труп*”, “*Святыя грэшнікі*”, “*Антымістычная трагедыя*”, “*Жывыя мошчы*”. У гэты незвычайны і запамінальны для любога чытача набор загалюкаў з твораў сусветнай літаратуры ўваходзіць і назва пенталогіі І. Шамякіна таксама з алагічнай назвай “*Трывожнае шчасце*” – адзін з лепшых яго твораў пра вайну і каханне, пра вернасць пачуццяў і сардэчнасць, абавязак і, безумоўна, як скразная тэма амаль усіх яго раманаў і аповесцяў – найперш пра патрыятызм, вернасць абавязку, любоў да блізкіх, да малой і вялікай Радзімы. Твор і сёння, хаця і быў напісаны ў канцы 50-х – пачатку 60-х гадоў ХХ ст., актуальны і лічыцца наватарскім у беларускай мастацкай літаратуры, і, як сведчаць апытанні школьнікаў, студэнтаў, ён у ліку і самых папулярных у беларускай літаратуры (Э. Іофе).

Абаяльнасць, цікавасць да рамана “*Трывожнае шчасце*” не ў апошнюю чаргу абумоўлена тымі абставінамі і тым месцам, дзе твор пісаўся (перважна ў *Церусе* на працягу некалькіх гадоў)... Знаёмства з *Церухой* у І. Шамякіна адбылося яшчэ ў дзяцінстве. Яго бацьку Пятра Мінавіча, лесніка, здаралася, пераводзілі з месца на месца. Нейкі час у пачатку 1930-х гадоў ён працаваў у лесе каля вялікай вёскі, фактычна мястэчка *Церуха*, блізкай да Гомеля. Тут сям’я пражыла адзін год, калі Іван вучыўся ў пятым класе. Прыгожая прырода ваколіц вёскі асабліва кранула сэрца ўражлівага хлопца, але галоўнае – тут ён сустрэў сваю будучую жонку – каранную церушанку *Марыю Філатаўну Кротава*, якая стала прататыпам многіх яго гераінь. ...Прыгажосць ваколіц *Церухі* на ўсё жыццё ўвайшла ў сэрца будучага пісьменніка. У 1951 годзе на грошы Сталінскай прэміі за раман “*Глыбокая плынь*”, у якім пазнаецца згаданая мясцовасць, І. Шамякін будзе ў *Церусе* звычайную вясковую хату, куды пастаянна прыежджае з сям’ёю на лета прыкладна да сярэдзіны 60-х гадоў. Тут, у *Церусе*, напісаны раманы “*У добры час*”, “*Крыніцы*”, “*Трывожнае шчасце*”, “*Сэрца на далоні*”... Нягледзячы на адсутнасць звыклага камфорту, І. Шамякін любіў *Церуху*, як любяць родны кут, малую радзіму, як любяць месца, што дае магутны стымул для творчасці і ў той жа час дорыць сапраўдны адпачынак – не бяздумны, а таксама творчы. Ужо ў канцы жыцця І. Шамякін гаварыў, што нідзе яму так добра не працавалася, як у *Церусе* [2, с. 60–70]. Над цыклам аповесцей, якія Іван Шамякін увасобіў у пенталогію “*Трывожнае шчасце*”, пісьменнік працаваў 8 гадоў (1956–1963), увабраўшы ў сюжэт значную частку жыццёвай сваёй біяграфіі, грунтуючыся на рэальных прататыпах. Пра гэты час і працу пісьменнік пісаў: “...*найбольш поўна апісаў я гісторыю свайго юнацтва, сваіх дзіцяча-юнацкіх захапленняў і таго кахання, што засталася на ўсё жыццё, што дало мне найлепшага сябра – жонку, маю Машу, і з ёй поўнае чалавечае шчасце*”. Марыя Філіпаўна, жонка пісьменніка, і ёсць прататып фельчаркі *Сашы Траянавай*. Яна з’яўляецца той рэальнай асобай, жыццё і асобныя ўчынкі якой паслужылі пісьменніку асновай для стварэння літаратурнага вобраза. Такім чынам, “*Трывожнае шчасце*” мае аўтабіяграфічную аснову, што ў значнай ступені забяспечыла псіхалагічную дакладнасць, пераканальнасць характараў [4, с. 119].

Спіс выкарыстаных крыніц

- 1 Лепешаў, Іван. Пошукі і роздум : зб. артыкулаў / Іван Лепешаў. – Гродна : ЮРСаПрынг, 2014. – 152 с.
- 2 Шамякін, Іван: вядомы і невядомы: успаміны, эсэ, аповесць / уклад. Т. І. Шамякіна. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – 272 с.
- 3 Манаенкава, А. Ф. Русско-белорусские языковые отношения (на матер. русских говоров Ветки) / А. Ф. Манаенкава. – Мн. : БГУ, 1978. – 168 с.

4 Бельскі, А. І. Раман І. Шамякіна “Сэрца на далоні”// Беларуская мова і літаратура. – 2009. – № 4. – С. 14–17.

5 Аммон, Марына. Матыў фантастычнага падарожжа ў творчасці В. Адамчыка / Марына Аммон // Роднае слова. – 2013. – № 11. – С. 3–6.

УДК 811.161.2'373.7:398.3

О. В. Яковлєва

СИМВОЛІКА ЧОЛОВІКА І ЖІНКИ У НАРОДНИХ ВІРУВАННЯХ (НА МАТЕРІАЛІ УКРАЇНСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ)

В статъе описана символика мужского и женского начала на материале украинских фразеологизмов, основанная на народных верованиях и мифологии украинцев. Выделена традиционная символика в рамках оппозиции «мужчина и женщина», представленная дихотомией: огонь / вода; небо / земля; солнце / земля; дождь / земля; добро и зло; голубь / голубка и др. Мужское и женское начало характеризует мифологическое восприятие мира далекими предками, дошедшее до нас в системе национальных символов.

Об'єктом сучасних лінгвістичних досліджень все частіше стає живий організм людської мови; саме він змушує мовознавців шукати вектори поєднання, синтезу різних парадигм, методів і принципів, а також доповнювати „великий метод” антропоцентризму етно- та культуроцентризмом [1, с. 7].

Оскільки мова, як і кожне суспільне явище, безперервно розвивається, разом з нею в постійному русі перебуває і її фразеологічний фонд. Фразеологія національної мови – скарбниця народної пам'яті, куди включаємо прислів'я та приказки. Як окремий розділ мовознавства, фразеологія почала інтенсивно розвиватися з початку ХХ століття. За цей час було поставлено і розв'язано цілий ряд важливих питань, але в сучасному мовознавстві в ученні про фразеологію існує ще багато проблем [2, с. 21].

Перш за все, звертає увагу багатофокусна концепція аналізу фразеологічного фонду української мови, яка виходить за межі традиційних семантичних та етимологічних розвідок, і яку запропонувала О. Селіванова [1, с. 8].

Масштабність проблематики в роботах сучасних дослідників, таких як Л. Авксентьєв, Л. Верба, І. Голубовська, Н. Дем'яненко, В. Іващенко, О. Майборода, Л. Ніколаєнко, Г. Оникович, О. Селіванова та інших, зумовлена як традиційними мовознавчими параметрами фразеологічної одиниці, так і специфічною природою надслівного мовного знака з особливою внутрішньою організацією семантики й граматичної структури.

Відомо, що фразеологічна одиниця – це складна одиниця мови як за своїм значенням, так і за формою. В основі семантики більшості фразеологізмів лежить етимологічний елемент змісту, який є не що інше, як залишкове уявлення про будь-який факт, явище, подію, ознаку. Це уявлення в період становлення фразеологізмів із порівняльних, метафоричних, метонімічних та інших словосполучень було більш рельєфним, могло відображати реальні факти, наприклад, *грім з неба, гріти руки, накрити когось мокрим рядом* тощо, і могло бути нереальним, мало характер вимислу, являло собою своєрідний конструкт людської фантазії, наприклад, *писати як курка лапою* [3, с. 45]. Але фразеологізм не тільки складна одиниця за своїм значенням і формою, фразеологізм є діалектично суперечливою єдністю змісту і форми, раціонального й емоціонального, експліцитного й імпліцитного, образного й безобразного. Постійна взаємодія, детермінованість його складників – важливе джерело динамізму фразем, актуалізації їх внутрішньої форми [4, с. 15].

Відомо, що фразеологізми виконують не стільки номінативну функцію, скільки експресивно-оцінну, прагматичну, когнітивну, коли вербалізуються елементи матеріальної і духовної культури – могутньої екстралінгвістичної підоснови фразеологічного корпусу [там само].

Ми повністю розділяємо думку О. Селіванової про те, що фразеологізми будь-якої мови є лінгвосеміотичним феноменом, вони формують особливу „підмову”, в якій в усталеній формі зберігаються і транслюються уявлення етносу про світ [1, с. 11].

З іншого боку, фразеологічний фонд мови народу є те живе і невичерпне джерело, яке забезпечує збагачення літературної мови новими виражальними засобами. Це джерело яскравих рис національного характеру й неповторного колориту [5, с. 66].

Отже, – робить справедливий висновок О. Майборода, – „Фразеологія – не тільки окраса, скарб мови і народного досвіду, а й наука народознавства [6, с. 17].

Актуальність обраної нами теми полягає в тому, що вона пов'язана з мовною картиною світу, яка „привертає увагу все більшої кількості дослідників і розробляється на різних мовних рівнях” [7, с.117]. Проблема мовної картини світу невіддільна від ширшої проблеми взаємних відношень мови і мислення, у нашому випадку – мови і міфологічного типу мислення предків.

Мовна картина світу є експлікацією національно-специфічної концептуальної картини світу в її кінцевому оформленні засобами конкретної мови під знаком або патріархальної, або матріархальної системи координат суспільного мислення. Відповідно, мовна картина світу може бути маркована або як маскуліноцентрична, або як феміноцентрична. Отже, момент «дискримінації» однієї статі на користь іншої залишається в будь-якому разі присутнім. Гендерно «правильна» мова (термін Д. Вайса) може бути «правильною» лише з погляду однієї статі [8, с. 25].

Визначення категорій фемінності та маскуліності як культурних концептів більшістю дослідників не є випадковим, адже опозиція *чоловічого/ жіночого* є однією з найдавніших опозицій у мовній свідомості різних народів та сягає своїм корінням у міфологічне світосприйняття. У свідомості прадавньої людини вищезазначена опозиція сприймалася як дві іпостасі людського буття, що є основою світосприйняття. Обидві статі упродовж тисячоліть осмислювалися як дві сторони одного явища, як протилежності, що доповнюють одна одну, як втілене добро і зло, сильне і слабке, праведне і грішне. А. Архангельська зазначає, що при цьому в патріархальному суспільстві жінка усвідомлювалася як атрибут чоловіка, у матріархальному – навпаки [там само, с. 23–26].

У прадавніх віруваннях українців символами чоловіка і жінки були вогонь і вода (*Вогонь – цар, а водиця – цариця* [9, с. 18]), небо (дош: *Чоловік – не глина, а дош – не дубина, не розмочить і не поб'є* [9, с. 21]) і земля тощо. Звернемося до найдавніших уявлень щодо вогню. У міфологічній свідомості наших предків існували чіткі паралелі між космогонією (творенням, „народженням” Всесвіту), тобто початком життя в природі, і початком людського життя. „Космогонічний міф, – пише М. Еліаде, – служить зразковою моделлю для всіх видів „діяння”. Ніщо краще не забезпечує успіху в творенні та творчості (будь то селище, дім чи дитина), ніж копіювання космогонічного „творіння” [10, с. 16]. На таку символічну спільність вказували І. Нечуй-Левицький, М. Максимович, С. Килимник та інші дослідники українського міфологічного світогляду.

Наприклад, І. Нечуй-Левицький так пояснює зв'язок народження Всесвіту і людини: „На думку про сотворіння людського тіла з дерева, а людської душі з огню навело людей небесне з'явище грому і блискавки в літніх хмарах, звідкіль розвивається початок життя в природі, де в небесному мировому дереві життя, в хмарах запалюється свічка мирового життя і божественна іскра – блискавка... Тут ми бачимо ту саму ідею про початок мирового життя, як і про початок людського життя: блискавка б'є в хмару і викрешує з неї іскру світового життя” [11, с. 133].

Аналогічні думки знаходимо і в інших авторів. Так, Л. Іваннікова пише: „Дош, що спадає на землю, це вода, запліднена вогнем, світлом і від нього все родить. Це водночас

шлюбне поєднання неба (чоловіка) і землі (жінки), після цього вона родить жито-пшеницю і всяку пашницю. Відгомін цих уявлень зберігається в піснях, баладах, повір'ях, обрядовості” [12, с. 33].

У народних віруваннях закріпилося уявлення, що навесні Ярило-Сонце відчиняє небо і випускає тепло, дощ та росу на землю. В результаті відбувається „запліднення” Землі-матері. У веснянці з Волині співається: *Та Урай матку кличе: та подай, матко, ключа одімкнути небо, випустити росу, дівоцьку красу* [13, с.108].

Культ Сонця, що „вийшов із культа світла чи вогню” [14, с. 67], без сумніву, був найдавнішим у наших предків, і з часом у міфологічній свідомості первісних людей стійкою стала формула: ”бог-вогонь – бог-Сонце”. Пригадаємо, що основним принципом архаїчної свідомості був принцип аналогії. Отже, бог-Сонце, як і всі інші божества, жили і виконували обов'язки за аналогією і зразком з членами найдавніших об'єднань людей, якими були община, плем'я, сім'я.

В текстах усної народної творчості символом жінки часто є сонце. У прислів'ях закріпилася та ж символіка: *Зимове сонце, як удовине серце. Весняне сонце – як дівчини серце* [9, с. 11].

З трипільських часів сакральним вважалося місце, де зберігався вогонь в печері, а пізніше в печері-хаті. Отже, цілком зрозуміло, що символом материнського начала й непорушності сім'ї у слов'ян була піч. „*Піч – наче мати рідна*”, – казали в давнину [15, с. 374].

Цікавими в цьому плані вважаємо етнографічні дослідження. „Вариста українська піч завжди займала внутрішній кут хати з одного боку від вхідних дверей і була обернена своїм отвором (*челюстями*) до фасадної стіни (*чільної, входової, передньої*), в якій були вікна... В бідняцьких хатах Полісся та Карпат майже до початку ХХ ст. побутувала архаїчна форма курної печі (*курянка, піч по-чорному*), дим від якої йшов просто в хату” [16, с. 20].

Д. Зеленін звернув увагу на те, що у східних слов'ян для збереження вогню з лівого боку в печі робилося спеціальне заглиблення – загнета (рос. *бабка, бабурка*; укр. *пріпичок*). В це заглиблення з печі замітають гаряче вугілля, притрушують попелом. Хороша хазяйка дбала про те, щоб вугілля завжди було гаряче, і в будь-який час можна було роздути вогонь. У білорусів зафіксована традиція при переїзді у новий дім спочатку вносити туди вогонь „із очага”, а потім вносити увесь скарб [17, с. 130].

Піч для вогню як живої істоти була житлом. Мабуть, саме тому за аналогією (в результаті метонімічного перенесення, що ґрунтується на просторовій суміжності) піч у фольклорних текстах виступає живою, антропоморфною істотою жіночої статі: *Наша піч теркочет, чогось она хочет... У нашої печі золотії плечи...* [18, с. 171]; *Ой піч наша регоче, короваю хоче...* [там само]; *Наша піч корогодит, на ноженьках ходит...* [там само; 174].

З давніх-давен люди вважали себе частиною живої природи: *Природа одному мама, а другому мачуха* [9, с. 10]. На думку В. Проппа, не було випадковим переплетіння землеробських і шлюбних мотивів..., поєднання чоловічого та жіночого начала вважалося необхідним з ціллю вплинути на родючість землі [19, с. 54], яку називали матір'ю: *Земля – наша мати, всіх годує; Доглядай землю плідну, як матір рідну* [9, с. 12– 13].

Прадавня людина помічала ієрархію між різноманітними силами природи: *Вогонь добрий слуга, але поганий хазяїн* [9, с. 18].

Формування поняття “особистість” пов'язано з процесом формування категорії *живий / неживий* предмет у мові. Стосовно жіночої статі цей процес почався тільки після того, як повністю завершився для осіб чоловічої статі, коли охопив їх в однині та множині. Хронологічно це сталося в кінці XV – на початку XVII ст. (пор. з висновком В. Виноградова про те, що поняття “особистість” сформувалося до XVII ст.). На підставі сказаного, зробимо висновок про міжособистісні стосунки між чоловіком та жінкою у суспільстві. В той період жінка повністю залежала від чоловіка. Розглянемо ці стосунки на рівні сім'ї, що яскраво представлено у фразеологічному фонді кожної мови. Тут ми виділяємо декілька типових моделей: 1) чоловік і жінка – полярність протилежностей: *Без чоловіка – то так, як без*

голови; Без жінки так, як без ума; Без жінки – як без кішки; Без жінки – як без рук; В хаті жінка три кути держить, муж – четвертий [9, с. 95]; 2) чоловік і жінка – єдність протилежностей: Найкраця спілка чоловік і жінка; Чоловік – голова, жінка – шия: куди захоче, туди й поверне; Де муж старий, а жінка молода, там рідко згода; Добра жінка мужа на ноги поставить, а зла і з ніг звалить; Жінка не бита, як миска не мита [9, с. 96]; 3) чоловік і жінка – нерозривна єдність: Жінка – не лапоть, з ноги не скинеш; Жінка не рукавиця, мінять жінку не годиться; Куди голка, туди й нитка, куди чоловік, туди й жінка; Чоловік і жона – одна сатана; Чужий чоловік до часу, а свій до смерті; Живуть між собою, як риба з водою [9, с. 100].

Чоловіка і жінку, які живуть у злагоді та любові, символізують голуб і голубка: Живуть між собою, як голубів пара [там само]. За народними віруваннями, ворона – символ лиховісності; сімейство воронячих має диявольську природу: ворона чорна тому, що створена дияволом. Цього птаха символізує зажерливість («Та це ж вороняче горло»); пліткарство («Ой на мене люди брешуть та й прячуть ворони...»); невдячність («Годуй ворону, а вона тобі потім очі виклює») тощо [20, с. 116]: Хай чоловік, як ворона, а все ж жінці оборона [9, с. 100].

Досить традиційним вважається погляд на зазначену опозицію чоловік / жінка як на двочленне аксіологічне протиставлення свого та чужого, що особливо характерне для архаїчної повсякденної свідомості, для колективного несвідомого (чужий – це та людина, яка не належать до моєї родини) [21, с. 24–23]. Чоловіче начало беззастережно асоціювалося зі своїм світом, у той час як ставлення до жіночого начала було двояким, як і ставлення до роду, з якого брали дівчину для утворення нової родини. Молоду дружину прилучали до роду чоловіка через конкретні ритуали, і в результаті вона ставала своєю з поступовим звільненням від рис чужого [22, с. 78].

У проекції на статі як соціокультурну категорію опозиція чоловічого та жіночого пояснюється через опозиції свого / чужого, правого / лівого, хорошого / поганого і виявляється безпосередньо пов'язаною з відношенням належності з огляду на універсальні еталонні категорії маскуліності та фемініності [23, с. 24].

Таким чином, представлений аналіз дозволяє зробити наступні висновки: опозиція чоловіче / жіноче начало (або чоловік та жінка) є результатом свідомого сприйняття світу, що віддзеркалено у мовній картині світу, зокрема й у фразеологічному фонді української мови. Символами цих двох протилежностей у міфологічній свідомості предків були: вогонь і вода; небо і земля (дощ і земля); сонце і земля; голуб і голубка; риба й вода тощо. З точки зору діалектичної єдності, чоловіче й жіноче начало – нерозривна єдність як добро і зло і як найважливіша умова вічного життя.

Список використаних джерел

- 1 Селіванова, О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О. О. Селіванова. – К. ; Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.
- 2 Каракуця, О. М. Фразеологізми української мови з компонентом «душа»: (Структурно-семантичний, ідеографічний, лінгвокультурологічний аспекти) : автореф. дис.... канд. філол. наук / О. М. Каракуця. – Харків, 2002. – 19 с.
- 3 Авксентьев, Л. Г. Семантична структура фразеологічних одиниць сучасної української мови та особливості її формування / Л. Г. Авксентьев // Мовознавство. – 1987 – № 1. – С. 32–48.
- 4 Мельник, Л. В. Культурно-національна конотація українських фразеологізмів : автореф. дис.... канд. філол. наук / Л. В. Мельник. – Донецьк, 2001. – 18 с.
- 5 Тодор, О. Г. Порівняльні фраземи у психолінгвістичному сприйнятті / О. Г. Тодор // Мовознавство. – 1994. – № 2–3. – С. 64–69.
- 6 Майборода, О. А. Українська фразеологія як джерело народознавства : автореф. дис. ... канд. філол. наук / О. А. Майборода. – Харків, 2002. – 18 с.
- 7 Якименко, М. Міфологічність і проблема ключових слів японської мовної картини світу / М. Якименко, Ю. Мосенкіс // Мова та історія. – К., 2005. – Вип. 78/79. – С. 117–141.

8 Архангельска, А. М. Маскулінізоване вираження *nomina feminina* та фемінізоване вираження *nomina masculina* у слов'янських мовах: взаємодія "свого" та "чужого" / А. М. Архангельска // Мовознавство – 2007– № 1. – С. 23–37.

9 Прислів'я та приказки / упоряд., передм. М. Дмитренко. – К. : ред. часопису «Народознавство», 2000. – 248 с.

10 Элиаде, Мирча. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения / пер. с франц. – К. : София, М. : Гелиос, 2002. – 352 с.

11 Нечуй-Левицький, Иван. Світогляд українського народу. Ескіз української міфології. – 2-е вид. – К. : Обереги, 2003. – 144 с.

12 Українські символи / [М. Дмитренко, Л. Іваннікова, Г. Лозко, Я. Музиченко, О. Шалак] ; за редакцією М. Дмитренко. – К. : Ред. часопису «Народознавство», 1994. – 140 с.

13 Сто найвідоміших образів української міфології / В. Завадська [та ін.]. – К. : Орфей, 2002. – 448 с.

14 Таранець, В. Г. Про генетичну спорідненість назв Сонця і Місяця у мовах (на матеріалі слов'янських та германських мов) // Слов'янський збірник : зб. наук. пр. – Одеса : АстроПринт, 1999. – Вип. VI. – С. 67–72.

15 Войтович, В. М. Українська міфологія / В. М. Войтович ; передмова В. Шевчука. – Вид. 2-е, стер. – К. : Либідь, 2005. – 664 с. : іл.

16 Українська минувшина : Ілюстрований етнографічний довідник. – 2-е вид. / А. П. Пономарьов, Л. Ф. Артюх, Т. В. Косміна та ін. – К. : Либідь, 1994. – 256 с.

17 Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин ; пер. с нем. К. Д. Цивиной. – Москва : Наука, 1991. – 511 с.

18 Українські народні пісні в записах Зоріана Доленги-Ходаковського. – К. : Наукова думка, 1974. – 782 с.

19 Пропп, В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2006. – 176 с.

20 Жайворонок, В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.

21 Селіванова, О. О. Опозиція *свій – чужий* у етнос відомості / О. О. Селіванова // Мовознавство. – 2005. – № 1. – С. 26–34.

22 Попович, М. В. Мироззрение древних славян / М. В. Попович. – К., 1985. – 167 с.

23 Селіванова, О. О. Міфологемна мотивація номінативних одиниць (на матеріалі української мови) / О. О. Селіванова // Мовознавство. – 2006. – № 6. – С. 41–51.

УДК 37.091.3:811.162.1'373:398.92

A. Czerwińska-Trzaskoma

O NAUCZANIU FRAZEOLOGII POLSKIEJ W XXI WIEKU

Изучение фразеологии является важным элементом лексической компетенции, что на современном этапе никак нельзя игнорировать. Однако на сегодняшний день имеются только 3 учебника, предназначенные для изучения фразеологии польского языка. В XXI веке необходимо предлагать более привлекательные и современные методы изучения фразеологии. В статье представлена методика использования материалов, размещенных на электронных носителях и в специальной обучающей программе «Frazpol».

Glottodydaktyka to dziedzina nauki, która ma swoją stronę praktyczną i teoretyczną. Zajmuje się więc nie tylko nauczaniem języka, lecz także bada różne kwestie z nim związane [25, s. 99]. „Znawcy przedmiotu dzielą ją na ojczystojęzyczną i obcojęzyczną, glottodydaktykę języków pierwszych i drugich, czy też glottodydaktykę czystą i stosowaną. Dyscyplinie tej przypisywano też różny status” [11, s.157].

Nauczanie języka jako obcego zasadza się na nauce podsystemów językowych (wymowy i intonacji, pisowni, słownictwa oraz gramatyki) i opanowaniu czterech sprawności językowych (rozumienia ze słuchu, mówienia, czytania i pisanie). W niniejszym referacie chciałabym zwrócić uwagę na nauczanie słownictwa w procesie opanowywania języka jako obcego. Nauczyciel (a przede wszystkim uczeń) musi sobie uświadomić fakt, że „nieznajomość odpowiedniego słownictwa najczęściej uniemożliwia sformułowanie wypowiedzi – brak znajomości reguł gramatycznych przeważnie ją zakłóca lub zniekształca” [21, s.75]. W związku z tym zadaniem ucznia jest przyswojenie dwóch kompetencji – gramatycznej i leksykalnej. W *Europejskim systemie opisu kształcenia językowego* kompetencja leksykalna to część kompetencji lingwistycznej. Składa się na nią nie tylko znajomość słownictwa danego języka, lecz także umiejętność jego użycia. Kompetencja leksykalna zawiera w sobie zarówno elementy leksykalne jak i gramatyczne. Do tych pierwszych zalicza się „stałe zwroty złożone z kilku słów, używane i zapamiętywane jako całość” [21, s.78]. W tej definicji mieszczą się (interesujące ze względu na temat opracowania) idiomy, intensyfikatory, szablonowe zwroty i inne stałe związki wyrazowe.

Związki frazeologiczne (które są przedmiotem tego artykułu) to „utarte połączenia wyrazowe, które funkcjonują w języku jako gotowe całości” [10, s.71]. Ich cechą charakterystyczną jest to, że ich znaczenie nie wynika z sumy znaczeń ich składników. Ponadto bardzo często właściwe są dla nich „osobliwości” leksykalno-gramatyczne: skostniałe wyrazy lub formy wyrazowe, które występują tylko w danym związku frazeologicznym. Wszystko to sprawia, że „frazelogizm musi być zapamiętany w całości, nie wynika bowiem z reguł budowania połączeń wyrazowych pozwalających utworzyć nieskończony zbiór zdań i grup syntaktycznych” [8, s.315]. Cytat ten oznacza, że frazeologizmy odtwarzamy, a nie tworzymy. Jakiegokolwiek zmiany jego struktury „prowadzą do jego przekształcenia w luźną grupę składniową o innym znaczeniu lub w istotny sposób naruszają normę poprawnościową” [9, s.230].

Badacze są zgodni co do tego, że frazeologii należy uczyć. Jak argumentują, jest to ważna część leksyki, pełniąca funkcję „uzupełniania systemu nominatywnego języka i pomnażania zasobu synonimicznych środków leksykalnych” [13, s.17]. Bardzo często w związkach frazeologicznych utrwalone są „realia, obyczajowość, stosunki społeczne, światopogląd i system wartości narodu” [5, s.71]. Świca Frazeologizmy są używane zarówno w stylu oficjalnym, jak i potocznym. Ich pasywna i aktywna znajomość jest ważna w procesie udanej komunikacji, ponieważ często są one jej nieodłącznym elementem. Jak zauważają Barbara Guziuk-Świca i Alina Laskowska-Mańko, Polacy bardzo często wplatają frazeologizmy w swoje wypowiedzi, a (przecież) nasi studenci także chcą znać i rozumieć te wyrażenia oraz posługiwać się nimi. To wszystko sprawia, że bez znajomości frazeologizmów osiągnięcie kompetencji językowej przez obcokrajowca jest niemożliwe. Z kolei „poprawnie użyte przez cudzoziemca związki frazeologiczne świadczą o dużej kompetencji językowej, wzbudzają podziw i uznanie rodzimych użytkowników języka” [6, s.135].

Jednakże w literaturze można spotkać różne podejścia do nauczania frazeologii. W opisie *Standardów wymagań egzaminacyjnych* posługiwanie się popularnymi wyrażeniami idiomatycznymi jest wymagane od zdających na poziomie średnim ogólnym (B2). Natomiast autorzy *Programów nauczania języka polskiego jako obcego. Poziomy A1 – C2* proponują by od poziomu B1 wprowadzać związki frazeologiczne w bardzo niewielkim zakresie. W ich opinii kursanci powinni znać frazeologizmy „odwołujące się do zjawisk natury, świata roślin, zwierząt, życia człowieka, nazw części ciała, kolorów” [7, s.83]. Lektor, decydując się na wprowadzenie związków frazeologicznych, musi wziąć pod uwagę stopień skomplikowania tworzących je wyrazów. Podobnie uważają Anna Grzesiuk i Barbara Guziuk-Świca. Badaczki podkreślają, że „właściwa frazeologizmom nieregularność leksykalno-semantyczna ogranicza możliwość percepcji tych jednostek na wstępnym poziomie nauczania” [5, s.72]. W związku z tym najlepszym rozwiązaniem jest wprowadzanie frazeologii dopiero od poziomu średnio zaawansowanego. Obecnie w glottodydaktyce polonistycznej panuje tendencja, aby wprowadzać te zagadnienia od poziomu podstawowego. Jak proponuje Agnieszka Madeja, na tym etapie można zaprezentować proste związki frazeologiczne oparte na porównaniu. Należy to robić tak samo jak wprowadzane są

nowe słowa. O wyborze konkretnych frazeologizmów powinna decydować frekwencja [10, s.76].

Z potrzeby i zasadności nauczania frazeologii zdawali sobie sprawę także autorzy podręczników. Zagadnienia te są obecne w niektórych podręcznikach kursowych, np.: *Polski krok po kroku. Poziom 1, Z polskim w świat, Polski mniej obcy. Podręcznik do nauki języka polskiego dla średnio zaawansowanych, Kiedyś wrócisz tu... Podręcznik do nauki języka polskiego dla średnio zaawansowanych czy Człowiek i jego świat w słowach i tekstach. Wybór tekstów języka polskiego dla cudzoziemców na poziomie zaawansowanym*. Dotychczas ukazały się również 3 pozycje w całości przeznaczone do nauczania frazeologii. Są to książki: *Frazeologia polska: ćwiczenia dla cudzoziemców* Danuty Butler (Butler 1980), *Nie taki diabeł straszny. Podręcznik frazeologii polskiej dla obcokrajowców* Elżbiety Rybickiej (Rybicka 1994), oraz *Co raz wejdzie do głowy – już z niej nie wyleci, czyli frazeologia prosta i przyjemna* Anny Pięcińskiej (Pięcińska 2006). Z drugiej strony żyjemy w XXI wieku – w czasach wszechobecnej (także w edukacji) technologii. Nasi studenci już nie wyobrażają sobie życia bez Internetu, tabletu czy smartfona. Jak w 1997 roku pisał Robert Dębski, „współczesna technika komputerowa wspomaga nauczanie języków obcych, przyczynia się do budowy językowo wzbogaconego środowiska dydaktycznego, którego użytkownicy mogą przyswajać sobie język obcy w sposób bardziej naturalny” [1, s. 42]. Dlatego my, nauczyciele, także powinniśmy iść z duchem czasu i na naszych lekcjach korzystać z bardziej współczesnych narzędzi. Są one mniej tradycyjne, ale na pewno bardziej atrakcyjne dla naszych kursantów.

Jednym z takich narzędzi może być płyta z zadaniami dołączona do podręcznika Anny Pięcińskiej *Co raz wejdzie do głowy – już z niej nie wyleci, czyli frazeologia prosta i przyjemna*. Jak pisze autorka, „ćwiczenia (...) mają dwojaki charakter: część z nich przeznaczona jest do samodzielnego wykonywania przez uczniów – są to głównie zadania pozwalające utrwalić poznany wcześniej materiał; pozostałe ćwiczenia powinny być wykonywane pod kierunkiem nauczyciela, gdyż dotyczą one fazy wstępnej, czyli wprowadzania nowego materiału” [17, s.8]. W związku z tym ćwiczenia na płycie podzielono na kilka kategorii: *Baw się i ucz, Dopasuj, Uzupełnij, Wysłuchaj, Przeanalizuj/ Porównaj*. Z płyty można korzystać zarówno na komputerze, jaki i w magnetofonie. Autorka umieściła tu zadania do wszystkich rozdziałów książki, jednak dominują te na rozumienie tekstu słuchanego. Ich plusem jest to, że autorka proponuje różne typy tego rodzaju zadań: prawda-falsz, odpowiedzi na pytania, wpisywanie brakującego elementu związku lub całego frazeologizmu czy dopasowywanie związku do kontekstu. Dopełnieniem tych ćwiczeń są krzyżówki, zadanie na dopasowywanie czy wymagające pracy ze słownikiem. Mogą być one świetną powtórką frazeologizmów poznanych na lekcji lub interesującą i nietypową formą prezentacji nowych związków.

Drugim narzędziem jest program Frazpol. Ten program komputerowy powstał w 2000 roku w Szkole Języka i Kultury Polskiej Uniwersytetu Śląskiego. Jego pierwszą wersję stworzyli Jolanta Tambor i Romuald Cudak. Przy obecnej (2009) pracował zespół pod kierownictwem Agnieszki Madei w składzie: Jolanta Tambor, Małgorzata Smereczniak, Jagna Malejka oraz Brigitte Schniggenfittig ze Studium Berufslinguistik im Interkulturellen Kontext am Seminar für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft am Orientalischen Institut der Martin-Luther-Universität Halle. Nowa wersja jest nowocześniejsza, atrakcyjna merytorycznie i graficznie oraz bardziej multimedialna. Zawiera także więcej ćwiczeń i frazeologizmów w słownikach. Można się z nią bezpłatnie zapoznać na stronie sjkp.us.edu.pl/frazpol. Z informacji tam umieszczonych wynika, że z programu mogą korzystać studenci na poziomie od A do C2. Program składa się z trzech elementów: *Ćwiczenia, Test i Zabawa*. Dzięki temu może być wykorzystywany do zabaw językiem polskim oraz nauki i testowania znajomości frazeologii języka polskiego. Projekt został dofinansowany ze środków Fundacji Współpracy Polsko-Niemieckiej. Zapewne z tego względu wszystkie polecenia są napisane po polsku i po niemiecku.

W części ćwiczeniowej do wyboru jest pięć typów ćwiczeń: wybierz znaczenie, wybierz składnik, wstaw składnik, wstaw formę, użyj w kontekście. W pierwszym typie zadań student musi wybrać poprawne znaczenie związku. Ma zawsze podane dwie odpowiedzi – dobrą i złą.

W zadaniach typu wybierz składnik należy dopasować brakujący wyraz. Tu także student musi zdecydować, które z dwóch podanych słów jest prawidłowe. Trzeci typ ćwiczenia to zadania polegające na wstawieniu składnika. W tego typu ćwiczeniach (i następnych) studenci muszą już sami, bez podpowiedzi, wpisać brakujące słowo. W kolejnym typie ćwiczeń (wstaw formę) należy wpisać poprawną formę wyrazu z nawiasu, który wraz z podanym już słowem, stworzy istniejący w polszczyźnie związek frazeologiczny. Ostatni rodzaj ćwiczeń sprawdza nie tylko znajomość frazeologizmu, lecz także umiejętność użycia go w kontekście. Studenci muszą najpierw zdecydować jaki związek frazeologiczny pasuje do danego zdania, a następnie wpisać brakujący element.

W części testowej typy zadań są podobne do tych w części ćwiczeniowej. W części wybierz znaczenie student ma do dyspozycji 3 zestawy testów. W każdym z nich jest po 10 związków frazeologicznych. Na końcu program podaje, na które pytania student odpowiedział źle. Może on także na bieżąco sprawdzać poprawność swoich odpowiedzi. Na podobnej zasadzie jest testowana znajomość frazeologizmów w pozostałych typach ćwiczeń. Ostatni komponent programu to zabawa. W tej części programu autorzy umieścili rebusy, krzyżówki i rozsypanki.

Uzupełnieniem programu są trzy rodzaje słownika frazeologicznego. W alfabetycznym można wyszukać wszystkie frazeologizmy, idiomy i powiedzenia według pierwszej litery hasła. Gniazdowy daje możliwość wyszukania frazeologizmu po wpisaniu formy podstawowej jakiegokolwiek wyrazu występującego w szukanym frazeologizmie. W tych dwóch rodzajach słownika jest możliwość przetłumaczenia polskiego frazeologizmu na niemiecki lub poznania niemieckiego odpowiednika. W przyszłości twórcy programu planują zrobić to samo z językiem angielskim. Z kolei słownik znaczeniowy wyszukuje frazeologizmy według ogólnych znaczeń i sensów. Jak zaznaczają autorzy programu, definicje związków frazeologicznych zostały dostosowane do odbiorców i powinny być zrozumiałe dla studentów na różnych poziomach znajomości języka.

Badacze zwracają uwagę na kilka zasad nauczania frazeologii. Po pierwsze w wielu artykułach akcentowane jest to, aby uczulić kursantów na „fakt występowania związków frazeologicznych o tym samym znaczeniu, ale odmiennym nacechowaniu emocjonalnym” [10, s.77]. Oznacza to, że nie wszystkie frazeologizmy mogą być użyte w stylu oficjalnym. Pomocne są tu teksty Anny Pięcińskiej, które pokazują m.in. bogactwo związków frazeologicznych w stylu nieoficjalnym (rozmowa dwóch koleżanek). Niestety tego typu informacji brakuje w słownikach dołączonych do Frazpolu. Pożądane jest także, aby wprowadzać związki w sposób zaplanowany i uporządkowany. Powinny być one jakoś związane z tematem lekcji. Taki sposób prezentacji materiału przyświecał Annie Pięcińskiej. Ważne są również ćwiczenia polegające na parafrazowaniu frazeologizmu, uzupełnianiu jego składu czy użyciu go w odpowiedniej sytuacji. Tego rodzaju zadania znajdujemy w obu narzędziach, przy czym ćwiczenia programu Frazpol, poprzez stopniowanie trudności, mogą być bardziej przydatne dla Słowian lub ambitnych studentów z Zachodu. W mojej opinii oba narzędzia stoją na wysokim poziomie, są przygotowane w przemyślany sposób. Z pewnością będą urozmaiceniem tradycyjnych zajęć z polskiej frazeologii.

Wykaz źródeł wykorzystywanych

1 Dębski, R. Sieci komputerowe i multimedia jako narzędzia wspomagające komunikację, współpracę i twórczość językową w uczeniu języków obcych / R. Dębski // Nauczanie języka polskiego jako obcego, W.T. Miodunka (red.). – 1997. – S. 39–52.

2 Dilna, J. Frazeologia polskich młodzieżowych tekstów literackich w nauczaniu Ukraińców / J. Dilna // Acta Universitatis Lodziensis. Kształcenie Polonistyczne cudzoziemców. – 2010. – 17. – S. 439–445.

3 Europejski system opisu kształcenia językowego.

4 Giel, K. Nauczanie frazeologizmów zoonimicznych na podstawowym poziomie nauki języka chorwackiego jako obcego / K. Giel // Životnije u frazeološkom ruhu, I. Bolt (red.). Publikacja dostępna pod adresem: www.animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Giel%20za%20WEB.pdf [dostęp: 7.11.2016].

- 5 Grzesiuk, A. Kulturowe i stylistyczne aspekty nauczania cudzoziemców frazeologii języka polskiego / A. Grzesiuk, B. Guziuk-Świca // *Acta Universitatis Lodziensis. Kształcenie Polonistyczne cudzoziemców*. – 1998. – 10. – S. 71–79.
- 6 Guziuk-Świca, B. Frazeologia języka polskiego w nauczaniu Polaków ze Wschodu / B. Guziuk-Świca, A. Laskowska-Mańko // *Kształcenie sprawności komunikacyjnej Polaków ze Wschodu*, J. Mazur (red.). – 1995. – S. 125–136.
- 7 Janowska, I. Programy nauczania języka polskiego jako obcego / I. Janowska. – Poziomy A 1 – C 2. – Warszawa, 2015.
- 8 Lewicki, A.M. Frazeologia / A. M. Lewicki, A. Pajdzińska // *Współczesny język polski*, J. Bartmiński (red.). – S. 315–333.
- 9 Maciołek, M., Edukacja frazeologiczna cudzoziemców wspomaganą komputerowo / M. Maciołek // *Podscriptum polonistyczne*. – 2010. – 1. – S. 229–236.
- 10 Madeja, A. Co należy wiedzieć, chcąc uczyć cudzoziemców frazeologii? / A. Madeja // *Sztuka czy rzemiosło? Nauczyć polski i polskiego* / A. Achteлик, J. Tambor (red.). – 2007. – S. 71–78.
- 11 Mazur, J. Glottodydaktyka polonistyczna w UMCS i jej perspektywy / J. Mazur // *Słowa, Style, Metody* / H. Pelcowa, M. Wojtak (red.). – 2012. – S. 157–163.
- 12 Nowakowska, A. Rola frazeologii w nauczaniu cudzoziemców języka polskiego / A. Nowakowska w: *Wrocławska dyskusja o języku polskim jako obcym* / A. Dąbrowska (red.). – 2004. – S. 295–298.
- 13 Pajdzińska, A. Frazeologizmy jako tworzywo współczesnej poezji / A. Pajdzińska. – 1993.
- 14 Pałka, P. Związki frazeologiczne w perspektywie glottodydaktycznej / P. Pałka // *Wrocławska dyskusja o języku polskim jako obcym* / A. Dąbrowska (red.). – Wrocław, 2014. – S. 299–305.
- 15 Pančiková, M. Metody, techniki i technologie tradycyjne w porównaniu z ich wersjami najnowszymi / M. Pančiková // *Inne optyki* / R. Cudak, J. Tambor (red.). – 2001. – S. 54–60.
- 16 Papież, A. Frazeologia w nauczaniu języka polskiego jako obcego / A. Papież // *Nowa generacja w glottodydaktyce polonistycznej* / W. T. Miodunka (red.). – 2009. – S. 185–224.
- 17 Pięcińska, A. Co raz wejście do głowy – już z niej nie wyleci, czyli frazeologia prosta i przyjemna / A. Pięcińska. – 2006.
- 18 Rabczuk, A. Rozwijanie kompetencji semantycznej i leksykalnej za pomocą narzędzi dostępnych w Internecie / A. Rabczuk, K. Kuś // *Glottodydaktyka wobec wielokulturowości* / E. Kaczmarska, A. Zieniewicz (red.). – 2014. – S. 39–50.
- 19 Rogalska, K. Rola współczesnych technologii mobilnych z dostępem do Internetu w kontekście zajęć dydaktycznych / K. Rogalska, M. Pokornowski // *Glottodydaktyka wobec wielokulturowości* / E. Kaczmarska, A. Zieniewicz (red.). – 2014. – S. 27–37.
- 20 Sekiguchi, T. Rewolucja technologii informacyjnej w kontekście studiów polonistycznych w Japonii / T. Sekiguchi // *Inne optyki* / R. Cudak, J. Tambor (red.). – 2001. – S. 61–68.
- 21 Seretny, A. ABC metodyki nauczania języka polskiego jako obcego / A. Seretny, E. Lipińska. – 2005.
- 22 Standardy wymagań egzaminacyjnych. – 2003.
- 23 Stryjecka, A. Zajęcia z frazeologii – fakty i życzenia / A. Stryjecka // *Acta Universitatis Lodziensis. Kształcenie Polonistyczne cudzoziemców*. – 1998. – 10. – S. 115–120.
- 24 Szafraniec, K. Nauczanie frazeologizmów w metodzie komunikacyjnej / K. Szafraniec // *Acta Universitatis Lodziensis. Kształcenie Polonistyczne cudzoziemców*. – 2013. – 20. – S. 103–110.
- 25 Źarski, W. Przegląd ważniejszych teorii stosowanych w glottodydaktyce / W. Źarski, K. Wróblewski // *Problemy kształcenia Polaków ze wschodu*, J. Mazur (red.). – Lublin, 1992. – S. 99–110.

Содержание

<i>Акимова Э. Н., Акимов В. Л.</i> Фразеологический словарь русских говоров мордовии (электронная версия)	
<i>Безкорвайная Г. Т.</i> Фразеологические единицы в повести С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и особенности их перевода на английский язык	
<i>Белая А. С.</i> Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с компонентами-онимами в восточнославянских языках	
<i>Бережняк В. М.</i> Семантико-этимологічні спостереження над українськими фразеологізмами з пасивним компонентом	
<i>Бойкова С. Н.</i> Русские и белорусские поговорки с терминами некровного родства	
<i>Валодзіна Т. В.</i> Славянскія касмаганічныя легенды і фразеалогія: уплывы ці супадзенні	
<i>Венжиневич Н. Ф., Луканинец Р. В.</i> Фраземи-евфемізмы античнаго походження на позначення панятта смерці: лінгвокультуролагічны аспект	
<i>Воробьева Л. Б.</i> Устойчивые сравнения с компонентом-названием профессии (на материале русского и литовского языков).....	
<i>Гомонова И. Г.</i> Устойчивые словесные комплексы с деепричастиями в роли вводных единиц (на материале Национального корпуса русского языка)	
<i>Гримашевич Г. І.</i> Прислівнікі як структурны і рэпрэзэнтант адвербіяльнай семантыкі сярэдняполіскіх фразеалагізмаў.....	
<i>Даніловіч М. А.</i> Кампаратывізацыя слова як спосаб утварэння фразеалагізмаў.....	
<i>Денисюк В. В.</i> Вульгарная фразеалогія, или называем вещи своими именами.....	
<i>Евтухова И. Г.</i> Функционирование колоративов в составе устойчивых словосочетаний с компонентами-фитонимами в русских и белорусских заговорах	
<i>Жадейко Ж. Ф.</i> Русские фразеологизмы с названиями знаков препинания: этнокультурный и лингводидактический аспекты	
<i>Іваноў Я. Я.</i> Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксте (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання)	
<i>Иванчикова Ю. С.</i> История глагольно-именных сочетаний с компонентом <i>иметь</i> в русском языке	
<i>Илюхина Н. А.</i> О когнитивном аспекте осмысления фразеологической семантики	
<i>Коваль В. И.</i> Фразеологизм <i>забросить чепец через мельницу</i> : к истокам образности ...	
<i>Кошевец С. Ф.</i> «Демилитаризация» военной терминологической лексики как один из способов формирования фразеологических оборотов	
<i>Кулік Л. У.</i> Беларускія і англійскія фразеалагізмы з кампанентамі <i>кроў / blood, сляза / tear, пот / sweat</i> (лінгвакультуралагічны аспект)	
<i>Кураш С. Б., Струков В. В., Бобрик В. А.</i> «Людзі на балоце»: фразеалагізацыя бібліоніма ў камунікатывным прастранстве беларускага і рускага языков (по материалам интернет-источников)	
<i>Лапацін Г. І.</i> «Маля, пакуль у начоўкі ўваля...» (уяўленні пра пазашлюбныя сувязі ў кантэксте дыялектнай парэміялогіі)	
<i>Леўчанка Н. А.</i> Анамастычная фразеалогія ў фальклорным зборніку А. Зайкі «Прыказкі і прымаўкі ... з Косаўшчыны»	
<i>Литвинникова О. И.</i> Устойчивые сравнения-уподобления в русской диалектной речи	
<i>Лобан Т. В.</i> «Houston, we have a problem»: фразеалагізацыя вядомага калькіравання і яго кантэкстны ааналіз (на матэрыяле інтэрнэт-істочнікаў)	
<i>Ляшчынская В. А.</i> Асаблівасці ўжывання фразеалагізмаў у мове навукі	

<i>Манько К. А.</i>	Ацэначны аспект фразеалагізмаў з агульным значэннем ‘многа’
<i>Маслова В. А.</i>	Міроўстройство по материалам русской фразеологии.....
<i>Мельникова О. Н.</i>	Фразеологизмы с исходным значением ‘препятствовать движению’ в восточнославянских языках
<i>Никитевич А. В.</i>	Фразеология и внутренняя форма производного слова
<i>Ничипорчик Е. В.</i>	Использование компьютерных технологий в исследовании национальных паремioфондов
<i>Осипова Т. А.</i>	Паремии в романе А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»
<i>Падабедава С. В.</i>	Эквівалентнасць беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў (на матэрыяле аповесці У. Караткевіча «Дзікае паляванне караля Стаха»)
<i>Петрушэўская Ю. А.</i>	Аб дыферэнцыяцыі парэміялагічнага фонду беларускай мовы ў сувязі з вызначэннем яго ўніверсальнага і нацыянальнага кампанентаў
<i>Савченко Л. В.</i>	Фразеология как объект этнолингвистических исследований в системе кодов культуры
<i>Сахарова Р. Ф.</i>	Эматыўная фразеалогія як скарбніца культурнай інфармацыі
<i>Сергей В. Н.</i>	Интерпретация некоторых белорусских и русских фразеологизмов в немецком языке
<i>Серикова И. В., Мухадов Б. Р.</i>	К вопросу о морфологии волшебной сказки (на примере цикла туркменских сказок об ярты-гулоке)
<i>Сивилова Я. Л.</i>	Исходна семантика на фразеологизма <i>когато вьрбата роди грозде / круши</i>
<i>Сидорович И. С.</i>	Фразеологизм <i>собаку съест</i> : внутренняя форма и компонентный состав
<i>Станкевич А. А.</i>	Тэкстаўтваральная роля параўнанняў у прыказках і прымаўках.....
<i>Суколен А. Г.</i>	Семантика слова-компонента <i>собака</i> во фразеологизмах русского и китайского языков
<i>Трофимович Т. Г.</i>	К осознанию роли фразеологии в деловой восточнославянской коммуникации позднего средневековья.....
<i>Хазанова К. Л.</i>	Аб беларускіх загадках са структурай эліптычнага сказа ва ўсходне-славянскім кантэксте.....
<i>Холякко Е. И.</i>	<i>Хоть и не хорошо, да ладно</i> : к семантической реконструкции русского лада.....
<i>Целепнёва А. А.</i>	Выклічкавыя фразеалагізмы ў мове раманаў “Снежныя зімы” і “Атланты і карыятады” І. П. Шамякіна
<i>Шестернёва А. Н.</i>	Сравнительная типология фразеологических единиц русского, английского и французского языков
<i>Шур В. В.</i>	Фразеалагізацыя і метафарызацыя загалюўкаў у творах мастацкай літаратуры
<i>Яковлева О. В.</i>	Сымволіка чоловіка і жінкі у народных віруваннях (на матэрыялі украінскіх фразеологізмаў)
<i>Czerwińska-Trzaskoma A.</i>	O nauczaniu frazeologii polskiej w XXI wieku

Научное издание

Славянская фразеология в синхронии и диахронии

Сборник научных статей

Выпуск 3

В авторской редакции

Подписано в печать .11.2016. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. .
Уч.-изд. л. . Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

